РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 3.

МАРТЪ 1892 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 марта 1892 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Объ отмѣнѣ 2% вычетовъ въ суммы Ученаго Комитета со сборовъ за ученіе и платы за воспитанниковъ въ пансіонахъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Циркулярными предложеніями Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 28-го августа и 14-го декабря 1885 г., №№ 13.147 и 18.781, было сдѣлано распоряженіе о привлеченіи къ 2% вычетамъ въ суммы Ученаго Комитета сборовъ за ученіе и платы за воспитанниковъ въ пансіонахъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, содержащихся на мѣстныя средства, а также на средства частныхъ лицъ и церковныхъ суммъ.

Нынѣ Правительствующій Сенатъ, указомъ отъ 8-го февраля сего года, за № 1.491, разъяснилъ, что сборы за ученіе и содержаніе воспитанниковъ въ пансіонахъ упомянутыхъ учебныхъ заведеній не подлежатъ вычетамъ въ суммы Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ силу сего указа Правительствующаго Сената распоряженія Министерства, за №№ 13.147 и 18.781, отмѣняются.

Сообщая о вышеизложенномъ, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 21-го декабря 1891 г., за № 21.461, проситъ меня сдѣлать по сему предмету надлежащее распоряженіе по ввѣренному мнѣ учебному округу.

О семъ сообщается для свѣдѣнія и руководства. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу, 1892 г. № 2).

Объ избраніи попечителей и попечительницъ при начальныхъ народныхъ училищахъ, существующихъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 25-го мая 1874 г. положенія.

Постановленіемъ одной думы было опредѣлено, между прочимъ, упразднить должности попечителей и попечительницъ при мѣстныхъ начальныхъ

*

народныхъ училищахъ, устроенныхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго, 25-го мая 1874 г., положенія.

Правительствующій Сенатъ, по обсужденіи онаго, нашелъ, «что хотя въ ст. 13 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, Высочайше утвержденнаго 25-го мая 1874 г., и сказано, что городскимъ обществамъ, учреждающимъ и содержащимъ начальныя народныя училища, предоставляется для ближайшаго завѣдыванія этими училищами избирать особыхъ попечителей и попечительницъ, однако подобное выраженіе закона вовсе не означаетъ, что избраніе попечителей и попечительницъ начальныхъ народныхъ училищъ поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія подлежащихъ городскихъ обществъ, ибо слово «предоставляется» въ законоположеніяхъ и узаконеніяхъ разнаго рода весьма часто употребляется въ смыслѣ наложенія обязанности на то или другое учрежденіе, установленіе или должностное лицо, исполненіе же обязанности, опредѣленной закономъ, не можетъ зависѣть отъ чьего бы то ни было усмотрѣнія. Что избраніе попечителей и попечительницъ начальныхъ народныхъ училищъ составляетъ обязанность обществъ, учреждающихъ и содержащихъ училища, а не право ихъ, отъ пользованія коимъ они могутъ отказаться,— усматривается изъ самаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го мая 1874 г., по которому завѣдываніе начальными народными училищами, въ томъ числѣ и тѣми, кои учреждаются и содержатся городами, возлагается: по губерніямъ—на губернскіе и училищные совѣты, губернскихъ предводителей дворянства и директоровъ народныхъ училищъ; по уѣздамъ — на уѣздные училищные совѣты, уѣздныхъ предводителей дворянства и инспекторовъ народныхъ училищъ; ближайшее-же завѣдываніе училищами, т.-е. завѣдываніе на мѣстѣ каждымъ училищемъ въ отдѣльности, возлагается на попечителей и попечительницъ, избраніе коихъ предоставляется обществамъ, учреждающимъ и содержащимъ училища, а утвержденіе сихъ лицъ въ должности и увольненіе отъ оныхъ зависитъ отъ училищныхъ совѣтовъ. Такимъ образомъ въ установленномъ по положенію 25-го мая 1874 г. порядкѣ завѣдыванія училищами, учрежденіе званія попечителей и попечительницъ оныхъ является одною изъ инстанцій такого завѣдыванія, именно низшею мѣстною распорядительною властію по училищамъ, изъ чего слѣдуетъ, что существованіе ея должно быть постояннымъ и потому обязательнымъ наравнѣ съ высшими инстанціями въ указанномъ порядкѣ завѣдыванія училищами».

Усматривая изъ представляемыхъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія управленіями учебныхъ округовъ отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ по обозрѣнію ими низшихъ учебныхъ заведеній, что при весьма многихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, устроенныхъ по положенію 25-го мая 1874 г., не имѣется требуемыхъ симъ закономъ попечителей и попечительницъ, и что послѣдствіемъ такого неисполненія закона бываютъ разныя упущенія по училищамъ или недоразумѣнія въ сношеніяхъ училищныхъ властей съ мѣстными общественными управленіями по училищнымъ дѣламъ, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія считаетъ нужнымъ просить меня предложить губернскимъ училищнымъ совѣтамъ ввѣреннаго мнѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа: 1) принять зависящія отъ нихъ мѣры къ назначенію попечителей и по-

печительницъ для завѣдыванія тѣми училищами, при коихъ не имѣется такихъ должностныхъ лицъ; 2) въ случаяхъ уклоненія подлежащихъ обществъ или учрежденій отъ избранія и представленія кандидатовъ и кандидатокъ на упомянутыя должности при тѣхъ или другихъ училищахъ, завѣдываніе сими училищами поручать благонадежнымъ лицамъ по непосредственному избранію губернскихъ совѣтовъ впредь до опредѣленія къ тѣмъ училищамъ попечителей или попечительницъ въ установленномъ порядкѣ и 3) о такихъ случаяхъ сообщать въ управленіе округа, для донесенія министерству на предметъ сношенія съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ о побужденіи уклоняющихся общественныхъ учрежденій къ исполненію закона.

По содержанію настоящаго предложенія статсъ-секретарь графъ И. Д. Деляновъ отнесся къ г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ просьбою о соотвѣтственныхъ съ его стороны распоряженіяхъ для предложенія о вышеизложенномъ къ исполненію земскимъ учрежденіямъ, городскимъ и посадскимъ думамъ, волостнымъ и сельскимъ обществамъ.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу (ib.).

По вопросу о томъ, на какіе предметы нужно обращать вниманіе при распредѣленіи учениковъ гимназій и прогимназій на разряды по ихъ успѣхамъ въ наукахъ, поведенію и прилежанію.

Въ отношеніи отъ 13-го декабря 1891 г., за № 11.069, я просилъ разъясненія Департамента Народнаго Просвѣщенія по вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли при распредѣленіи учениковъ гимназій и прогимназій на разряды по ихъ успѣхамъ въ наукахъ, прилежанію и поведенію обращать вниманіе только на *древніе языки* и *математику*, согласно § 30-го правилъ объ испытаніяхъ 1872 г. и п. 7-му объяснительной записки къ правиламъ для учениковъ гимназій и прогимназій (изд. 1874 г.), или же и на *Законъ Божій* и *русскій языкъ*, какъ причисленные къ основнымъ предметамъ новыми правилами объ испытаніяхъ 12-го марта 1891 г.

Вслѣдствіе сего Департаментъ Народнаго Просвѣщенія въ отношеніи отъ 7-го января сего года, за № 411, изъяснилъ, что такъ какъ при изданіи означенной объяснительной записки дѣйствовали правила объ испытаніяхъ 1872 г., то и при распредѣленіи учениковъ на разряды по успѣхамъ въ запискѣ этой было положено въ основаніе дѣленіе предметовъ на главные (древніе языки и математика) и второстепенные (остальные предметы) и, соотвѣтственно сему, первымъ изъ нихъ придано было болѣе важное значеніе; нынѣ-же, когда, съ изданіемъ новыхъ правилъ объ испытаніяхъ, Законъ Божій и русскій языкъ при оцѣнкѣ знаній учениковъ уравнены по своему значенію съ древними языками и математикою, было-бы непослѣдовательно не придавать этимъ двумъ предметамъ, при распредѣленіи учениковъ на разряды, одинаковаго значенія съ древними языками и математикой, ибо прежняя постановка дѣла можетъ дать поводъ не только учащимся и ихъ родителямъ, но даже учебному персоналу полагать, что Законъ Божій и русскій языкъ, хотя и состоятъ

въ числѣ основныхъ предметовъ, но требованія по нимъ могутъ быть болѣе снисходительными, чѣмъ по прежнимъ «главнымъ». Въ виду сего, при распредѣленіи учениковъ на разряды, слѣдуетъ придавать отмѣткамъ по Закону Божію и русскому языку такое же значеніе, какое объяснительной запиской 1874 г. придается древнимъ языкамъ и математикѣ.

О семъ для свѣдѣнія и руководства сообщается по округу (ib.).

Опредѣленія Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «*Гомеръ*, Иліада. Пѣснь III. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 22 рисунками и географической картою. Объяснилъ *Степанъ Цыбульскій*, преподаватель Императорской Николаевской гимназіи. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. Царское Село. 1891, стр. 84. Цѣна 50 коп.»— рекомендовать какъ учебное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Petit Manuel de littérature française depuis ses origines jusqu'à nos jours. A l'usage des classes supérieures de l'école St.-Pierre et de l'école reformée. Par *A. Bonjour*. Deuxième edition revue et augmentée. (Краткій учебникъ французской литературы отъ ея начала до нашего времени, для употребленія въ высшихъ классахъ училищъ при церквахъ св. Петра и реформатской, состав. *А. Бонжуръ*. 2-е изданіе, просмотрѣнное и увеличенное). Спб. 1891. Цѣна 35 коп.» — одобрено какъ учебное пособіе для употребленія въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ этотъ предметъ преподается.

— Книгу: «Napoléon à St.-Helène par *Tiers*. Извлеченіе изъ его сочиненія Histoire du Consulat et de l'Empire, съ примѣчаніями историческими и грамматическими, издалъ *А. Алексѣевъ*, преподаватель Царицынской Александровской гимназіи. Выпускъ 5-й. Спб. 1891. Цѣна 40 коп.»—допустить для употребленія въ гимназіяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по французскому языку.

— Книгу: «Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Составили *В. Арбузовъ*, *А. Мининъ*, *В. Мининъ*, *Д. Назаровъ*. Изд. 5-е. Москва. 1891, стр. 233. Цѣна 50 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи ариѳметики въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, а также въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

— Книгу: «Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣненіями. Составилъ *М. А. Страховъ*. 306 чертежей въ текстѣ. 2-е, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1891. Стр. 148. Цѣна 70 коп.»—одобрить какъ весьма полезное учебное пособіе для ремесленныхъ и низшихъ техническихъ школъ, а также для городскихъ училищъ и двухклассныхъ сельскихъ школъ.

---

*) Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г., февраль.

— Брошюру профессора Императорскаго Казанскаго университета *И. М. Догеля:* «Предѣлъ человѣческой жизни... Казань. 1891. Стр. 46. Цѣна 30 коп.»—допустить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Настольная книга для народа. Въ четырехъ отдѣлахъ. Отдѣлъ I—Календарь православной церкви. Отдѣлъ II — Исторія всемірная и русская. Отдѣлъ III—Географія всеобщая и русская. Отдѣлъ IV—Міръ Божій. Спб. 1891. Стр. VII+204+150+V+257+91. Цѣна 1 р. 50 коп.» — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (для всѣхъ возрастовъ) библіотекъ гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, и для городскихъ и уѣздныхъ училищъ, а также и для раздачи въ награду ученикамъ учительскихъ семинарій.

— Книгу: «Элементарный курсъ теоріи словесности. *В. А. Яковлева.* Спб. 1892. Стр. 92. Цѣна 50 коп.» — допустить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ при разборѣ литературныхъ образцовъ.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія (ib)..

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книги: 1) «Азбука, составленная коммиссіею учителей Екатеринбургскаго уѣзда. Изд. 3-е. Екатеринбургъ. 1891. Цѣна 8 коп.» 2) «Нѣсколько объяснительныхъ словъ къ Азбукѣ, составленной коммиссіей учителей Екатеринбургскаго уѣзда. М. 1884» — допустить первую къ употребленію въ народныхъ училищахъ, а вторую—въ учительскія библіотеки.

— Книгу: «Сборникъ устныхъ и письменныхъ ариѳметическихъ задачъ. Составилъ учитель *П. Боголѣповъ.* М. 1891. Въ 8 д. л., 172 стр. Цѣна 40 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: «1001 задача для умственнаго счета. Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Составилъ *С. Рачинскій.* М. 1892. Въ д. л., 78 стр. Цѣна 30 коп. — допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ, какъ пособіе для 3-го года обученія, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были устранены указанные Ученымъ комитетомъ недостатки.

— Книгу: «Аленькой цвѣточекъ. Сказка *Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова.* Изданіе 3-е, Спб. Комитета грамотности. Спб. 1891. Въ 12 д. л., 43 стр. Цѣна 5 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

ЯНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ.

Янъ Амосъ Коменскій, великій славянскій мыслитель-педагогъ, принадлежитъ къ геніальнѣйшимъ представителямъ педагогическаго міра. Чехъ по происхожденію, горячій патріотъ, страдалецъ и странникъ на землѣ, онъ посвятилъ всю жизнь свою благу человѣчества, которое онъ видѣлъ въ разумномъ воспитаніи молодыхъ поколѣній. «Амосъ Коменскій,—говоритъ г. Миропольскій *),—есть *истинный родоначальникъ и основатель современной педагогической науки*, составляющей славу и гордость нашихъ дней. Славянская мысль въ лицѣ Коменскаго то-же сдѣлала для педагогіи, что въ лицѣ Коперника (также славянина) она совершила для астрономіи».

Такой взглядъ не преувеличенъ и раздѣляется даже нѣмецкими учеными педагогами, которые имѣютъ среди дѣятелей этой науки такія имена, какъ Франке, Базедовъ и Песталоцци. А между тѣмъ прошло 300 лѣтъ со дня рожденія великаго человѣка и только въ послѣднее время его дидактическіе принципы стали все болѣе и болѣе находить примѣненіе въ области воспитанія и обученія. Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью напомнить читателямъ біографію великаго педагога и уяснить въ краткихъ чертахъ его педагогическое значеніе.

Янъ Амосъ Коменскій родился 28-го марта (по н. ст.) 1592 г., въ мѣстечкѣ Нивницы, въ Моравіи. Фамилію свою Коменскій, или (по тогдашнему обычаю латинизировать имена) Коменіусъ, получилъ отъ города Комны, откуда отецъ его былъ родомъ. Отецъ Коменскаго, по профессіи мельникъ, принадлежалъ къ общинѣ моравскихъ братьевъ, главнымъ мѣстопребываніемъ которыхъ въ томъ округѣ былъ городъ Комны.

Воспитаніе Коменскаго, осиротѣвшаго въ раннемъ дѣтствѣ, было очень запущено,—лишь на 16-мъ году отъ роду удалось ему посту-

---

*) Миропольскій, Янъ Амосъ Коменскій и его значеніе въ педагогіи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1871 г., май, стр. 2.

пить въ латинскую школу. Благодаря усердію и сознательному отношенію къ ученью, онъ скоро догналъ и опередилъ товарищей, такъ что въ 1612 году мы видимъ его уже въ университетѣ (тогдашней «ученой школѣ») въ Герборнѣ, въ Нассау, гдѣ онъ готовится къ священническому сану. На дальнѣйшее направленіе дѣятельности его имѣлъ не малое вліяніе одинъ изъ профессоровъ этого университета— Іоаннъ Генрихъ Альстедъ († 1638), трудившійся надъ систематизаціей и энциклопедическимъ сводомъ человѣческихъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ наклонный къ мистицизму, къ которому и Коменскаго влекло его религіозное настроеніе.

Побывавъ потомъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ и сдѣлавъ большое путешествіе по Европѣ, Коменскій въ 1614 г. возвратился на родину. Онъ не достигъ еще возраста, требуемаго каноническимъ уставомъ отъ посвящаемыхъ въ санъ священника, и потому ему поручили пока веденіе школы въ Преровѣ. Въ 1616 году онъ былъ посвященъ и посланъ проповѣдникомъ въ Фульнекъ, въ Моравію. Въ Фульнекѣ ему поручили наблюденіе за братскими школами. Время, которое онъ провелъ въ этомъ городѣ, было въ его жизни единственнымъ спокойнымъ и счастливымъ, но, къ сожалѣнію, весьма непродолжительнымъ. Послѣ сраженія при Бѣлой Горѣ (8 ноября 1620 г.), Фульнекъ былъ взятъ и разграбленъ испанцами, и Коменскій лишился всего своего имущества, а главное — библіотеки и рукописей.

Въ 1624 г. всѣ протестантскіе пасторы были изгнаны изъ австрійскихъ владѣній; Коменскій, какъ и многіе другіе, принужденъ былъ бѣжать. Благодаря покровительству князя Карла Жеротинскаго, онъ, вмѣстѣ съ товарищами по несчастію, скрывался сначала въ его земляхъ, а затѣмъ у Георга Садовскаго. Изъ своего убѣжища онъ тайкомъ навѣщалъ свою паству и побывалъ съ нѣкоторыми изъ братьевъ въ Польшѣ, ища пріюта для общины. Въ 1625 г. вышелъ королевскій указъ, по которому не только пасторы, но и всѣ протестанты должны были или оставить родину, или возсоединиться съ католическою церковью. Въ силу этого указа 30.000 протестантскихъ семействъ, въ числѣ которыхъ было до пятисотъ знатныхъ родовъ, должны были оставить родину. Между ними былъ и Коменскій. Съ частью своего прихода онъ отправился черезъ Шлезвигъ въ Польшу, куда уже и раньше многіе братья бѣжали отъ преслѣдованія, и поселился въ городѣ Лиссѣ, который и сталъ центромъ общины.

Дойдя до границы, онъ оглянулся еще разъ на Моравію и Богемію и, упавъ на колѣни вмѣстѣ со своими братьями, со слезами молилъ Бога, «чтобы онъ не отвратилъ лица Своего отъ ихъ родины

и сохранилъ въ ней сѣмя святого слова Своего». Но для Коменскаго изгнаніе изъ предѣловъ родины было какъ-бы переходомъ въ новый міръ, гдѣ могла развернуться во всей широтѣ его дѣятельность и ждала его всемірная слава, какъ справедливая награда за его педагогическіе труды, за то, что онъ *первый* возвѣстилъ начала гуманитарной школы,—школы, въ которой, *сообразно съ природою* человѣка, должны *всесторонне* развиваться всѣ его способности, которая учила-бы *всѣхъ всему*.

Одной изъ главныхъ заботъ протестантизма, съ самаго его возникновенія, была забота о просвѣщеніи юношества. Это происходило не оттого, что образованіе, даваемое католическимъ духовенствомъ и орденами, было признано дурнымъ, — скорѣе въ самомъ духѣ католицизма таилось равнодушіе къ народному образованію. Евангелическая церковь, возлагавшая на своихъ членовъ отвѣтственность за ихъ вѣрованія, естественно должна была обратить особенное вниманіе на народное образованіе. Вдвойнѣ велика должна была быть забота объ обученіи юношества среди моравскихъ братьевъ, въ общинѣ, которая могла сохранить свою индивидуальность среди иновѣрнаго и даже враждебнаго населенія, благодаря лишь усердному воспитанію и обученію подростающихъ поколѣній.

Во времена Коменскаго это естественно свойственное протестантизму стремленіе къ народному образованію приняло большіе размѣры частью оттого, что продолжительныя войны страшно опустошили многія страны Европы, а въ сознаніи лучшихъ людей того времени вызывали мысль о необходимости новаго, болѣе прочнаго порядка вещей, новаго государственнаго и общественнаго зданія; частью оттого, что всѣ уже убѣдились въ недостаточности существующаго обученія: латинскій языкъ—и даже не литература его — былъ единственнымъ предметомъ обученія, а подготовленіе школьныхъ цицероновъ—единственной цѣлью послѣдняго. Не трудно понять, почему необходимость болѣе легкаго и многосторонняго образованія чувствовалась всѣми, и почему взоры лучшихъ людей и выдающихся ученыхъ были обращены въ эту сторону. Понятенъ также и тотъ энтузіазмъ, съ которымъ встрѣчались труды Коменскаго, бросавшіе свѣтъ въ эту темную доселѣ область,—труды, исходившіе къ тому-же отъ такой высокой личности, какъ достойный глава братскаго союза, представлявшійся всей евангелической Европѣ образцомъ древне-христіанской жизни и нравственности.

Еще въ Преровѣ Коменскій написалъ краткую грамматику (1616) съ цѣлью облегчить изученіе латинскаго языка; за нею слѣдовала

краткая методика, которую онъ составилъ для обученія дѣтей Садовскаго.

Въ Лиссѣ онъ вполнѣ отдался своимъ педагогическимъ стремленіямъ: онъ руководилъ тамошней *гимназіей*, вошелъ въ переписку со многими учеными по поводу предполагаемой имъ реформы образованія и напечаталъ въ 1631 г. первый изъ своихъ капитальныхъ трудовъ. Это—«Janua linguarum reserata», которая была переведена въ самое короткое время на двѣнадцать европейскихъ и нѣкоторые азіатскіе языки и выдержала массу изданій. Даже Бэйль (Bayle), такъ много повредившій славѣ Коменскаго, пишетъ объ этомъ сочиненіи: «quand Comenius n'aurait publiè que ce livre là, il se serait immortalisè».

«Отверзтая дверь языковъ» представляетъ первый опытъ *реальнаго метода* изученія языковъ. Слова суть обозначенія, названія вещей, и безъ яснаго представленія послѣднихъ они — лишь пустой звукъ. Съ другой стороны, въ языкѣ каждаго народа собраны плоды всей его духовной жизни: изучая языкъ, можно и должно изучать духъ народа—это главная и единственная цѣль изученія языка.

Изъ этихъ положеній явствуетъ, что изученіе латинскаго языка слѣдуетъ начинать не съ грамматики и не съ писателей, а съ отдѣльныхъ словъ и предложеній, расположенныхъ по группамъ и дающихъ дѣтямъ понятіе о тѣхъ или другихъ предметахъ и явленіяхъ жизни. «Такъ какъ я признаю непреложнымъ требованіемъ педагогики,—говоритъ Коменскій,—чтобы разумѣніе и рѣчь всегда шли рука объ руку, и каждый привыкалъ высказывать только то, что онъ понялъ и уразумѣлъ, то я счелъ необходимымъ, чтобы все, существующее во вселенной, было извѣстнымъ порядкомъ уложено въ опредѣленные отдѣлы такъ, чтобы ученикамъ легко было понять и отыскать ихъ, и чтобы то, что выражается рѣчью, т.-е. самые предметы, прежде всего отпечатлѣвались въ ихъ сознаніи и памяти».

Затѣмъ приблизительно изъ 8.000 словъ Коменскій составилъ 1.000 изреченій, въ началѣ по возможности краткихъ, но затѣмъ постепенно усложнявшихся. Матеріалъ былъ расположенъ такъ, что всѣ слова, необходимыя для первоначальныхъ понятій, были налицо и сначала были употреблены въ прямомъ, коренномъ ихъ значеніи. Слова, имѣющія нѣсколько значеній, встрѣчались неоднократно, каждый разъ съ новымъ значеніемъ, и т. д. Все сочиненіе распадалось на 100 отдѣловъ: первый заключалъ привѣтъ читателю, затѣмъ слѣдовали различныя области человѣческихъ знаній и наконецъ заключеніе. Janua linguarum, какъ мы уже говорили, имѣла необычайный успѣхъ. По словамъ Палацкаго, ни одна книга, кромѣ Библіи, не разошлась въ

такомъ количествѣ экземпляровъ. Она положила начало коренному преобразованію школы и прославила имя Коменскаго далеко за предѣлами Европы.

Многочисленныя связи, которыя явились естественнымъ послѣдствіемъ его славы, и вліяніе, которымъ онъ сталъ пользоваться, дали Коменскому возможность доставить существенную поддержку своимъ притѣсненнымъ единовѣрцамъ. Вскорѣ послѣ изданія «Janua», на соборѣ въ Лиссѣ (1632) онъ былъ посвященъ въ епископы разсѣянныхъ братьевъ Моравіи и Богеміи на мѣсто умершаго тестя своего Кирилла.

Еще раньше, въ Богеміи, для Коменскаго сталъ выясняться общій планъ воспитанія и образованія на новыхъ, сообразныхъ съ природою, началахъ. По водвореніи въ Лиссѣ онъ приступилъ къ осуществленію этого плана и письменно обратился ко многимъ ученымъ своего времени, съ просьбою о совѣтѣ и помощи. Но лишь немногіе откликнулись на призывъ, да и то крайне неопредѣленно. Тогда, принявшись самостоятельно за дѣло, онъ написалъ величайшее изъ своихъ твореній—«Великую дидактику, или искусство всѣхъ учить всему» (Didactica magna s. omnes omnia docendi artificium).

«Великая дидактика» написана въ цвѣтущую пору его жизни. Въ этомъ трудѣ виденъ широкій размахъ мысли глубокой и вполнѣ свѣжей. Онъ сознаетъ всю нелегкость и самобытность своего труда, но онъ полонъ вѣры въ истину своихъ убѣжденій, и потому смѣло обѣщаетъ лучшую будущность школѣ и воспитанію. Въ этомъ сочиненіи находимъ зачатки всего того, что онъ впослѣдствіи развивалъ въ своихъ дидактическихъ трудахъ.

Имѣя въ виду въ предлагаемой статьѣ говорить лишь объ идеяхъ и значеніи Коменскаго, мы не можемъ вдаваться въ изложеніе отдѣльныхъ произведеній его, но чтобы дать понятіе о содержаніи «Великой дидактики», приведемъ оглавленіе ея, или тезисы:

I. Человѣкъ есть высшее, свободное, совершеннѣйшее созданіе.

II. Послѣдняя цѣль человѣка внѣ этой жизни.

III. Настоящая жизнь есть только подготовленіе къ будущей.

IV. Три степени подготовленія къ вѣчности: самопознаніе, самоуправленіе и стремленіе къ Богу.

V. Сѣмена знанія, нравственности и религіи—врождены намъ.

VI. Всякій человѣкъ, чтобы быть человѣкомъ, долженъ получить образованіе.

VII. Образованіе человѣка наиболѣе удобно совершается и должно совершаться въ раннемъ возрастѣ.

VIII. Для совокупнаго образованія юношества необходимы школы.

IX. Всѣ дѣти обоего пола должны посѣщать школы.

X. Обученіе въ школахъ должно быть общее.

XI. Доселѣ не было совершенныхъ школъ.

XII. Школы могутъ быть преобразованы къ лучшему.

XIII. Основаніе для преобразованія школъ есть точный порядокъ во всемъ.

XIV. Точный порядокъ школы должно заимствовать у природы.

XV. Основанія долгой жизни (начала психо-физической гигіены).

XVI. Общія условія ученія и преподаванія, или какимъ образомъ должно учить и учиться съ несомнѣнно вѣрнымъ успѣхомъ.

XVII. Основанія легкости въ ученіи и преподаваніи.

XVIII. Основанія прочности въ обученіи и ученіи.

XIX. Основныя правила выгодной скорости въ обученіи.

XX. Метода наукъ.

XXI. Метода искусствъ.

XXII. Метода языковъ.

XXIII. Метода нравственнаго воспитанія.

XXIV. Метода наученія благочестію.

XXV. Для полнаго преобразованія школъ на истинныхъ началахъ христіанства необходимо или совсѣмъ удалить изъ нихъ произведенія языческой литературы, или обращаться съ ними гораздо осторожнѣе, чѣмъ до сихъ поръ.

XXVI. О школьной дисциплинѣ.

XXVII. Школа—какъ мастерская гуманности, въ ея четверичномъ дѣленіи по степенямъ возраста и успѣхамъ учащихся.

XXVIII. Идея материнской школы.

XXIX. Идея народной школы.

XXX. Очеркъ латинской школы.

XXXI. Объ академіи, путешествіяхъ и пр.

XXXII. Объ общей, совершенной организаціи школъ.

XXXIII. О необходимыхъ условіяхъ для практическаго осуществленія этой универсальной методы.

Это, по словамъ Раумера, «глубокомысленнѣйшее педагогическое сочиненіе» было написано первоначально по-чешски, для того, какъ говорилъ Коменскій, «чтобы все было готово съ нашей стороны, когда Богъ сжалится надъ нашею родиной». Но въ 1636 году онъ получилъ предложеніе отъ шведскаго правительства принять на себя реформу тамошняго школьнаго дѣла. Онъ отказался отъ этого почетнаго приглашенія, потому что былъ занятъ въ это время еще болѣе

широкими планами; но просилъ шведское правительство прислать къ нему нѣсколькихъ молодыхъ людей, которымъ онъ могъ-бы сообщить въ подробностяхъ свои планы и взгляды. Въ то-же время онъ нѣсколько переработалъ «Дидактику», перевелъ ее на латинскій языкъ, чтобы сдѣлать свой трудъ общимъ достояніемъ, и послалъ ее въ Швецію.

Мы замѣтили, что Коменскій былъ снова занятъ широкими педагогическими планами. Развивая то положеніе, что слова суть лишь названія вещей, Коменскій дошелъ до сознанія, что въ человѣческомъ языкѣ, слѣдовательно, въ извѣстной суммѣ словъ, заключается *все сокровище* человѣческихъ познаній, что, слѣдовательно, есть параллель между словами и вещами, или понятіями, и что, расположивъ слова въ органическомъ порядкѣ, можно дать понятіе о всей суммѣ человѣческихъ знаній. Иначе говоря, въ его умѣ возникла мысль о *педагогической энциклопедіи*, которую онъ назвалъ *Пансофіей*.

Въ 1636 г. онъ написалъ предисловіе, въ которомъ подробно излагалъ планъ этого труда, и послалъ его въ Лондонъ, одному изъ ближайшихъ друзей своихъ, Самуилу Гартлибу. Планъ этотъ былъ опубликованъ (1639) и вызвалъ всеобщее сочувствіе и одобреніе. Всѣ—и самъ Коменскій—понимали, что исполненіе такого обширнаго труда не подъ силу одному человѣку, и вотъ снова ожила идея великаго Бэкона Веруламскаго объ устройствѣ ученой коллегіи, членами которой могли-бы быть выдающіеся представители науки всѣхъ странъ. Теперь парламентъ готовъ былъ осуществить этотъ планъ, и въ 1641 г. Коменскій получилъ приглашеніе пріѣхать въ Англію; онъ тѣмъ охотнѣе принялъ это приглашеніе, что надѣялся пріобрѣсти въ Англіи значительную поддержку для своихъ единовѣрцевъ.

На дѣлѣ эти послѣднія надежды осуществились въ большей мѣрѣ, чѣмъ научныя мечты. Парламентъ уже разрѣшилъ устройство научной коллегіи и ассигновалъ средства на ея содержаніе; но какъ разъ въ это время вспыхнуло возстаніе въ Ирландіи, а затѣмъ начались волненія горожанъ, предшествовавшія великой англійской революціи. Коменскій, проживъ около года въ Англіи и видя, что тамъ нельзя пока разсчитывать на исполненіе обѣщаній, уѣхалъ оттуда, получивъ снова приглашеніе въ Швецію отъ Людвига фонъ-Геера, богатаго нидерландскаго негоціанта и мецената. Въ Людвигѣ фонъ-Гeерѣ, а позднѣе въ сынѣ его Лаврентіи Коменскій нашелъ щедрыхъ покровителей и просвѣщенныхъ почитателей.

Лѣтомъ 1642 г. Коменскій, получившій нѣсколько раньше подобное-же предложеніе и изъ Франціи, прибылъ въ Стокгольмъ. Здѣсь онъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ знаменитымъ канцлеромъ Акселемъ

Оксенштирною, который былъ крайне заинтересованъ его трудами. «Если улучшеніе образованія возможно,—говорилъ онъ Коменскому,— то единственно па тѣхъ основаніяхъ, которыя ставите вы». Признавая всю важность пансофическихъ плановъ, онъ тѣмъ не менѣе настаивалъ, чтобы Коменскій прежде окончилъ свои дидактическія работы и такимъ образомъ далъ возможность поставить обученіе дѣтей на новый путь. Фонъ-Гееръ сталъ на его сторону, и Коменскій долженъ былъ согласиться.

Въ надеждѣ спокойно поработать надъ этой задачею, Коменскій поселился въ прусскомъ городѣ Эльбингѣ и перевелъ туда-же изъ Лиссы свою семью.

Несмотря на то, что Коменскаго не мало отвлекали, съ одной стороны, дѣла братьевъ *) и учениковъ, съ другой — занятія Пансофіею, отъ которыхъ онъ не могъ вполнѣ отказаться, его работы шли настолько успѣшно, что къ концу 1646 г. онъ могъ уже представить ихъ фонъ-Гееру въ Швецію. Работы эти были просмотрѣны и одобрены спеціально для этого составленной коммиссіей, и Коменскій, вернувшись въ Эльбингъ и еще разъ пересмотрѣвъ ихъ, въ 1648 г. напечаталъ ихъ въ Лиссѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Novissima linguarum methodus», въ которой онъ излагаетъ свои дидактическія основоположенія и подробно характеризуетъ составленные или еще составляемые имъ учебники: Vestibulum, Janua и Atrium.

Окончивъ дидактическія работы, Коменскій снова предался пансофіи, но, не имѣя ученыхъ помощниковъ, онъ могъ лишь медленно подвигать впередъ этотъ громадный трудъ. Къ тому-же его сильно отвлекали дѣла братства, которое переживало снова тяжелое испытаніе. Въ послѣдніе годы тридцатилѣтней войны братья возлагали всѣ свои надежды на шведовъ, и шведское правительство поддерживало ихъ; о побѣдѣ шведскаго оружія братья молились въ церквахъ; благородные юноши поступали въ ряды шведскаго войска; ученые посвящали имъ свои труды—всѣ вмѣстѣ и каждый порознь старались заслужить ихъ заступничество и черезъ нихъ добиться позволенія вернуться на родину. Но съ Вестфальскимъ миромъ всѣ ихъ надежды рухнули: богемскіе братья не были включены въ договоръ и остались на вѣки изгнанниками.

Въ этомъ-же (1648) году умеръ первый епископъ братства, и Коменскій былъ избранъ на его мѣсто старшимъ епископомъ (Praesus in Synodo). Онъ былъ и послѣднимъ епископомъ братской общины.

---

*) Ради нихъ, напримѣръ, онъ принималъ участіе на совѣтѣ въ Торнѣ въ 1645 г.

До глубины души потрясенный неожиданнымъ результатомъ Вестфальскаго мира, Коменскій нѣсколько разъ обращался съ письмами къ Оксенштирнѣ и изливалъ въ нихъ страданія и скорби, претерпѣваемыя братской общиной. Но уже ничего нельзя было сдѣлать. Теперь надо было стараться лишь о томъ, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить матеріальное положеніе братьевъ, и вотъ, по рекомендаціи Коменскаго, вся протестантская Европа была снабжаема образованными молодыми людьми, получившими хорошую педагогическую подготовку.

Весною 1650 г. Коменскій самъ принялъ предложеніе князя Ракоцкаго переселиться въ Саросъ-Патакъ, въ Венгрію, и организовать тамъ школу сообразно со своими пансофическими планами. Онъ прожилъ въ Саросъ-Патакѣ четыре года и, несмотря на то, что встрѣтилъ сопротивленіе и со стороны учителей, привыкшихъ къ извѣстной рутинѣ, и со стороны венгерскихъ магнатовъ, по настоянію которыхъ изъ предполагаемыхъ имъ семи классовъ онъ могъ открыть только три, онъ привелъ школу въ такое блестящее состояніе, что она славилась долгое время и послѣ Коменскаго, какъ лучшая школа Венгріи. Наиболѣе выдающимися произведеніями за это время является вполнѣ законченный *Atrium* и—главное—столь извѣстный впослѣдствіи «*Orbis pictus*», который вышелъ въ 1657 г. въ Нюренбергѣ первымъ, а въ 1659 г. уже вторымъ изданіемъ, и который представляетъ первую попытку примѣненія *нагляднаго* метода преподаванія. Въ то-же время Коменскій неустанно продолжалъ и пансофическія работы.

Въ 1654 г., настоятельно призываемый единовѣрцами, онъ возвратился въ Лиссу, но въ 1656 г. поляки разграбили и сожгли до основанія этотъ городъ; братья въ ужасѣ разбѣжались; Коменскій вторично лишился всего своего имущества и едва спасся самъ со своимъ семействомъ. Въ пожарѣ погибла почти уже готовая Пансофія и много другихъ работъ—плоды почти сорокалѣтнихъ трудовъ.

Послѣ разгрома онъ нашелъ радушный пріемъ и пріютъ у одного дворянина въ Силезіи, затѣмъ пробрался въ Амстердамъ, гдѣ и прожилъ до конца жизни, окруженный заботами Лаврентія фонъ-Геера, сына Людовика, своего прежняго покровителя. Городъ Амстердамъ, желая почтить великаго страдальца, выпустилъ въ свѣтъ роскошное изданіе, въ четырехъ фоліантахъ, его педагогическихъ трудовъ (1657) (I. A. Comenii Didactica opera omnia). Благодаря этому изданію, труды великаго педагога сохранились и для потомства.

Съ раззореніемъ Лиссы исчезъ центральный пунктъ чешскихъ братьевъ, и община разсѣялась. Коменскій старался поддерживать

бодрость духа среди своихъ разрозненныхъ единовѣрцевъ, вселяя въ нихъ надежду на лучшее будущее, поддерживая вѣру въ Провидѣніе, помогая имъ матеріально, такъ какъ къ нему стекались иногда обильныя пожертвованія изъ разныхъ странъ Европы, но его усилія уже не могли возвратить жизни въ корень подрубленному дереву.

Самъ Коменскій началъ все болѣе и болѣе увлекаться вообще свойственнымъ славянской природѣ мистицизмомъ, и плодомъ этого увлеченія были изданныя имъ видѣнія Драбика, Коттера и Христины Понятовской, подъ названіемъ Lux in tenebria. Это произведеніе вызвало противъ него ожесточенныя нападки и не мало отравило послѣдніе годы его жизни. Но даже самымъ ожесточеннымъ недоброжелателямъ его, подобнымъ Бэйлю или Аделунгу, не удалось набросить тѣнь на чистый образъ этого мужа, который, особенно въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, «*Unum necessarium*» (Амстердамъ, 1668), произведеніи семидесяти-семи-лѣтняго старца, является вновь передъ нами въ трогательномъ величіи своего страдальческаго образа.

Коменскій умеръ 15 ноября 1671 г., черезъ три года послѣ появленія этого труда его.

Гиндели говоритъ о немъ: «Коменскій дѣйствительно напоминалъ патріарха библейскихъ временъ; глубокое нравственное достоинство, несравненная простота, постоянная готовность служить ближнимъ и сердце, сочувствующее всѣмъ несчастнымъ, — вотъ его основныя качества».

Когда въ лицѣ Амоса Коменскаго умеръ послѣдній епископъ братства, то послѣднее перестало существовать, какъ опредѣленная и болѣе или менѣе замкнутая община, и жило лишь въ разрозненныхъ остаткахъ. Коменскій еще за нѣсколько лѣтъ до смерти перенесъ епископское помазаніе на своего зятя, Петра Яблонскаго, который, однако, умеръ раньше Коменскаго, еще въ 1670 г. Въ 1699 г. его наслѣдовалъ сынъ его, Даніилъ-Эрнстъ Яблонскій, позднѣе придворный проповѣдникъ въ Берлинѣ, и онъ-то передалъ «залогъ епископскаго назначенія», въ 1737 г., графу Цинцендорфу, въ братской общинѣ котораго взошла часть сѣмянъ, о сохраненіи которыхъ молился Коменскій, прощаясь съ невольно покидаемой имъ родиною.

Коменскій былъ чрезвычайно плодовитымъ писателемъ. По Гиндели, полное перечисленіе его трудовъ далъ Палацкій въ «Jahrb. des Böhm. Museums», 1829 г. Аделунгъ считаетъ, что число ихъ превышаетъ 90. Бо̀льшая часть ихъ посвящена вопросамъ педагогическимъ; за ними слѣдуютъ сочиненія теологическія, философскія, историческія, естественно-историческія и, наконецъ, географическія.

Наиболѣе важные педагогическіе труды его уже названы нами выше. Между теологическими наиболѣе замѣчательна «Historia ecclesiae Slavonicae» Amst. 1660, которую Буддеусъ вновь издалъ въ 1702 г. подъ именемъ «Historia fratrum Bohemorum».

Педагогическія сочиненія вошли почти всѣ въ амстердамское изданіе Opera didactica: 1-ая часть заключаетъ сочиненія, написанныя между 1627 и 1642 г.; 2-ая — до 1650; 3-ья — до 1654; 4-ая — до 1657. Въ концѣ статьи мы прилагаемъ заимствованный нами у Раумера списокъ педагогическихъ трудовъ Коменскаго, теперь-же перейдемъ къ нѣкоторымъ общимъ замѣчаніямъ о педагогическомъ значеніи его.

Положеніе, которое занимаетъ Коменскій въ исторіи педагогики, есть положеніе реформатора, «нововводителя», какъ называетъ его Раумеръ. Господствовавшая въ его время педагогика не знала инаго образовательнаго средства, кромѣ латинскаго языка, иной образовательной цѣли, кромѣ разговора и письма на этомъ языкѣ, инаго образовательнаго матеріала, кромѣ того, который представляло чтеніе латинскихъ авторовъ, инаго метода, кромѣ механическаго заучиванія наизусть сказаннаго или прочитаннаго. Коменскій, первый послѣ Лютера, указываетъ на любовь къ дѣтямъ, какъ на одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ воспитанія, и напоминаетъ въ то-же время, что «здоровая душа можетъ жить лишь въ здоровомъ тѣлѣ», а потому добивается веселыхъ школьныхъ комнатъ и веселыхъ мѣстъ для игры.

По отношенію къ образованію Коменскій требовалъ прежде всего, даже прежде латинскаго языка, изученія языка *роднаго* и цѣлью образованія ставилъ возможно полное знакомство *со всѣмъ*, что представляется *человѣческому познанію* (omne scibile). На ряду съ этимъ онъ предлагалъ *сообразный съ природою и дѣйствительно образовательный методъ*.

Наиболѣе полно и связно описываетъ онъ весь матеріалъ, который, по его мнѣнію, долженъ быть преподанъ дѣтямъ, въ наброскѣ своего пансофическаго плана, который, еще до знакомства своего съ Людвигомъ фонъ-Гееромъ, онъ представлялъ польскимъ магнатамъ.

Пансофія должна была обнимать все, что̀ мы должны знать, дѣлать, во что вѣрить, на что надѣяться,—заключать въ себѣ все то, чему мы должны научить своихъ дѣтей. Планъ ея въ общемъ сводится къ слѣдующему:

1) Собственно *пансофія*, въ которой должны быть представлены всѣ сокровища человѣческой мудрости, приведенныя къ тремъ началамъ: Богъ, міръ (вселенная) и разумъ.

2) *Пан-исторія*, состоящая изъ 6-ти главъ: a) библейская исторія, b) естественная исторія, c) исторія изобрѣтеній, d) исторія различныхъ религіозныхъ обрядовъ и e) всемірная исторія.

3) *Всеобщая догматика*, въ которой должно излагаться то, что происходитъ во внутреннемъ мірѣ человѣка, въ человѣческомъ сознаніи.

Понятіе о важности реальныхъ началъ въ образованіи Коменскій почерпнулъ главнымъ образомъ изъ сочиненія Бэкона Веруламскаго «Instauratio magna» и въ этомъ отношеніи совершенно въ духѣ своего учителя восклицаетъ: «развѣ мы не живемъ, какъ и наши прародители, въ саду природы? Почему-же мы не можемъ пользоваться такъ-же, какъ и они, глазами и ушами? Зачѣмъ познавать природу не помощью нашихъ чувствъ, а какихъ-то другихъ учителей? Почему, спрашиваю я, не должны мы изучать живую книгу природы, вмѣсто нашихъ мертвыхъ книгъ?»

Для насъ теперь все это очень извѣстныя истины, но въ то время, когда полагали, что математику можно изучать только по Евклиду, а естественную исторію по Плинію, эти мысли были откровеніемъ.

Что касается метода обученія языкамъ, то онъ нетолько далъ систематическое изложеніе своихъ принциповъ, но и осуществилъ ихъ въ цѣломъ рядѣ учебныхъ руководствъ. Его теорія нашла себѣ полнѣйшее выраженіе въ «Didactica magna» и въ «Methodus linguarum novissima». Въ послѣднемъ сочиненіи онъ самъ указываетъ на слѣдующія три положенія, какъ на основныя: 1) параллелизмъ между вещами и ихъ названіями (словами); 2) свободный отъ пробѣловъ и послѣдовательный ходъ преподаванія; 3) легкіе, пріятные и быстро ведущіе къ успѣхамъ пріемы преподаванія, возбуждающіе ученика къ непрерывной дѣятельности.

Уже самая организація школъ должна отвѣчать этимъ положеніямъ: дѣти до 6-ти лѣтъ должны оставаться въ *материнской школѣ* (Schola materna). Материнская школа должна быть въ каждомъ домѣ. Въ томъ нѣжномъ возрастѣ, когда закладываются основанія для всего дальнѣйшаго, задача материнской школы, кромѣ заботливаго ухода за тѣломъ, должна заключаться въ развитіи внѣшнихъ чувствъ, нѣкоторой наблюдательности, а также скромности и благочестія, примѣръ которыхъ должны подавать родители. Родители-же должны заботиться о томъ, чтобы ребенокъ сохранилъ въ себѣ всю непринужденность и откровенность, свойственную дѣтскому возрасту.

По достиженіи 6-ти лѣтъ питомца принимаетъ *Schola vernacula, школа родного языка*. Такая школа должна быть въ каждой общинѣ, чтобы всѣ дѣти, безъ различія званія, средствъ и пола, могли полу-

чать въ ней образованіе. Въ этой школѣ должно обнаружиться, кто изъ учениковъ имѣетъ призваніе къ дальнѣйшему, научному образованію. Эти послѣдніе на 12-мъ году переходятъ въ *Schola latina*, гдѣ остаются до 18-ти лѣтъ, а оттуда переходятъ въ *Academia*, въ которой къ 24-мъ годамъ заканчиваютъ образованіе.

Указанной постепенности въ школьной организаціи должны отвѣчать также и методы. Методы обученія въ латинской школѣ Коменскій въ подробности изложилъ и развилъ въ Vestibulum, Janua linguarum reserata и Atrium. Основныя положенія ихъ слѣдующія: ученики непремѣнно должны ясно представлять себѣ предметы, названія которыхъ (слова) они заучиваютъ; въ особенности не должно быть ничего непонятнаго, заученнаго лишь на память; самодѣятельность учениковъ должна постоянно поддерживаться постепенностью перехода отъ легчайшаго къ болѣе трудному. Сообразно съ этимъ, *Vestibulum* начинается перечисленіемъ различныхъ предметовъ, доступныхъ дѣтскому созерцанію, и наиболѣе простыхъ свойствъ ихъ и дѣйствій; изъ названій (словъ) сейчасъ-же образуются предложенія. Затѣмъ слѣдуетъ въ высшей степени простая и краткая грамматика, заканчивающаяся спискомъ пройденныхъ словъ. *Janua*, наоборотъ, начинается (по крайней мѣрѣ, такъ въ третьей переработкѣ, 1650 г.) съ лексикона, и именно этимологическаго; далѣе слѣдуетъ уже болѣе пространная грамматика и, наконецъ, текстъ, представляющій нѣчто въ родѣ краткой энциклопедіи. Все это, но уже въ распространенномъ видѣ, отвѣчающемъ болѣе зрѣлому пониманію, находится и въ *Атріумъ*, но здѣсь прежде всего идетъ грамматика, за нею слѣдуетъ текстъ и, наконецъ, словарь.

Пройдя эти три ступени, ученикъ будетъ достаточно подготовленъ, чтобы вступить въ *Palatia* классиковъ.

Мы уже видѣли, что во всѣхъ этихъ учебникахъ Коменскій строго наблюдалъ «параллелизмъ между словами и вещами», т.-е. требовалъ, чтобы слово слѣдовало лишь вслѣдъ за яснымъ представленіемъ вещи. Но реализмъ Коменскаго требовалъ, чтобы вещь была непосредственно наблюдаема учениками. Изъ этого требованія возникъ «*Orbis pictus*». Въ сущности это снабженная рисунками Janua, съ тою разницею, что грамматики въ немъ нѣтъ, а вмѣсто этимологическаго лексикона помѣщенъ простой списокъ словъ. То, что земля и небо, человѣческая жизнь и дѣятельность, вѣрованія и надежды представляютъ доступнаго дѣтскому пониманію, то изображено въ картинахъ и объяснено въ приложенныхъ къ картинамъ описаніяхъ и разсужденіяхъ.

Насколько эта книга соотвѣтствовала потребностямъ времени, лучше всего видно по выходящему изъ ряда вонъ количеству изда-

ній, которыя она выдержала и выдерживаетъ до сихъ поръ, хотя и въ сильно измѣненномъ уже видѣ. Улучшили-ли эти измѣненія произведеніе Коменскаго— рѣшить трудно. Такъ, Гёте, имѣвшій въ дѣтствѣ въ рукахъ Orbis pictus и передѣлку его — Elementarwerk Базедова, разсказываетъ, что всегда предпочиталъ первое произведеніе второму.

Не трудно понять, какое значеніе имѣли для тогдашняго времени такія плодотворныя педагогическія идеи, такія глубокомысленныя замѣчанія, такіе практическіе совѣты. Но ученіе Коменскаго получаетъ великое значеніе особенно потому, что является не въ видѣ отдѣльныхъ мыслей, а представляетъ законченную и глубоко продуманную систему, а эта система, въ свою очередь, тѣсно связана съ религіозными и общественными идеалами Коменскаго: объединеніе всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій было любимою мечтою славянскаго педагога. Только этимъ путемъ, по его глубокому убѣжденію, можно достигнуть счастія и царствія Божія на землѣ. Къ этой цѣли были направлены многіе его богословскіе труды; его дидактическія сочиненія имѣли ту-же цѣль, потому что онъ надѣялся посредствомъ лучшихъ и одинаковыхъ для всѣхъ методовъ обученія достигнуть того, что грядущія поколѣнія различныхъ народовъ будутъ лучше понимать чуждыя имъ вѣрованія, воззрѣнія и чувства, а въ силу этого явится возможность всеобщаго міра и братства.

Въ области педагогики три главныя положенія Коменскаго: родной языкъ, реальность и образовательный методъ останутся навсегда коренными требованіями всякаго разумнаго педагогическаго ученія. Силою своего генія онъ ввелъ педагогику въ рядъ наукъ, привлекъ къ ней вниманіе лучшихъ людей своего и послѣдующихъ временъ и далъ ей то направленіе, въ которомъ, уже не останавливаясь, развивается она до нашихъ дней.

«Я надѣюсь и твердо, непоколебимо вѣрю,—говоритъ Коменскій въ послѣднемъ произведеніи своемъ «Unum necessarium»,—что Господь не дастъ трудамъ моимъ сгинуть безслѣдно, а напротивъ, ниспошлетъ осуществленіе моимъ планамъ и намѣреніямъ современемъ, тогда, когда минетъ суровая зимняя пора для церкви, когда перестанутъ лить дожди, и цвѣты снова выглянутъ изъ родной почвы и пышно разукрасятъ землю».

Его надежды оправдались—съ каждымъ десятилѣтіемъ мыслящіе педагоги болѣе и болѣе проникаются провозглашенными имъ истинами, и труды его являются предметомъ болѣе и болѣе глубокаго изученія— по крайней мѣрѣ, на Западѣ Европы. Остается пожелать и приложить стараніе, чтобы то-же было и у насъ.

***

Педагогическія сочиненія Коменскаго *).

1. J. A. Comenii. Janua linguarum reserata. Предисловіе — сочиненіе самого Коменскаго — подписано: Scribebam in exilio 4 Martii 1631.
2. J. A. Comenii. Physicae ad lumen divinum reformatae synopsis. Lipsiae 1633.
3. J. A. Comenii. Orbis sensualium pictus ect. 1659.
4. J. A. Comenii. Opera didactica omnia, ect. Anno 1657. 4 Voll., in folio.

Въ *первой части* находятся сочиненія, написанныя между 1627 и 1642 годами, а именно:

1. De primis occasionibus quibus huc studiorum delatus fuit Autor, brevissima relatio.
2. Didactica magna, omnes omnia docendi artificia exhibens.
3. Schola materni gremii, sive de provida juventutis primo sexennio educatione.
4. Schola vernacula deleneatio.
5. Janua latinae linguae primum edita.
6. Vestibulum ei praestructum.
7. Proplasma Templi Latinitatis.
8. De sermonis Latinis studio.
9. Prodromus Pansophiae.
10. Variorum de eo Censurae etc.

Вторая часть содержитъ всѣ сочиненія (педагогическія), написанныя, преимущественно по порученію Швеціи, между 1642 и 1650 годами, а именно:

1. De novis Didactica studia continuandi occasionibus.
2. Methodus linguarum novissima.
3. Lat. linguae Vestibulum, Rerum et linguae cardines exhibens.
4. Janua linguarum novissimae Clavis, Grammatica latino-vernacula.

Въ *третьей части* помѣщены сочиненія, написанныя Коменскимъ въ Венгріи, отъ 1650 до 1654 годовъ, а именно:

1. De vocatione in Hungariam relatio.
2. Scholae pansophiae delineatio.
3. De repertis studii pansophici obicibus.
4. De ingeniorum cultura.
5. De ingenio colendi primario instrumento libri.
6. De reparta ad Autores Latinos prompte legendos et clare intelligendos facili, brevi, amoenaque via.
7. Eruditionis scholasticae, pars I.
8. Eruditionis scholasticae, pars II.
9. Eruditionis scholasticae, pars III.
10. Fortuis redivivus sive de pellenda Scholis ignavia.
11. Praecepta morum in usum Juventutis collenta. Anno 1653.
12. Leges bene ordinatae scholae.
13. Orbis pictus. Только объявленіе.
14. Schola Ludus, h. e. Januae linguarum praxis comica.
15. Laborum scholasticorum in Hungaria obitorum Coronis.

---

*) Раумеръ. Исторія воспитанія и обученія.

Четвертая часть заключаетъ въ себѣ сочиненія, написанныя въ Амстердамѣ по 1657 годъ, а именно:

1. Vita gyrus, sive de occasionibus vitae, et quibus Autorem in Belgium deferri, iterumque ad intermissa didactica studia redire contigit.
2. Parvulis parvulus, omnibus omnia.
3. Apologia pro latinitate Januae linguarum.
4. Ventilabrum Sapientiae, sive sapienter sua retractandi ars.
5. E scholasticis labyrinthis exitus in planum, sive Machina didactica mechanice constructa.
6. Latium rectivivum, hoc est, de forma erigendi latinissimi Collegii, seu novae romanae civitatulae, ubi latina lingua use et consuetudine addiscatur.
7. Tipographeum vivum, hoc est, ars compendiose et tamen copiose ac eleganter sapientiani non chartis sed ingeniis imprimendi.
8. Paradisus juventuti christianae reducendus, sive optimus scholarum status, ad primae paradisiacae scholae ideam delineatus.
9. Traditio lampadis, hoc est, studiorum sapientiae christianaeque juventutis et scholarum, Deo et hominibus devota commentatio.
10. Paralipomena didactica.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

Въ Маріинской женской гимназіи.

(Посвящается памяти Н. А. Вышнеградскаго).

Какъ теперь помню, весеннее утро 19-го апрѣля 1858 года стояло въ Петербургѣ прелестное. Ни одно облачко не омрачало чистаго, голубаго небеснаго свода. Яркое солнце наполняло душу какимъ-то радостнымъ настроеніемъ. На Невскомъ проспектѣ замѣчалось какое-то необычное для того времени оживленіе. Множество дѣвочекъ въ праздничныхъ платьяхъ, несмотря на будній субботній день, шло и ѣхало по Невскому въ сопровожденіи своихъ матерей и отцовъ. Всѣ спѣшили къ небольшому частному зданію, на углу Невскаго и Троицкаго переулка, съ скромной вывѣской «Маріинское женское училище для приходящихъ дѣвицъ». И какъ разнообразны были лица и костюмы подъѣзжавшихъ и подходившихъ! Вотъ подходитъ простая женщина, ведя за руку свою десятилѣтнюю дочь въ простенькомъ, новенькомъ, розовомъ ситцевомъ платьицѣ съ платочкомъ на головѣ.—«Сюда, милая, сюда ступай!» раздается съ верхней площадки лѣстницы звучный голосъ высокаго, плотнаго, бѣлокураго господина въ мундирѣ и въ очкахъ, Николая Алексѣевича Вышнеградскаго, начальника новаго заведенія. Онъ самъ вводитъ мать съ дочерью въ небольшую залу; дѣвочку ставитъ впереди, а мать скромно удаляется въ задній уголокъ.

Вотъ входитъ по лѣстницѣ разодѣтая купчиха съ нарядной, пухленькой дочкой. «Милости просимъ, милости просимъ!» раздается тотъже ласковый голосъ. И нарядная дѣвочка становится рядомъ съ бѣдной дѣвочкой работницы, а мать отходитъ въ сторону.

«Пожалуйте, батюшка, пожалуйте въ залу!» встрѣчаетъ Николай Алексѣевичъ священика съ двумя дочерьми...

А вотъ и карета подъѣзжаетъ къ подъѣзду. Изъ нея выходитъ почтенный сенаторъ съ тремя дѣвочками въ бѣлыхъ платьяхъ, двумя

маленькими и одной уже взрослой—лѣтъ 16-ти. «Ваше превосходительство, прошу покорнѣйше въ залу!» И дочери сенатора занимаютъ мѣста въ группѣ собравшихся дѣтей.

Приходили взрослыя дѣвицы и безъ провожатыхъ. И всѣхъ привѣтливо встрѣчалъ Николай Алексѣевичъ; всѣмъ было мѣсто въ той-же залѣ.

Такъ мало-по-малу наполнилась небольшая зала дѣтьми, родителями, учителями, воспитательницами. Всѣ стояли. Только два кресла было приготовлено. Въ залѣ царила какая-то торжественная тишина. Ждали Императрицу. Ровно въ полдень тихо вошла въ залу Русская Государыня Марія Александровна, безъ всякой свиты, въ сопровожденіи лишь Великой Княгини Александры Петровны, попечителя училища принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и Н. А. Вышнеградскаго. Войдя въ залу, Ея Величество съ привѣтливой улыбкой наклонила голову; родители и дѣти молча отвѣсили низкій русскій поклонъ. Начался молебенъ. При провозглашеніи «Многая лѣта» Державной Основательницѣ перваго въ Россіи училища для приходящихъ дѣвицъ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, начальствующимъ, учащимъ и учащимся, всѣ пали на колѣни, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Когда всѣ встали, раздался звучный, краснорѣчивый голосъ иниціатора. При словахъ его: «Одно солнце на небѣ; никакіе искусственные огни не могутъ замѣнить его; одна мать у каждаго изъ насъ, и никакая наемница не замѣнитъ родной матери», всѣ заплакали: и родители, и дѣти. «Взгляните, Ваше Императорское Величество, на эти слезы,—слезы радости, упованія и благодарности за великое дѣло, которое по манію Вашему совершается въ эту минуту въ Россіи»... Императрица плакала. Она ни разу не сѣла во все продолженіе рѣчи Вышнеградскаго. Затѣмъ она обошла всѣ классы новаго, очень скромнаго, даже бѣднаго учебнаго заведенія, вникая во всѣ его подробности. Черезъ часъ Императрица уѣхала, благословивъ дѣтей иконою, напутствуемая сердечными пожеланіями родителей и дѣтей.

Таково было начало Маріинскаго женскаго училища, окрещеннаго въ обществѣ «женской гимназіей» за его семилѣтній курсъ.

Этому, повидимому, скромному факту суждено было стать «событіемъ». Событіемъ сталъ онъ по тѣмъ новымъ началамъ, какія полагались въ основу новаго заведенія: оно должно было быть *открытымъ*, «гдѣ дочери недостаточныхъ родителей могли-бы получить основательное образованіе, не отлучаясь на продолжительное время отъ своихъ родителей», и *всесословнымъ*, такъ какъ къ обученію до-

пускались дѣвицы *всѣхъ свободныхъ состояній, безъ различія сословій.* Притомъ новое училище удостоивалось великой чести быть подъ покровительствомъ Государыни Императрицы; ему присвоивалось наименованіе «Маріинскаго».

«Открытость и всесословность» — эти два совершенно новыя начала по отношенію къ правительственнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ не только допускались, но и узаконялись правительствомъ и признавались заслуживающимъ его сочувствія. Вотъ что обратило открытіе скромнаго Маріинскаго училища въ событіе. Общедоступность образованія и широкое распространеніе его въ массахъ населенія самымъ органическимъ образомъ связывалось съ послѣдующими коренными реформами Царя-Освободителя, въ основѣ которыхъ легло признаніе всѣхъ подданныхъ равноправными передъ закономъ—

......уста того-же царя,
Все въ тѣ-же памятные годы,
И здѣсь, жизнь новую творя,
Провозгласили вѣсть свободы—
Свободы въ области ума
Всѣхъ, безъ различья состояній;
И быстро побѣжала тьма
Передъ лучами чистыхъ знаній... *).

I.

Мысль о расширеніи сферы женскаго образованія въ нашемъ отечествѣ уже назрѣвала, и назрѣвала постепенно, какъ въ самомъ правительствѣ, такъ и въ передовыхъ кружкахъ русскаго общества. Уже царевна Софія пробовала разорвать оковы «Домостроя»; уже геніальный Петръ Великій вывелъ русскую женщину изъ теремнаго заключенія, и складъ жизни женщины, по крайней мѣрѣ высшихъ сословій, сталъ походить на европейскій; но духовное образованіе ея оставалось нетронутымъ. Только мудрая Екатерина Великая своимъ свѣтлымъ, проницательнымъ умомъ сознавала, какую существенную пользу воспитаніе женщины можетъ принести семьѣ, а черезъ семью и обществу, и государству. Передъ умственнымъ взоромъ Императрицы Екатерины носилась идея о созданіи новаго, лучшаго поколѣнія людей, чуждаго недостатковъ прежнихъ поколѣній; она мечтала сдѣлать воспитанницъ вновь учрежденнаго питомника (Смоль-

*) Изъ стих. П. И. Вейнберга, произнесеннаго 19-го апрѣля 1883 г., во время празднованія 25-лѣтія существованія въ Россіи женскихъ гимназій.

наго института) животворною закваскою для возрожденія русскаго общества. Наибольшее развитіе получили закрытые женскіе институты при Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Этотъ добрый ангелъ, любвеобильная мать сирыхъ и бѣдныхъ дѣтей, всегда останется незабвенной въ исторіи русскаго женскаго образованія, которому предалась она всецѣло, отдавая ему и время, и силы, и громадныя матеріальныя средства. А еще недавно, въ самый разгромъ Севастополя, умная, энергичная и смѣлая Великая Княгиня Елена Павловна организуетъ «Крестовоздвиженскую общину» сестеръ милосердія и подъ управленіемъ знаменитаго хирурга Н. И. Пирогова отправляетъ ее на театръ военныхъ дѣйствій.

— Я вообще смотрю на жизнь не какъ на цѣль наслажденія, блеска и почестей, говорила она Н. И. Пирогову, — а какъ на причину, вызывающую живущаго къ дѣятельности и на исполненіе долга. И я полагаю, что прибытіе сестеръ на театръ войны лучшее средство вызвать вниманіе и сочувствіе къ женщинамъ, какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны правительства.

И русская женщина вполнѣ оправдала предсказаніе своей царственной защитницы, выказавъ на дѣлѣ изумительные подвиги самоотверженія и труда!..

«Однажды 500 раненыхъ,—пишетъ Н. И. Пироговъ,—только что перенесшихъ операціи, по небрежности приказанія, прислали въ такое мѣсто, гдѣ не оказалось совсѣмъ годнаго помѣщеніи. И вотъ всѣхъ этихъ 500 страдальцевъ свалили, какъ попало, въ солдатскія палатки. Но этого было мало! Надъ этимъ лагеремъ мучениковъ разразился ливень и промочилъ насквозь не только людей, но даже и матрацы подъ ними... Несчастные такъ и валялись въ грязныхъ лужахъ. Всѣ вопили о помощи, и со всѣхъ сторонъ громко раздавались раздирающіе пронзительные стоны, крики и скрежетъ зубовъ, отъ котораго бьетъ дрожь. Отъ 10 до 30 мертвыхъ тѣлъ можно было находить между ними каждый день. Здѣсь помощь и трудъ сестеръ оказались неоцѣнимыми. Стоя въ лужахъ на колѣняхъ передъ больными, наши женщины подавали посильную помощь, въ которой сами нуждались... И такъ онѣ трудились денно и нощно. Въ сырыя ночи эти женщины еще дежурили; не смотря на свое утомленіе, онѣ не засыпали ни на минуту, и все это подъ мокрыми насквозь палатками. И всѣ такія сверхчеловѣческія усилія женщины переносили безъ малѣйшаго ропота, съ спокойнымъ самоотверженіемъ и покорностью. Десять изъ этихъ женщинъ не выдержали госпитальной заразительности и сами поплатились жизнью... Вообще результаты дѣятельности первой

въ Россіи, да и во всей Европѣ, общины сестеръ милосердія доказываютъ, что мы до сей поры (1854—1855 г.) совершенно игнорировали чудныя дарованія нашихъ женщинъ».

Такъ вотъ гдѣ коренится начало новаго женскаго труда, новаго образованія, всѣмъ доступнаго, для всѣхъ равнаго. И многіе изъ русскихъ людей это смутно чувствовали послѣ Крымской войны; не было только выразителя, который-бы облекъ это общественное чувство въ осязательную, печатную мысль, ибо на долю немногихъ людей выпадаетъ рѣдкое счастье—быть выразителями лучшихъ стремленій времени. Такимъ выразителемъ явился тотъ, который у одра болѣзни и смерти подмѣтилъ «чудныя дарованія русской женщины». Великій хирургъ, мыслитель, профессоръ, педагогъ Н. И. Пироговъ *) не могъ не замѣтить, что всѣ общественныя язвы того времени, даже печальный исходъ войны зависѣли, главнымъ образомъ, отъ недостатковъ воспитанія и образованія того времени. По возвращеніи съ театра военныхъ дѣйствій Н. И. Пироговъ, въ 1856 г., съ разрѣшенія Великаго Князя Константина Николаевича, печатаетъ въ IX № «Морскаго Сборника» первую свою знаменитую статью «Вопросы жизни». И этотъ № «Морскаго Сборника», дотолѣ журнала военнаго, спеціальнаго, переходитъ изъ рукъ въ руки. Можно смѣло сказать, что статья Пирогова сдѣлала совершенный переворотъ въ нашихъ взглядахъ на воспитаніе и образованіе. Мы всѣ зачитывались «Вопросами». Читали ихъ и во дворцѣ, и въ бѣдной квартирѣ литератора, педагога, чиновника; читали ихъ и великосвѣтскія дамы, и скромныя матери семействъ. Пироговскій идеалъ воспитанія: «ищи и будь человѣкъ» переходилъ изъ устъ въ уста.

«Надо перевоспитать себя; надо давать нашимъ дѣтямъ другое воспитаніе; надо познать себя; надо вникнуть въ нашу индивидуальность; надо задать себѣ вопросы: *Въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? Какое наше назначеніе? Къ чему мы призваны? Чего мы должны искать*».

Вотъ вопросы, которые пытается разрѣшить Н. И. Пироговъ въ своихъ «Вопросахъ жизни».

Идеалъ воспитанія знаменитаго хирурга-педагога какъ разъ совпалъ со взглядомъ его товарища по образованію и современника, тоже извѣстнаго профессора юриста-педагога П. Г. Рѣдкина **). Онъ уже

*) Николай Ивановичъ Пироговъ род. 13-го ноября 1810 г., умеръ 23-го ноября 1881 г.

**) Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ родился 4-го октября 1808 г., умеръ 7-го марта 1891 г. Оба профессора-педагога, Н. И. Пироговъ и П. Г. Рѣдкинъ, сна-

задумываетъ систематически проводить новые взгляды на воспитаніе и обученіе посредствомъ спеціальнаго педагогическаго ȯргана и для этой цѣли уговариваетъ одного изъ членовъ своего домашняго педагогическаго кружкȧ, А. А. Чумикова, издавать: «Воспитаніе, руководство для родителей и воспитателей». Первый нумеръ этого педагогическаго журнала вышелъ въ 1857 г. Въ своихъ передовыхъ статьяхъ П. Г. Рѣдкинъ впервые сталъ знакомить русское общество съ идеями Амоса Коменскаго, Песталоцци, Дистервега, Локка, давно уже проповѣдовавшихъ, что и мальчикъ и дѣвочка, и богатый и бѣдный, и знатный и незнатный—всѣ созданы по образу и подобію Божію, всѣ люди, всѣ имѣютъ одинаковое право на образованіе; высказываетъ и отъ себя юристъ-педагогъ, что воспитаніе обнимаетъ всего человѣка — всестороннее развитіе всѣхъ его тѣлесныхъ и душевныхъ способностей, возведеніе его на возможно высшую степень совершенства физическаго и нравственнаго; что воспитатели должны стараться возродить человѣка къ новой жизни, въ духѣ красоты, истины и добра, тогда и будетъ христіанское воспитаніе... Новые взгляды, преимущественно на обученіе, проводилъ и Н. А. Вышнеградскій въ «Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ», редакторомъ котораго былъ въ 1857 и 1858 годахъ *).

Педагогическія идеи Пирогова и Рѣдкина теперь уже не новы, но въ концѣ 50-хъ годовъ онѣ были высказаны какъ разъ кстати, когда привыкли думать, что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ, что это одно отвлеченіе, вовсе ненужное для общества, что ему необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.

Но кто-же заронитъ въ душу ребенка первую искру «быть человѣкомъ»? Кто подготовитъ его къ рѣшенію роковыхъ вопросовъ жизни? Кто возродитъ человѣка къ новой жизни, въ духѣ красоты, истины и добра? Разумѣется, «та, которая ухаживаетъ за колыбелью человѣка, учреждаетъ игры его дѣтства, научаетъ его уста лепетать и первыя слова, и первую молитву. Краеугольный камень кладется ея руками. Пусть-же женщины поймутъ свое высокое назначеніе въ вертоградѣ человѣческой жизни».

чала учились вмѣстѣ въ Московскомъ университетѣ; потомъ въ 1827 г., по высочайшему повелѣнію, были отправлены для завершенія высшаго образованія и приготовленія къ профессорской каѳедрѣ на два года въ Дерптскій университетъ, а оттуда на два года въ Берлинъ и Гейдельбергъ.

*) Первое мое знакомство съ Н. А. и началось въ 1857 г., когда онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ первую мою географическую статью, построенную на идеяхъ «Землевѣдѣнія» К. Риттера.

Но «молодость влечетъ ихъ къ суетѣ, воспитаніе дѣлаетъ куклу, опытъ жизни родитъ притворство», восклицаетъ знаменитый педагогъ-хирургъ 35 лѣтъ тому назадъ. Можетъ-ли такая женщина исполнить святую миссію—воспитать ребенка «быть человѣкомъ». «Вотъ почему,—отвѣчаетъ онъ,—раннее развитіе мышленія и воли для женщины столь-же необходимо, какъ и для мужчины».

«Чтобы услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобы быть сопутницей въ борьбѣ, ей нужно искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать; мышленіе—чтобы избирать и чтобы имѣть ясную и свѣтлую идею о воспитаніи дѣтей». «Не *положеніе женщины* въ обществѣ, но *воспитаніе ея*,—въ которомъ заключается воспитаніе всего человѣчества,—вотъ что требуетъ перемѣны. Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій проникаетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю, и она узнаетъ, *гдѣ она должна искать своей эмансипаціи*».

Роковое слово было произнесено; убѣжденіе въ неизбѣжной необходимости болѣе широкаго воспитанія и образованія дѣвочки стало проникать въ общественное сознаніе; явилась потребность облечь идею и сознаніе въ реальную форму. Профессоръ педагогики Н. А. Вышнеградскій выступаетъ теперь исполнителемъ сознанной потребности, какъ человѣкъ энергичный, въ высшей степени практичный, обладавшій силою ораторскаго таланта убѣждать неубѣжденныхъ, колеблющихся, способный обходить встрѣчавшіеся на пути подводные камни...

II.

Женскія учебныя заведенія, существовавшія до 1858 года, не могли удовлетворить сознанной потребности. Оторванная на продолжительное время отъ своей семьи и отъ всѣхъ тѣхъ житейскихъ условій, среди которыхъ она впослѣдствіи должна жить и дѣйствовать, институтка прежняго времени слишкомъ мало была подготовлена къ дѣйствительной жизни, и по выходѣ изъ той искусственной обстановки, которая была создана для нея въ институтѣ, чувствовала себя обыкновенно чужою среди ближайшихъ родныхъ, безпомощной и слабой среди обыденныхъ житейскихъ обстоятельствъ, неспособной къ борьбѣ противъ тѣхъ или другихъ недостатковъ тогдашней семьи. Къ тому-же, институтское воспитаніе было доступно лишь немногимъ, принадлежавшимъ къ привилегированнымъ классамъ общества, было

основано на началахъ строгой и полной сословной исключительности. Тѣмъ не менѣе, институты въ теченіи своего вѣковаго существованія сослужили добрую службу, хотя-бы только русской дворянской семьѣ, но далеко не всѣ даже дочери дворянъ могли получить образованіе въ институтахъ, которыхъ на всю Россію насчитывалось въ описываемую эпоху не болѣе 30 съ 10.000 — 12.000 учащихся. Что-же оставалось на долю того громаднаго большинства дѣвочекъ, которыя принадлежали къ тому-же дворянскому сословію, частію къ болѣе или менѣе интеллигентному среднему классу общества, который также изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе все сильнѣе чувствовалъ потребность въ образованныхъ матеряхъ, воспитательницахъ, учительницахъ и вообще въ полезныхъ членахъ общества? Оставалось пользоваться частными пансіонами или ограничиваться чисто домашнимъ воспитаніемъ. Но пансіоны, за рѣдкими, счастливыми исключеніями, не удовлетворяли самымъ скромнымъ педагогическимъ требованіямъ, или-же по дороговизнѣ были совершенно недоступны для людей небогатыхъ, или-же выпускали изъ своихъ стѣнъ свѣтскихъ барышень, неспособныхъ ни къ умственному, ни къ физическому труду. Что-же касается домашняго воспитанія, то оно либо требовало значительныхъ затратъ на наемъ гувернантокъ и учителей сомнительнаго образованія, либо лишено было всякихъ разумныхъ началъ, либо брошено было на произволъ прислуги.

Въ такомъ положеніи было дѣло женскаго образованія въ Россіи, когда наступила эпоха великихъ преобразованій Царя-Освободителя. Этой эпохѣ предшествовало свободное русское слово, выдвинувшее, между прочимъ, и новые взгляды на воспитаніе и обученіе, выдвинувшее и горячихъ защитниковъ женскаго образованія, построеннаго на новыхъ началахъ. Тогда-то впервые является мысль объ открытой, всесословной, для всѣхъ доступной женской школѣ, которая не отрывала-бы дѣтей отъ семейной почвы, не снимала-бы съ родителей ихъ священнѣйшей обязанности самимъ заботиться о воспитаніи своихъ дочерей, но которая, въ то-же время, доставила-бы всѣ выгоды и удобства общественнаго, правительствомъ гарантированнаго образованія. Мысль эта впервые была высказана въ концѣ 1856 года помощникомъ инспектора классовъ Николаевскаго сиротскаго института А. А. Чумиковымъ въ подробной, обстоятельной «Запискѣ», въ которой онъ критически разбираетъ недостатки воспитанія въ институтахъ и указываетъ всѣ преимущества экстерната передъ интернатомъ. Записка эта, черезъ посредство Великой Княгини Маріи Николаевны, была доставлена молодой Императрицѣ Маріи Алексан-

дровнѣ. Ея Величество, получивъ патронатъ надъ институтами, и Сама сознавала необходимость бо́льшаго сближенія институтокъ съ семьею, почему имъ и дозволены были во время каникулъ отпуски къ родителямъ. Другой экземпляръ «Записки» Чумикова былъ доставленъ министру народнаго просвѣщенія С. Норову, который передалъ «Записку» тогдашнему попечителю округа кн. Щербатову (1856—1858). По его инициативѣ А. А. Чумиковъ составилъ проектъ «устройства городскихъ женскихъ училищъ» по образцу германскихъ höhere Töchterschulen. Сверхъ того, тотъ-же А. А. Чумиковъ помѣстилъ въ редактируемомъ имъ журналѣ «Воспитаніе», въ мартѣ и апрѣлѣ 1857 года, статью «Мысли объ устройствѣ женскихъ учебныхъ заведеній въ губернскихъ городахъ» *). Въ то же время и талантливый професоръ педагогики въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, Н. А. Вышнеградскій, занимавшій вмѣстѣ съ тѣмъ и должность инспектора классовъ Павловскаго института, съ своей стороны, на своихъ лекціяхъ, говоря о состояніи женскаго образованія въ Россіи, пропагандировалъ между молодыми слушателями мысль о наступившей у насъ необходимости измѣнить основы женскаго образованія посредствомъ сближенія семьи со школою и открытія русской дѣвушкѣ большей возможности получить общее образованіе. И пока «Записка» А. А. Чумикова ходила по рукамъ и канцеляріямъ, смѣлый и энергичный Н. А. Вышнеградскій, въ исходѣ 1857 года, вошелъ въ совѣтъ института съ ходатайствомъ о разрѣшеніи открыть при институтѣ классы для приходящихъ учениць, т.-е. для дѣвицъ, которыя только приходили-бы на урокъ, проводя все остальное время дома, у родителей и родныхъ. Но этому проекту не суждено было осуществиться, такъ какъ находили слишкомъ радикальнымъ открывать двери института, закрытыя въ продолженіе ста лѣтъ. Тогда Вышнеградскій, заручившись предварительнымъ согласіемъ и одобреніемъ Государыни Императрицы Маріи Александровны и принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, входитъ въ Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній съ новымъ проектомъ объ *отдѣльномъ* открытомъ женскомъ училищѣ. Совѣтъ, по Высочайшей волѣ, положилъ принять для устройства училища слѣдующія главныя мысли:

1) Училище состоитъ, подъ покровительствомъ Государыни Импе-

---

*) А. А. Чумиковъ род. въ Ревелѣ въ 1819 г. Издавалъ и редактировалъ журналъ «Воспитаніе» съ 1857—1863 г., сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ. Въ настоящее время маститый педагогъ служитъ русскому дѣлу въ родномъ городѣ въ качествѣ гласнаго думы.

ратрицы, въ вѣдѣніи Главнаго совѣта, а ближайшее управленіе ввѣряется особому попечителю, по назначенію Государя Императора.

2) Училищемъ завѣдуетъ начальникъ, при содѣйствіи главной надзирательницы и нѣсколькихъ классныхъ надзирательницъ, опредѣленныхъ для присмотра за дѣвицами, пока онѣ находятся въ заведеніи.

3) Къ обученію въ училищѣ допускаются дѣвицы всѣхъ свободныхъ состояній, безъ различія сословій, отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ.

4) Воспитанницы собираются въ непраздничные дни въ классы къ 9-ти часамъ утра и расходятся въ $2^1/_2$ часа пополудни.

5) Комплектъ учащихся опредѣляется въ 250 дѣвицъ, съ дозволеніемъ принимать и большее число, смотря по способамъ помѣщенія и по средствамъ къ открытію параллельныхъ классовъ.

6) Для полнаго учебнаго курса полагается семь полныхъ годичныхъ классовъ.

7) Предметы дѣлятся на обязательные и необязательные; къ обязательнымъ относятся: Законъ Божій, отечественный языкъ и словесность, исторія—вкратцѣ всеобщая и подробно русская, географія, естествовѣдѣніе, ариѳметика и понятіе объ измѣреніяхъ, женскія рукодѣлія, пѣніе, чистописаніе и рисованіе. Предметы необязательные: французскій и нѣмецкій языки, музыка и танцы.

8) Годовая плата за обученіе всѣмъ предметамъ обязательнымъ полагается 25 руб. съ дѣвицы, а за обученіе каждому изъ иностранныхъ языковъ взимать въ годъ по 5 руб., за обученіе танцамъ также 5 руб. въ годъ.

Содержать заведеніе предполагалось, главнымъ образомъ, изъ суммы, собираемой за ученіе, и изъ субсидіи въ 3.000 руб. въ годъ, отпускаемой изъ процентовъ съ общаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній. Начальнику училища назначалось только 500 руб. постояннаго жалованья въ годъ и по 4 руб. съ каждой ученицы, «чтобы такимъ образомъ побудить его стараться о привлеченіи возможно большаго числа учащихся и чрезъ то усилить способы благосостоянія заведенія».

Представляя такое заключеніе свое на Монаршее благоусмотрѣніе, Главный совѣтъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на открытіе Маріинскаго училища въ видѣ опыта на три года, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи трехъ лѣтъ составленъ былъ полный уставъ заведенія, и на отпускъ изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала 2.000 р. единовременно на первоначальное обзаведеніе и по 3.000 руб. ежегодно въ пособіе. 22-го марта 1858 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе заключенія совѣта. Попечителемъ училища былъ назначенъ

принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, начальникомъ училища—инициаторъ дѣла, профессоръ Вышнеградскій. Вслѣдъ затѣмъ немедленно было приступлено къ найму квартиры, постройкѣ мебели, пріобрѣтенію классныхъ учебныхъ пособій, приглашены надзирательницы и учителя. Пріемъ дѣтей начатъ съ 15-го апрѣля, а къ 19-му числу—дню открытія—поступило ихъ уже 162. По происхожденію, изъ числа поступившихъ дѣвицъ 97 (около 70%) принадлежали къ дворянскому и чиновничьему сословію, 12 (8%)—къ духовному званію, 20 (14%) было купеческаго, 10 (7%) мѣщанскаго и 1 (менѣе 1%) крестьянскаго сословія. Слѣдовательно, большинство поступившихъ дѣтей было дворянскаго и чиновничьяго происхожденія, самое незначительное меньшинство — мѣщанскаго и крестьянскаго. Такое-же процентное отношеніе обучающихся остается и до сихъ поръ, хотя плата за ученіе возвышена теперь до 100 руб., т.-е. въ четыре раза—фактическое доказательство противъ тѣхъ, кто упрекаетъ гимназіи въ ихъ излишнемъ демократизмѣ.

Такова оффиціальная сторона дѣла, но не такова интимная, закулисная. Надо было быть Вышнеградскимъ и обладать его житейскимъ опытомъ и изворотливостью, его ораторскимъ краснорѣчіемъ, его педагогическимъ тактомъ и несомнѣннымъ организаторскимъ талантомъ, чтобы завоевать въ высшихъ сферахъ расположеніе къ совершенно новому въ Россіи типу учебнаго заведенія, чтобы убѣдить родителей, предубѣжденныхъ и колеблющихся отдавать своихъ дѣтей въ новое дотолѣ заведеніе, чтобы заручиться на грошевыя средства лучшими въ столицѣ педагогическими силами, чтобы сразу вызвать симпатіи и довѣріе къ новому начинанію въ самомъ обществѣ, наконецъ, чтобы организовать все дѣло быстро, безъ проволочекъ, колебаній и сомнѣній.

Въ самомъ дѣлѣ, Н. А. Вышнеградскій, при посредствѣ принца Ольденбургскаго, могъ лично доложить Императрицѣ свой проектъ и вызвать Ея сочувствіе, одобреніе и поддержку новому учрежденію. Еще мѣсяца за два до открытія Маріинскаго училища, когда инициаторъ не сомнѣвался уже въ счастливомъ исходѣ своего проекта, онъ приглашаетъ трехъ молодыхъ преподавателей—Стоюнина, Степанова и меня *), которыхъ и посвящаетъ во всѣ детали предпріятія. Съ утра и до поздняго вечера двери его квартиры были открыты для родителей, желавшихъ узнать всѣ подробности о совершенно не-

*) Извѣстный педагогъ-литераторъ В. Я. Стоюнинъ родился въ 1826 г. въ Петербургѣ, умеръ 4-го ноября 1888 г.; П. И. Степановъ состоитъ нынѣ инспекторомъ Александровской женской гимназіи.

слыханномъ дотолѣ заведеніи для дѣвочекъ. Мы были свидѣтелями того, съ какимъ терпѣніемъ и искусствомъ онъ доказывалъ каждому всѣ выгоды школы, открытой и равной для всѣхъ: однихъ онъ увѣрялъ, что въ воспитаніи и образованіи дѣвочки должны въ одинаковой степени участвовать семья и школа, другихъ, — что новая школа будетъ давать нетолько широкое умственное образованіе, но и религіозно-нравственное воспитаніе; третьихъ убѣждалъ, что дѣвочка изъ интеллигентнаго класса не можетъ заразиться дурными привычками отъ своей сосѣдки въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ школѣ подъ присмотромъ разумныхъ преподавателей и воспитательницъ, и что такая дѣвочка не останется безъ знанія французскаго и нѣмецкаго языковъ и танцевъ; четвертыхъ, что новая школа никогда не посягнетъ на укоренившіеся въ семьѣ религіозные и вѣковые обычаи; одни родители настаивали на томъ, чтобы ихъ дѣти ходили въ школу съ провожатыми, другіе, напротивъ, настаивали на дозволеніи посылать дѣвочекъ однѣхъ; и то, и другое разрѣшалось; дозволялось также одѣвать дѣтей по средствамъ родителей, лишь-бы одежда была приличная, чистая, аккуратная, не совѣтовалась только излишняя роскошь—шелкъ, бархатъ, браслеты, кольца, чтобы не возбуждать зависти въ однихъ дѣтяхъ, пренебреженія въ другихъ и т. д. и т. д. И каждый отецъ, и каждая мать уходили отъ Н. А. успокоенными и записывали своихъ дочерей въ училище.

Для успѣха дѣла и скорѣйшихъ его результатовъ предусмотрительный и проницательный Вышнеградскій воспользовался и еще однимъ совершенно непредвидѣннымъ и неразсчитаннымъ обстоятельствомъ. Въ числѣ желающихъ поступить въ училище оказалось 15 взрослыхъ дѣвицъ 16—18 лѣтъ. Это были дѣвицы или получившія домашнее образованіе, или окончившія курсъ въ частныхъ пансіонахъ, или прошедшія курсъ въ Peter- и Annenschule, но подъ вѣяніемъ времени желавшія еще учиться. Вышнеградскій исходатайствовалъ разрѣшеніе образовать изъ нихъ одинъ старшій, а именно 6-й классъ, тогда какъ изъ малолѣтнихъ были составлены три класса: 1-й, 2-й и 3-й, такъ что гимназія открылась въ первый-же годъ въ составѣ четырехъ классовъ, трехъ низшихъ и одного предпослѣдняго. Какъ увидимъ ниже, послѣдствія показали, что Вышнеградскій былъ правъ, нарушивъ постановленіе Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній—принимать дѣтей только отъ 9 до 13 лѣтъ. Предусмотрительность Вышнеградскаго выразилась и въ томъ, что въ начальницы заведенія онъ согласился принять г-жу Овандеръ, вдову, нѣмку

*

съ сѣдыми буклями, нѣсколько чопорную, но богобоязненную, съ твердыми нравственными убѣжденіями, женщину безукоризненной честности и чистоты, аккуратную и добросовѣстную до педантизма. Большинству родителей начальница новаго заведенія очень нравилась. Помощница ея, по оффиціальному положенію младшая надзирательница, г-жа Красовская, была, напротивъ, дѣвушка лѣтъ 30-ти, симпатичная, добрая, умная, ласковая, энергичная, сразу завоевавшая себѣ любовь и уваженіе со стороны дѣтей. Первая напоминала собою еще не угасшій типъ строгой, важной начальницы института, вторая представляла собою новый типъ руководительницы нарождающейся семейной школы.

Мы, первые учителя Маріинскаго училища, пошли туда не изъ-за денегъ:—помнится, что учительскій трудъ оплачивался 40—50 р. за годовой часъ,—насъ влекли туда новизна дѣла, стремленіе послужить по мѣрѣ силъ образованію русской женщины, построенному на новыхъ началахъ, желаніе поработать, примѣнить и усовершенствовать свои методы преподаванія подъ руководствомъ опытнаго педагога, какимъ былъ Н. А. Вышнеградскій. На первыхъ порахъ мы часто собирались у него на квартирѣ и въ дружеской простой и задушевной бесѣдѣ вырабатывали программы курса, методы преподаванія, «Правила внутренняго порядка Маріинскаго женскаго училища», которыя черезъ годъ (26-го февраля 1859 г.) и были утверждены принцемъ Ольденбургскимъ. Правила эти, въ которыхъ вполнѣ отразились гуманныя идеи, положенныя въ основу внутренней жизни заведенія и которыя до настоящаго времени не потеряли своего значенія, къ сожалѣнію, теперь иногда забываются. А потому напомнимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ виду того, что Маріинское женское училище было открытымъ учебнымъ заведеніемъ, отвѣтственность за поведеніе и успѣхи дѣтей возложена «Правилами» нетолько на начальство училища, но и на родителей обучающихся въ училищѣ дѣтей. «Начальство Маріинскаго училища,—говорится во 2-мъ § «Правилъ»,—отвѣтствуетъ передъ правительствомъ за успѣхи дѣтей лишь въ той мѣрѣ, въ какой они зависятъ отъ дѣятельности наставниковъ и занятій дѣтей во время урока. Для полнаго успѣха въ томъ и другомъ необходимо, чтобы родители и попечители дѣтей содѣйствовали начальству училища зависящими отъ нихъ мѣрами, тщательно надзирая за занятіями и поведеніемъ дѣтей внѣ класса». Такимъ образомъ, семья впервые призывалась къ участію въ жизни школы; школа и семья тѣсно связывались между собой.

Въ другомъ мѣстѣ наставники назывались «сотрудниками начальника», которые сообща съ надзирательницами непремѣнно должны помогать одни другимъ для достиженія полнаго и стройнаго образованія дѣтей. Наставники приглашаются «Правилами» давать такое направленіе своему преподаванію, «чтобы имъ нетолько обогащался умъ, но и развивалось, облагораживалось чувство, утверждалась въ добрѣ воля». «И въ мужчинѣ,—по замѣчанію «Правилъ»,—одно только знаніе безъ облагороженнаго и развитаго чувства мало имѣетъ цѣны, а въ женщинѣ рѣшительно пагубно: оно дѣлаетъ ихъ сухими, надменными эгоистками, неспособными къ добросовѣстному, искреннему отправленію тихихъ семейныхъ обязанностей». Успѣхи дѣтей и направленіе заведенія ставились, слѣдовательно, въ зависимость отъ совокупныхъ усилій и работы всей педагогической корпораціи заведенія, а не отъ однихъ начальствующихъ лицъ.

Заботясь о соблюденіи разумной и воспитательной дисциплины въ училищѣ и строгаго порядка въ классѣ, «Правила» тѣмъ не менѣе далеки отъ ригоризма и суровой внѣшней требовательности. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ 28 § «Правилъ», который, кстати сказать, теперь совершенно игнорируется; въ поученіе нынѣшнимъ молодымъ педагогамъ, приведемъ его вполнѣ. «Понятіе о порядкѣ въ классѣ часто понимается совершенно превратно, а потому и требуетъ въ настоящемъ случаѣ точнаго изъясненія. Истинный педагогическій порядокъ класса состоитъ не въ мертвой тишинѣ и не въ однообразномъ, неподвижномъ физическомъ положеніи дѣтей; какъ то, такъ и другое, будучи несвойственно живой природѣ дѣтей, налагаетъ на нихъ вовсе ненужное стѣсненіе, крайне утомляетъ ихъ, разрушаетъ дѣтское довѣрчивое отношеніе между наставниками и ученицами. Ни мало не нарушается педагогическій порядокъ класса, если ученица, уставъ сидѣть совершенно прямо, обопрется на спинку своего стула, если она нѣсколько разъ перемѣнитъ положеніе рукъ и ногъ, скромно и кстати засмѣется по поводу того, что говоритъ наставникъ, прерветъ рѣчь его или отвѣтъ своей подруги выраженіемъ своего недоумѣнія, лишь бы только все это дѣлалось въ формахъ, согласныхъ съ природою дѣтскаго возраста и съ требованіями нравственнаго приличія. *Классъ долженъ сколько возможно больше походить на семью;* чѣмъ полнѣе будетъ это сходство, тѣмъ ближе будетъ и классъ къ своей истинной цѣли. А въ благоразумныхъ семействахъ никогда не требуютъ, чтобы дѣти сидѣли неподвижно и однообразно, чтобы они не смѣли смѣяться или обратиться къ старшимъ по поводу того, что кажется имъ непонятнымъ. Уничтоженіе семейнаго элемента въ обще-

ственныхъ училищахъ убиваетъ природную живость дѣтей, омрачаетъ Богомъ дарованную имъ веселость, истребляетъ довѣрчивость и любовь къ наставникамъ и наставницамъ, къ училищу, къ самому ученью, въ натурахъ энергическихъ образуетъ характеры скрытные, недовѣрчивые, раздражительные, въ натурахъ мягкихъ—ничтожные, совершенно безличные». Прибавимъ, что тѣми-же «Правилами» рекомендуется лицамъ, завѣдующимъ училищемъ, обращать самое серьезное вниманіе на здоровье воспитанницъ; наблюдать за обувью и одеждою воспитанницъ, за тѣмъ, чтобы ученицы непремѣнно приносили съ собою завтракъ, за возможно частымъ освѣженіемъ воздуха въ классахъ, за температурой классныхъ комнатъ и т. д.

Все это было ново для того времени, но «Правила» не были мертвою буквою, а вытекали изъ принциповъ организуемаго заведенія, изъ самой жизни заведенія, а потому охотно исполнялись какъ учащими, такъ и учащимися.

Тому прошло болѣе 30 лѣтъ, но пребываніе мое въ теченіе пяти лѣтъ учителемъ географіи въ Маріинскомъ училищѣ, позднѣе гимназіи *), остались навсегда въ моей памяти.

Д. Семеновъ.

(Окончаніе будетъ).

---

*) Училища, по ходатайству попечителя Виленскаго учебнаго округа, генералъ-адъютанта В. И. Назимова, въ 1862 году Высочайшею волею переименованы въ гимназіи въ виду того, что «люди, незнакомые съ учебными программами женскихъ училищъ, смѣшиваютъ ихъ съ другими низшими училищами, и названіе ихъ «училища для приходящихъ дѣвицъ» употребляется только въ офиціальныхъ бумагахъ и идетъ наперекоръ установившемуся въ обществѣ обычаю именовать ихъ гимназіями».

О ЗАДАЧАХЪ РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ.

Возможно болѣе точное и ясное формулированіе существеннѣйшихъ началъ русской педагогики можетъ утвердить въ обществѣ вѣру въ плодотворность ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ повести и къ выясненію средствъ для достиженія предположенной цѣли. Со своей стороны, не пытаясь освѣтить вопросъ во всей его широтѣ и полнотѣ, мы попытаемся лишь сгруппировать мнѣнія, высказанныя по этому поводу авторитетными учеными и такимъ образомъ обратить на нихъ вниманіе общества и содѣйствовать выясненію принциповъ, долженствующихъ имѣть руководящее значеніе въ области нашего русскаго воспитанія.

Изученіе существующей педагогической литературы привело насъ къ убѣжденію, что въ ней, къ сожалѣнію, даже главнѣйшіе вопросы въ этомъ направленіи разрѣшены далеко не удовлетворительно и что разрѣшить нѣкоторые изъ нихъ пока невозможно, такъ какъ мы еще не имѣемъ самостоятельной философіи. Но это обстоятельство тѣмъ сильнѣе должно побуждать къ совмѣстной работѣ всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы русскаго воспитанія, правильная постановка котораго можетъ благотворно повліять на нашу семейную и общественную жизнь, а затѣмъ, въ концѣ концовъ, содѣйствовать также процвѣтанію у насъ наукъ и искусствъ.

I. Характеръ воспитанія у классическихъ народовъ и главнѣйшихъ народовъ западныхъ.

Въ различныхъ книгахъ и педагогическихъ сочиненіяхъ не разъ давались опредѣленія педагогики. Если придерживаться нѣмецкаго опредѣленія, то подъ именемъ педагогики надо разумѣть науку о воспитаніи человѣка вообще.

«Всякое школьное образованіе, говоритъ Песталоцци *), не по-

*) См. Л. Модзалевскій, Очерки исторіи воспитанія и обученія, стр. 513.

строенное на основахъ общечеловѣческаго образованія, ведетъ ложнымъ путемъ. Все человѣчество по своей сущности одинаково и для своего удовлетворенія должно идти одинаковымъ путемъ. Поэтому всякая истина, вѣрно почерпнутая извнутри нашего существа, должна быть общечеловѣческою истиною». Педагогика, одушевленная геніемъ Песталоцци, пошла по разъ начерченному имъ пути. Какими-бы идеалами она ни руководилась, становилась-ли она на теоретическую или практическую почву, она постоянно твердо держала знамя общечеловѣческаго воспитанія. Послѣдующіе педагоги только развивали эту мысль. «Педагогика, по мнѣнію Нимейера *), не можетъ имѣть другой цѣли, какъ развитіе въ человѣкѣ всего общечеловѣческаго, гуманнаго, состоящаго въ разумности и въ способности свободно направлять свою волю къ общему благу». Шварцъ (1766 — 1837), въ своемъ «Руководствѣ къ воспитанію и обученію» и въ своей «Теоріи воспитанія», считаетъ правильнымъ только такое воспитаніе, которое исходитъ изъ природы человѣка, неразрывно примыкая къ ходу ея развитія, и которое развиваетъ въ человѣкѣ высшую, облагороженную природу, направляясь къ тому, чтобы общечеловѣческое въ природѣ отдѣльнаго человѣка вполнѣ становилось его индивидуальностью. Кантъ сблизилъ педагогику съ философіей; послѣдователи-же его впослѣдствіи старались только систематически, строго научно изложить теорію воспитанія. И по Канту воспитаніе имѣетъ своею задачею — образовать человѣка для того, чтобы онъ исполнилъ цѣль своего бытія. Дѣти должны воспитываться не для настоящаго, а для будущаго, возможно лучшаго состоянія человѣчества. По мнѣнію Гегеля, «педагогика есть искусство дѣлать человѣка нравственнымъ: она беретъ человѣка, какъ произведеніе природы, и указываетъ путь для перерожденія, для перехода его первичной, животной природы въ духовную, истинно-человѣческую... Духъ человѣка долженъ быть доведенъ воспитаніемъ до освобожденія отъ всего особеннаго, частнаго, и въ немъ должно быть возбуждено знаніе и желаніе общаго».

Изъ всего сказаннаго видно, что нѣмцы имѣютъ, главнымъ образомъ, претензію на общечеловѣческое воспитаніе и что лучшіе философы ихъ и педагоги говорятъ только объ общечеловѣческомъ воспитаніи. Однако, изучая болѣе внимательно ихъ педагогическія сочиненія и руководства, перечитывая ихъ школьные уставы, программы, входя въ подробности ихъ педагогической дѣятельности, мы убѣждаемся, что нѣмецкая педагогика, столь много говорящая объ

*) См. его «Основы воспитанія и обученія».

общечеловѣческихъ задачахъ воспитанія человѣка вообще, въ сущности заботится о воспитаніи нѣмцевъ, построена на нѣмецкихъ началахъ и идеалъ ея воспитанія — чистокровный нѣмецъ, а потому и представляетъ изъ себя педагогику нѣмецкую, національную, прикрывающуюся только расплывчатыми фразами объ общечеловѣческихъ задачахъ ея *).

Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнить довольно вѣрную мысль Н. Я. Данилевскаго, что общечеловѣческихъ задачъ и быть не можетъ и что каждый народъ осуществляетъ свою историко-культурную миссію. Всегда и вездѣ, у всѣхъ народовъ воспитаніе носило національный характеръ, и этотъ характеръ легко отмѣтить даже при поверхностномъ изслѣдованіи. Въ этомъ отношеніи нельзя не припомнить словъ нашего педагога К. Д. Ушинскаго: «Нѣмецъ, англичанинъ, французъ, американецъ требуютъ отъ воспитанія не одного и того-же, и подъ именемъ воспитанія у каждаго народа различныя системы воспитанія. Различіе это, не выражаясь опредѣленно, проглядываетъ во множествѣ особенностей, иногда мелкихъ, но характеристичныхъ, показывающихъ направленіе общественнаго воспитанія у каждаго народа, и ту не высказываемую цѣль, къ которой оно стремится и которая опредѣлила самыя его формы. Въ основаніи особой идеи о воспитаніи у каждаго народа лежитъ, конечно, особенная идея о человѣкѣ, о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ, по понятіямъ народа, въ извѣстный періодъ народнаго развитія. Каждый народъ имѣетъ свой особенный идеалъ человѣка и требуетъ отъ своего воспитанія воспроизведенія этого идеала въ от-

---

*) Воспитаніе, въ смыслѣ науки или искусства, имѣетъ цѣль общую, внутреннюю, изъ которой уже затѣмъ могутъ вытекать всѣ другія внѣшнія, посредствующія цѣли, къ числу которыхъ относится также вопросъ о національномъ воспитаніи, которое, слѣдовательно, является лишь примѣненіемъ общихъ началъ къ этническимъ особенностямъ даннаго народа. Такимъ образомъ, общепринятое, а не только нѣмецкое, философское опредѣленіе педагогики, приведенное авторомъ настоящей статьи, отнюдь не исключаетъ понятія о національномъ характерѣ воспитанія,—напротивъ, таковой характеръ оно должно принимать неизбѣжно, по самой силѣ вещей. Такъ какъ на педагогической литературѣ лежитъ обязанность указывать на необходимость національнаго воспитанія, а на педагогахъ содѣйствовать, по мѣрѣ своего разумѣнія, выясненію существеннѣйшихъ элементовъ этого воспитанія, то поэтому мы и помѣщаемъ статью г. Демкова. Но вмѣстѣ съ тѣмъ редакція считаетъ необходимымъ напомнить, что не слѣдуетъ упускать изъ виду и главнаго, основнаго принципа педагогики—воспитанія *человѣка*, ибо только этотъ принципъ и можетъ воздерживать воспитателей отъ увлеченій крайностями націонализма и служить въ этомъ отношеніи регуляторомъ ихъ воспитательной дѣятельности. *Ред.*

дѣльныхъ личностяхъ». Жизнь каждаго народа и его идеалы находятся въ зависимости отъ многоразличныхъ условій, и не только внѣшніе факторы (природа, климатъ) вліяютъ на выработку этихъ идеаловъ, но, главнымъ образомъ, внутренніе, психологическіе, выражающіеся въ поэзіи, литературѣ, наукѣ, искусствѣ, способствующихъ ясному и точному формулированію этихъ идеаловъ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ этихъ факторовъ слагаются народные идеалы, народный характеръ, и педагогика, если не желаетъ быть безпочвенной, должна носить характеръ того народа, которому принадлежитъ. Ни одинъ здравомыслящій нѣмецъ не потерпитъ, чтобы его дѣти учились на французскій ладъ, или наоборотъ, французъ — на нѣмецкій. Педагогика, стремящаяся оторваться отъ почвы, насадить чуждое, несродное народу воспитаніе, будетъ признана нелѣпостью и навѣрное будетъ отвергнута, какъ нѣчто, не выдерживающее самой посредственной критики, хотя-бы при этомъ ясно и не выражалось, что она отвергается вслѣдствіе ея анти-національнаго характера.

Придавая большое значеніе воспитанію въ жизни человѣка, мы тѣмъ не менѣе ясно сознаемъ, что предѣлы воспитательной дѣятельности уже *даны* въ условіяхъ душевной и тѣлесной природы человѣка и въ условіяхъ міра, среди которыхъ ему суждено жить. Кромѣ того, мы ясно сознаемъ, что воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ преднамѣренная воспитательная дѣятельность (школа, воспитатели и наставники), вовсе не единственные воспитатели человѣка, и что столь-же сильными, а можетъ быть, и сильнѣйшими, воспитателями его являются воспитатели непреднамѣренные: природа, семья, общество, народъ, его религія и его языкъ, словомъ — природа и исторія въ обширномъ смыслѣ. Прослѣдить вліянія этихъ факторовъ, проникнуть въ глубь вопроса мы не можемъ, а потому здѣсь, въ дополненіе и разъясненіе вышеприведенныхъ словъ Ушинскаго, отмѣтимъ лишь самый фактъ этого вліянія на педагогику.

Обращаясь къ Греціи, мы видимъ, что тутъ сама природа, запечатлѣвшая въ мысли грека свои формы, прямо клонитъ его къ яснымъ и опредѣленнымъ созерцаніямъ. Греціи какъ-бы самой природой суждено во всей полнотѣ проявить одну сторону человѣческаго духа,—осуществить идею красоты, вдохнуть въ людей энергію и дѣятельность. Греческій духъ, по Гегелю, оттого именно такъ ясенъ, что ему присуще сознаніе его свободы. «Грека интересуетъ, говоритъ И. Тэнъ *), сама по себѣ истина; увидѣвъ, что сицилійскіе матема-

*) См. Чтенія объ искусствѣ, стр. 361.

тики примѣняютъ свои открытія къ постройкѣ машинъ, Платонъ укорялъ ихъ, что они унижаютъ этимъ науку; по его мнѣнію, ей слѣдуетъ ограничиваться созерцаніемъ однѣхъ идеальныхъ линій. Дѣйствительно, греки всегда двигали науку впередъ, не заботясь о практической ея пригодности. Такъ, напр., ихъ изслѣдованія о свойствахъ коническихъ сѣченій нашли себѣ приложенія только семнадцать вѣковъ позже, когда Кеплеръ сталъ отыскивать законы движенія планетъ... Разлагать идеи на составныя ихъ части, подмѣчать взаимную имъ связь, образовывать изъ нихъ такую цѣпь, чтобы въ ней были на лицо всѣ звенья и чтобы вся она примыкала къ какой-нибудь безспорной аксіомѣ или къ группѣ общедоступныхъ наблюденій, находить удовольствіе въ выковкѣ, связываніи, размноженіи и провѣркѣ этихъ звеньевъ, не имѣя притомъ другой цѣли, кромѣ одного желанія видѣть ихъ все болѣе и болѣе многочисленными, — вотъ особенный даръ греческаго ума. Эти люди только для того и мыслятъ, чтобы мыслить, и вотъ почему они создали прочную философію, заложили фундаментъ для будущей науки. Мы и теперь не воздвигаемъ ни одной новой науки безъ того, чтобы не опереться на заложенный ими фундаментъ; часто мы обязаны имъ первымъ ярусомъ, иногда и цѣлымъ крыломъ научнаго зданія». Люди, такъ сильно увлекавшіеся идеями, не могли не полюбить прекраснѣйшихъ изъ нихъ—идей обобщенія, объединенія. Въ теченіе одиннадцати вѣковъ, отъ Ѳалеса до Юстина, ихъ философія никогда не останавливалась въ ростѣ; всегда новая какая-нибудь система расцвѣтала на почвѣ старыхъ или на ряду съ ними. Въ глазахъ эллина два только занятія разнили человѣка отъ скота и грека отъ варвара: интересъ къ общественнымъ дѣламъ и изученіе философіи. Прочтите платоновыхъ «Ѳеотета» и «Протагора»—и вы увидите тотъ неослабный энтузіазмъ, съ какимъ даже очень еще молодые люди стремятся къ идеямъ сквозь терніи и шипы діалектики. И воспитаніе грека отвѣчаетъ существеннымъ свойствамъ его. Идеалъ греческаго воспитанія—καλοκαγαθία—внѣшняя и внутренняя красота и доброта, тѣлесная и душевная юность, здоровье и радостное настроеніе, гармоническое развитіе всѣхъ физическихъ и психическихъ силъ и наклонностей, человѣкъ законченный какъ снаружи, такъ и свнутри. Наиболѣе выдающимися воспитательными средствами у грековъ вездѣ являются гимнастика и музыка.

Жажда дѣятельности, энергія, храбрость, непоколебимое мужество въ жестокомъ бою—вотъ основы римскаго характера. Такія добродѣтели придали римскому характеру величіе, заслуживающее удивленія. Римское государство—это правомѣрное государство по преиму-

ществу, и своимъ острымъ юридическимъ разсудкомъ оно заложило краеугольный камень для права вообще. Идея права есть всемірно-историческая идея римскаго народа. И воспитаніе вполнѣ отвѣчаетъ римскому характеру. Школа уже подготовляетъ отроковъ къ политическимъ и юридическимъ наукамъ, заставляя ихъ изучать законы XII-ти таблицъ. Отвѣчая строгому характеру римлянъ, ихъ воспитаніе приняло практическое направленіе и поставило себѣ цѣлью жизнь въ качествѣ достойнаго члена семьи и государства. Это истое римское воспитаніе подверглось преобразованію, когда во время и послѣ пуническихъ войнъ все болѣе и болѣе распространялось вліяніе Греціи на культурную жизнь Рима. Тогда-то греческія формы проникли какъ въ религію, такъ и въ искусство, науку и литературу, оттѣсняя римское и туземное все болѣе и болѣе на задній планъ. Воспитаніе тогда утратило нѣсколько національный римскій характеръ, но и здѣсь своеобразность римскаго духа все-таки высказывалась хотя-бы въ томъ, что въ императорскую эпоху правовѣдѣніе достигаетъ высшаго расцвѣта и что въ управленіи и народномъ хозяйствѣ ихъ міровой державы созданы были образцовыя учрежденія, долго пережившія послѣднюю.

«Типическою чертою германскаго характера, говоритъ К. Д. Ушинскій *),—которая до сихъ поръ рѣшала роль Германіи въ исторіи и опредѣляла ея значеніе во всемірномъ развитіи человѣчества, является наклонность къ *отвлеченію*, и выходящая изъ него наклонность къ системѣ. Нѣмецъ во всѣхъ явленіяхъ жизни ищетъ гармоніи и связи, все возводитъ въ отвлеченную идею и отовсюду ее извлекаетъ. Для него недостаточно понимать вещь: ему непремѣнно нужно опредѣлить ее и дать мѣсто въ системахъ своихъ знаній. Опредѣленіями, разграниченіями, распредѣленіями набиты кипы нѣмецкихъ учебниковъ и руководствъ. Безъ опредѣленія для нѣмца и вещь не вещь. Прежде всего видитъ онъ въ каждомъ предметѣ его философскую сторону и всякое свое дѣло начинаетъ и оканчиваетъ философскою мыслью. Если у него нѣтъ истинной философіи, то онъ выскажетъ самую избитую мысль, годную только для прописи, но ни за что не пропуститъ случая пофилософствовать. Но болѣе всего онъ заботится, чтобы въ головѣ его не осталось ни одного предмета, который-бы не помѣстился въ одномъ изъ уголковъ его системы. Эта страсть къ абстракціи и системѣ создаетъ великихъ ученыхъ, познанія которыхъ обнимаютъ міръ, какъ познанія Риттера и Гумбольдта, поэтовъ-

*) См. Собраніе педагогическихъ сочиненій, стр. 31.

философовъ, какъ Гёте, и философовъ-поэтовъ, какъ Кантъ, Шеллингъ, но она создаетъ и нѣмецкихъ мечтателей и мечтательницъ въ молодости и самыхъ мелочныхъ формалистовъ и педантовъ подъ старость. Ей Германія обязана своимъ всемірнымъ значеніемъ въ наукѣ, своимъ политическимъ могуществомъ, величайшими произведеніями ума человѣческаго, и необозримою грудою бездарнѣйшихъ книгъ, въ которыхъ подъ сѣткой безконечныхъ явленій и подраздѣленій, оглавленныхъ буквами всѣхъ размѣровъ и всѣхъ азбукъ, а порой и цыфрами, не скрывается часто ни одной мысли. Эта-же *красная нить* германскаго характера наложила особый отпечатокъ и на общественное образованіе Германіи. По страсти своей все систематизировать нѣмцы возвели искусство воспитанія на степень науки и съ любовью разработали свою педагогику въ многотомныя системы, обладающія тысячами подраздѣленій». Загляните въ любой учебникъ педагогики, чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ. Возьмите наудачу какое-нибудь руководство, имѣющееся въ русскомъ переводѣ, разверните и посмотрите хотя-бы оглавленіе. Беру для примѣра «Общее ученіе о воспитаніи» д-ра Линднера. Развертываемъ наудачу и на стр. 106 видимъ, что методъ воспитанія раздѣляется на: 1) методъ надзора; 2) методъ управленія; 3) методъ ухода; 4) методъ занятія; 5) методъ обращенія; 6) методъ упражненія и пріученія; 7) методъ культуры; 8) методъ обученія; 9) методъ направленія; 10) методъ образованія характера. Боже, сколько здѣсь подраздѣленій и рубрикъ! Методъ надзора, напр., въ свою очередь, раздѣляется на наблюдательный надзоръ и контролирующій, въ методѣ управленія вскользь упоминается объ общественномъ порядкѣ и тутъ-же говорится, что онъ бываетъ: 1) личный, 2) вещественный, 3) временный и 4) нравственный, что Гербартъ (въ § многосторонность интереса) различаетъ интересъ: 1) эмпирическій, 2) спекулятивный, 3) эстетическій, 4) симпатическій, 5) общественный и 6) религіозный. И тутъ-же прилагается таблица, гдѣ интересъ разсматривается какъ объективное познаніе и субъективное участіе въ а) людяхъ, б) Богѣ, или какъ опытъ, мышленіе, вкусъ, обращеніе, возношеніе. Рубрики громоздятся надъ рубриками, группы раздѣляются на группы, а эти, въ свою очередь, еще на меньшія подгруппы, и все для того, чтобы сказать нѣсколько словъ.

«Стоитъ, такимъ образомъ, безпристрастному читателю другой націи прочесть три, четыре нѣмецкія педагогики, чтобы убѣдиться, что идеалъ человѣка, воспитаніе котораго въ нихъ разрабатывается, нѣмецкій ecce homo, совершеннѣйшій нѣмецъ. Прежде всего и больше

всего нѣмецкое воспитаніе стремится къ всесторонности и систематичности познаній. Программы нѣмецкихъ гимназій, факультетовъ и нѣмецкихъ экзаменовъ пугаютъ своей многосложностью и громадностью. Только въ Германіи вы найдете учебники, гдѣ прежде опредѣленія какого-нибудь слова перечисляются названія его у двадцати народовъ и гдѣ, напримѣръ, приступая къ описанію сохи, авторъ выводитъ ея восточное происхожденіе и разсказываетъ предварительно всю ея исторію, начиная съ Китая и оканчивая Германіей». Не трудно замѣтить, что здѣсь воспитаніе приносится въ жертву наукѣ или, вѣрнѣе сказать, наука и ученость являются окончательною цѣлью, къ которой направлено все воспитаніе. Человѣкъ ученый и человѣкъ хорошо воспитанный для нѣмца одно и то-же; хоть онъ и старается положить въ своей педагогической теоріи границу между этими двумя понятіями, но на дѣлѣ эта черта исчезаетъ. Умѣнье приложить знаніе къ дѣлу, укрѣпленіе душевныхъ способностей, развитіе характера, внѣшняя полировка человѣка составляютъ для нѣмецкой педагогики вопросы второстепенные. И надо отмѣтить, что германская педагогика совершенно соотвѣтствовала до сихъ поръ требованіямъ германской жизни: образовывала великихъ ученыхъ и философовъ, многое множество спеціалистовъ, разработывавшихъ ихъ идеи, и публику, смотрѣвшую на ученую дѣятельность, какъ на высшее выраженіе человѣческой дѣятельности.

Не то мы видимъ во Франціи. Внѣшній блескъ, тщеславіе и матеріальная польза—вотъ наиболѣе вѣрная характеристика француза; та-же черта *красною нитью* проходитъ чрезъ всю ихъ систему общественнаго воспитанія. «Французъ поступаетъ въ общественное заведеніе, говоритъ К. Д. Ушинскій,—прежде всего потому, что его пребываніе въ семействѣ стѣсняетъ родителей, которымъ еще самимъ хочется пожить въ свое удовольствіе. Онъ учится отчасти для того, чтобы пріобрѣсть тѣ техническія познанія, которыя могутъ понадобиться въ жизни, отчасти для того, чтобы получить извѣстный лоскъ, необходимый образованному человѣку въ обществѣ, но болѣе всего, чтобы отличиться на экзаменѣ и пріобрѣсть по экзамену право на занятіе той или другой должности. Самыя школы болѣе служатъ и спекулируютъ, чѣмъ занимаются воспитаніемъ. На перегонку одна передъ другой стараются онѣ выставить на показъ образцовыхъ воспитанниковъ, не заботясь объ остальныхъ. Педагогическая дисциплина вся направлена къ тому, чтобы развить самолюбіе воспитанниковъ и заставить соревновать другъ другу тѣхъ изъ нихъ, которые по природнымъ своимъ способностямъ могутъ выйти на эту арену:

остальные должны сидѣть смирно и не мѣшать. Классическіе языки и классическая литература составляютъ основаніе и французскаго общественнаго воспитанія; но французъ прибавляетъ къ древнимъ классикамъ и своихъ собственныхъ. Онъ не любитъ углубляться въ грамматическія и филологическія тонкости; ему мало дѣла и до древней классической жизни. Онъ слегка пробѣгаетъ содержаніе древней литературы, но выучиваетъ наизустъ эффектныя мѣста, и прежде всего кидается на фразу: подмѣчаетъ ее, заучиваетъ, цитируетъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Также точно онъ поступаетъ и съ своими классиками. За-то, какъ и обработалъ онъ свою фразу! Она готова у него на всякій случай, на всякую мысль, на всякій оттѣнокъ мысли, и ему остается только брать ее, всегда готовую, острую и ловкую. Въ богатствѣ фразъ ни одинъ языкъ не можетъ сравниться съ французскимъ. Богатство фразъ много мѣшаетъ опредѣленности и силѣ языка: готовое выраженіе, ловкое и красивое, такъ и просится подъ перо, а между тѣмъ оно никогда такъ не передастъ всѣхъ формъ мысли, какъ то, которое родилось вмѣстѣ съ мыслью. Отъ этого, можетъ быть, такъ много писателей во Франціи и такъ мало между ними оригинальныхъ *).

«Однако, прибавляетъ далѣе Ушинскій, надо отдать справедливость, что если ученое образованіе, общее умственное развитіе и воспитаніе нравственности и характера мало достигается французскимъ образованіемъ, за-то можно сказать съ убѣжденіемъ, что техническая часть ученья процвѣтаетъ во Франціи».

Въ послѣднее время, впрочемъ, во французскомъ характерѣ и педагогикѣ замѣчается серьезный поворотъ. При этомъ новая педагогика развивается подъ вліяніемъ началъ Декарта,—философа, задающаго тонъ всей французской философіи и наукѣ. Французъ имѣетъ обыкновеніе мыслить ясно, выражать свои мысли понятно и краснорѣчиво. Это основное правило выражается и въ философіи Декарта.

«Первое (наставленіе), говоритъ Декартъ, состоитъ въ томъ, чтобы не признавать никакого предмета истиннымъ, если я не убѣжденъ въ томъ по личному опыту, т.-е. дѣйствовать осмотрительно, безъ торопливости и предубѣжденія, и включать въ свои сужденія только то, что представлялось-бы до того ясно и очевидно моему уму, чтобы я никакъ не могъ усомниться въ извѣстномъ предметѣ».

Новая педагогика старается освободиться отъ излишнихъ авторитетовъ и быть наглядной, стараясь направить воспитаніе умовъ такъ, чтобы снабдить ихъ *ясными* идеями.

---

*) Ушинскій, loc. cit.

Иную картину представляетъ воспитанiе въ Англiи. При другихъ обстоятельствахъ сложилась жизнь англiйскаго народа. Иначе сложилась его поэзiя, литература, философiя, частная и общественная жизнь, а потому и воспитанiе тамъ приняло совсѣмъ особый характеръ.

«Безъ сомнѣнiя, говоритъ г. Н. Данилевскiй *), всякiй согласится, что существенную, преобладающую черту въ англiйскомъ нацiональномъ характерѣ составляетъ любовь къ самодѣятельности, ко всестороннему развитiю личности, индивидуальности, которая проявляется въ борьбѣ со всѣми препятствiями, противопоставляемыми какъ внѣшнею природою, такъ и другими людьми. Борьба, свободное соперничество есть жизнь англичанина: онъ принимаетъ ихъ со всѣми ихъ послѣдствiями, требуетъ ихъ для себя какъ права, не терпитъ никакихъ ограниченiй, хотя-бы они служили ему-же въ облегченiе, находитъ въ нихъ наслажденiе. Начиная со школы, англичанинъ ведетъ эту борьбу—и гдѣ жизнь не представляетъ достаточныхъ для нея элементовъ, онъ создаетъ ихъ искусственно. Онъ бѣгаетъ, плаваетъ, катается на лодкахъ взапуски, боксируетъ одинъ на одинъ. Борьбу вводитъ англичанинъ во всѣ свои общественныя учрежденiя. Въ судѣ, парламентѣ—вездѣ личное состязанiе. Въ подражанiе парламентской борьбѣ, онъ учреждаетъ общества пренiй (debating society), гдѣ обсуждаются предложенныя темы и рѣшенiя поставляются большинствомъ голосовъ. Всякую забаву англичане приправляютъ посредствомъ пари, которое есть форма борьбы мнѣнiй. Эти пари приведены въ настоящую систему. Итакъ, борьба и соперничество составляютъ *основу* англiйскаго характера; и вотъ трое знаменитыхъ ученыхъ создаютъ три ученiя, три теорiи въ различныхъ областяхъ знанiя, которыя всѣ основаны на этомъ коренномъ свойствѣ англiйскаго характера. Въ половинѣ XVIII вѣка англичанинъ Гоббсъ создаетъ политическую теорiю образованiя человѣческихъ обществъ на началѣ всеобщей борьбы, на войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ— bellum omnium contra omnes. Въ концѣ XVIII вѣка шотландецъ Адамъ Смитъ создаетъ экономическую теорiю свободнаго соперничества, какъ между производителями и потребителями (что̀ устанавливаетъ цѣну предмета), такъ и между производителями (что̀ удешевляетъ и улучшаетъ произведенiя промышленности)—теорiю непрестанной борьбы и соперничества, которыя должны имѣть своимъ результатомъ экономическую гармонiю. Наконецъ, на нашихъ глазахъ, англичанинъ Дарвинъ придумываетъ въ области физiологiи теорiю борьбы за существованiе (struggle for

*) См. Россiя и Европа.

existence), которая должна объяснить происхожденіе видовъ животныхъ и растеній и производить біологическую гармонію. Какъ-бы мы ни относились къ этимъ теоріямъ, принимали-ли ихъ вполнѣ или условно, для насъ важна въ настоящее время та печать національности, которою онѣ запечатлѣны и которая лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

И англійская педагогика есть вѣрное зеркало народнаго характера. Для англійскаго воспитанія наука не цѣль, но одно изъ средствъ для развитія характера, привычекъ, образа мыслей. Англійскій джентльменъ, такъ-же какъ и нѣмецъ, просиживаетъ лучшіе годы своей молодости за классиками и пріобрѣтаетъ въ классической литературѣ твердыя, никогда не изглаживающіяся познанія. Но англичанинъ ищетъ въ классикахъ не предметовъ историческаго изученія или философскаго анализа, за которыми гоняется нѣмецъ, а привычки къ той силѣ и ясности языка, опредѣленности и точности выраженій, которыми отличается классическая литература и которыя имѣли такое сильное вліяніе на образованіе логизма англійской рѣчи. Но главное въ англійскомъ воспитаніи—это характеръ, привычка владѣть собою (selfgovernement), отличающая всякаго истиннаго джентльмена. На образованіе и укрѣпленіе его обращено главное вниманіе англійскаго воспитанія. Англійскіе древніе университеты, равно какъ и знаменитыя школы Англіи, болѣе воспитательныя, чѣмъ учебныя заведенія. Въ Англіи и самое воспитаніе практично, какъ практичны сами англичане. Какова-бы ни была школа, вездѣ и всегда тѣлеснымъ упражненіямъ, главнымъ образомъ—играмъ и упражненіямъ на чистомъ воздухѣ, отведено большое мѣсто въ системѣ англійскаго воспитанія. При этомъ игры обязательны для каждаго ученика. И, благодаря воспитанію, привычка къ физическимъ упражненіямъ остается на всю жизнь: начавъ различныя упражненія въ школѣ, онъ продолжаетъ ихъ и въ университетѣ и послѣ него съ удовольствіемъ принимаетъ участіе въ разныхъ гонкахъ, публичныхъ играхъ въ крикетъ и т. д. Игры настолько сливаются со всею школьною жизнью англійскаго ученика, что онъ безъ нихъ не можетъ себѣ и представить школы: онъ не замѣчаетъ также, что онѣ для него обязательны, т.-е. принудительны. Англійская школа тѣмъ и сильна и велика, что она старается гармонически развить всего человѣка—тѣло и духъ. При обученіи древнимъ языкамъ главное вниманіе обращено на чтеніе авторовъ. Изученію отечественнаго языка много способствуютъ, кромѣ отрывковъ и сочиненій, такъ называемые *дебаты* учениковъ, которые иногда бываютъ публичны. Одни изъ участниковъ спора ста-

вятъ положеніе (тезисъ) и защищаютъ его, другіе стараются опровергнуть. Въ результатѣ получается привычка къ критическому отношенію къ чужой мысли, привычка быстро схватывать и объяснять мысль противника и навыкъ находчиво и логически формулировать собственную мысль. Можно сказать, что многіе знаменитые лидеры парламента начали свою карьеру еще въ школѣ. Немало способствуютъ выработкѣ языка и стиля также школьныя газеты, играющія большую роль въ англійской школьной жизни. Словомъ, какъ-бы вы ни относились къ основамъ англійскаго воспитанія, одно несомнѣнно, что оно имѣетъ глубоко національныя основы. Даже самый завзятый поклонникъ космополитическаго образованія не усмотритъ у этого сильнаго и великаго народа малѣйшихъ намековъ на космополитизмъ, даже у его лучшихъ педагоговъ.

II. Система воспитанія должна быть національною.

Итакъ, изъ примѣра древнихъ и новыхъ высоко-культурныхъ націй мы видимъ, что общественное воспитаніе, сдѣлавшись однимъ изъ элементовъ государственной и народной жизни, пошло у каждаго народа своимъ особеннымъ путемъ и что въ настоящее время воспитаніе у каждаго европейскаго народа имѣетъ свои характеристическія особенности. Въ среднихъ общеобразовательныхъ школахъ всего образованнаго міра вездѣ преподаются греческій и латинскій языки, одна и та-же математика, но всякій народъ ищетъ и находитъ въ этихъ учебныхъ предметахъ особенную пищу, сообразную его національности. Несмотря на сходство педагогическихъ основъ всѣхъ европейскихъ народовъ, у каждаго изъ нихъ своя національная система воспитанія, своя особая цѣль и свои особыя средства для достиженія цѣли. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ примѣровъ мы можемъ вывести заключеніе, что педагогика должна черпать свои основы изъ народной жизни, что идеалы народные, выражаемые въ поэзіи, литературѣ, философіи, должны всегда стоять предъ лицомъ педагоговъ, заправляющихъ судьбами школы, что даже сами науки и философія должны почерпать необходимую силу для дальнѣйшаго развитія въ прочной національной педагогической системѣ.

Между тѣмъ нѣмецкіе педагоги, сильно вліяющіе на русскую педагогику, стараются создать школу не для какого-либо извѣстнаго, съ извѣстными племенными особенностями, унаслѣдованными историческими традиціями и взглядами, народа, находящагося въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, но создаютъ какую-то всеобщую школу, которая

должна быть одинакова у всѣхъ народовъ, примѣнима столько-же у русскихъ, сколько у французовъ, англичанъ, нѣмцевъ. Однимъ словомъ, нѣмецкая педагогика силится показать, что она предназначена не для воспитанія нѣмца, француза, англичанина, русскаго, а человѣка вообще. И въ нашей педагогической литературѣ являлось и является немало поклонниковъ общечеловѣческой педагогики. Но сторонники такой педагогики какъ будто-бы забываютъ, что на самомъ дѣлѣ существуютъ не люди вообще, граждане міра, а люди той или другой національности, граждане того или другаго государства. «Мы всѣ люди, говоритъ г. П. Каптеревъ *),—всѣ человѣки, всѣ имѣемъ нѣчто общее между собой; но мы получили по наслѣдству своеобразную физическую и психическую организацію, живемъ въ извѣстной странѣ и климатѣ, воспитываемся подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ традицій, религіи, необходимо испытываемъ вліяніе со стороны экономическихъ средствъ народа, къ которому принадлежимъ, его цивилизаціи. Мы такимъ образомъ хотя и всѣ человѣки, но человѣки разные, вслѣдствіе чего одна и та-же схема для всѣхъ насъ будетъ неудобна, будетъ своего рода прокрустовымъ духовнымъ ложемъ».

«Общечеловѣческой задачи, говоритъ г. Данилевскій **),—которую могло-бы рѣшить одно племя конкретнымъ образомъ для всѣхъ другихъ племенъ, не существуетъ. Задача человѣчества состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ проявленіи, въ разныя времена и разными племенами, всѣхъ тѣхъ сторонъ, всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя лежатъ виртуально (въ возможности—in potentia) въ идеѣ человѣчества».

«Отрицать существованіе различныхъ національностей, говоритъ Лоранъ ***),—среди человѣческаго рода—то-же, что отрицать денной свѣтъ. Факты и науки свидѣтельствуютъ, что есть различныя расы, которыя отличаются другъ отъ друга физической организацiей, умственными и нравственными способностями».

«Какимъ образомъ проявляется духъ, спрашиваетъ далѣе Лоранъ ****), которымъ природа одарила каждаго человѣка? Своими трудами. Каждый изъ насъ имѣетъ свою особую миссію для выполненія въ общей судьбѣ человѣчества, и эта миссія проявляется въ

*) Національность и наука въ организаціи народной школы. «Народная Школа» за 1877 годъ.

**) См. Россія и Европа.

***) Lorent. La philosophie de l'histoire.

****) Ib., стр. 474.

способностяхъ, данныхъ намъ отъ Бога. То-же самое относится и къ націямъ: онѣ также имѣютъ различныя способности».

Національзмъ необходимъ для улучшенія людей, и въ этомъ его назначеніе. Это не философское умозрѣніе, это фактъ. Попробуйте отдѣлить индивидуумъ отъ націи—и вамъ останется одна абстракція. Въ этомъ отношеніи былъ вполнѣ правъ графъ де-Мэстръ, говорившій, что онъ знаетъ французовъ, англичанъ и русскихъ, но что онъ никогда не видѣлъ людей. Нація сообщаетъ человѣку характеръ, индивидуализирующій его и являющійся принципомъ его жизни и силы. Если-бы на минуту предположить, что націй не существуетъ, то было-бы мертвящее однообразіе, ничего индивидуальнаго, оригинальнаго, отсутствіе жизни, настоящая смерть *). Каждая нація представляетъ идею, которую она имѣетъ спеціальной миссіей для проявленія въ языкѣ, искусствѣ, философіи, государствѣ. Другія націи пользуются этимъ трудомъ и сообщаютъ съ своей стороны плоды своего собственнаго труда, которому предаются. Такимъ образомъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ, развиваетъ человѣчество въ богатой гармоніи способности, данныя отъ Бога **).

Уничтоженіе національныхъ типовъ, говоритъ г. П. Каптеревъ,— едва-ли возможно. Національный типъ не есть что-либо искусственное, привитое извнѣ, непрочное, неустойчивое, онъ создается тысячью условій, страной, климатомъ, исторіей, учрежденіями народа, за него мощная сила наслѣдственности. Уничтожить его не легко; для этого нужно измѣнить и страну, въ которой живетъ народъ, и его учрежденія и самую организацію народа, физическую и психическую. Да развѣ это и желательно! Вѣдь различія между націями есть источникъ прогресса и движенія. Никто, конечно, не пожелаетъ, чтобы воспитаніе уничтожало индивидуальныя различія между людьми, чтобы оно приводило всѣхъ къ одному знаменателю (одному опредѣленному типу). Различія между отдѣльными лицами и есть источникъ всякаго развитія, общественнаго и научнаго. Если всѣ люди будутъ подогнаны подъ одну мѣрку, всѣ будутъ походить другъ на друга и дѣйствовать совершенно одинаково, то изъ этого ничего путнаго не выйдетъ, получится полный умственный и нравственный застой. И какое значеніе имѣютъ индивидуальныя различія для отдѣльнаго общества, то-же значеніе имѣютъ національныя особенности для всего человѣчества. И воспитаніе должно отнестись къ нимъ такъ-же, какъ

*) Ib., стр. 476.
**) Ib., стр. 476.

оно относится къ индивидуальнымъ различіямъ, т.-е. развивать и поддерживить ихъ, а не уничтожать. При этомъ національность мы понимаемъ вовсе не въ узкомъ, эгоистическомъ смыслѣ желанія превознести себя надъ другими народами; мы понимаемъ національность, какъ особый физическій и психическій типъ, какъ особое, самостоятельное міровоззрѣніе, оригинальный взглядъ на жизнь, на науку, на искусство, особыя умственныя и сердечныя наклонности. Національность есть не что иное, какъ собственный способъ, своя особая манера мыслить, чувствовать и дѣйствовать.

Въ педагогикѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо надо помнить, что намъ приходится имѣть дѣло съ русскими, французами, нѣмцами, а не съ людьми вообще. Если въ ней довольно прочно установлено правило, что нужно индивидуализировать воспитаніе, потому что каждый человѣкъ отличается отъ другаго, и потому воспитаніе, сообразное съ природой одного, не будетъ сообразно съ природой другаго, то ужъ, понятно, будетъ явнымъ нарушеніемъ этого важнаго педагогическаго правила, если мы станемъ пренебрегать тѣми индивидуальными чертами, которыя представляютъ различныя націи, сравниваемыя одна съ другой.

Задача педагога состоитъ не въ томъ, чтобы выработать одну неизмѣнную для всѣхъ народовъ и временъ схему народнаго образованія, а въ томъ, чтобы идти рука объ руку съ жизнью, существенныя педагогическія требованія, обусловливаемыя общими свойствами человѣческой природы, постоянно видоизмѣнять, примѣняя къ данному народу, мѣсту и времени. Разъ-же педагогика должна заботиться объ укрѣпленіи и развитіи національныхъ чертъ, она изъ расплывчатой и неопредѣленной сферы общечеловѣческихъ задачъ и идеаловъ переходитъ въ болѣе узкую, но за то болѣе ясную, точную и опредѣленную сферу національныхъ интересовъ и eo ipso дѣлается *національною*.

М. Демковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вопросъ объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій въ зависимости отъ ихъ положенія въ семьѣ и домашней обстановки.

Audiatur et altera pars.

Нельзя не признать того факта, что успѣшное окончаніе не только полнаго курса гимназіи, но иногда даже нѣкоторыхъ ея классовъ для значительнаго числа учениковъ оказывается въ дѣйствительности довольно труднымъ. Это-то обстоятельство болѣе всего и вызываетъ жалобы на обремененіе дѣтей.

Обыкновенно принято объяснять причины неуспѣховъ учениковъ нашихъ гимназій исключительно неудовлетворительностью какъ программъ, такъ и ихъ исполнителей, т.-е. преподавателей гимназій и лицъ, завѣдывающихъ этими учебными заведеніями. Такой взглядъ, однако, будетъ, по нашему мнѣнію, неправильнымъ потому уже, что наши гимназіи суть заведенія по преимуществу открытыя, а слѣдодовательно, успѣшность обученія въ нихъ въ значительной степени зависитъ отъ семьи и вообще отъ всей домашней обстановки учащихся. Цѣль настоящей статьи и будетъ состоять въ томъ, чтобы выяснить тѣ, лежащія внѣ сферы вліянія школы, причины, которыми, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснять какъ разныя затрудненія при прохожденіи учениками гимназическаго курса, такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже обремененіе ихъ требованіями со стороны нашихъ гимназій.

По нашему глубокому убѣжденію, причины эти слѣдующія:

1) Ежегодно въ наши гимназіи поступаетъ довольно значительное число такихъ учениковъ, которые, даже при вполнѣ правильной постановкѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ данномъ заведеніи, всетаки не могутъ успѣвать и всегда будутъ себя чувствовать обремененными требованіями школы.

2) Весьма часто семья недостаточно содѣйствуетъ школѣ при исполненіи учениками ея требованій относительно ихъ домашнихъ занятій

3) Многіе изъ родителей гимназій слишкомъ мало заботятся о всестороннемъ физическомъ развитіи своихъ дѣтей.

Приступая къ ближайшему разсмотрѣнію первой изъ вышеназванныхъ причинъ, мы должны прежде всего оговориться, что, по нашему мнѣнію, гимназія, хотя курсъ ея и общеобразовательный, все-таки, какъ по характеру, такъ и по назначенію своему, является заведеніемъ, приготовляющимъ слушателей для университета и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Если-же такой взглядъ нашъ правиленъ, то каждый согласится съ нами и въ томъ, что многія изъ дѣтей, нынѣ посѣщающихъ наши гимназіи, собственно вовсе не должны были-бы состоять въ числѣ ихъ учениковъ, такъ какъ посѣщеніе ими этихъ заведеній обставлено такими условіями, которыя прямо противорѣчатъ характеру и цѣли гимназіи. Такъ, каждому директору названныхъ заведеній хорошо извѣстно, что ежегодно въ низшіе ихъ классы поступаетъ не очень малое число такихъ учениковъ, которые вовсе не имѣютъ намѣренія окончить полный курсъ гимназіи, чтобы потомъ перейти въ университетъ или какое-либо другое высшее учебное заведеніе, но, напротивъ, уже при самомъ поступленіи разсчитываютъ пройти только нѣкоторые классы,—много, если четыре,—и потомъ поступить на какую-либо гражданскую или-же на военную службу. Конечно, при подачѣ прошеній о пріемѣ своихъ дѣтей только весьма немногіе изъ родителей объ этомъ заявляютъ, хорошо понимая, что подобное заявленіе едва-ли можетъ рекомендовать ихъ дѣтей въ глазахъ директора и преподавателей. Но, какъ скоро окажется, что ученикъ плохо успѣваетъ, когда пойдетъ рѣчь о недопущеніи его къ экзаменамъ, или-же объ оставленіи на другой годъ въ томъ-же классѣ, тогда и слышатся, вмѣстѣ съ просьбами о снисхожденіи, также завѣренія и о томъ, что они, родители, вовсе не желаютъ, чтобы сынъ ихъ кончилъ полный курсъ гимназіи, — на что у нихъ нѣтъ и необходимыхъ средствъ,—но что они желали-бы, чтобы ему было выдано только свидѣтельство объ окончаніи четырехъ классовъ, которое ему необходимо для полученія льготы по отбыванію воинской повинности или-же для поступленія на такое-то мѣсто въ такомъ-то департаментѣ, гдѣ служитъ отецъ его, или дядя, или другой какой-нибудь родственникъ-благодѣтель. Почему родители такихъ учениковъ отдаютъ предпочтеніе именно гимназіямъ предъ другими учебными заведеніями—въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ трудно сказать. Сколько намъ извѣстно изъ долголѣтней нашей практики, тутъ нерѣдко играетъ немалую роль какое-то странное честолюбіе родителей, которые желаютъ, чтобы и ихъ дѣти во что-бы то ни стало

носили гимназическій мундиръ. Само собою разумѣется, что мы здѣсь исключаемъ тѣ случаи, когда въ данной мѣстности нѣтъ другого заведенія, кромѣ гимназіи или прогимназіи, или-же если и есть, то такое, которое не даетъ желаемыхъ родителями для своихъ дѣтей правъ. Иногда намъ случалось встрѣчать у такихъ родителей полное незнакомство съ вопросомъ о томъ, какія права даютъ другія заведенія, кромѣ гимназіи, и, помѣщая своихъ дѣтей въ послѣднія, они были вполнѣ убѣждены, что только въ гимназіи ихъ дѣти могутъ пріобрѣсти хоть то скромное право, котораго они для нихъ добиваются. Нерѣдко случалось, что родители, узнавъ отъ насъ, что дѣти ихъ такое-же право могутъ получить и въ другомъ заведеніи, съ болѣе легкимъ курсомъ, съ благодарностью пользовались совѣтомъ и переводили своихъ дѣтей именно въ одно изъ указанныхъ нами заведеній.

Но какъ-бы ни объяснять причины поступленія въ гимназію такихъ дѣтей, результатъ все-таки выходитъ во всѣхъ случаяхъ одинъ и тотъ-же, а именно, что эти учащіеся составляютъ немалый процентъ тѣхъ учениковъ, родители которыхъ жалуются на обремененіе своихъ дѣтей требованіями школы. И это вполнѣ понятно. Принадлежа обыкновенно къ весьма скромной средѣ, со скромными средствами и еще болѣе скромными способностями, дѣти эти большею частью съ самаго начала являются довольно посредственными учениками, которые занимаются вообще неудовлетворительно, а въ особенности плохо (потому что неохотно) по древнимъ языкамъ, такъ какъ они уже при поступленіи въ гимназію знаютъ (обыкновенно со словъ своихъ родителей), что эти предметы, т.-е. древніе языки, для нихъ «лишній балластъ», который, не принося имъ ни малѣйшей пользы для будущей ихъ службы, только затрудняетъ имъ скорѣйшее достиженіе своей цѣли, т.-е. полученіе свидѣтельства, дающаго имъ право на льготу по отбыванію воинской повинности. И если, вслѣдствіе такого неблагоразумнаго отношенія какъ родителей, такъ и учениковъ къ названнымъ предметамъ, изученіе ихъ дѣйствительно дается послѣднимъ довольно трудно, то, конечно, и родители, и дѣти вооружаются противъ школы и жалуются на обремененіе.

Далѣе, директору, да и вообще всѣмъ преподавателямъ и наставникамъ хорошо извѣстно, что какъ во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ гимназіяхъ, обыкновенно есть извѣстное число учениковъ, которые по умственному своему развитію далеко отстоятъ отъ своихъ сверстниковъ. Или вслѣдствіе тяжкихъ болѣзней въ раннемъ дѣтствѣ, или вслѣдствіе унаслѣдованныхъ отъ родителей, а иногда даже прародителей, разныхъ физическихъ или психическихъ

недостатковъ, болѣе или менѣе неблагопріятно повліявшихъ на духовное ихъ развитіе, умственныя способности этихъ дѣтей на столько слабы и неразвиты, что они стоятъ гораздо ниже того уровня, на которомъ находятся даже тѣ изъ ихъ товарищей по классу, которые одарены только средними способностями. И это не всегда дѣти изъ необразованной среды; иногда они принадлежатъ къ средѣ даже весьма интеллигентной, — дѣти людей, занимающихъ нерѣдко довольно высокое положеніе въ обществѣ и извѣстныхъ своими учеными трудами, и часто людей съ большими средствами. Въ послѣднемъ случаѣ дѣти, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, иногда не только малоспособные мальчики, но сверхъ того и крайне избалованные чрезмѣрною нѣжностію и снисходительностью своихъ родителей, которые о томъ только и заботятся, чтобы исполнять всѣ желанія своихъ дѣтей и отдалять отъ нихъ все непріятное и трудное. Такіе мальчики, не привыкшіе ни къ какой серьезной работѣ, неохотно участвующіе даже въ играхъ, требующихъ отъ нихъ терпѣнія или вниманія, поступивъ въ гимназію, несмотря на всякаго рода помощь со стороны гувернантокъ, репетиторовъ и гувернеровъ, несмотря на всевозможныя прекрасныя, даже роскошныя учебныя пособія, а по нашему, быть можетъ, именно благодаря всему этому, все-таки плохо успѣваютъ и, не привыкнувъ ни къ внѣшней дисциплинѣ, ни къ дисциплинѣ ума, чувствуютъ себя обремененными требованіями школы. И это опять-таки понятно: что для мальчика даже со средними способностями, но прилежно, внимательно и серьезно относящагося къ учебному дѣлу, а потому и идущаго ровнымъ шагомъ съ большинствомъ своихъ товарищей по классу, легко, или-же, по крайней мѣрѣ, по силамъ, то для ученика, еще съ меньшими способностями, но при этомъ еще недостаточно прилежнаго и неумѣющаго хоть на короткое время сосредоточить свое вниманіе на какомъ-бы то ни было учебномъ предметѣ, должно быть уже труднымъ и непосильнымъ.

Затѣмъ, въ гимназіяхъ находится обыкновенно извѣстный процентъ и такихъ учениковъ, которыхъ каждый охотно признаетъ за весьма умныхъ дѣтей. Происходя изъ интеллигентной среды, часто присутствуя при умныхъ бесѣдахъ взрослыхъ людей, живя душа въ душу со своими прекрасно образованными родителями, они хорошо понимаютъ, о чемъ тѣ говорятъ, вѣрно соображаютъ, правильно разсуждаютъ—и все-таки не удовлетворяютъ своими успѣхами и дѣйствительно бываютъ обременены требованіями школы. Дѣти эти, обладая обыкновенно хорошими способностями, несмотря на это, часто отстаютъ отъ своихъ менѣе способныхъ товарищей. Объясняется та-

кое явленіе тѣмъ, что у дѣтей этихъ тѣло хилое, здоровье слабое, и вообще все физическое ихъ развитіе не соотвѣтствуетъ ихъ возрасту *), всякій серьезный трудъ, всякая болѣе или менѣе продолжительная работа слишкомъ утомляетъ ихъ и приводитъ въ такое состояніе, при которомъ, въ виду необходимости избѣгать всякаго вреднаго вліянія на ихъ и безъ того слабое здоровье, они вынуждены иногда на довольно долгое время прерывать почти всѣ умственныя занятія какъ въ школѣ, такъ и дома, вслѣдствіе чего они еще болѣе отстаютъ отъ своихъ сверстниковъ. Дѣти эти, будучи нерѣдко весьма симпатичными мальчиками, все-таки являются крайне тяжелыми учениками для заведенія. Несмотря на всѣ заботы о нихъ школы, родители ихъ, за рѣдкими исключеніями, постоянно имѣютъ разныя претензіи на школу и жалуются на обремененіе своихъ дѣтей требованіями преподавателей, даже если въ дѣйствительности такія требованія весьма скромны и вполнѣ справедливы. Они негодуютъ на все и на всѣхъ, потому что дѣти ихъ, одаренныя такими прекрасными способностями и отличающіяся предъ многими другими дѣтьми своимъ умомъ, все-таки не вполнѣ успѣваютъ, вмѣсто того, чтобы быть первыми учениками въ классѣ. Такимъ дѣтямъ, конечно, вовсе не слѣдовало-бы быть въ гимназіи, или-же поступать туда не раньше, чѣмъ ихъ тѣло болѣе окрѣпло и здоровье ихъ поправилось, такъ какъ иначе гимназія положительно лишена возможности и по отношенію къ нимъ исполнять то требованіе, которое должно быть предъявляемо всякому гимназическому преподаванію, а именно: стремиться къ тому, чтобы у воспитанниковъ гимназіи, какъ приготовительной школы для университета, «умъ былъ созрѣвшій въ систематическихъ серьезныхъ занятіяхъ и пріуроченный къ самостоятельному труду».

Переходя теперь къ выясненію второй причины, которою, по нашему мнѣнію, также въ весьма многихъ случаяхъ слѣдуетъ объяснить разныя затрудненія для учениковъ при прохожденіи ими курса гимназіи, а также и нерѣдко значительное обремененіе ихъ требованіями школы, мы просимъ позволенія прежде всего привести здѣсь мнѣніе по этому вопросу извѣстнаго профессора философіи и педагогики Страсбургскаго университета, доктора Т. Циглера (Dr. Theobald Ziegler), высказанное имъ въ одной изъ своихъ лекцій, читанныхъ лѣтомъ прошлаго года, въ названномъ университетѣ. Эти лекціи, числомъ 12, въ которыхъ, со свойственною нѣмецкимъ ученымъ основательностью, обсуждаются всѣ под-

*) Мы позволяемъ себѣ здѣсь напомнить читателю приведенныя нами въ нашей статьѣ («Русская Школа» 1891 г. №№ 10 и 11) цитаты изъ сочиненія д-ра Ріана (Riant).

нятые въ Берлинской конференціи вопросы относительно новой школьной реформы въ Германіи,—въ августѣ 1891 года были изданы въ видѣ особой брошюры *). Въ десятой изъ этихъ лекцій почтенный профессоръ (онъ-же много лѣтъ былъ также членомъ высшаго школьнаго совѣта въ Баденѣ) весьма обстоятельно и, какъ видно, съ большимъ знаніемъ дѣла, говоритъ объ отношеніяхъ между собою школы и семьи и о необходимости ихъ взаимнаго содѣйствія другъ другу при обученіи и воспитаніи дѣтей. Тамъ-же онъ указываетъ, по нашему мнѣнію, весьма справедливо и на то, что воспитательная цѣль, преслѣдуемая при обученіи дѣтей въ школѣ, съ большимъ успѣхомъ достигается тогда, когда дѣти работаютъ не только въ школѣ, но и дома: гимназія, какъ учебное заведеніе, пріучаетъ и должна пріучать своихъ учениковъ къ работѣ не только тѣмъ, что заставляетъ ихъ трудиться всѣхъ вмѣстѣ во время уроковъ, но также и тѣмъ, что требуетъ отъ нихъ домашняго приготовленія къ слѣдующему дню и этимъ побуждаетъ каждаго изъ нихъ работать дома, однихъ и самостоятельно; она требуетъ отъ нихъ выполненія разныхъ назначенныхъ ею домашнихъ работъ съ одного дня на другой, и именно эти работы составляютъ первыя большія и трудныя обязанности дѣтей.

«Слѣдовательно,—продолжаетъ Циглеръ,—кто желалъ-бы измѣнить установившійся порядокъ—назначать ученикамъ домашнія работы и провѣрять ихъ, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣшалъ-бы воспитанію и пріученію дѣтей къ обязательному выполненію работъ и ежедневному исполненію своихъ обязанностей. А съ другой стороны, если и удалось-бы все ученье и всю работу перенести изъ дому въ классъ, то, какъ справедливо сказалъ Вирховъ **), «мы не могли-бы достигнуть развитія въ ученикахъ самостоятельности, которая ихъ сдѣлала-бы способными самимъ помочь себѣ и своими собственными силами, насколько это возможно, рѣшать каждую новую задачу, которая имъ представится въ жизни». И въ этой именно работѣ, которую дѣти должны исполнить сами и самостоятельно, заключается наиболѣе прочная связь между школой и семьею. При такой работѣ ученикъ предоставленъ исключительно самому себѣ, такую работу онъ исполняетъ одинъ; хотя онъ работаетъ для школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ работаетъ и для себя, и у себя дома. Но при этомъ школа

---

*) Die Fragen der Schulreform. Zwölf Vorlesungen von dr. Th. Ziegler, Professor der Philosophie und Paedagogik an der Universität Strassburg. Stuttgart. 1891.

**) Извѣстный германскій ученый профессоръ Вирховъ, какъ, безъ сомнѣнія, знаютъ наши читатели, также былъ членомъ берлинской школьной конференціи и вышеприведенныя слова имъ были высказаны на одномъ изъ засѣданій этой конференціи, гдѣ шла рѣчь объ обремененіи учениковъ домашними работами. Немного ранѣе Циглера онъ выразилъ почти ту-же мысль слѣдующими словами: «Я думаю, что извѣстное количество домашнихъ работъ необходимо для того, чтобы пріучить (дѣтей) къ самостоятельности».

требуетъ содѣйствія себѣ отъ семьи. Эта послѣдняя должна доставить дѣтямъ возможность учиться,—дать имъ *мѣсто*, *спокойствіе*, *освѣщеніе* и, гдѣ нужно (а въ началѣ это всегда будетъ нужно), также и *помощь*. и во всякомъ случаѣ она должна *слѣдить* за тѣмъ и *заботиться* о томъ, чтобы работа, дѣйствительно, *была исполнена*. Это первый случай, когда требованія школы даютъ себя чувствовать въ жизни семьи, и когда, при нормальныхъ отношеніяхъ, школа и семья другъ другу содѣйствуютъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это и тотъ случай, при которомъ возможно возникновеніе разныхъ конфликтовъ. По домашнимъ работамъ и выполненію ихъ учитель въ состояніи, до нѣкоторой степени, судить о внутренней жизни семьи, и наоборотъ: семьѣ самымъ характеромъ задаваемыхъ на домъ работъ дается возможность и право подвергать критикѣ веденіе учебнаго дѣла въ школѣ. Что школа въ этомъ отношеніи довольно часто имѣетъ полное право жаловаться на семью, объ этомъ неоднократно и совершенно справедливо было высказано на конференціи. Особенно въ большихъ городахъ неблагоразумные родители позволяютъ своимъ дѣтямъ слишкомъ рано являться въ общество и предаваться удовольствіямъ, которыя не только не соотвѣтствуютъ ихъ возрасту и дѣлаютъ изъ нихъ молодыхъ людей пресыщенныхъ, рано созрѣвшихъ и нервозныхъ, но даже прямо противорѣчатъ цѣлямъ школы. Сюда относится разсказанный на конференціи анекдотъ объ отцѣ, который жаловался, что сынъ его долженъ былъ работать до часа пополуночи, но на вопросъ, когда-же тотъ началъ свою работу, долженъ былъ сознаться: «тотчасъ послѣ того, какъ мы возвратились домой изъ театра». И вездѣ существуетъдовольно много родителей, которые вообще не слѣдятъ за домашними работами своихъ сыновей, и только на нихъ самихъ возлагаютъ всю заботу о томъ, исполнены-ли работы и какъ они исполнены».

Еще болѣе строго, чѣмъ почтенный профессоръ Страсбургскаго университета, осуждаетъ такое неблагоразумное отношеніе со стороны многихъ родителей къ цѣлямъ школы профессоръ Грацскаго университета Р. Крафтъ-Эбингъ. Въ популярной лекціи, прочитанной имъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ученый психіатръ, трактуя весьма обстоятельно о современной нервозности, столь распространенной въ нашемъ вѣкѣ нетолько между взрослыми, но даже и между дѣтьми всѣхъ возрастовъ, и отыскивая причины этой болѣзни у тѣхъ и другихъ, между прочимъ, говоритъ: «Кромѣ того, вслѣдствіе условій жизни большихъ городовъ, дѣти, къ сожалѣнію, слишкомъ рано уже бываютъ вовлечены въ тотъ пагубный образъ жизни, какой ведутъ взрослые. Неблагоразумные родители таскаютъ своихъ ребятъ вмѣстѣ съ собою по увеселительнымъ мѣстамъ. Благодаря этому, черезчуръ рано и часто гибельнымъ образомъ у такихъ дѣтей пробуждается чувственность, причемъ причиняется также ущербъ ихъ сну, въ которомъ они столь нуждаются. Другіе родители доставляютъ своимъ дѣтямъ сомнительное счастье присутствовать на дѣтскихъ балахъ и вечерахъ; гдѣ-то существуетъ даже газета для дѣтей!»

Что все вышесказанное о непониманіи многими изъ родителей задачъ и цѣлей школы вполнѣ вѣрно и справедливо по отношенію къ нѣмецкому обществу, въ этомъ едва-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе, такъ какъ лица, которымъ принадлежатъ вышеприведенные, не вполнѣ лестные для ихъ согражданъ, отзывы, безспорно, люди нетолько весьма компетентные, но также и вполнѣ безпристрастные въ обсужденіи даннаго вопроса. Въ пользу ихъ безпристрастія говоритъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ тѣхъ-же самыхъ лекціяхъ, въ которыхъ они такъ сильно обвиняютъ родителей въ несодѣйствіи школѣ и непониманіи ея цѣлей, оба профессора не менѣе строго порицаютъ самую школу и разные ея недостатки.

Если, однако, сказанное выше вѣрно и справедливо по отношенію ко многимъ родителямъ учениковъ германскихъ гимназій, то кто рѣшится, даже изъ самыхъ яростныхъ обвинителей нашей русской школы, утверждать, что то-же самое невѣрно и несправедливо по отношенію къ родителямъ учениковъ нашихъ гимназій? Мы, по крайней мѣрѣ, а также и всѣ преподаватели нашихъ гимназій, которымъ, какъ сказалъ въ своей лекціи страсбургскій профессоръ, ежедневно «представляется возможность по домашнимъ работамъ своихъ учениковъ и выполненію такихъ работъ судить о внутренней жизни семьи»,— мы не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что всѣ вышевысказанныя противъ нѣмецкаго общества обвиненія въ неправильномъ отношеніи многихъ изъ родителей къ школѣ, если не въ бо́льшей, то хотя бы въ одинаковой степени относятся и къ нашему русскому обществу. А гдѣ существуютъ такія неправильныя отношенія семьи къ школѣ, какія порицаетъ почтенный профессоръ Страсбургскаго университета у своихъ согражданъ, тамъ непремѣнно и скоро появятся нетолько разныя затрудненія, но также и дѣйствительное обремененіе учениковъ требованіями школы. Да оно и не можетъ быть иначе: школа безъ семьи безпомощна, и обратно. Если мы желаемъ, чтобы правильно шло обученіе и воспитаніе того молодаго существа, которое одинаково дорого и семьѣ, какъ родное дитя, и школѣ, какъ ея питомецъ, то для достиженія этой цѣли крайне необходимо, чтобы семья содѣйствовала школѣ.

Продолжая излагать свой взглядъ на отношенія между школою и семьей и высказавъ, какъ мы выше видѣли, строгое порицаніе тѣмъ изъ родителей, которые вовсе не заботятся объ исполненіи своими дѣтьми назначенныхъ имъ школою работъ, профессоръ Циглеръ считаетъ долгомъ справедливости прибавить также и слѣдующее: «Весьма многіе, однако, изъ родителей слѣдятъ за работами своихъ дѣтей,—

конечно, только такъ, какъ они это умѣютъ». Потомъ онъ продолжаетъ: «тѣ ученики, которые прилежно и хорошо работаютъ,—а такихъ не мало,—сдѣлались такими учениками нетолько благодаря школѣ».

Съ такимъ мнѣніемъ почтеннаго профессора мы вполнѣ согласны, и мы также твердо убѣждены, что каждый ученикъ, который прилежно и хорошо работаетъ, обязанъ этимъ нетолько школѣ, но также и семьѣ. Если, однако, такое положеніе вѣрно, то не менѣе вѣрно будетъ и слѣдующее положеніе: если ученикъ лѣниво и плохо работаетъ, то вина въ этомъ лежитъ, по крайней мѣрѣ, столько-же на семьѣ, сколько на школѣ. Что въ этомъ и другомъ случаѣ могутъ встрѣчаться исключенія, это само собою понятно: и заслуга, и вина иногда дѣйствительно могутъ лежатьвъ самомъ ученикѣ: ибо бываютъ иногда такія рѣдкостныя дѣти, которыя, несмотря на полное отсутствіе всякаго надзора, всякой помощи, всякой поддержки со стороны семьи,— прекрасные, образцовые ученики; а, съ другой стороны, бываютъ и такія дѣти, которыя несмотря на всѣ старанія и заботы семьи, всякаго рода помощь и содѣйствіе,—ученики плохіе, во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворяющіе. Но мы будемъ говорить здѣсь о тѣхъ случаяхъ, которые составляютъ правило, оставляя въ сторонѣ исключенія.

Итакъ, гдѣ нѣтъ школѣ содѣйствія со стороны семьи, тамъ напрасно мы будемъ ожидать, чтобы ученики дома работали прилежно и хорошо. А безъ такой работы немыслимъ никакой успѣхъ учениковъ, долженъ-ли онъ состоять въ развитіи въ нихъ самостоятельности, или въ усвоеніи извѣстнаго запаса положительныхъ знаній, или, наконецъ, въ общемъ умственномъ ихъ развитіи, столь необходимомъ для успѣшныхъ занятій въ высшемъ учебномъ заведеніи.

Въ чемъ-же, однако, должно состоять содѣйствіе семьи школѣ? чего школа имѣетъ право требовать отъ семьи? По словамъ страсбургскаго профессора, семья должна доставить своимъ дѣтямъ, при исполненіи заданныхъ школою работъ, возможность исполнить эти работы, т.-е. должна дать прежде всего *мѣсто*, *спокойствіе*, *освѣщеніе*. Остановимся пока на этихъ требованіяхъ и посмотримъ, исполняются-ли они вездѣ и всегда. Возьмемъ примѣръ изъ жизни,—одинъ изъ тѣхъ примѣровъ, которыхъ большой запасъ имѣется нетолько у насъ, но, безъ сомнѣнія, у каждаго, умѣющаго наблюдать жизнь учениковъ.

Мы находимся въ семьѣ не бѣдной и не богатой,—въ семьѣ средняго достатка. Въ ней есть четверо или пятеро дѣтей разныхъ возрастовъ. Есть, слѣдовательно, кромѣ другихъ комнатъ, и дѣтская; есть, конечно, и гостиная. Какъ это, къ сожалѣнію, обыкновенно бываетъ, такъ и въ нашей семьѣ: вопреки требованіямъ гигіены,

дѣтская (она вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и спальнею для дѣтей)—самая скромная комната во всей квартирѣ и, въ противоположность гостиной, которая свѣтла и просторна, она, дѣтская, выходитъ на темный дворъ, имѣетъ одно, много два окна; при этомъ она значительно менѣе просторна, чѣмъ гостиная, такъ что въ ней и мѣста, и воздуха, и свѣта мало. Въ этой комнатѣ, тотчасъ послѣ обѣда (опять противъ правилъ гигіены), около 6 часовъ, сѣлъ ученикъ среднихъ классовъ для приготовленія уроковъ на слѣдующій день. Работы разсчитаны на два часа времени, такъ что ихъ можно было-бы окончить къ вечернему чаю. Ученикъ нашъ, хотя только со средними способностями, но мальчикъ усердный, съ охотою принимается за работу. Однако, скоро являются въ дѣтскую младшіе братья и сестры:—вѣдь это именно ихъ комната, слѣдовательно, они имѣютъ полное право занять ее, братъ только работаетъ тамъ, а спитъ гдѣ-то въ корридорѣ или въ темной комнатѣ, гдѣ и заняться нельзя. И вотъ, начинается бѣготня, громкій разговоръ, смѣхъ и т. д.; ученикъ нашъ невольно, отъ времени до времени, прислушиваясь къ разговорамъ младшихъ братьевъ и сестеръ, начинаетъ развлекаться и становится невнимательнымъ, а благодаря этому уже не можетъ заниматься такъ успѣшно, какъ до прихода другихъ дѣтей. Онъ ошибается при рѣшеніи задачи одинъ разъ, еще разъ, онъ теряетъ связь или не можетъ ея найти въ изучаемомъ отрывкѣ или переводимомъ текстѣ. Трудясь такимъ образомъ почти напрасно, онъ скоро утомляется и теряетъ бодрость и охоту заниматься, но все-таки, желая кончить работы и понимая, что при этомъ ему мѣшаютъ братья и сестры, онъ жалуется на нихъ матери, которая между тѣмъ занята хозяйствомъ или бесѣдуетъ съ знакомыми въ гостиной. Дѣтей унимаютъ и даже наказываютъ; но черезъ 10 минутъ или четверть часа повторяется то-же самое. Кромѣ того, учиться мѣшаетъ и неудовлетворительное освѣщеніе; въ другихъ комнатахъ, какъ въ гостиной и столовой, еще свѣтло (въ столовой помѣстился старшій братъ или старшая сестра—также для приготовленія уроковъ), а въ дѣтской уже темно: трудно набирать слова или пріискивать имена на географической картѣ. И вотъ, такимъ образомъ прошло два часа; нашего ученика зовутъ къ вечернему чаю, а бѣдный мальчикъ еще не успѣлъ кончить своихъ работъ къ слѣдующему дню,—онъ долженъ еще выучить или нѣсколько строкъ русскаго стихотворенія, или страничку изъ катихизиса. При этомъ школа требуетъ, чтобы ученики, если они что-нибудь должны выучить наизусть, непремѣнно учили вслухъ; но

какъ-же выполнить нашему мальчику это требованіе въ той обстановкѣ, при которой онъ долженъ былъ заниматься?

Итакъ, нашъ ученикъ, который при хорошихъ условіяхъ, т.-е. при полномъ содѣйствіи семьи школѣ, легко удовлетворилъ-бы требованіямъ именно этой школы, т.-е въ данномъ случаѣ приготовилъ-бы заданныя ему на другой день работы даже раньше вечерняго чая, — теперь, при описанныхъ нами неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, просидѣвъ уже два часа за этими работами, и послѣ чая снова долженъ взяться за нихъ и снова надъ ними трудиться, можетъ быть, часъ, а можетъ быть, и больше часа, и такимъ образомъ онъ долженъ еще сидѣть за книжками тогда, когда ему уже давно слѣдовало-бы спать. И вотъ, выходитъ, что ученикъ, хотя онъ мальчикъ усердный и не безъ способностей, все-таки обремененъ требованіями школы,— только, спрашивается, по чьей винѣ: семьи, или школы?...

Къ тѣмъ требованіямъ, которыя, по словамъ страсбургскаго профессора, школа имѣетъ право предъявлять семьѣ, принадлежатъ еще слѣдующія: семья должна оказывать своимъ дѣтямъ, гдѣ это нужно (а по мнѣнію почтеннаго профессора, въ началѣ это всегда будетъ нужно), *помощь* при исполненіи заданныхъ имъ школою работъ; потомъ она, семья, должна непремѣнно *слѣдить* за тѣмъ и *заботиться* о томъ, чтобы такія работы дѣйствительно были исполнены.

Для иллюстраціи того, какъ иногда исполняется первое изъ этихъ требованій, позволимъ себѣ привести здѣсь примѣръ изъ жизни германской семьи, который мы нашли въ статьѣ: «Равновѣсіе духовнаго и физическаго воспитанія» профессора Базельскаго университета Э. Кольмана *). Въ этой статьѣ приводятся слѣдующія жалобы довольно извѣстнаго въ своемъ отечествѣ нѣмецкаго врача Нуссбаума (Nussbaum): «Правда, многіе утверждаютъ, что домашнія работы сведены въ настоящее время къ минимуму, но не угодно-ли вамъ отправиться вечеромъ въ какое-нибудь семейство? Отецъ семьи—въ гостяхъ, мать и взрослыя дочери бесѣдуютъ съ случайными гостями и пріятельницами, и только девятилѣтній мальчуганъ, которому давно-бы пора уже спать, сидитъ у стола и холодными руками отираетъ горячій лобъ, не будучи никакъ въ состояніи внѣдрить въ свою голову то, что онъ долженъ знать къ завтрашнему дню».

Мы охотно повѣримъ почтенному профессору, что этотъ маленькій разсказъ онъ срисовалъ съ натуры, только въ одномъ мы не можемъ съ нимъ согласиться, а именно въ томъ, что этотъ разсказъ можетъ

---

*) См. «Русская Школа», 1890 г., № 5, стр. 45.

служить доказательствомъ обремененія ученика по винѣ школы. Мы въ немъ можемъ усмотрѣть только полное пренебреженіе со стороны семьи къ вышеприведенному вполнѣ справедливому требованію школы, т.-е. чтобы она, семья, гдѣ нужно, подала помощь своимъ дѣтямъ при исполненіи ими домашнихъ работъ. Вся семья увеселяется: отецъ въ гостяхъ, мать и взрослыя дочери сами принимаютъ гостей, а для бѣднаго мальчика ни у кого нѣтъ свободнаго времени, чтобы помочь ему при исполненіи его работъ... Можетъ быть, и четверти часа оказалось-бы достаточно, чтобы дать ему необходимыя объясненія относительно того, что онъ забылъ, хотя оно въ школѣ ему было дано, или чтобы указать ему ошибку, сдѣланную въ вычисленіи, вслѣдствіе чего задача не выходитъ, или помочь ему въ прiисканіи по атласу нѣкоторыхъ географическихъ названій, которыя въ классѣ ему были показаны на большой стѣнной картѣ, и т. д. Однимъ словомъ, пожертвуй одна изъ сестеръ хотя бы только четверть часа своего времени бѣдному мальчику, легко могло-бы случиться, что трудъ его по приготовленію уроковъ къ слѣдующему дню сократился-бы на цѣлый часъ, если не больше.

А что модели къ картинкамъ, подобнымъ той, которую выше нарисовалъ докторъ Нуссбаумъ, въ немаломъ числѣ можно найти нетолько въ Германіи, но и у насъ, въ Россіи, въ этомъ едва-ли кто можетъ сомнѣваться.

Перейдемъ теперь къ послѣднему изъ тѣхъ требованій, которыя школа считаетъ себя въ правѣ предъявлять семьѣ, а именно: непремѣнно *слѣдить* за тѣмъ и *заботиться* о томъ, чтобы заданныя школою работы дѣйствительно были исполнены. Это послѣднее требованіе мы считаемъ самымъ главнымъ; оно распространяется на учениковъ всѣхъ возрастовъ и классовъ. И какъ разъ именно это-то требованіе чаще всего не исполняется семьей! А почему это такъ, не трудно сказать: одни—въ борьбѣ за матеріальное и духовное существованіе, другіе—въ погонѣ за деньгами и удовольствіями—не находятъ достаточно времени для исполненія этого вполнѣ справедливаго и крайне необходимаго требованія школы. А гдѣ оно не исполняется, тамъ не только скоро обнаружится обремененіе учениковъ, но даже успѣшное окончаніе полнаго курса гимназіи для нихъ можетъ легко оказаться невозможнымъ. Возьмемъ примѣръ. Ученикъ не приготовилъ уроковъ по причинѣ, которую школа не можетъ признать уважительною, такъ какъ устраненіе ея вполнѣ зависѣло отъ семьи. Оказывается, что онъ не исполнилъ назначенныхъ ему работъ по одному или даже по нѣсколькимъ предметамъ—или вслѣдствіе того, что былъ въ гостяхъ, или что у

него самого были гости, или потому, что онъ былъ въ театрѣ, или въ концертѣ, или по той причинѣ, что желалъ дочитать интересную книгу, или-же, наконецъ, просто потому, что ему въ этотъ день «какъ-то не хотѣлось работать». Положимъ теперь, что его неисправность обнаружится въ тотъ-же самый день, къ которому онъ не исполнилъ заданныхъ работъ. Конечно, не говоря уже о томъ, что онъ получитъ дурныя отмѣтки, ему во всякомъ случаѣ будетъ назначено, къ слѣдующему дню, когда опять будетъ урокъ по тому-же предмету, наверстать пропущенное. Это требованіе школы вполнѣ необходимо нетолько въ виду того, что ученикъ, пропустивъ какую-либо часть курса, нерѣдко только съ трудомъ, а иной разъ и вовсе не будетъ въ состояніи успѣшно слѣдить за дальнѣйшимъ преподаваніемъ предмета, но также и въ виду той воспитательной цѣли школы, которая требуетъ пріученія питомцевъ къ строгому выполненію всѣхъ своихъ обязанностей. Неисполненныя работы слѣдуетъ считать *долгомъ*, который числится за ученикомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ работу и тѣмъ не удовлетворитъ вполнѣ своего кредитора, т.-е. школу. Если, однако, школа настаиваетъ на исполненіи этого вполнѣ законнаго требованія, то тѣмъ самымъ она непремѣнно вызываетъ и обремененіе ученика. Положимъ, что послѣдній не приготовилъ уроковъ только по двумъ предметамъ: въ такомъ случаѣ, если онъ ученикъ среднихъ классовъ, ему потребуется, чтобы наверстать пропущенное, по крайней мѣрѣ одинъ часъ, а если онъ ученикъ высшихъ классовъ, то полтора часа и больше. А вслѣдствіе этого такому ученику приходится въ тотъ день, когда онъ долженъ приготовить и пропущенное, сидѣть за домашними работами—одному, т.-е. ученику среднихъ классовъ, вмѣсто, положимъ, двухъ съ половиною часовъ—$3^1/_2$ часа, а другому, т.-е. ученику старшихъ классовъ, вмѣсто трехъ часовъ, даже $4^1/_2$ и болѣе. И вотъ, выходитъ, что ученикъ, хотя онъ, можетъ быть, и способный мальчикъ, все-таки обремененъ требованіями школы, но опять-таки, спрашивается, по чьей винѣ: семьи, или школы?..

Дѣло еще болѣе ухудшается тогда, когда такое неприготовленіе заданныхъ работъ повторяется часто,—что, конечно, въ тѣхъ семьяхъ, въ которыхъ не слѣдятъ зорко за строгимъ исполненіемъ требованій школы, весьма легко можетъ случиться,—и если такое неприготовленіе заданныхъ работъ притомъ не тотчасъ-же обнаружится въ школѣ, на урокѣ,—что то-же не трудно допустить, такъ какъ не каждый разъ и не по каждому предмету преподавателю представляется возможность провѣрить домашнія работы всѣхъ учениковъ

класса, въ такомъ случаѣ, разумѣется, число пробѣловъ по данному предмету все́ увеличивается, а знанія по тому-же предмету дѣлаются все болѣе и болѣе шаткими: однимъ словомъ, долгъ ученика все растетъ и растетъ, и если ему по случаю или письменной работы, или устной репетиціи, или, наконецъ, по случаю экзамена приходится расплатиться со своимъ кредиторомъ, т.-е. со школою въ лицѣ ея преподавателей, тогда-то и обнаружится вся несостоятельность нетолько ученика, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отношеній семьи къ справедливымъ и законнымъ требованіямъ школы. А если въ такомъ случаѣ ученику угрожаетъ оставленіе на 2-ой годъ въ классѣ и онъ, для избѣжанія «такого несчастія», можетъ быть, нѣсколько недѣль дѣйствительно долженъ весьма усиленно заниматься, тогда, конечно, школа обвиняется въ обремененіи своихъ учениковъ...

Если, однако, какъ мы уже указали выше, нетолько для успѣшности ученья, но также и для избѣжанія обремененія учениковъ требованіями школы крайне необходимо, чтобы родители строго слѣдили за ежедневнымъ добросовѣстнымъ исполненіемъ заданныхъ школою работъ, то, по нашему убѣжденію, не менѣе важно для достиженія тѣхъ-же цѣлей, чтобы родители не предоставляли самимъ ученикамъ по ихъ собственному благоусмотрѣнію выбирать время для исполненія этихъ работъ. Каждому хорошо извѣстно, что не всякое время одинаково удобно для умственной работы, а между тѣмъ мы всѣ знаемъ, что дѣти нерѣдко садятся за книжки тотчасъ послѣ возвращенія изъ школы, или по окончаніи обѣда, или-же наоборотъ, что они принимаются за работу слишкомъ поздно вечеромъ и работаютъ до глубокой ночи. Обвинители школы говорятъ, что дѣти это дѣлаютъ по необходимости, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, у нихъ не хватаетъ времени для удовлетворительнаго приготовленія заданныхъ работъ. Съ своей стороны, мы въ первой своей статьѣ старались доказать, что утверждать такъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, по отношенію къ ученикамъ нашихъ гимназій вполнѣ неосновательно; мы показали, что у нашихъ учениковъ есть достаточно времени для удовлетворенія всѣхъ требованій не только относительно духовнаго, но также и физическаго развитія.

Значительное большинство учениковъ нашихъ гимназій возвращается домой въ 3 часа и только весьма немногіе изъ нихъ, которые обучаются также и необязательнымъ предметамъ, какъ рисованію или музыкѣ,—въ 4 часа. Число этихъ послѣднихъ, равно какъ и тѣхъ, которые участвуютъ въ урокахъ пѣнія, обыкновенно очень не велико и состоитъ бо́льшею частію изъ учениковъ высшихъ клас-

*

совъ, такъ какъ такіе-же уроки для младшихъ и отчасти даже для среднихъ классовъ, при хорошемъ росписаніи уроковъ, бо̀льшею частью могутъ быть распредѣляемы, какъ и по обязательнымъ предметамъ, въ промежутокъ времени отъ 9 до 2½ часовъ. Предполагая теперь, что ученики младшихъ и среднихъ классовъ ложатся спать около 9 часовъ, а ученики старшаго возраста не позже 10 часовъ, что первые будутъ вставать въ 7 час., а послѣдніе въ 6½ час. *), а также имѣя въ виду, что тѣ и другіе отправляются въ гимназію въ 8½ час.,—мы находимъ, что то количество времени, которое находится въ ихъ распоряженіи отъ возвращенія домой изъ гимназіи до отправленія туда-же въ слѣдующее утро, не включая сюда время, положенное нами для сна (отъ 8½ до 10 ч. въ сутки), будетъ простираться для учениковъ младшаго и средняго возраста отъ 6½ до 7½ часовъ (для учениковъ приготовительнаго и I-го классовъ даже до 8½ час., такъ какъ въ этихъ классахъ уроки обыкновенно кончаются въ 1½ часа), а для учениковъ старшаго класса отъ 8 до 9-ти часовъ. Такое количество времени можно считать вполнѣ достаточнымъ нетолько для того, чтобы добросовѣстно исполнить всѣ назначенныя школою домашнія работы, но и для отдыха послѣ обѣда, для домашняго чтенія, для занятій музыкой, а также и для того, чтобы предпринять болѣе или менѣе продолжительную прогулку, или-же отъ 1½ до 2 час. и болѣе (смотря по возрасту учениковъ) предаваться веселымъ играмъ или какому-нибудь здоровому спорту на открытомъ воздухѣ.

Времени, слѣдовательно, довольно, только одного обыкновенно нѣтъ, по крайней мѣрѣ, тамъ нѣтъ, гдѣ дѣти предоставлены самимъ себѣ и родители мало или вовсе не слѣдятъ за ихъ занятіями, т.-е. за исполненіемъ ими законныхъ требованій школы, — нѣтъ именно правильнаго и цѣлесообразнаго распредѣленія находящагося въ ихъ распоряженіи времени. Развѣ у насъ рѣдко случается, что дѣти работаютъ тогда, когда имъ необходимо отдохнуть, и увеселяются въ то время, когда имъ слѣдовало-бы сидѣть за книгами? Развѣ семейная жизнь у насъ, въ Россіи, въ особенности, конечно, въ большихъ городахъ, мало представляетъ матеріала для анекдотовъ, подобныхъ

*) Мы просимъ помнить, что во Франціи, какъ нами уже было указано, ученики должны встать въ младшемъ отдѣленіи въ 6½ час., въ старшемъ въ 6 час., а лѣтомъ даже въ 5½ час. Далѣе намъ извѣстно, что въ Швеціи лѣтомъ и зимою классы начинаются въ 8 час.; а во многихъ мѣстахъ Германіи, какъ, напр., въ Тюрингіи и Вюртембергскомъ королевствѣ (въ чемъ мы сами лѣтомъ сего года имѣли случай убѣдиться), лѣтомъ даже въ 7 час.

тому, о которомъ нашли умѣстнымъ упомянуть даже въ столь серьезномъ собраніи, какъ берлинская школьная конференція? И если иной разъ ученикъ и не бываетъ въ театрѣ, какъ тотъ германскій юноша, за-то,—и это случается еще гораздо чаще,—сидитъ надъ какимъ-нибудь интереснымъ романомъ до 8 или 9 часовъ вечера, и только потомъ уже, по необходимости, садится за работу. Развѣ этотъ ученикъ въ такомъ случаѣ болѣе способенъ къ сосредоточеннымъ умственнымъ занятіямъ, чѣмъ тотъ юноша, который вмѣстѣ со своимъ отцомъ былъ, можетъ быть, въ Lessing's-Theater и видѣлъ «Sodoms Ende». Но положимъ даже, что такой ученикъ и успѣетъ исполнить все заданное на другой день; такъ развѣ можно допустить, чтобы онъ, поработавъ до полуночи или еще позже, утромъ слѣдующаго дня могъ быть свѣжимъ и бодрымъ умственно и физически и внимательно слѣдить за преподаваніемъ? Кому изъ педагоговъ неизвѣстно, что такой ученикъ (обыкновенно, высшихъ классовъ), если онъ въ такомъ случаѣ вообще является въ гимназію, не рѣдко уже на 2-мъ или 3-мъ урокѣ заявляетъ себя больнымъ и проситъ позволенія отправиться домой: у него, дѣйствительно, сильная головная боль, мигрень... И, конечно, опять найдутся гуманные люди, которые будутъ жалѣть о бѣдномъ мальчикѣ, который долженъ былъ работать до глубокой ночи, и будутъ его считать жертвою обремененія вслѣдствіе требованій школы... Да, мальчикъ, дѣйствительно, былъ обремененъ,—только, снова спрашиваемъ, по чьей винѣ: школы, или семьи?..

Я. Моръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О безпризорныхъ дѣтяхъ и дѣтскихъ садахъ для нихъ.

(читано въ общемъ собрании Фребелевскаго общества 20-го марта 1891 года).

Послѣдователи идей Фребеля сосредоточили всѣ свои заботы на усовершенствовании до-школьнаго воспитанія и образованія нашихъ дѣтей. И наше Фребелевское общество по мѣрѣ своихъ силъ стремится къ осуществленію этой цѣли. Съ одной стороны, курсы Фребелевскаго общества даютъ всякой женщинѣ средняго образованія ту сумму спеціально-педагогическихъ знаній, безъ которыхъ невозможно обойтись ни сознательно относящейся къ своей задачѣ матери семейства, ни привлекаемой въ семью извнѣ воспитательницѣ по профессіи. Съ другой стороны, Фребелевское общество радѣетъ о созданіи дѣтскихъ садовъ, имѣя въ виду тѣ семьи, гдѣ забота о дѣтяхъ, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, не можетъ выразиться въ непосредственномъ осуществленіи разумныхъ педагогическихъ началъ.

Дѣтскій садъ нуженъ какъ имущему, такъ и неимущему классу. Общая цыфра неучащихся въ до-школьный возрастъ слишкомъ значительна и бросается въ глаза при сопоставленіи съ количествомъ пользующихся благами правильно поставленнаго воспитанія.

Однодневная перепись, произведенная въ С.-Петербургѣ 15-го декабря 1881 г. *), опредѣлила между прочимъ °/о неучащихся и неграмотныхъ дѣтей 7—12 лѣтъ относительно общаго числа дѣтей этого

---

*) Въ настоящее время уже приступлено къ опубликованію данныхъ переписи 1891 года, и первый томъ уже вышелъ въ свѣтъ. Недавно появился также почтенный трудъ проф. Ю. Э. Янсона «Сборникъ свѣдѣній о благотворительности». Но мы не считали нужнымъ вносить изъ указанныхъ трудовъ въ настоящую статью какія-либо поправки и дополненія, такъ какъ въ теченіи года по затронутому въ ней вопросу, къ сожалѣнію, ничего никѣмъ не сдѣлано, а слѣдовательно и тѣ выводы, къ которымъ мы пришли, сохраняютъ вполнѣ все свое значеніе. *Пр. авт.*

возраста. Въ нѣкоторыхъ районахъ, какъ, напр., въ 3-мъ участкѣ Нарвской части, этотъ % достигаетъ 46 на 100 (среди мальчиковъ), въ 3-мъ участкѣ Спасской части и въ 3-мъ участкѣ Александро-Невской части составляетъ 43% (среди дѣвочекъ) и ту-же цыфру 43% во 2-мъ участкѣ Выборгской части (среди мальчиковъ), 40% въ 3-мъ участкѣ Нарвской части (среди мальчиковъ). Только въ Адмиралтейской части (во 2-мъ участкѣ) этотъ % спускается до 10 на 100, но и то среди мальчиковъ, а среди дѣвочекъ и здѣсь 18% не обучаются и неграмотны.

Въ пригородныхъ частяхъ эти цыфры отличаются еще большей внушительностью:

	Шлиссельб. уч.		Петергофскій уч.		Полюстр. уч.		Лѣсной уч.	
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.
Учащихся......	889	807	337	215	150	114	217	180
Неучащихся....	9.355	2.873	4.511	1.701	1.970	927	1.687	987
Неграмотныхъ..	10.494	12.413	5.130	4.064	1.617	1.977	1.855	1.873

Въ точныхъ цыфрахъ передъ нами среди городскаго населенія неучащіеся въ возрастѣ:

6-ти	лѣтъ	3.593	мальчиковъ,	3.855	дѣвочекъ.
7-ми	»	2.350	»	2.839	»
8-ми	»	1.531	»	1.894	»
9-ти	»	1.032	»	1.314	»
10-ти	»	954	»	1.289	»
		9.460	мальч.	11.191	дѣвоч.

Что составляетъ 20.651 дѣтей въ возрастѣ 6—10 лѣтъ.

Поставимъ рядомъ цыфру учащихся того-же возраста отъ 6-ти до 10-ти лѣтъ:

6-ти	лѣтъ	1.086	мальч.,	1.008	дѣв.
7-ми	»	2.218	»	2.056	»
8-ми	»	3.100	»	2.806	»
9-ти	»	3.145	»	2.905	»
10-ти	»	3.212	»	2.877	»
		12.761		11.652—всего 24.413.	

Изъ этого слѣдуетъ, что половина всего числа петербургскихъ дѣвочекъ и 0,4 мальчиковъ остаются безъ ученья въ возрастѣ, когда въ Германіи каждая семья, безъ различія состоянія, уже посылаетъ ребенка въ школу. Для возраста болѣе нѣжнаго мы не имѣемъ статистическихъ данныхъ, но нѣтъ основаній предполагать утѣшительность картины до-школьнаго воспитанія въ большинствѣ нашихъ семей.

Здѣсь широкое поле безпризорности. Не только въ деревнѣ, но и въ городахъ добрая половина русскихъ гражданъ выростаетъ на улицѣ, бѣгая босикомъ, швыряя камнями и бранясь отборными словами. Даже матеріальная обезпеченность не всегда оберегаетъ отъ этого, а что-же мы видимъ тамъ, гдѣ семью съѣдаетъ нужда и подрываетъ основы патріархальности, заставляя всѣхъ членовъ ея, и старшихъ, и младшихъ, зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Вѣдь ужасно сказать, что есть уже шестилѣтніе работники! Ихъ немного въ Петербургѣ— всего 19 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ, но обратимся къ слѣдующимъ возрастамъ, и мы увидимъ, что эта цыфра не прогрессируетъ лишь до 7-ми лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ работаютъ:

7-ми	лѣтъ	19	мальчиковъ и	18	дѣвоч.
8-ми	»	47	»	24	»
9-ти	»	109	»	49	»
10-ти	»	405	»	158	»
		599	мальчиковъ	262	дѣвоч.

Такимъ образомъ восемь съ половиной сотень дѣтей являются въ роли преждевременныхъ тружениковъ найма.

Невозможность для семьи быть всегда во всеоружіи воспитательныхъ средствъ давно понято въ русской жизни. Рядомъ съ той хронологической датой, что первый дѣтскій садъ въ Бланкенбургѣ, близь Рудольфштадта, основанъ былъ самимъ Фребелемъ въ 1837 году, надо вспомнить и то, что у насъ, въ Россіи, въ 1838 году уже было выработано положеніе о дѣтскихъ пріютахъ вѣдомства Императрицы Маріи. Однимъ изъ пунктовъ этого положенія было — допустить въ пріюты приходъ дѣтей отъ 3-хъ (и даже менѣе) до 10-ти лѣтъ, т.-е. какъ въ положеніи сказано: «въ тѣ годы, когда малолѣтство препятствуетъ свободному дневному труду ихъ родителей».

Не будемъ говорить о размѣрахъ дѣятельности этихъ высокопочтенныхъ учрежденій; укажемъ только на цыфру питомцевъ, какой достигли за 50 лѣтъ пріюты вѣдомства Императрицы Маріи въ Россіи. Это на всю Россію 11.800 чел. въ 1887-ой юбилейный годъ,— цыфра, составляющая немного болѣе половины неучащихся дѣтей до 10-ти-лѣтняго возраста въ Петербургѣ (21.651). Мы коснемся только того, какимъ простымъ представлялось и, быть можетъ, еще и представляется многимъ дѣло призора малолѣтнихъ. Дѣло это, конечно, женское. По нуждѣ, а иногда и по охотѣ, на это дѣло шли и идутъ женщины съ общимъ образованіемъ; но обыкновенно смотрительницы пріютовъ комплектуются изъ бывшихъ пріютянокъ-же. Онѣ воспиты-

ваютъ и учатъ точно такъ, какъ ихъ самихъ учили и воспитывали. Подготовленіемъ смотрительницъ пріютовъ особенно славятся образцовый Штиглицевскій пріютъ и Строгановское сиротское отдѣленіе при пріютѣ великой княгини Александры Николаевны. Въ этомъ послѣднемъ только уже въ восьмидесятыхъ годахъ, благодаря просвѣщенному почину Ея Императорскаго Высочества великой княгини Александры Іосифовны, принявшей покровительство надъ пріютомъ отъ Ея Императорскаго Высочества великой княгини Александры Петровны, введено преподаваніе *общихъ правилъ воспитанія*. Нужно думать, что, подъ именемъ этихъ *общихъ правилъ*, проникли общепринятыя начала педагогики. Подробная исторія пріютскаго дѣла въ Россіи, изданная вѣдомствомъ Императрицы Маріи въ 1887 году, внушаетъ заслуженное уваженіе къ результатамъ, достигнутымъ вѣдомствомъ, которое располагаетъ для пріютовъ капиталомъ въ 5.130.000 рублей и недвижимымъ имуществомъ на 2.800.000, имѣетъ 129 пріютовъ, 3 ремесленныхъ училища и двое яслей для призрѣнія бездомныхъ младенцевъ.

Но исторія пріютовъ вѣдомства Императрицы Маріи не даетъ никакихъ данныхъ для сужденія о развитіи педагогической стороны этого рода воспитательныхъ учрежденій. Здѣсь не встаютъ передъ вами благородныя тѣни Песталоцци и Фребеля. Другое оффиціальное учрежденіе, равнымъ образомъ имѣющее за собою полувѣковую почтенную дѣятельность, значительно бѣднѣе, несоотвѣтственно трудности его задачъ. Это Комитетъ о нищихъ. Но все-же доходы его простираются до 50.000 руб. Еще въ 1841 году Комитетъ учреждаетъ школу на 48 дѣвочекъ, но школа продержалась только до 1846 года и возникла вновь только въ 1870 году въ видѣ ремесленной школы для мальчиковъ и рукодѣльной для дѣвочекъ, а въ 1872 году устроено Комитетомъ два отдѣленія для безпріютныхъ дѣтей обоего пола. Въ 1877 году, когда Комитетъ праздновалъ свой 50-ти-лѣтній юбилей; здѣсь призрѣвалось 55 дѣтей. Кто и какъ призрѣваетъ этихъ дѣтей— отчеты умалчиваютъ. О дѣятельности Императорскаго человѣколюбиваго общества мы здѣсь распространяться не будемъ. Въ большинствѣ своихъ заведеній, исключая гимназіи, оно поддерживаетъ заведенія ремесленно-профессіональныя.

24-го февраля 1882 года утвержденъ уставъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. Это новая эра въ вопросѣ о безпризорныхъ младенцахъ. Общество быстро раскинуло по всему городу свою благотворную дѣятельность и снискало себѣ симпатіи къ живымъ началамъ во всѣхъ его филантропическихъ предпріятіяхъ. Въ числѣ учрежденій Общества имѣется:

1) Таврическое убѣжище для дѣтей отъ 2 до 8 лѣтъ.

2) Василеостровское убѣжище для дѣвочекъ отъ 4 до 15 лѣтъ.

3) Коломенскій пріютъ для мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 5 до 12 лѣтъ.

4) Богдановскій пріютъ-ясли для дѣтей фабричныхъ рабочихъ отъ 6-ти недѣль до 6 лѣтъ.

Нужно замѣтить, что Общество это начало свою дѣятельность при условіяхъ, много отличныхъ отъ тѣхъ, что были 50 лѣтъ тому назадъ, когда учреждались пріюты вѣдомства Императрицы Маріи, или даже 20 лѣтъ назадъ, когда возникло Фребелевское общество. Вся Россія покрылась въ настоящее время сѣтью женскихъ гимназій и епархіальныхъ женскихъ училищъ; цѣлыя фаланги женщинъ прошли педагогическіе курсы при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ, высшіе женскіе курсы, бывшіе медицинскіе курсы, курсы Фребелевскаго общества, учительскія семинаріи и другія учебныя заведенія общепедагогическаго характера. Въ настоящее время не должно быть затрудненія въ пріисканіи развитыхъ и способныхъ къ исполненію своего долга надзирательницъ за малыми дѣтьми. Но приниматься за дѣло надо сознательно, обладая живымъ представленіемъ пріемовъ обращенія съ малолѣтними.

Фребелевское общество на своихъ курсахъ осуществило программу спеціальнаго образованія воспитательницъ для дѣтей до-школьнаго возраста. Фребелевское общество выработало себѣ увѣренность, что для этой задачи необходимъ кругъ познаній именно въ тѣхъ предѣлахъ, какіе намѣчены программой курсовъ Фребелевскаго общества. Курсы эти, по объему своихъ программъ, много бѣднѣе такихъ учрежденій, какъ высшіе женскіе курсы и педагогическіе курсы при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ; но какъ объяснить, что женщины, получившія высшее женское образованіе въ этихъ двухъ учрежденіяхъ, идутъ послѣ того на курсы Фребелевскаго общества?

Вмѣстѣ съ тѣмъ Фребелевское общество далеко отъ чувства полной удовлетворенности постановкой своего дѣла вообще и курсовъ въ частности. Изъ года въ годъ на курсахъ Общества происходятъ измѣненія и улучшенія и имѣются въ виду еще многія; пусть недостатки и пробѣлы ихъ будутъ указаны со стороны и, нѣтъ сомнѣнія, что, въ интересахъ дѣла, Общество приметъ такое указаніе съ благодарностью и съ горячей готовностью внести въ свои программы необходимыя поправки. Но для всего этого нужно столковаться. Пусть вспомнитъ всякій, кто болѣетъ душой за несогрѣтый лаской дѣтскій міръ, что Фребелю дороги были прежде всего безпризорныя дѣти.

«Онъ рано понялъ,—говорилъ одинъ изъ его біографовъ среди чле-

новъ Фребелевскаго общества (9 апрѣля 1882 года),—людское горе и страданіе и сталъ имъ сочувствовать, познакомясь съ нимъ во время посѣщеній бѣдныхъ хижинъ отцовскаго прихода. Нищета, лишенія и неразлучные ихъ спутники—грубость и пороки возбуждали въ немъ состраданіе, особенно къ дѣтямъ, остающимся безъ ухода, безъ призора, голодающимъ, болѣзненнымъ, полуодѣтымъ».

Фребелевское общество памятуетъ этотъ завѣтъ великаго педагога, имя котораго оно носитъ.

Иждивеніемъ и заботами покровительницы общества, Ея Императорскаго Высочества великой княгини Екатерины Михаиловны, существуетъ съ 1868 года дѣтскій садъ въ Ораніенбаумѣ; съ 1871 года—въ Петербургѣ при Николаевскомъ дѣтскомъ пріютѣ; при пріютѣ на Аптекарскомъ островѣ; съ 1873 года—при Михайловской патріотической школѣ и съ 1884 года—при первой Василеостровской школѣ Женскаго Патріотическаго Общества и при пріютѣ въ память Екатерины, Маріи и Георгія, состоящемъ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, съ 1873 года существуетъ дѣтскій садъ, гдѣ ведутъ занятія слушательницы курсовъ Фребелевскаго общества.

Но Фребелевское общество не можетъ задаваться благотворительными цѣлями, осуществленіе которыхъ оно естественно оставляетъ въ рукахъ учрежденій, съ достойной энергіей насаждающихъ начальное воспитаніе среди неимущихъ классовъ. Фребелевское Общество скромно дѣлаетъ свое дѣло, но это дѣло не легкое. Фребелевское общество создало курсы начальныхъ воспитательницъ и было-бы въ правѣ ожидать, чтобы благотворительныя учрежденія, создающія пріюты для дѣтей до-школьнаго возраста, считались съ Фребелевскимъ обществомъ въ дѣлѣ объединенія задачъ въ сферѣ благотворенія, направленнаго на заботы о малыхъ дѣтяхъ. Напомню сегодняшнему собранію одну изъ резолюцій съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію (1889—1890). Здѣсь было выражено желаніе, чтобы въ непродолжительномъ времени былъ созванъ съѣздъ дѣятелей на поприщѣ попеченія надъ малолѣтними ремесленниками (Труды 1 отдѣленія, отд. II, стр. 120).

Мы предложили-бы расширить это пожеланіе и хлопотать всѣми силами о созваніи съѣзда дѣятелей на поприщѣ попеченія о малолѣтнихъ вообще, предварительно чего необходимъ созывъ конференціи представителей учрежденій такого рода въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Въ работахъ такой конференціи на первомъ планѣ надо поставить уясненіе общепедагогическихъ началъ, какія должны быть

положены въ основу дѣятельности всѣхъ существующихъ и вновь возникающихъ пріютовъ для безпризорныхъ дѣтей. «Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ». Мало пріютить и накормить, надо воспитать и воздѣйствовать словомъ и дѣломъ, надо наполнить жизнь забывшаго голодъ дитяти сознательными интересами, надо направить почти всегда самой природой подсказанныя попытки дѣтскаго творчества, а не формовать по шаблону смиренниковъ и смиренницъ, повергаемыхъ затѣмъ въ пучину профессій, часто не сообразованныхъ ни съ индивидуальностью призрѣваемыхъ дѣтей, ни съ экономическими условіями даннаго времени, о чемъ достаточно было сказано на томъ-же вышеупомянутомъ съѣздѣ. Пусть соберется предлагаемая нами конференція, и, мы думаемъ, Фребелевское общество найдетъ что́ сказать изъ своего двадцатилѣтняго опыта, и голосъ его не останется «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Насколько назрѣло время обсужденія предлагаемыхъ нами Фребелевскому обществу мѣропріятій, приходится уже слышать со стороны. Въ февральской книжкѣ журнала «Женское Образованіе» за 1891 годъ нашъ извѣстный педагогъ Д. Д. Семеновъ, состоящій однимъ изъ экспертовъ по учебной части при С.-Петербургской городской думѣ, помѣстилъ статью «Новые опыты общественныхъ дѣтскихъ садовъ». Д. Д. Семеновъ указываетъ на то, что въ прекрасно поставленныя у насъ начальныя городскія училища «поступаютъ нерѣдко дѣти уже испорченныя въ нравственномъ отношеніи». Почтенный педагогъ обращается къ нашему городскому управленію, предлагая городу взять на себя починъ въ дѣлѣ устройства общественныхъ дѣтскихъ садовъ для народа въ особыхъ барачныхъ зданіяхъ среди садовъ и скверовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Д. Д. Семеновъ дѣлаетъ лестное для Фребелевскаго общества указаніе на его курсы, какъ на питомникъ педагогическихъ силъ для проектируемыхъ имъ воспитательныхъ учрежденій. Напомнимъ здѣсь, что зданіе, въ родѣ проектируемыхъ г. Семеновымъ, сооружено въ городѣ Мологѣ, Ярославской губерніи, для мѣстной школы физическаго развитія, о чемъ мы имѣли честь не такъ давно говорить въ общепедагогической секціи Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, также взывая къ благому почину С.-Петербургской городской думы. И, дѣйствительно, нужно ожидать, что городская дума, уже проявившая столько заботливости о начальномъ образованіи, откликнется на призывъ времени и ярко выступающей необходимости. Среди учрежденій, ставящихъ своею задачею воспитаніе дѣтей до-школьнаго возраста, городской думѣ естественно за-

нять видное мѣсто и дать какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку благотворителямъ въ данной области.

Сводя во-едино все вышеизложенное, мы позволяемъ себѣ представить на обсужденіе собранія нижеслѣдующіе тезисы:

1) Забота о безпризорныхъ дѣтяхъ недостаточна въ настоящее время ни со стороны матеріальной (по количеству заведеній, призрѣвающихъ дѣтей до-школьнаго возраста), ни со стороны педагогической (по качеству дѣйствующихъ въ такого рода заведеніяхъ системъ воспитанія).

2) Насколько забота о матеріальной сторонѣ дѣла естественно падаетъ на благотворительныя учрежденія, столь-же естественно забота о педагогической сторонѣ должна падать на особые органы, однимъ изъ которыхъ въ настоящее время является Фребелевское общество для содѣйствія первоначальному воспитанію.

3) Необходимо общее согласіе между всѣми учрежденіями, ставящими своей задачей заботу о воспитаніи дѣтей до-школьнаго возраста, и въ этихъ цѣляхъ желателенъ созывъ конференціи представителей всѣхъ такого рода учрежденій въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

Е. Гаршинъ.

Желательная постановка преподаванія физики въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

(*Окончаніе* *).

Попробуемъ разсмотрѣть постановку преподаванія физики въ классическихъ гимназіяхъ, предположивъ, что программы физики вполнѣ совершенны, что всѣ цѣли, преслѣдуемыя существующимъ преподаваніемъ, вполнѣ раціональны, что преподаватели обладаютъ всѣми высшими качествами педагоговъ и что въ лучшіе учебники входитъ лишь то, что дѣйствительно должно быть преподано молодымъ людямъ, обучающимся въ классическихъ гимназіяхъ.

Возьмемъ, для примѣра, новѣйшій учебникъ г. Ковалевскаго и предположимъ, что онъ вполнѣ удовлетворителенъ **). Самъ г. Ковалевскій въ своемъ предисловіи пишетъ: «*нѣтъ необходимости говорить, что количество матеріала строго сообразовано съ временемъ, назначеннымъ для прохожденія физики въ гимназіяхъ, а качество матеріала и форма изложенія его—съ силами юношества*».

Допустимъ, что г. Ковалевскій вполнѣ скроменъ и что онъ справедливо оцѣнилъ свой учебникъ. Станемъ на его точку зрѣнія и будемъ изъ нея исходить при обсужденіи интересующаго насъ вопроса.

Въ классическихъ гимназіяхъ на физику удѣляется: въ 6-мъ классѣ—2 урока въ недѣлю, въ 7-мъ—3 урока и въ 8-мъ—2 урока; всего, стало быть, физикѣ удѣлено 7 уроковъ во всѣхъ классахъ. Считая учебныхъ недѣль 30, получимъ всего 210 уроковъ. Такъ какъ каждый урокъ длится 55 минутъ, изъ которыхъ 5 минутъ уходятъ на перекличку учениковъ, отмѣчаніе уроковъ и пр., то учебныхъ часовъ получится всего 175. Изъ этихъ 175 часовъ, предполагая въ

*) См. «Русскую Школу» 1892 г., № 2, февраль.

**) Такъ какъ означенный учебникъ удостоенъ преміи Петра Великаго, то мы имѣемъ право сдѣлать допущеніе объ его удовлетворительности.

каждомъ классѣ по 30 человѣкъ, т.-е. въ 3-хъ классахъ 90 человѣкъ, и предполагая, что каждаго ученика нужно спросить 1 разъ въ мѣсяцъ, затрачивая на него 7 минутъ,—на выспрашиваніе учениковъ придется затратить 75 часовъ; останется, стало быть, 100 часовъ на объясненія.

Учебникъ г. Ковалевскаго содержитъ 500 страницъ; слѣдовательно, при объясненіяхъ въ каждый часъ придется изложить ученикамъ содержаніе 5-ти страницъ учебника. Это-бы еще, казалось, ничего; но не упускайте затѣмъ изъ виду обстоятельства, что, выясняя содержаніе этихъ 5-ти страницъ, вы должны показать нѣсколько опытовъ. Если принять во вниманіе, что опыты должны занять *minimum* столько-же времени, сколько затрачивается его на объясненія, то окажется, что для послѣднихъ мы имѣемъ уже не 100 часовъ, а только 50 и, стало быть, должны въ каждый часъ объяснять по 10 страницъ. Кто когда-либо преподавалъ физику и старался показывать опыты не на доскѣ мѣломъ, а на приборахъ, кто понималъ, что самая существенно-образовательная часть физики лежитъ именно въ опытѣ и его обсужденіи, тотъ сейчасъ-же пойметъ, что разсчетъ, сдѣланный нами, фатальнымъ образомъ приводитъ къ такому выводу: пройти физику въ объемѣ учебника г. Ковалевскаго невозможно, даже если-бы число уроковъ ея было удвоено сравнительно съ тѣмъ числомъ, какое удѣлено на этотъ предметъ въ настоящее время. И если обойти всѣ гимназіи, если спросить всѣхъ преподавателей, то каждый скажетъ, что сдѣланный нами разсчетъ очень скроменъ, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ еще хуже, ибо опыты часто не удаются, приборы во время опытовъ портятся, опыты приходится повторять и т. д. Если принять еще во вниманіе, что въ классическихъ гимназіяхъ лаборантовъ не полагается, что кабинеты весьма небогаты, что преподаватель по необходимости долженъ быть заваленъ уроками и не имѣетъ возможности удѣлять еженедѣльно по нѣсколько часовъ на приготовленіе опытовъ, если, говоримъ мы, принять все это во вниманіе, то картина получится самая мрачная.

Вотъ каково по самому существу дѣла положеніе физики въ гимназіяхъ даже въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Чего-же тогда ожидать отъ преподаванія ея? Надо-ли удивляться, что профессора въ одинъ голосъ кричатъ о полномъ невѣжествѣ молодыхъ людей, поступающихъ въ высшія учебныя заведенія? Удивляться нечему и винить можно только заѣвшую насъ рутину и нежеланіе или неумѣніе освободиться отъ нея. Отцы и дѣды такъ учили—и мы такъ учимъ... Мы

утѣшаемъ себя мыслью, что вводимъ разныя новшества въ учебники (г. Ковалевскій ввелъ, напр., многое такое, что и студентамъ не подъ силу),—вводимъ абсолютныя единицы, вводимъ ученіе о потенціалѣ и пр.;—и думаемъ, что вопросъ рѣшенъ. Всѣ эти нововведенія прекрасны, но главное не во введеніи ихъ, а въ изгнаніи ненужнаго. Изгоните ненужное, тогда для нужнаго хватитъ и времени, и мѣста.

Къ числу практическихъ причинъ, обусловливающихъ плохое положеніе преподаванія физики въ средней школѣ, слѣдуетъ отнести, какъ уже выше было указано, отсутствіе штатныхъ лаборантовъ, плохое состояніе физическихъ кабинетовъ и, наконецъ, исключительное положеніе преподавателей физики. Намъ пришлось видѣть не мало физическихъ кабинетовъ; всѣ они производятъ очень тяжелое впечатлѣніе: за ними, во-первыхъ, некому ходить, во-вторыхъ, они представляютъ сбродъ довольно большаго числа устарѣвшихъ, часто весьма сложныхъ и никуда негодныхъ инструментовъ.

Всѣ эти обстоятельства, совокупно съ указанными выше причинами, обращаютъ преподаваніе физики въ гимназіяхъ въ нѣчто весьма прискорбное.

Какъ программы физики, утвержденныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, такъ и пояснительныя записки къ этимъ программамъ требуютъ (и совершенно раціонально), чтобы преподаваніе носило характеръ экспериментальный. Спрашивается: возможно-ли достигнуть этого при нынѣшнемъ положеніи дѣла? Если созвать преподавателей физики со всѣхъ концовъ Россіи, то они несомнѣнно дадутъ отрицательный отвѣтъ. Вести экспериментальное преподаваніе физики немыслимо по слѣдующимъ причинамъ: преподаватель, семейный человѣкъ, не можетъ существовать, имѣя менѣе 30-ти уроковъ въ недѣлю. Изъ этихъ 30-ти уроковъ онъ обыкновенно имѣетъ 7 уроковъ физики, а остальные—уроки математики; имѣть всѣ 30 уроковъ по физикѣ невозможно нигдѣ, кромѣ развѣ столичныхъ городовъ, гдѣ много среднихъ учебныхъ заведеній. Тридцать уроковъ въ недѣлю—это значитъ 5 уроковъ въ день, а 5 уроковъ въ день—это, считая рекреаціи, 6 часовъ времени на одно даваніе уроковъ. Если изъ 30-ти уроковъ только 7 идутъ на физику, а остальные на математику, то для того, чтобы дать 7 экспериментальныхъ уроковъ, нужно готовить къ этимъ урокамъ опыты не менѣе 14-ти часовъ въ недѣлю. Стало быть, къ 6 часамъ въ день прибавится еще 2 часа. Итого выйдетъ 8 часовъ въ день. Если теперь припомнить, что на остальные 23 урока (если они идутъ на математику, то это еще самое благопріятное условіе) требуется время для исправленія задачъ,

работъ, то къ этимъ 8 часамъ прибавится еще minimum одинъ часъ въ день. Итого выйдетъ 9 часовъ въ день. Этотъ разсчетъ примѣнимъ лишь въ томъ случаѣ, когда физическій кабинетъ гимназіи хорошо обставленъ пособіями. Если-же этого послѣдняго условія нѣтъ, если преподавателю приходится дѣлать слесарныя и столярныя работы, если ему каждый приборъ приходится пригонять, подстраивать, то тогда (и мы говоримъ это на основаніи 14-лѣтняго опыта) нужно ежедневно прибавить, по крайней мѣрѣ, еще часа два. Только тотъ, кто возился съ физическимъ кабинетомъ, плохо устроеннымъ, кто дѣлалъ попытки поставить преподаваніе физики на правильную почву,—только тотъ пойметъ, что въ приводимомъ разсчетѣ нѣтъ преувеличенія. Такимъ образомъ, преподавателю придется затратить часовъ около 11 въ день на даваніе уроковъ и подготовленіе къ опытамъ. Если теперь принять въ соображеніе, что не можетъ-же преподаватель ограничиться повтореніемъ одного и того-же, что онъ долженъ готовиться къ урокамъ, читать, обдумывать ихъ, что, наконецъ, онъ долженъ хоть немножко слѣдить за наукой, то выйдетъ, что ему придется затрачивать не менѣе 13-ти часовъ въ сутки, чтобы хоть сколько-нибудь стоять на высотѣ своего призванія. Очевидно, что при самомъ искреннемъ желаніи добросовѣстно исполнять свою обязанность, онъ физически не въ состояніи этого сдѣлать. А что-же дѣлать тѣмъ преподавателямъ, которые имѣютъ не 7, а 20 уроковъ по физикѣ, остальные-же 10, напр., по естествовѣдѣнію, гдѣ опять-таки надо вести демонстративныя занятія?

Вотъ, если вдуматься во все это, то станетъ понятно, гдѣ лежатъ источники того, что преподаваніе физики у насъ (да и въ Западной Европѣ) поставлено въ самыя дурныя условія.

Спрашивается, однако: какъ-же быть? Критиковать, конечно, легко, недостатки всегда и во всемъ легко отыскиваются. Гораздо труднѣе указать мѣры, которыя могли-бы устранить, если не всѣ, то многіе изъ этихъ недостатковъ и которыя были-бы практически удобоисполнимы, т.-е. не требовали-бы какихъ-либо сверхъестественныхъ усилій.

Такія мѣры есть; онѣ далеко не такъ сложны и трудно исполнимы, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Къ нимъ-то мы и обратимся и разсмотримъ прежде всего внѣшнюю сторону.

а) Физическій кабинетъ долженъ имѣть не менѣе 2-хъ комнатъ; при этихъ двухъ комнатахъ должна быть еще одна, въ которой преподаватель ведетъ уроки; это, такъ сказать, классъ, приспособленный спеціально для преподаванія физики.

Въ первой комнатѣ, наиболѣе удаленной отъ той, гдѣ происходятъ уроки, должны помѣщаться шкафы съ приборами; вторая комната должна служить для приготовленія опытовъ.

Въ классной комнатѣ, кромѣ обыкновенной классной мебели, необходимъ большой (отъ 4 до $4^1/_2$ аршинъ), прочно поставленный столъ съ ящиками, въ которыхъ помѣщаются разные мелкіе инструменты (напилки, ножницы, молотки и пр). Окна классной комнаты должны быть снабжены ставнями или шторами изъ толстаго сукна, для того, чтобы ее можно было, въ случаѣ надобности, сдѣлать совершенно темною.

b) При каждомъ физическомъ кабинетѣ долженъ быть штатный лаборантъ. Въ настоящее время такихъ лаборантовъ найти трудно, потому что въ лаборанты не пойдетъ лицо, окончившее курсъ въ университетѣ; да такой лаборантъ и не нуженъ,—нуженъ такой, который былъ-бы практически знакомъ съ токарнымъ, столярнымъ и слесарнымъ ремеслами. Такіе лаборанты могутъ современемъ выработаться изъ числа молодыхъ людей, оканчивающихъ курсъ въ техническихъ среднихъ или даже низшихъ училищахъ. Молодой человѣкъ, окончившій курсъ низшаго или средняго техническаго училища и умѣющій работать по столярной, токарной и слесарно-механической части, легко освоится въ теченіе одного года съ физическимъ кабинетомъ и будетъ въ состояніи не только помогать преподавателю въ приготовленіи классныхъ опытовъ, но также и производить легкія починки физическихъ приборовъ, что, въ смыслѣ экономіи, весьма важно для гимназій, и особенно для гимназій провинціальныхъ, гдѣ часто нѣтъ механика и починка какого-либо прибора сопряжена съ огромными трудностями и расходами.

c) *На физическій кабинетъ должна отпускаться ежегодно опредѣленная сумма, не входящая въ смѣту расходовъ «на пособія»*; но для того, чтобы такая сумма расходовалась правильно и для того, чтобы въ физическіе кабинеты гимназій попадали лишь дѣйствительно необходимые приборы (ибо часто бываетъ, что преподаватели покупаютъ приборы, совершенно ненужные для учебнаго курса, но почему-либо интересные для нихъ самихъ), было-бы желательно, чтобы при Министерствѣ Нар. Просвѣщенія существовала коммиссія, на которую была-бы возложена забота о доставленіи гимназіямъ хорошихъ и недорогихъ физическихъ приборовъ. Эта коммиссія могла-бы входить въ непосредственныя сношенія съ мастерскими, изготовляющими физическіе инструменты и такимъ образомъ служить посредникомъ между производителями и гимназіями. При этихъ условіяхъ не было-бы

того, что теперь сплошь и рядомъ наблюдается: какая-либо гимназія выписываетъ изъ Петербурга физическіе приборы, и ей отправляютъ устарѣвшій, на скорую руку сдѣланный хламъ; въ одномъ изъ крупныхъ оптическихъ магазиновъ Петербурга мы спросили приказчика: «что вы дѣлаете со старыми приборами, куда вы ихъ дѣваете?» И намъ на это отвѣтили: «мы отправляемъ ихъ въ провинціальныя учебныя заведенія»...

Если-бы при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія существовала коммиссія для наблюденія за учебными пособіями; если-бы ни одинъ физическій инструментъ не могъ идти въ провинціальныя учебныя заведенія иначе, какъ прошедши предварительно черезъ руки членовъ такой коммиссіи, то отъ этого выиграло-бы преподаваніе физики, и расходы на физическіе приборы значительно уменьшились бы, потому что между производителями приборовъ создалась-бы конкурренція, которой теперь, къ сожалѣнію, нѣтъ. Стоитъ посмотрѣть прейскуранты магазиновъ, напр., Рихтера въ Петербургѣ, или Швабе въ Москвѣ, или Эдельберга въ Харьковѣ, чтобы видѣть, какія невѣроятныя цѣны назначаютъ гг. владѣльцы «оптическихъ» магазиновъ физическимъ инструментамъ *).

Если-бы указанная нами коммиссія существовала при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, преподаватели гимназій могли-бы обращаться прямо къ ней, и она доставляла-бы въ физическіе кабинеты необходимые приборы, предварительно испытавъ ихъ и такимъ образомъ гарантировала-бы до нѣкоторой степени годность этихъ приборовъ для учебныхъ цѣлей.

Отсутствіе всего вышеуказаннаго является, такъ сказать, внѣшней причиною неудовлетворительной постановки курса физики въ гимназіяхъ. Внутреннею-же причиною является *программа* этого курса,— программа, выполненіе которой считается обязательнымъ. Въ погонѣ за большимъ количествомъ свѣдѣній, часто не имѣющихъ нечего общаго съ основною задачею физики, программа не оставляетъ преподавателю времени разработать съ своими учениками существенныя части курса.

---

*) Чтобы меня не упрекнули въ голословности, привожу для образца цѣны на одинаковые приборы, взятыя изъ двухъ прейскурантовъ: Гергардта (C. Gerhardt) въ Боннѣ на Р. и Ѳ. Швабе въ Москвѣ: въ первомъ значится простой катетометръ, который стоитъ всего 100 марокъ (т. е. около 50 руб. по курсу); во второмъ за № 2879 тотъ-же катетометръ стоитъ 85 руб., т.-е. на 70% дороже; или, напр., у Гергардта за № 2099 значится термометръ для физіологическихъ цѣлей съ дѣленіями на $^1/_{10}$ цѣною въ 10 марокъ (около 5 руб.); у Швабе за № 1482 тотъ-же термометръ стоитъ 10 руб., т. е. на 100% дороже и т. д. У Рихтера въ Петербургѣ приборы стоютъ столько-же, сколько у Швабе, а часто еще дороже.

Принципъ, противоположный общепринятому «non multa sed multum», нигдѣ такъ блистательно не проявляется, какъ въ существующихъ курсахъ физики, которые, конечно, подгоняются подъ существующія программы.

Чтобы доказать справедливость сказаннаго, стоитъ только обратиться какъ къ прежнимъ учебникамъ (Малинина, Краевича) такъ и новѣйшимъ—Ковалевскаго, Королькова и Матюшенка, Кошелькова и др. Какихъ только свѣдѣній мы въ нихъ ни найдемъ! Но касаться учебниковъ мы не станемъ. Разборъ существующихъ курсовъ физики будетъ нами сдѣланъ въ отдѣльной статьѣ; теперь-же мы постараемся указать лишь на то, какъ должна быть измѣнена программа для того, чтобы, при существующемъ числѣ уроковъ физики, ученики средней школы могли получать то, что физика должна имъ дать, т.-е., чтобы ученики научились аналитическому и синтетическому и, притомъ, экспериментальному методу изученія вещей.

Прежде всего, изъ курсовъ физики должно быть выброшено все то, что въ нихъ введено, *только* благодаря своему значенію въ обыденной жизни. Все то, что, имѣя практическое значеніе, содержитъ въ себѣ что-либо и принципіально важное, должно быть излагаемо съ принципіальной стороны по преимуществу. Пояснимъ свою мысль на примѣрѣ: паровыя машины имѣютъ громадное практическое значеніе, но если-бы все ихъ значеніе въ этомъ только и заключалось, то ихъ слѣдовало-бы исключить изъ курса физики по той же самой причинѣ, по которой, напр., въ физику не входитъ изученіе устройства печатныхъ станковъ, водяныхъ или вѣтряныхъ мельницъ, турбинъ и пр. Но паровыя машины имѣютъ еще громадное принципіальное значеніе: на нихъ выясняется превращеніе теплоты въ механическую работу. Стало быть, паровыя машины должны и излагаться съ этой стороны. Шатунъ, мотыль, эксцентрикъ, даже золотникъ и пр.—все это можетъ быть вполнѣ отброшено; обстоятельно-же долженъ быть изложенъ принципъ Клаузіуса о невозможности перехода теплоты отъ тѣла низшей температуры къ тѣлу высшей температуры безъ затраты работы; о невозможности превращенія теплоты въ работу, если система имѣетъ одинаковую температуру. А какіе новые элементы для міросозерцанія учащихся вносятъ всѣ эти понятія? Что даетъ для умственнаго развитія ихъ изученіе мотыля, или кривошипа, или шатуна?

Телеграфъ имѣетъ громадное практическое значеніе, но, тѣмъ не менѣе, изученіе подробностей устройства телеграфныхъ приборовъ было-бы нецѣлесообразною затратой силъ и времени.

Мало-ли можно придумать всевозможныхъ комбинацій системы ры-

чаговъ, но какой въ этомъ особенный смыслъ? Однако мы почему-то считаемъ нужнымъ останавливаться на десятичныхъ вѣсахъ и описывать ихъ устройство. Почему? Потому, говорятъ намъ, что десятичные вѣсы имѣютъ примѣненіе въ жизни? Вотъ, если, оставивъ вопросъ о примѣнимости къ жизни, перебрать матеріалъ, наполняющій учебники физики, то и окажется, что, быть можетъ, половину его можно будетъ исключить.

Мы заранѣе предвидимъ восклицанія, которыя раздадутся со многихъ сторонъ по поводу высказываемыхъ здѣсь соображеній. «Какъ, скажутъ намъ, вы желаете исключить паровыя машины, телеграфы изъ курса физики? Вы хотите, чтобы молодые люди, окончившіе курсъ гимназіи, не знали, какъ устроенъ локомотивъ!?»

Допустимъ, что этотъ упрекъ справедливъ, допустимъ, что молодой человѣкъ, не знающій *устройства* паровой машины, долженъ намъ внушать чувство сожалѣнія, потому что паровыя машины такъ важны, играютъ такую первостепенную роль въ жизни культурныхъ народовъ. Допустимъ все это. Но тогда почему-же мы не приходимъ въ ужасъ отъ того, что тѣ-же молодые люди не знаютъ, какъ дѣлается полотно, сукно, какъ производится желѣзо, чугунъ, какъ печатаются книги, какъ дѣлается писчая бумага, какъ дышетъ человѣкъ? Почему гимназистъ долженъ знать, какъ опредѣляется влажность воздуха, и можетъ не знать, какъ опредѣляется чистота и безвредность воды?

Въ томъ-то и суть, что надо быть послѣдовательнымъ: либо общеобразовательная школа имѣетъ цѣлью, какъ мы позволяемъ себѣ выразиться, разрыхленіе почвы, на которой могутъ расти сѣмена какого угодно спеціальнаго образованія, иначе говоря: либо общее образованіе даетъ только *возможность* къ пріобрѣтенію какихъ угодно знаній, либо-же оно стремится создать въ головахъ молодыхъ людей краткій (но запутанный) энциклопедическій словарь. Конечно, фактическія знанія нужны, но всѣ эти фактическія знанія въ общеобразовательной школѣ должны быть прежде всего *средствомъ*.

Есть въ жизни весьма много вещей, не менѣе важныхъ, чѣмъ паровыя машины, но мы не обучаемъ юношей этимъ важнымъ вещамъ потому именно, что онѣ не содѣйствуютъ достиженію общеобразовательныхъ цѣлей.

Если имѣть смѣлость отказаться отъ многаго такого, что удерживается лишь благодаря рутинѣ, если подойти къ курсу физики съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ—не вводить въ него ничего такого, что не имѣло-бы прямого отношенія къ физикѣ, и только къ ней, если не

притягивать къ физикѣ разные вопросы или приборы только потому, что они имѣютъ отношеніе «къ жизни», то тогда въ головахъ молодыхъ людей не будетъ такой путаницы физическихъ понятій, какая наблюдается въ настоящее время: будетъ изучено мало фактовъ, но эти факты создадутъ въ умахъ стройное цѣлое.

Мы не можемъ здѣсь обойти молчаніемъ еще одного существеннаго факта. Если изъ руководствъ физики и изъ программъ будетъ выброшено все то, въ чемъ не содержится съ принципіальной стороны ничего новаго и существеннаго, то для самодѣятельности учениковъ откроется гораздо болѣе обширное поле. Кто имѣетъ хотя бы нѣкоторый педагогическій опытъ, тотъ знаетъ, съ какимъ удовольствіемъ молодые люди принимаются, напр., за работу, если имъ предложить изобрѣсти такой или иной приборъ. Намъ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда преподаватель, изложивъ, напр., принципъ устройства электродвигателей, предложилъ ученикамъ изобрѣсти электродвигатели, приспособленные для разныхъ спеціальныхъ цѣлей,— къ слѣдующему уроку онъ получилъ до двадцати прекрасно исполненныхъ рисунковъ различныхъ электродвигателей, причемъ нѣкоторые изъ придуманныхъ приборовъ были необыкновенно остроумно скомбинированы.

Разборъ представленныхъ проектовъ далъ ученикамъ больше, нежели нѣсколько часовъ объясненій, потому что здѣсь былъ живой интересъ, охватившій весь классъ.

Такимъ образомъ, многіе изъ приборовъ, которые мы выбросили-бы изъ учебника физики, вошли бы въ курсъ ея въ формѣ задачъ. И мы полагаемъ, что каждая такая задача, разработанная въ классѣ самими учениками на основаніи общихъ принциповъ, уже выясненныхъ, дала-бы гораздо больше знаній и, главное, умѣнья прилагать свои знанія къ обсужденію отдѣльныхъ вопросовъ, нежели тѣ задачи (къ сожалѣнію, очень распространенныя въ учебникахъ физики), въ которыхъ все дѣло сводится къ извѣстному числу ариѳметическихъ или алгебраическихъ вычисленій.

Возьмемъ примѣръ: ученикамъ показанъ и изложенъ основной опытъ Торичелли; они поняли, что высотою ртутнаго столба можетъ измѣряться давленіе атмосферы. Преподаватель приглашаетъ ученика къ доскѣ и предлагаетъ ему такъ устроить трубку Торичелли, чтобы при помощи ея можно было *измѣрять* измѣненія атмосфернаго давленія. Ученикъ предлагаетъ извѣстное приспособленіе; оно несовершенно; преподаватель указываетъ на недостатокъ; сейчасъ-же въ классѣ раздадутся голоса, предлагающіе способъ къ устраненію этого недо-

статка—и въ результатѣ выработается барометръ. Но онъ выработается не при пассивномъ выслушиваніи, а при активномъ вниманіи и дѣятельномъ участіи со стороны учениковъ.

Мы не станемъ далѣе распространяться по этому поводу — въ журнальной статьѣ нѣтъ возможности разработать высказываемыя соображенія съ достаточною подробностью, но мы все-же полагаемъ, что лица, знакомыя съ дѣломъ, если даже и не согласятся съ нами, то поймутъ нашу мысль, несмотря на то, что она здѣсь выражена только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу роли математики въ гимназическомъ курсѣ физики.

Значительное большинство преподавателей физики состоятъ въ то-же время преподавателями математики. Рѣдко встрѣчаются такіе преподаватели физики, которые на университетской скамьѣ получили бы именно по физикѣ хорошую подготовку. У большинства преподавателей физики опытная сторона сильно страдаетъ. Будучи по преимуществу математиками, такіе преподаватели считаютъ, что чѣмъ больше математики они вводятъ въ преподаваемый курсъ физики, тѣмъ точнѣе, тѣмъ строже уяснятся ученикамъ принципы послѣдней.

Такихъ преподавателей сейчасъ можно узнать, въ особенности на экзаменахъ. У нихъ есть нѣсколько коньковъ: теорія десятичныхъ вѣсовъ, сложеніе параллельныхъ силъ, равновѣсіе рычага, центръ тяжести *треугольника* (замѣтьте: непремѣнно треугольника), формула вогнутаго зеркала, двояко-выпуклаго стекла, minimum отклоненія въ призмѣ и т. д. Можно съ увѣренностью сказать, что тамъ, гдѣ эти вопросы составляютъ центръ тяжести экзаменовъ или вопросовъ, исходящихъ отъ преподавателя, тамъ ученики физики не знаютъ, да и самъ преподаватель не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ онъ преподаетъ. У такихъ преподавателей ученики не знаютъ должнымъ образомъ статьи о звукѣ, не знаютъ статьи о теплотѣ, но знаютъ обыкновенно статьи о свѣтѣ (за исключеніемъ, впрочемъ, статьи о хроматизмѣ). При такомъ преподаваніи—за формулами ничего не остается; ученикъ выведетъ самую сложную формулу, а сути дѣла не будетъ понимать. Такой ученикъ не имѣетъ надлежащаго понятія о физикѣ, и физика не внесла почти ничего въ сферу его умственнаго развитія.

Многіе преподаватели полагаютъ, что точность въ физикѣ опредѣляется количествомъ введенной туда математики. А между тѣмъ точность въ физикѣ ничего общаго съ количествомъ введенныхъ математическихъ выкладокъ не имѣетъ. Математика въ примѣненіи къ

физикѣ имѣетъ (мы говоримъ, конечно, о курсѣ средняго учебнаго заведенія) цѣлью идеализировать опытъ, отнять у него его реальную почву; она даетъ ученику возможность познать предѣльное значеніе опыта; отнявъ отъ тѣла все тѣлесное въ физическомъ смыслѣ слова, сдѣлавъ явленіе функціей нѣсколькихъ простыхъ перемѣнныхъ, она вводитъ изслѣдователя въ міръ идеальныхъ явленій; или-же она, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, механизируетъ способъ разсужденія и не даетъ разсуждающему сбиться съ пути—и въ этомъ ея громадное значеніе, и въ этомъ отношеніи она въ гимназическомъ курсѣ физики ничѣмъ незамѣнима; но и ею замѣнять что-либо — то-же нельзя: поставить вычисленіе вмѣсто того, чтобы произвести опытъ —это значитъ физику свести на нуль, и значеніе математики въ физикѣ то же свести къ нулю.

Вода имѣетъ огромное значеніе для человѣка, который поѣлъ хлѣба,—она содѣйствуетъ перевариванію и усвоенію съѣденнаго; но смѣшонъ былъ-бы тотъ воспитатель, который, понимая значеніе воды, вздумалъ-бы давать своему питомцу одну воду, забывъ о хлѣбѣ.

Нужно, стало быть, помнить, что если физика имѣетъ огромное значеніе въ средней школѣ, то это значеніе обусловливается исключительно своеобразностью методовъ физики, своеобразностью анализа, осуществимостью синтеза, возможностью постоянно контролировать свои выводы путемъ *опыта*.

Все, что для этого нужно, все можно и слѣдуетъ привлекать; нужна математика—мы ею должны пользоваться. Но думать, что мы изучаемъ физику, если ограничиваемся изслѣдованіемъ формулы,—значитъ впадать въ крупное и, притомъ, вредное заблужденіе. И въ этомъ отношеніи не безполезно привести мнѣніе глубокаго мыслителя Дюринга, который говоритъ: «Физика только тогда сохраняетъ свою чистоту и вѣрность принципамъ Галилея, когда въ ней соединена простота идеи съ ясностью вычисленія и точностью наблюденія. Изъ этихъ трехъ составныхъ частей физики, одна, именно средняя, обратилась въ послѣднія 30 — 40 лѣтъ въ каррикатуру... Злоупотребленія математикой преобладаютъ какъ разъ въ тѣхъ областяхъ физики, въ которыхъ количество уже наблюденныхъ фактовъ не можетъ удержать математики въ настоящихъ ея границахъ. Тутъ изслѣдователи рѣзко отступаютъ отъ основного положенія: производить выкладки и руководиться математическими заключеніями только въ тѣхъ случаяхъ, когда результаты этихъ вычисленій могутъ привести прямымъ или, въ крайнемъ случаѣ, косвеннымъ образомъ къ подтвержденію или къ

опроверженію наблюденій, уже сдѣланныхъ или имѣющихъ быть сдѣланными» *).

Этотъ справедливый укоръ, обращенный къ физикѣ, какъ наукѣ, тѣмъ болѣе справедливъ по отношенію къ физикѣ, какъ учебному предмету средней школы.

М. Ю. Гольдштейнъ.

---

*) Die Physik bleibt nur dann gediegen und ihrem Ursprung von Galilei her treu wenn in ihr einfache Gedanken, durchsichtige Rechnungen und wohlbeobachtete Thatsachen zusammenwirken. Von diesen drei Bestandtheilen ist nun besonders im letzten Menschenalter der mittlere zur Caricatur entartet... Im Gegentheil betritt die algebraische Scantirung mit Vorliebe diejenigen Felder, wo sie ueberhaupt von bereits beobachteten Thatsachen nicht in Schranken gehalten und nicht zur Ordnung gerufen werden kann. Sie verstösst soviel als möglich gegen den ersten Grundsatz eines gediegenen Verhaltens, *der darin besteht, nur da zu rechnen und nur da algebraischen Schlüssen nachzugehen, wo die Ergebnisse direct oder wenigstens indirect durch die vorhandenen oder demnächst beschaffboren Beobachtungs und Versuchsthatsachen eine Bestätigung oder Widerlegung erfahren kann.* (Neue Grundgesetze zur rationellen Physik und Chemie v. D-r. E. Duhring. Leipzig. 1878. стр. 115).

Новый прусскій законопроектъ относительно народныхъ училищъ 1892 года.

Въ концѣ января сего года, прусскому сейму былъ предложенъ, а затѣмъ переданъ для разсмотрѣнія въ особую парламентскую коммиссію выработанный правительствомъ проектъ устава народныхъ училищъ. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ о происходившихъ при обсужденіи этого проекта преніяхъ, можно видѣть, что проектъ далеко не встрѣчаетъ единодушнаго одобренія среди депутатовъ. пруской палаты. Члены клерикальной партіи не вполнѣ довольны тою незначительною,—на ихъ взглядъ, конечно,—ролью, которая отведена въ проектѣ устава духовенству; по мнѣнію-же членовъ либеральныхъ партій различныхъ оттѣнковъ, напротивъ того, духовенству, какъ католическому, такъ и протестантскому, проектъ даетъ возможность вліять на народную школу болѣе, нежели это желательно въ интересахъ преуспѣянія послѣдней. Въ сферѣ разсужденій о той степени вліянія на прусскую народную школу, какая окажется по предложенному проекту устава возможною для духовенства, въ сущности вращались всѣ пренія депутатовъ прусскаго сейма о названномъ проектѣ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, по тѣмъ-же газетнымъ свѣдѣніямъ, должно заключить, что проектъ устава народныхъ школъ прусскаго правительства имѣетъ шансы быть принятымъ прусскимъ сеймомъ вполнѣ *).

---

*) Говоря такимъ образомъ, мы имѣли въ виду одобреніе проекта со стороны императора Вильгельма. Какъ извѣстно, своимъ девизомъ онъ избралъ изреченіе voluntas regis—suprema lex, а потому естественно можно было ожидать, что онъ во что-бы то ни стало проведетъ въ жизнь законопроектъ, пользующійся его сочувствіемъ. Разсчетъ на неизмѣнность воли императора и избраннаго имъ курса оказался, однако, ненадежнымъ. Уже 7-го (19-го) марта сего года появилась телеграмма («Нов. Врем.» № 5756) о томъ, что «императоръ неожиданно потребовалъ отъ министровъ, чтобы они передѣлали внесенный ими въ парламентъ законопроектъ о народной школѣ. Императоръ убѣдился въ необходимости сдѣлать уступки народному движенію противъ школьнаго закона. Канцлеръ Каприви на-

Насколько основательны тѣ нападки на проектъ устава, которыя дѣлаются со стороны различныхъ партій, читатели могутъ судить по нижеприведенному нами довольно подробному изложенію существеннѣйшихъ положеній этого проекта. Съ своей стороны, замѣтимъ здѣсь, что, въ общемъ, отнюдь не видимъ, чтобы проектъ въ отводимой въ немъ значительной долѣ вліянія духовенства на школу шелъ далѣе того, что существуетъ въ настоящее время *), т.-е. что во всякомъ случаѣ его нельзя назвать по преимуществу ретроградньмъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отвѣчаетъ и прогрессивнымъ стремленіямъ той части общества, которая называется интеллигенціею страны, и не оправдываетъ возлагавшихся на него надеждъ со стороны народныхъ учителей **). Населеніе государства прусскаго принадлежитъ къ двумъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, враждующимъ между собою, — главнымъ образомъ, конечно, въ лицѣ своихъ духовныхъ руководителей. Но въ этомъ государствѣ имѣется также весьма значительный и вліятельный классъ интеллигенціи, которая стремится къ тому, чтобы народная школа и вообще вся система образованія была лишена какого-бы то ни было

стаивалъ, чтобы законопроектъ былъ разсмотрѣнъ парламентомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ получилъ одобреніе министерства. Императоръ съ этимъ не соглашался; тогда Каприви и министръ народнаго просвѣщенія и исповѣданій Цедлицъ подали императору прошенія объ отставкѣ». По послѣднимъ извѣстіямъ, только министръ нар. пр. фонъ-Цедлицъ оставляетъ свой постъ и, слѣдовательно, если только вновь не измѣнится *курсъ* императора Вильгельма, можно ожидать, что законопроектъ будетъ измѣненъ въ смыслѣ большаго или меньшаго умаленія вліянія духовенства на прусскую *сельскую* народную школу, ибо городская народная школа — такъ наз. городскія училища — и въ настоящее время, и по законопроекту находится почти внѣ сферы этого вліянія. Несомнѣнно, что отъ такой передѣлки законопроектъ только выиграетъ, но и помимо этого онъ имѣетъ много недостатковъ, на которые мы указываемъ въ концѣ нашей статьи, хотя объ устраненіи именно этихъ недостатковъ, имѣющихъ для нар. школы и ея учителей весьма существенное значеніе, къ сожалѣнію, никто, кромѣ самихъ нар. учителей, не говоритъ и, вѣроятно, они такъ и останутся темными пятнами законопроекта.

*) Ср. статью г. К. Сентъ-Илера въ ноябрской книжкѣ «Русской Школы» за 1891 г.: «Конфессіональныя школы на западѣ», стр. 86 и др.

**) Объ упадкѣ современной прусской народной школы сравнительно съ недавнимъ прошлымъ ея, см. нашу замѣтку въ май-іюньской книжкѣ «Русской Школы» за 1891 г.: «Статистическія данныя по народному образованію въ Пруссіи за послѣднее время», стр. 264 и сл. Прусское правительство, увеличивая число народныхъ школъ, не увеличиваетъ соотвѣтственно этому бюджета по народному образованію, устраивая такъ называемыя полдневныя школы, съ сокращеннымъ срокомъ обученія, вслѣдствіе чего народные учителя обременены до крайности, ибо даже въ среднемъ на каждаго изъ нихъ приходится отъ 70 до 100 и болѣе учащихся.

конфессіональнаго характера или оттѣнка. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ правительству трудно, даже рѣшительно невозможно выработать такой проектъ училищнаго закона, который удовлетворялъ-бы указаннымъ разнороднымъ требованіямъ. Но собственно для народнаго образованія и преимущественно для людей, непосредственно ведущихъ это дѣло, т.-е. для народныхъ учителей, представленный правительствомъ проектъ устава, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все-таки имѣетъ уже ту хорошую сторону, что можетъ внести нѣкоторую опредѣленность, устойчивость въ такую область народной жизни, которая доселѣ подвергалась колебаніямъ, зависѣла отъ произвола тѣхъ личностей, которыя въ тотъ или иной періодъ времени, вызываясь тѣми или иными вѣяніями, были поставляемы на постъ руководителей образованія въ государствѣ. Въ теченіе уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, на всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ съѣздахъ и многочисленныхъ собраніяхъ прусскихъ народныхъ учителей, во всѣхъ педагогическихъ журналахъ и изданіяхъ, посвященныхъ интересамъ нѣмецкой народной школы, постоянно раздавались голоса о необходимости обнародованія школьнаго закона, т.-е. опредѣленнаго устава для народныхъ школъ. Причину такого желанія, высказывавшагося обыкновенно съ большою горячностью, мы только что указали, а чтобы читатель понялъ всю основательность этой причины, мы позволимъ себѣ напомнить ему, въ самыхъ краткихъ чертахъ, существенные моменты изъ исторіи прусской народной школы.

Прусское королевство было признано Европою таковымъ въ 1714 г. Уже въ 1738 году Фридрихъ-Вильгельмъ I-й издалъ principia regulativa, которыми начальное обученіе объявлялось обязательнымъ. Въ 1763 году Фридрихомъ Великимъ былъ обнародованъ общій уставъ народныхъ училищъ, какъ основной законъ для всего прусскаго королевства, а въ 1773 году издана инструкція для народныхъ учителей. Обученіе было сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ; родители, дѣти которыхъ не посѣщали школы, должны были подвергаться штрафамъ. Но, не смотря на эти распоряженія правительства, не смотря на то, что уже самая протестантская религія, которую исповѣдуетъ большинство населенія королевства, требуетъ отъ дѣтей, приступающихъ, на 14-мъ году, первый разъ къ причащенію, умѣнья читать и писать и знанія начатковъ своего вѣроученія, обязательность начальнаго обученія оставалась мертвою буквою. Обстоятельство это обусловливалось крѣпостнымъ состояніемъ народа, вслѣдствіе чего не было возможности приготовить надлежащимъ образомъ особыхъ народныхъ учителей, которыхъ не могли замѣнить ни отставные

грамотные унтеръ-офицеры, опредѣлявшіеся Фридрихомъ Великимъ на мѣста народныхъ учителей, ни духовенство, занятое своими требами и богословскою полемикою и неподготовленное къ роли народнаго учителя. Только лишь съ отмѣною крѣпостного состоянія и со времени вступленія въ завѣдываніе учебными дѣлами, въ 1807 году, Альтенштейна, бывшаго министромъ нар. просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ съ 1817 года по 1840-й, начинаетъ входить въ дѣйствительную силу, осуществляться фактически, законъ объ обязательности народнаго обученія.

Дѣятельность Альтенштейна въ высшей степени поучительна; онъ можетъ быть названъ истиннымъ создателемъ прусской общенародной школы, какъ института, совершенно чуждаго какихъ-либо сословныхъ или личныхъ интересовъ, въ которомъ все обученіе поставлено на народную почву, основываясь на изученіи отечественнаго языка и отечества. Такъ какъ, по справедливому выраженію Альтенштейна, учитель есть душа школы, и безъ этой души она мертва, то и главнѣйшія заботы этого образцоваго министра нар. просвѣщенія были направлены къ возможно лучшему образованію народныхъ учителей. Онъ отправилъ къ Песталоцци нѣсколько способныхъ молодыхъ людей, которые должны были изучить на мѣстѣ систему народнаго образованія этого педагога. Возвратясь въ отечество, они начали устраивать въ немъ учительскія семинаріи, въ которыхъ приготовлялись будущіе народные учителя къ дѣятельности въ духѣ Песталоцци. Въ 1826 году въ Пруссіи имѣлось уже 28 учительскихъ семинарій съ 1.400 учащимися, а въ 1837 году число этихъ заведеній возрасло до 45-ти, съ трехлѣтнимъ курсомъ обученія; кромѣ того, учреждались временные педагогическіе курсы. Дистервегъ былъ сдѣланъ директоромъ берлинской учительской семинаріи и оказывалъ большое и благотворное вліяніе на ходъ всего дѣла народнаго образованія. Это было золотое время прусской народной школы, когда она пользовалась громаднымъ авторитетомъ въ Европѣ и когда европейскія государства посылали ученыхъ и педагоговъ изучать ее, дабы примѣнить къ своей народной школѣ тѣ принципы, которые были положены въ основаніе прусской народной школы. Такъ, изъ Франціи министромъ Гизо для изученія прусскихъ народныхъ школъ былъ посланъ извѣстный французскій философъ-эклектикъ Кузенъ. Альтенштейнъ заводилъ народныя школы новаго типа не сразу, а постепенно, по провинціямъ и по мѣрѣ образованія для новыхъ школъ учителей, надлежащимъ образомъ подготовленныхъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Въ качествѣ устава для народныхъ школъ продолжалъ дѣйствовать уставъ Фридриха II-го отъ 1763 года. Лишь въ 1845 г.

было обнародовано училищное положенiе для провинцiи Пруссiи, которое имѣлось въ виду постепенно примѣнять и въ другихъ провинцiяхъ прусскаго королевства, а затѣмъ, съ измѣненiями, необходимость которыхъ была-бы указана временемъ и опытомъ, должно было превратиться въ уставъ для всѣхъ прусскихъ народныхъ училищъ. Отступленiя этого положенiя отъ устава Фридриха Великаго состояли въ томъ, что 1) школьный налогъ былъ распространенъ на всѣхъ членовъ сельскихъ общинъ, а не только на тѣхъ, дѣти которыхъ учились въ народной школѣ, 2) опредѣленъ былъ минимумъ жалованья учителей сельскихъ и городскихъ, одноклассныхъ, двухъ и трехклассныхъ. начальныхъ училищъ, и 3) установленъ, въ общихъ чертахъ, курсъ народныхъ школъ, который состоялъ изъ обученiя Закону Божiю, отечественному языку, счисленiю, начаткамъ геометрiи (о формахъ и пространствѣ), родиновѣдѣнiю (Heimathskunde) и отчизновѣдѣнiю (Vaterlandskunde); два послѣднiе предмета, т.-е. естественная исторiя, исторiя и географiя, должны были проходиться по статьямъ книги для чтенiя (im Anschluss an das Volksschullesebuch). Какъ въ одноклассной сельской школѣ, такъ и въ многоклассныхъ городскихъ училищахъ предметы преподаванiя были одни и тѣ-же, различiе состояло лишь въ объемѣ преподаванiя: чѣмъ большимъ количествомъ учебныхъ силъ располагала данная школа, тѣмъ шире могла она поставить преподаванiе названныхъ учебныхъ предметовъ.

Но къ концу сороковыхъ годовъ въ Пруссiи началась реакцiя, которая особенно усилилась послѣ событiй 1848 г. Вслѣдствiе этого общiй училищный уставъ такъ и не былъ обнародованъ. Дистервегъ былъ уволенъ отъ должности директора берлинской семинарiи уже въ 1847 году. Послѣ Альтенштейна идетъ рядъ быстро смѣнявшихся одинъ за другимъ министровъ народнаго просвѣщенiя (Эйхгорнъ, фонъ-Ладенбергъ (1848—1850), фонъ-Раумеръ, Бетманъ-Голлвегъ, фонъ-Мюллеръ и, въ 1872 г., Фалькъ). Уже при министрѣ Эйхгорнѣ начинаетъ проявляться влiянiе члена министерства Штиля, которымъ, при министрѣ Раумерѣ, были составлены и министерствомъ обнародованы, вмѣсто ожидавшагося училищнаго закона, пресловутые школьные регулятивы отъ 1, 2 и 3 октября 1854 г., которыми опредѣлялся учебный курсъ семинарiй, приготовительныхъ къ нимъ заведенiй и народныхъ школъ. Регулятивы были проникнуты крайнимъ реакцiоннымъ направленiемъ, которое достигло своего апогея при министрѣ фонъ-Миллерѣ, въ молодости сочинявшемъ фривольные стишки, а затѣмъ превратившемся въ яраго пiэтиста. Реакцiя въ сферѣ народно-учебнаго дѣла, продолжавшаяся до 1872 года, уничтожила

почти все то, что съ такими трудами, съ такимъ умомъ, знаніями и патріотизмомъ устраивалъ Альтенштейнъ и его сотрудники, въ особенности Дистервегъ. Объемъ преподаваемыхъ предметовъ въ учительскихъ семинаріяхъ и народныхъ школахъ одноклассныхъ и многоклассныхъ, былъ сильно сокращенъ; главнѣйшее вниманіе обращено на то, чтобы учащіеся въ народныхъ школахъ, заучивали наизусть возможно большее количество церковныхъ пѣсней, библейскихъ изреченій, библейскихъ исторій и т. п., на что затрачивалась почти треть всего учебнаго времени. Народныя школы поступили въ полное распоряженіе духовенства, незнакомаго съ дѣломъ обученія, невѣжественнаго въ педагогикѣ и стремившагося лишь къ тому, чтобы школа и ея учитель превратились въ покорныхъ слугъ клира. «Народная школа,—говоритъ одинъ изъ историковъ прусской школы *),—въ высшей степени скудно обставленная, долженствовала снова быть низведенною до уровня приходской школы («Kirchschule»). Но какое было дѣло Штилевымъ регулятивамъ до того, чтобы прусскій народъ нѣчто зналъ о происхожденіи и жизни народовъ, о силахъ и дѣйствіяхъ природы, о духѣ и твореніяхъ «такъ называемыхъ» нѣмецкихъ классиковъ! Въ учительскихъ семинаріяхъ и народныхъ школахъ на первый планъ были выдвинуты дрессировка и зубренье; раціональные методы, указанные Песталоцци и Дистервегомъ, были изгнаны, какъ несоотвѣтствующіе духу протестантскаго клерикализма (unkirchlich). Блескъ той эпохи умственнаго движенія, которая предшествовала войнѣ за освобожденіе и слѣдовала за нею, той эпохи, которая пріобрѣла Пруссіи имя государства интеллигенціи, мало-по-малу исчезалъ и надъ церковью и школою распростирался все болѣе и болѣе сгущавшійся мракъ. Учительскія семинаріи и народныя школы были превращены въ кельи для зазубриванія библіи и катихизиса (in biblische Geschichts- und Katechismusstuben). Однимъ словомъ, къ тому моменту, когда министръ фонъ-Мюллеръ оставилъ своей постъ, все учебное дѣло въ Пруссіи было настолько искалѣчено. что находилось въ состояніи, едва-едва способномъ къ реорганизаціи» (стр. 436—437). Реорганизація была произведена министромъ Фалькомъ, издавшимъ 15 октября 1872 г. «Общія положенія для народныхъ школъ и учительскихъ семинарій и приготовительныхъ къ послѣднимъ заведеній» (Allgemeine Bestimungen betrefend etc.). Въ задачу нашей замѣтки не входитъ указаніе на недостатки этихъ «положеній»; здѣсь мы считаемъ

---

*) Geschichte des Preussischen Volksschulwesens. Von Tr. Ed. Keller. Berlin. 1873.

достаточнымъ отмѣтить лишь, что они выводили прусскую народную школу на прежній путь, съ котораго она была сбита регулятивами Штиля и вообще реакціонною политикою цѣлаго ряда министровъ. Но прусскіе народные учителя и вообще всѣ люди, преданные дѣлу народнаго образованія въ своемъ отечествѣ, видѣли, что «общія положенія» Фалька не есть органическій училищный законъ и, твердо памятуя о недавно минувшихъ временахъ регулятивовъ и объ измѣнчивости добрыхъ вѣяній, оставались неудовлетворенными. Вотъ почему прусскіе педагоги постоянно и неустанно твердили о необходимости обнародованія устава народныхъ школъ. Продолжительное-же невѣжественное хозяйничанье въ прусской народной школѣ пасторовъ привело сторонниковъ свѣтской школы къ тому, что многіе изъ нихъ встрѣтили враждебно выработанный правительствомъ проектъ устава народныхъ школъ, главнымъ образомъ, потому, что въ немъ отведена значительная доля участія также и духовенству, хотя это обстоятельство отнюдь не грозитъ преобладаніемъ собственно въ учебномъ дѣлѣ того клерикализма, который еще недавно въ немъ господствовалъ.

Законопроектъ относительно народныхъ училищъ (der Entwurf eines Volksschulgesetzes) заключаетъ въ себѣ 194 параграфа, распредѣленныхъ въ 9-ти отдѣлахъ.

Въ I-мъ отдѣлѣ (§ 1—26) трактуется *о цѣли и устройствѣ общественной народной школы*. Цѣль народной школы состоитъ въ доставленіи юношеству религіознаго, нравственнаго и національнаго (vaterländische) образованія путемъ обученія и воспитанія, а также въ доставленіи ему тѣхъ общихъ знаній и навыковъ, которые необходимы въ жизни гражданина. Народныхъ школъ должно быть столько, сколько необходимо для того, чтобы въ нихъ могли найти себѣ мѣсто всѣ тѣ дѣти школьнаго возраста (6—14 лѣтъ), которыя не могутъ получить надлежащаго обученія иными средствами (т. е. въ частныхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ наименованій). Школы должны быть по возможности расположены такимъ образомъ, чтобы всѣ дѣти, принадлежащія къ району данной школы, могли посѣщать ее круглый годъ безъ перерывовъ и безъ вреда для ихъ здоровья. Въ каждомъ поселеніи, отстоящемъ болѣе чѣмъ на $2^1/_2$ километра (около 3 верстъ) отъ училища, должна быть устраиваема особая школа, если число дѣтей окажется для сего достаточнымъ.—Въ общемъ, въ каждой одноклассной народной школѣ число учащихся не должно превышать 80-ти; въ школахъ многоклассныхъ, на каждые 70 учащихся полагается одинъ штатный (vollbeschäftigte) учитель. — Предметы обученія въ народной школѣ суть слѣдующіе:

Законъ Божій, нѣмецкій языкъ (рѣчь, чтеніе, письмо), счисленіе съ начатками геометріи (о формахъ и измѣреніи — Raumlehre), отечественная исторія, географія, естествовѣдѣніе, рисованіе, пѣніе, гимнастика (Turnen), а для дѣвочекъ — также женскія рукодѣлія. Для введенія въ ту или иную школу другихъ предметовъ обученія необходимо разрѣшеніе министра нар. просвѣщенія. Учебный планъ и внутреннее устройство народной школы, въ особенности распредѣленіе учебныхъ часовъ между отдѣльными учебными предметами, измѣненія въ существующемъ устройствѣ школы, открытіе новыхъ школъ, классовъ и учительскихъ мѣстъ утверждаются на основаніи общей инструкціи министра народнаго просвѣщенія, имѣющей быть обнародованною по введеніи въ дѣйствіе настоящаго устава, президентомъ правительственной училищной коллегіи, по представленіи о семъ мѣстной училищной власти округа или города и принимая въ соображеніе мѣстныя условія.—Введеніе новаго учебнаго плана и учебниковъ по предмету Закона Божія зависитъ отъ соглашенія высшей духовной власти съ духовнымъ представителемъ общины. — Для закрытія существующей народной школы необходимо согласіе министра народнаго просвѣщенія. — Обученіе въ народной школѣ распредѣляется по тремъ ступенямъ. — Ученики должны имѣть еженедѣльно: на низшей ступени обученія отъ 18 до 22 уроковъ, на средней отъ 26 до 30 и на высшей отъ 28 до 32 уроковъ. — Устройство для каждой ступени обученія отдѣльнаго класса зависитъ отъ мѣстныхъ условій и въ особенности отъ количества учениковъ въ школѣ. — Въ городахъ народная школа (называемая здѣсь «городскимъ училищемъ») вообще должна состоять не менѣе, какъ изъ трехъ послѣдовательныхъ классовъ.—Въ мѣстностяхъ, имѣющихъ школы изъ трехъ или болѣе классовъ, дѣти могутъ посѣщать одноклассную школу только съ согласія ихъ родителей или заступающихъ мѣсто послѣднихъ.— Если въ школѣ число учащихся будетъ болѣе 80, или если въ школѣ не можетъ помѣщаться все число учащихся, а между тѣмъ мѣстныя условія не позволяютъ пригласить второго учителя или расширить помѣщеніе школы, то, съ согласія президента провинціальной училищной коллегіи, такая школа можетъ быть обращена въ двуклассную, но съ *однимъ* учителемъ и съ сокращеннымъ срокомъ обученія (полдневная школа—Halbtagsschule).—Въ такую-же полдневную, съ сокращеніемъ учебнаго времени, школу обращается также та школа, въ которой имѣются два учителя, но обученіе ведется въ трехъ последовательныхъ классахъ.—Вѣроисповѣданіе дитяти не можетъ служить причиною непринятія его въ мѣстную народную школу. — При

открытіи новыхъ народныхъ школъ слѣдуетъ принимать во вниманіе вѣроисповѣдныя (конфессіональныя) условія. Вообще слѣдуетъ принять за правило, что каждый учащійся обучается у учителя одинаковаго съ нимъ вѣроисповѣданія. Вновь учреждаемыя народныя школы должны имѣть конфессіональный характеръ, существующія могутъ, съ разрѣшенія правительственнаго президента, быть преобразовываемы въ школы таковаго-же характера. — Если число учащихся въ данной школѣ дѣтей одного изъ признанныхъ государствомъ вѣроисповѣданій достигаетъ 30-ти, то президентъ, съ согласія общины, можетъ разрѣшить открытіе отдѣльной школы; при наличности 60-ти такихъ учащихся, для нихъ обязательно открывается отдѣльная школа съ учителемъ, принадлежащимъ къ вѣроисповѣданію учащихся; если мѣстный сельскій или городской училищный комитетъ не согласятся на устройство такой школы, то разрѣшеніе дается окружнымъ, сельскимъ или городскимъ, училищнымъ комитетомъ (durch den Kreis-Bezirkausschuss). — Обученіе Закону Божію ведется учителемъ того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ обучающійся *). Безъ обученія Закону Божію учителемъ своего вѣроисповѣданія не можетъ оставаться ни одинъ ребенокъ, принадлежащій къ признанному государствомъ вѣроисповѣданію. Обучаться Закону Божію у учителя другаго вѣроисповѣданія ученикъ можетъ лишь съ согласія своихъ родителей или опекуна. Если въ народной школѣ обучаются дѣти различныхъ вѣроисповѣданій и если число учащихся извѣстнаго вѣроисповѣданія будетъ болѣе 15-ти, то для нихъ долженъ имѣться особый учитель, одинаковой съ ними религіи. Дѣти, принадлежащія къ религіи, не признаваемой со стороны государства, должны присут-

*) Въ нѣмецкихъ школахъ обученіе Закону Божію можетъ быть ведено свѣтскимъ лицомъ, въ данномъ случаѣ народнымъ учителемъ; у протестантовъ обыкновенно лишь приготовленіе къ первому причащенію, состоящее главнымъ образомъ въ основательномъ изученіи катихизиса, т.-е. догматической стороны религіи, для дѣтей 14-лѣтняго возраста, лежитъ на обязанности пастора, который, однако, контролируетъ преподавателя народнаго училища по Закону Божію. Такъ какъ народный учитель *обязанъ* заботиться о религіозномъ образованіи своихъ учениковъ, то въ нѣмецкихъ нар. школахъ не можетъ быть случая, чтобы дѣти оставались безъ такого образованія, что, конечно, возможно въ тѣхъ случаяхъ, когда школа отстоитъ далеко отъ церкви и законоучитель, духовное лицо, не имѣетъ возможности давать уроки З. Божія, или-же если онъ не имѣетъ таковой возможности потому, что занятъ въ своей приходской школѣ. А между тѣмъ, дѣти, не обучавшіяся Закону Божію, лишаются льготы по отбыванію воинской повинности. По мѣрѣ увеличенія числа народныхъ школъ, а тѣмъ болѣе при обязательномъ обученіи, обученіе Закону Божію неизбѣжно должно быть передано свѣтскимъ учителямъ,—конечно, подъ наблюденіемъ лицъ духовныхъ.

ствовать на урокахъ Закона Божія въ посѣщаемой ими школѣ, если только правительственный президентъ не освободилъ ихъ отъ этого по ходатайству ихъ родителей—членовъ религіозной общины, не признанной государствомъ. Въ школахъ конфессіональныхъ учителями могутъ быть только лица соотвѣтственнаго вѣроисповѣданія.—Обученіемъ Закону Божію въ народной школѣ руководятъ духовныя лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежатъ учащіеся. Давать уроки по Закону Божію въ народной школѣ могутъ только тѣ учителя, которые получили надлежащее для сего свидѣтельство. Духовное лицо или церковнослужитель (Religionsdiener), которому духовною властью поручено наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія народнымъ учителемъ, имѣютъ право присутствовать на этихъ урокахъ, убѣждаться вопросами, обращаемыми къ учащимся, насколько успѣшно идетъ обученіе, указывать, по окончаніи уроковъ, учителю на недостатки въ его преподаваніи, дѣлать соотвѣтствующія наставленія. Приходскій пасторъ или ксендзъ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется нѣсколько пасторовъ и ксендзовъ, то главный изъ нихъ, по закону, обязанъ, если не послѣдуетъ по сему предмету особаго распоряженія правительственнаго президента, наблюдать за преподаваніемъ Закона Божія въ народныхъ школахъ своего прихода или извѣстнаго округа.—Каникулярное время въ народныхъ школахъ не должно превышать девяти недѣль въ теченіе года. Распредѣленіе этого времени по частямъ года зависитъ отъ окружнаго училищнаго начальства. — Школьныя наказанія (Schulzucht) не должны переходить границу тѣхъ наказаній, къ которымъ прибѣгаютъ родители дѣтей. Общія распоряженія по сему предмету имѣютъ быть изданы правительственнымъ президентомъ провинціальной училищной коллегіи. — Онъ-же вмѣстѣ съ окружными учебными властями вырабатываетъ правила относительно возведенія училищныхъ зданій и всѣхъ приспособленій ихъ для обученія. Въ проектѣ устава даны по сему предмету (§ 21—26) лишь самыя общія гигіеническія и другія указанія.

Во II отдѣлѣ проекта (§§ 27—50) помѣщены параграфы, регулирующіе *отношенія общинъ и городовъ къ находящимся въ предѣлахъ ихъ школамъ*. Приводимъ лишь нѣкоторыя мѣста, наиболѣе, по нашему мнѣнію, интересныя. Отдѣлъ этотъ распадается на два подъотдѣла: 1) объ училищномъ районѣ или училищномъ обществѣ и 2) о средствахъ къ содержанію народной школы. Опредѣленіе школьныхъ районовъ (Schulbezirke) зависитъ, конечно, отъ пространства и степени его населенности. Устройство и содержаніе общественныхъ народныхъ школъ возлагается на общины, городскія и сельскія, при-

*

чемъ землевладѣльцы-помѣщики или общества (акціонерныя и другія), владѣющіе собственностью, также участвуютъ въ этомъ въ долѣ, соотвѣтственной ихъ участку или имуществу; такимъ образомъ, школьный налогъ несутъ всѣ граждане государства. Налоги, необходимые на содержаніе школъ, равно и плата за обученіе взимаются общинными и городскими правленіями такимъ-же путемъ, какъ и всѣ другіе общественные налоги. Самими училищами плата за обученіе взимается лишь съ тѣхъ учениковъ, которые посѣщаютъ школу, не принадлежа къ району ея. Величина налога, сообразно количеству дѣтей даннаго училищнаго округа и дѣйствительнымъ потребностямъ на содержаніе, опредѣляется окружнымъ комитетомъ (Kreis- oder Bezirksausschuss); онъ-же производитъ и раскладку налога. Ближайшее наблюденіе за удовлетвореніемъ потребностей каждой народной школы, а также за ея инвентаремъ и имуществомъ (напр., земельнымъ участкомъ), буде таковое школа имѣетъ, лежитъ на мѣстномъ училищномъ попечительствѣ (Schulvorstand), которое такимъ образомъ является юридическимъ представителемъ своей школы. Въ своихъ дѣйствіяхъ попечительство ежегодно даетъ отчетъ общинѣ.

Отдѣлъ III (§§ 51—74) содержитъ постановленія *относительно управленія дѣлами народныхъ школъ и объ училищныхъ властяхъ* (Schulbehörden). Какъ уже видно изъ предыдущаго отдѣла, ближайшее завѣдываніе внѣшними дѣлами школы лежитъ на общинѣ или, въ городахъ, на училищныхъ обществахъ, т. е. на обывателяхъ училищныхъ участковъ. Наблюденіе надъ общинами въ этомъ отношеніи принадлежитъ министру народнаго просвѣщенія, ближайшее-же наблюденіе ввѣряется правительственнымъ президентамъ провинціальныхъ училищныхъ коллегій, ландратамъ и училищнымъ инспекторамъ (Schulaufsichtsbehörden). Училищный совѣтъ или комитетъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ ландрата, изъ инспекторовъ, а въ усиленномъ составѣ также и изъ предсѣдателей мѣстныхъ попечительствъ. Въ округѣ города Берлина за внѣшнимъ благоустройствомъ школы главное наблюденіе имѣетъ не правительственный президентъ, а особая училищная коммисія (Provinzialschulkollegium). Въ городахъ, школьное управленіе (Stadtschulbehörde) состоитъ изъ городского головы (Bürgermeister) и окружнаго инспектора, къ которымъ, въ случаѣ надобности, присоединяются, съ правомъ голоса, двое депутатовъ, избираемыхъ, на шесть лѣтъ, городскими гласными, и еще одного члена городской управы, по назначенію городскаго головы. Городскія общины, образующія самостоятельные округа, а также сельскія подгородныя общины, присоединенныя къ городскому управленію, имѣютъ въ этомъ

школьномъ управленіи своихъ депутатовъ, также съ правомъ голоса.— При каждой школѣ, сверхъ того, имѣется училищное попечительство (Schulvorstand). Въ имѣніяхъ помѣщиковъ предсѣдателемъ попечительства состоитъ землевладѣлецъ или довѣренное отъ него лицо, а членами—выборные изъ отцовъ семействъ, живущихъ на землѣ помѣщика.— Училищное попечительство заботится объ интересахъ школы и должно помогать своими совѣтами и указаніями (helfend und berathend zur Seite zu stehen) установленнымъ учебнымъ властямъ.—Права и обязанности училищныхъ попечительствъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) оно оказываетъ свое содѣйствіе при опредѣленіи или увольненіи съ пенсіею учителей и учительницъ общественныхъ народныхъ школъ; 2) подаетъ свое мнѣніе относительно установленія учебнаго плана, насколько такое мнѣніе вызывается необходимостью принятія во вниманіе мѣстныхъ условій, а также мнѣніе относительно распредѣленія учебныхъ часовъ; 3) заявляетъ, въ случаѣ надобности, о необходимости имѣть особаго законоучителя для дѣтей иного, нежели большинство, вѣроисповѣданія, а также 4) объ учрежденіи другого училищнаго района, въ случаѣ необходимости этого, и 5) о передѣлкахъ и измѣненіяхъ въ школьномъ зданіи; 6) принимаетъ участіе при экзаменахъ въ школѣ; 7) по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, участвуетъ въ ревизіи школъ, производимой инспекціею; 8) наблюдаетъ за поведеніемъ учителей и учительницъ; 9) представляетъ свое заключеніе въ случаяхъ просьбъ учителей о болѣе чѣмъ четырехнедѣльномъ отпускѣ и 10) въ случаяхъ принятія ими на себя какихъ-либо побочныхъ обязанностей или занятій; 11) содѣйствуетъ правильному посѣщенію школы учащимися, констатируетъ факты манкировокъ уроковъ дѣтьми и даетъ свое заключеніе относительно наложенія штрафовъ на родителей за неосновательные манкировки ихъ дѣтей; 12) содѣйствуетъ поддержанію дисциплины въ школѣ и слѣдитъ за благонравнымъ поведеніемъ учащихся внѣ школы; 13) доставляетъ инспекціи нужныя для нея свѣдѣнія; 14) завѣдуетъ имуществомъ школы; 15) увѣдомляетъ училищный совѣтъ о появленіи въ мѣстности какой-либо эпидеміи и дѣлаетъ представленіе, въ случаѣ надобности, о временномъ закрытіи школы.—Училищное попечительство состоитъ: 1) изъ предсѣдателя попечительства—мѣстнаго инспектора, каковымъ должно быть духовное лицо или вообще лицо, завѣдующее обученіемъ Закону Божію; 2) штатнаго учителя школы; 3) старостъ (Vorsteher) всѣхъ общинъ, входящихъ въ районъ школы; 4) нѣсколькихъ, по крайней-мѣрѣ трехъ, членовъ, избираемыхъ изъ отцевъ семействъ (не моложе 30-ти лѣтъ и неопороченныхъ по суду), жительствую-

щихъ въ районѣ школы. Попечительство выбираетъ изъ своей среды вице-предсѣдателя, который замѣняетъ предсѣдателя-инспектора въ случаяхъ его неприсутствованія въ засѣданіи. Если въ общинѣ имѣется нѣсколько школъ, въ которыхъ учащіеся принадлежатъ къ одному и тому-же вѣроисповѣданію, то, вмѣсто нѣсколькихъ отдѣльныхъ училищныхъ попечительствъ, можетъ быть образовано одно общее училищное попечительство.

Отдѣлъ IV (§§ 75—89) *объ обязательности обученія* (Schulpflicht), *о взысканіяхъ за непосѣщеніе школы дѣтьми школьнаго возраста и объ обученіи частномъ*. Обученіе начинается съ 6-ти-лѣтняго возраста и продолжается до 14-ти-лѣтняго для всѣхъ дѣтей, по состоянію своего здоровья могущихъ посѣщать народную школу, въ случаѣ, если они не посѣщаютъ какого-либо другого учебнаго правительственнаго заведенія или частной школы, или-же не обучаются у домашняго учителя. Частное учебное заведеніе должно имѣть курсъ, который во всякомъ случаѣ не ниже курса народной школы, а частный учитель долженъ имѣть свидѣтельство о своей способности преподавать въ такой-же школѣ или въ семействѣ. Въ таковомъ свидѣтельствѣ не нуждаются: лица духовныя и кандидаты въ священники, студенты, а также ученики двухъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, каждый ребенокъ долженъ, такъ или иначе, непремѣнно пройти курсъ народной школы. За ребенка, не посѣщавшаго безъ уважительныхъ причинъ народную школу, съ родителей его взимается штрафъ отъ 10 пфениговъ до 2-хъ марокъ въ день (приблизительно отъ 5 до 80 коп.), или-же, въ случаѣ несостоятельности, налагается арестъ отъ 3 часовъ до 2 дней, или-же родители возмѣщаютъ свой штрафъ работою, смотря по ихъ способности, общинѣ (Gemeinde-arbeit). Штрафныя деньги поступаютъ въ кассу училищнаго округа. Если штрафуемый считаетъ наложеніе штрафа неправильнымъ, то можетъ, въ теченіе 10 дней, обжаловать постановленіе мѣстной инспекціи передъ училищнымъ окружнымъ комитетомъ, рѣшеніе котораго считается уже окончательнымъ.—Содержатели фабричныхъ, мастерскихъ, ремесленныхъ и т. п. заведеній, имѣющіе въ числѣ своихъ рабочихъ дѣтей школьнаго возраста и не наблюдающіе за тѣмъ, чтобы эти дѣти, въ положенные для ученья часы, посѣщали народную школу, подвергаются штрафу въ день отъ 1 марки до 150 марокъ, а въ случаѣ несостоятельности—аресту до 14 дней. Родители или заступающіе ихъ обязаны снабжать учащихся учебными пособіями, а дѣвочекъ—также матеріалами для рукодѣльныхъ работъ; если-же они этого не исполняютъ, то означенные пособія и матеріалы пріобрѣтаются на сред-

ства училищной кассы за ихъ счетъ, въ случаѣ, если ихъ бѣдность не засвидѣтельствована законнымъ путемъ.

Отдѣлъ V (§§ 104—153)—*объ образованіи народныхъ учителей и учительницъ, объ опредѣленіи ихъ на учительскія мѣста, объ ихъ служебныхъ обязанностяхъ и отношеніяхъ и объ ихъ содержаніи* (Diensteinkommen).—Объ образованіи опредѣляемыхъ въ народные школы учителей и учительницъ печется государство, учреждая и содержа для сего учительскія семинаріи.—Эти семинаріи имѣютъ, какъ и народныя школы, также конфессіональный характеръ, т.-е учащіеся въ нихъ должны принадлежать къ какому-либо одному извѣстному изъ допускаемыхъ государствомъ вѣроисповѣданій; директоръ, воспитатели, учителя и учительницы каждаго такого заведенія—всѣ должны принадлежать къ соотвѣтствующему вѣроисповѣданію.—Курсъ учительской семинаріи трехлѣтній. Учрежденіе учительскихъ семинарій, обученіе въ нихъ, число и пріемъ учащихся зависятъ отъ министра народнаго просвѣщенія. Учебный планъ Закона Божія и учебники по сему предмету опредѣляются по соглашенію съ мѣстною высшею духовною властью. При семинаріи находится народная школа, въ которой семинаристы упражняются въ преподаваніи; для того училищнаго района, въ которомъ находится семинарія, эта школа замѣняетъ общественную народную школу.—Директоры семинаріи назначаются съ соизволенія короля, а учителя—министромъ народнаго просвѣщенія, при чемъ преподаватель Закона Божія назначается по соглашенію съ подлежащимъ духовнымъ вѣдомствомъ.—Высшія духовныя власти имѣютъ право во всякое время контролировать въ семинаріи преподаваніе по Закону Божію посредствомъ своего уполномоченнаго (durch einen Kommissarius), который присутствуетъ также и на ежегодныхъ экзаменахъ, какъ членъ экзаменаціонной коммиссіи, состоящей изъ командированныхъ для сего членовъ училищнаго совѣта провинціи, директора и преподавателей семинаріи. Въ этой коммиссіи могутъ сдавать экзамены также и лица, не обучавшіяся въ семинаріи.—Выдержавшій успѣшно испытаніе получаетъ свидѣтельство, дающее ему право на занятіе въ народной школѣ должности временнаго (т.-е. нештатнаго) учителя. Правомъ преподаванія Закона Божія онъ пользуется лишь въ томъ случаѣ, если признанъ будетъ къ тому способнымъ со стороны духовной власти. Временно исправляющій обязанности народнаго учителя утверждается въ должности штатнаго учителя *) лишь въ томъ случаѣ, если онъ выказалъ себя способнымъ

---

*) Все, относящееся здѣсь къ учителямъ народныхъ школъ, относится также и къ учительницамъ этихъ школъ.

къ этой должности, по представленію инспекціи, но не ранѣе, какъ черезъ четыре года и не позже, какъ черезъ шесть лѣтъ, считая со дня принятія имъ на себя обязанности временнаго учителя народной школы. Со дня утвержденія учителя штатнымъ и принесенія имъ присяги онъ считается на государственной службѣ и пользуется правами на пенсію.—По соглашенію правительственнаго президента и подлежащей духовной власти, народный учитель можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ соединять также обязанности церковнаго причетника.—Каникулярнымъ временемъ учитель можетъ располагать совершенно свободно, въ учебное-же время ему дозволяется пользоваться отпусками съ разрѣшенія мѣстной инспекціи, а болѣе продолжительными—съ разрѣшенія правительственнаго президента.—О своемъ желаніи оставить службу учитель долженъ заявить за три мѣсяца и не имѣетъ права оставить школу ранѣе конца учебнаго полугодія.—Если въ районѣ народной школы имѣется также школа дополнительная (Fortbildungsschule), то учитель, по распоряженію начальства, обязанъ преподавать и въ ней не менѣе шести часовъ въ недѣлю, за особое вознагражденіе.—За неисправности и упущенія по должности народный учитель подвергается со стороны подлежащихъ властей выговорамъ и денежнымъ штрафамъ, а временно исправляющіе обязанности учителя могутъ быть увольняемы отъ службы административнымъ путемъ.—Жалованье штатному (delinitivangestellte) учителю или учительницѣ, при готовой квартирѣ или квартирныхъ деньгахъ, назначается сообразно мѣстнымъ условіямъ; оно слагается изъ опредѣленной денежной суммы (штатнаго жалованья—Grundgehalt) и вознагражденія со стороны общины или деньгами, или продуктами, или и тѣмъ и другимъ; въ общей сложности, не считая прибавочнаго вознагражденія по пятилѣтіямъ, со дня утвержденія въ должности, жалованье штатнаго учителя, занимающаго въ школѣ мѣсто перваго учителя или состоящаго въ ней единственнымъ учителемъ, ни въ какомъ случаѣ не должно быть менѣе 1.000 марокъ (400 р.) въ годъ.—Временно исполняющіе обязанности учителя прибавочнымъ содержаніемъ не пользуются.—Прибавочное содержаніе, въ размѣрѣ 100 марокъ въ годъ, учителя начинаютъ получать по истеченіи десятилѣтней ихъ службы штатнымъ учителемъ, и затѣмъ это прибавочное содержаніе увеличивается черезъ каждыя пять лѣтъ службы также на 100 марокъ черезъ пятилѣтіе; но въ общей сложности за шесть сроковъ оно можетъ доходить (примѣрно, къ 60-ти годамъ жизни учителя) лишь до 600 мар. въ годъ. Прибавочное содержаніе учительницъ, за тѣ-же сроки службы, начинаясь съ 70 марокъ, можетъ доходить (70×6) лишь до 420 мар. въ

годъ. Прибавочное содержаніе дается только при условіи безукоризненной службы учителя или учительницы. Сельскіе учителя (т.-е. собственно первый учитель школы или единственный въ ней учитель) должны непремѣнно пользоваться квартирою, которая должна состоять изъ двухъ отопляемыхъ комнатъ (отъ 20—25 кв. метровъ), двухъ холодныхъ (Kammern) (отъ 15 до 18 кв. метровъ), кухни и чулановъ для провизіи. Мелкій ремонтъ лежитъ на учителѣ, крупный—на общинѣ, которая уплачиваетъ также всѣ лежащія по дому повинности. Квартирныя деньги выдаются сообразно съ мѣстными условіями жизни. При домѣ учителя имѣется садъ. Гдѣ возможно, учитель пользуется участкомъ земли, который и обрабатываетъ своею семьею.—Къ вознагражденію, получаемому учителемъ отъ общины сверхъ своего основнаго жалованья, причисляются: 1) доходъ съ училищнаго участка земли, 2) отопленіе (5% съ основного жалованья), 3) деньги или продукты, выдаваемые въ размѣрѣ, опредѣляемомъ общиною, а затѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, добавки (Dotation) изъ особыхъ школьныхъ или церковныхъ суммъ, изъ доходовъ съ школьнаго имущества и т. п.—Основное жалованье выдается впередъ: штатнымъ учителямъ по четвертямъ года, а временнымъ—помѣсячно.

Отдѣлъ VI (§§ 155—179)—*о пенсіяхъ народнымъ учителямъ и учительницамъ*. Каждый народный штатный учитель (или учительница), прослужившій 10 лѣтъ (всего, слѣдовательно, включая 4—6 лѣтъ службы до утвержденія его штатнымъ учителемъ, 14—16 лѣтъ), въ случаѣ болѣзни, не позволяющей ему продолжать занятія, можетъ воспользоваться пожизненною пенсіею въ размѣрѣ $^{15}/_{60}$ его штатнаго жалованья. Съ каждымъ годомъ размѣръ его пенсіи увеличивается на $^{1}/_{60}$, но максимумъ пенсіи, сколько-бы штатный учитель ни прослужилъ, не можетъ быть выше $^{45}/_{60}$, и притомъ съ штатнаго оклада, включая въ послѣдній пятилѣтнія прибавки, не свыше, какъ въ 1.333 марки (т.-е. около 1000 м. пенсіи, приблизительно—400 р.).—Предварительная служба учителя въ другихъ государствахъ и областяхъ германской имперіи, а также служба по гражданской и военной частямъ можетъ считаться къ пенсіи, но не ранѣе какъ съ 21-лѣтняго возраста. — Относительно увольненія учителя въ отставку съ пенсіею, а равно о размѣрѣ пенсіи, по представленію общинныхъ властей, рѣшеніе постановляетъ правительственный президентъ. — Пенсія выдается ежемѣсячно, впередъ.—Право на пенсію утрачивается въ случаяхъ, когда пенсіонеръ слагаетъ съ себя германское подданство, или когда вновь поступаетъ на государственную или общественную службу, и до тѣхъ поръ, пока онъ остается на этой службѣ. При вторичномъ

оставленіи учебной службы онъ пользуется увеличенною пенсіею, въ размѣрѣ 1/60 за каждый полный прослуженный годъ, но опять-таки съ тѣмъ разсчетомъ, что пенсія не можетъ превышать 45/60 его штатнаго оклада вмѣстѣ съ пятилѣтними прибавками, т.-е. не свыше какъ съ суммы въ 1.333 марки.—Для уплаты пенсій народнымъ учителямъ въ каждомъ правительственномъ округѣ (Regierungsbezirk) образуется пенсіонная касса, въ которую каждая община ежегодно вноситъ причитающуюся по разверсткѣ на ея долю сумму.

Отдѣлъ VII (§§ 180—183)—*о призрѣніи* (Fürsorge) *вдовъ и сиротъ учителей общественныхъ народныхъ школъ.* — Вдовамъ и сиротамъ штатныхъ учителей, равно и дѣтямъ учительницъ выдается жалованье за четверть года, а дѣтямъ и вдовамъ пенсіонеровъ—пенсія за мѣсяцъ; кромѣ того, семейство умершаго учителя можетъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ безплатно пользоваться его квартирою.—Забота о дальнѣйшемъ обезпеченіи вдовъ и сиротъ предоставляется общинѣ.

Отдѣлъ VIII (§§ 184—189)—*о помощи общественнымъ народнымъ школамъ со стороны государства.*—Тѣ общины (а также школьныя общества и помѣстья), которыя обязаны содержать общественную народную школу, а между тѣмъ не имѣютъ достаточныхъ для сего средствъ, могутъ пользоваться впредь, до улучшенія ихъ матеріальныхъ условій, изъ государственной кассы ежегоднымъ пособіемъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: 1) штатному учителю, одному ведущему школу, или первому штатному учителю 600 марокъ, 2) второму штатному учителю 400 марокъ, 3) третьему штатному учителю 300 марокъ, 4) штатной учительницѣ 150 марокъ, 5) учительскому помощнику или помощницѣ 100 марокъ. Пособія выдаются только такимъ учителямъ и учительницамъ, которые даютъ полное число уроковъ (nur vollbeschäftigte Lehrkräfte), о чемъ рѣшаетъ правительственный президентъ.—Это пособіе выплачивается впередъ, по четвертямъ года, кассѣ училищнаго округа.—Для уплаты учительскихъ пенсій неимущимъ общинамъ государство оказываетъ пособіе въ размѣрѣ 1.000 марокъ въ годъ; въ случаѣ полученія остатковъ этой суммы, послѣдніе причисляются къ пенсіонной кассѣ правительственнаго округа, въ видахъ увеличенія ея средствъ.

Наконецъ, въ отдѣлѣ IX-мъ (§§ 190—194) говорится о томъ, что настоящій законопроектъ, въ случаѣ его утвержденія, долженъ вступить въ силу съ 1-го апрѣля 1893 года, къ каковому сроку должны быть сдѣланы всѣ надлежащія распоряженія относительно тѣхъ измѣненій въ организаціи народно-учебнаго дѣла, которыя дозволили-бы

примѣнять новый уставъ народныхъ училищъ, начиная именно съ вышеозначеннаго срока.

Изъ вышеизложеннаго содержанія законопроекта о народныхъ училищахъ видно, что въ немъ строго конфессіональный характеръ приданъ не только сельскимъ училищамъ, но также и учительскимъ семинаріямъ. Помимо тѣхъ возраженій, которыя обыкновенно приводятся противъ конфессіонализма въ школѣ, для прусскихъ патріотовъ такой характеръ народной школы можетъ представлять невыгодныя стороны и въ политическомъ отношеніи. Извѣстно, что въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ Пруссіи, Познанской и Силезской, католицизмъ отожествляется съ полонизмомъ; слѣдовательно, конфессіональный, въ данномъ случаѣ—католическій, характеръ сельской народной школы въ этихъ провинціяхъ можетъ оказывать большую поддержку въ дѣлѣ сохраненія польской національности, можетъ замедлить окончательное ассимилированіе этой послѣдней съ нѣмецкою.

Для прусскихъ народныхъ учителей законопроектъ представляетъ собою мало отраднаго. Хотя онъ сулитъ имъ нѣкоторыя выгоды въ отношеніи матеріальномъ, не ухудшаетъ также ихъ нравственнаго положенія, но во всякомъ случаѣ не выполняетъ тѣхъ надеждъ и упованій, которыя они возлагали на него въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Ближайшимъ начальникомъ и наблюдателемъ надъ сельскимъ народнымъ учителемъ является пасторъ или ксендзъ, смотря по тому, къ какому вѣроисповѣданію принадлежатъ обучающіеся въ школѣ; эти-же духовныя лица предсѣдательствуютъ въ училищномъ попечительствѣ, отъ котораго сельскій народный учитель такъ много зависитъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ оно опредѣляетъ размѣръ добавочнаго содержанія. Правда, народный учитель также членъ попечительства, но изъ законопроекта не видно, есть-ли онъ членъ полноправный, съ голосомъ, ибо и въ настоящее время народные сельскіе учителя участвуютъ въ мѣстномъ училищномъ попечительствѣ, но безъ права голоса; ихъ роль въ немъ ограничивается лишь секретарствомъ. Возможность сліянія обязанности народнаго учителя съ причетничествомъ ставитъ его въ еще болѣе зависимое положеніе отъ произвола духовныхъ лицъ. Въ школахъ среди населенія, живущаго на помѣщичьихъ земляхъ на правахъ фермеровъ - арендаторовъ или батраковъ помѣщика, послѣдній является предсѣдателемъ училищнаго попечительства, состоящаго, затѣмъ, изъ членовъ-поселянъ, зависящихъ отъ землевладѣльца въ матеріальномъ отношеніи; такимъ образомъ, въ школахъ этого рода народный учитель и матеріально, и нравственно (ибо училищное попечительство можетъ такъ

и сякъ аттестовать учителя передъ правительственною инспекціею) почти вполнѣ зависитъ отъ произвола помѣщика. Вдовы и сироты народныхъ учителей, можно сказать, совсѣмъ ничѣмъ не обезпечены. Положеніе временныхъ учителей и учительницъ еще тяжелѣе, ибо они могутъ быть увольняемы во всякое время прямо административнымъ порядкомъ.

Хорошая сторона законопроекта по отношенію къ народной школѣ та, что какъ открытіе народныхъ школъ, такъ и всякія измѣненія въ курсѣ ихъ и въ ходѣ обученія, вызываемыя мѣстными условіями, разрѣшаются легко, безъ административныхъ проволочекъ, тогда какъ закрытіе какой-либо изъ существующихъ народныхъ школъ обставлено большими трудностями, и можетъ состояться не иначе, какъ съ согласія высшей учебной власти — министра народнаго просвѣщенія.

Но за-то предполагаемое проектомъ узаконеніе такъ-называемыхъ полдневныхъ школъ, несомнѣнно удешевляя расходы по народному образованію, можетъ повести къ значительному пониженію уровня образованія среди населенія тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ означенныя школы явятся преобладающими. Велико также число учащихся (а именно 70), приходящееся на долю одного учителя.

Многое, конечно, зависитъ отъ того, какъ сталъ-бы примѣняться данный законъ, какіе люди были-бы поставлены во главѣ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія. Но, вѣдь, народные учителя и всѣ друзья народной школы въ Пруссіи съ такимъ нетерпѣніемъ желали обнародованія закона именно потому, чтобы дѣло народнаго образованія возможно менѣе зависѣло отъ произвола тѣхъ или другихъ лицъ, которымъ будетъ суждено вѣдать его.

К. Модзалевскій.

О требованіяхъ, предъявленныхъ къ народнымъ училищамъ на съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію.

Импульсъ къ распространенію сельско-хозяйственныхъ знаній и ручного труда въ нашемъ начальномъ народномъ образованіи данъ послѣднимъ съѣздомъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, который, какъ-бы невзначай, коснулся также вопроса о недостаткахъ современной народной школы. Случайно присутствовавшіе на съѣздѣ спеціалисты по общему образованію были совершенно не подготовлены къ обстоятельнымъ докладамъ и ограничивались только легкимъ парированіемъ стремительныхъ нападеній сторонниковъ обращенія всѣхъ начальныхъ школъ грамотности въ мастерскія и сельско-хозяйственныя фермы. Нужно отдать должное, что на съѣздѣ, благодаря свободѣ слова, было высказано много горькихъ истинъ о состояніи нашего народнаго образованія, говорилось отъ чистаго сердца и притомъ людьми, близко стоящими къ народу, хорошо изучившими его бытъ и нужды. Но всѣ эти разговоры ни къ какимъ окончательнымъ выводамъ не привели, ограничились только условными пожеланіями; въ концѣ-концовъ, участники съѣзда порѣшили, для болѣе опредѣленной формулировки своихъ желаній относительно реформы народной школы, собраться въ возможно непродолжительномъ времени. Было-бы крайне желательно, чтобы новый съѣздъ, въ виду затронутаго вопроса о нуждахъ народнаго образованія вообще, нѣсколько расширилъ свою программу и привлекъ-бы не только профессіоналистовъ, но и дѣятелей по общему начальному образованію—учителей, инспекторовъ, директоровъ народныхъ училищъ, членовъ училищныхъ совѣтовъ, которые болѣе чѣмъ кто-либо могутъ выяснить причины, тормазящія развитіе нашей народной школы. Такой съѣздъ долженъ-бы былъ назваться съѣздомъ «русскихъ дѣятелей по спеціальному и *общему начальному* образованію».

Но осуществится-ли или нѣтъ это пожеланіе, во всякомъ случаѣ намъ кажется небезполезнымъ дать краткій очеркъ тѣхъ положеній, на основаніи которыхъ съѣздъ призналъ современную народную школу не удовлетворяющею потребностямъ народа, а также и тѣхъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, слѣдовало-бы принять въ цѣляхъ ея улучшенія.

Предсѣдатель одной изъ земскихъ управъ (Курской губерніи), г. *І. К. Энгельгардтъ*, заявилъ, что «наша народная школа въ настоящемъ своемъ видѣ не соотвѣтствуетъ требованію народа—она слишкомъ далека отъ жизни. Крестьянскій мальчикъ, научившись читать и писать, не можетъ получить отъ школы воспитанія, извѣстнаго нравственнаго направленія, такъ какъ срокъ его пребыванія въ ней слишкомъ ограниченъ... Народная школа, какъ назначенная исключительно почти для земледѣльческаго населенія, должна быть сельско-хозяйственной, она обязана проводить въ народъ сельско-хозяйственныя знанія и, главнымъ образомъ, должна служить нагляднымъ примѣромъ, образцовой фермой для крестьянъ, которые такимъ образомъ могли-бы убѣдиться въ полезности этого (?) учрежденія. Надѣливъ школу землею, урожаи съ которой поступали-бы на пополненіе продовольственныхъ запасовъ, можно надѣяться, что школы будутъ поставлены прочно и крестьяне не будутъ смотрѣть на нихъ, какъ на лишнюю обузу» *).

Г. *Бильдерлингъ*, представитель на съѣздѣ Вольно-экономическаго общества, ссылаясь на примѣръ Франціи и Пруссіи, гдѣ будто-бы уже давно введено въ курсы народныхъ школъ теоретическое и практическое ознакомленіе съ основными сельско-хозяйственными знаніями, назвалъ нашу школу прямо схоластическою. По его мнѣнію, въ каждой народной школѣ всѣ занятія, какъ-то: чтеніе, диктовка, разговоры (?) должны быть приноровлены къ обученію учениковъ въ извѣстномъ направленіи, именно сельско-хозяйственномъ, такъ какъ простая грамотность для крестьянина остается пока совершенно непримѣнимою (?) къ жизни **).

Уржумское земство (Вятской губерніи), на вопросъ о нуждахъ народнаго образованія, заканчиваетъ свою подробную записку объ этомъ слѣдующими словами: «Наша начальная школа не дастъ никакихъ приложимыхъ къ практической жизни знаній; выходящіе изъ нея или скоро вовсе забываютъ пройденное въ школѣ, или стремятся выйти изъ своей среды. Для благосостоянія народа недостаточна одна только грамотность, а нужно, чтобы, сверхъ того, кре-

---

*) См. Труды IV секціи съѣзда, стр. 71—72.

**) Труды III отд. съѣзда, стр. 11.

стьянскія дѣти воспитывались прямо на трудѣ, примѣнимомъ въ ихъ жизни, т.-е. на сельскомъ хозяйствѣ, ремеслахъ или техническихъ производствахъ» *).

Слободское земство, той-же Вятской губерніи, указываетъ, между прочимъ, на то, что голодъ, безкормица, неурожаи, падежи скота стали обыденными явленіями въ нашемъ отечествѣ. «Мы привыкли къ нимъ и смотримъ на нихъ, какъ на неизбѣжныя условія нашей жизни. Причина всему этому, конечно, неразвитость народа, полнѣйшее отсутствіе даже самыхъ начальныхъ свѣдѣній о правильномъ веденіи сельскаго хозяйства. Существуютъ въ Россіи народныя школы, но что могутъ онѣ дать въ три зимы или полтора года занятій своимъ 10-ти и 11-ти-лѣтнимъ воспитанникамъ? Что могутъ онѣ дать имъ изъ тѣхъ знаній, какія необходимо имѣть крестьянину для примѣненія ихъ въ жизни?.. Крестьянину нужна такая школа, которая, вмѣстѣ съ громотностью, давала-бы молодому поколѣнію знанія, примѣнимыя къ практической жизни. Если ученикъ изъ семьи землепашца—нужно, чтобы школа научила его опредѣлять количество удобренія для извѣстныхъ растеній, знать время обработки извѣстныхъ полей, въ какихъ случаяхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нужно отдать предпочтеніе плугу передъ сохою, многопольной системѣ предъ трехпольной, научила-бы его сберегать свой трудъ, ускоряя вмѣстѣ съ тѣмъ работу; если онъ скотоводъ—правильному уходу за скотомъ, переработкѣ произведеній скотоводства и извлеченію выгодъ изъ этихъ произведеній» **).

Въ этомъ-же смыслѣ отвѣтили земства: *тетюшское* (Казанской губ.) и *сумское* (Харьковской губ.).

Наконецъ, одинъ изъ представителей педагогическаго міра, г. *Шаталовъ* ***), преподаватель Дерптской учительской семинаріи, характеризуетъ современную народную школу такъ: «Посылаетъ крестьянинъ ребенка въ школу; она раскрываетъ передъ нимъ книги, даетъ въ руки ему грифель, перо, бумагу и объясняетъ: книгу читаютъ такъ, пишутъ вотъ какъ, а считаютъ этакъ. Надо сознаться, что многіе до поступленія въ школу почти не видали вещей этихъ, многіе не увидятъ ихъ и по выходѣ изъ школы. Учитъ школа размышленію, наблюденію надъ фактами окружающей дѣйствительности, будитъ она въ ребенкѣ гуманное міровоззрѣніе, но все это либо не укладывается въ молодой головѣ по возвышенности своей, либо вы-

*) Тамъ-же, стр. 197.

**) Тамъ-же, стр. 11, 12.

***) Труды V отд. съѣзда, стр. 3, 5, 8.

травляется какъ разъ противоположными ученіями дѣйствительной жизни. Въ концѣ-концовъ, ученикъ выноситъ изъ народной школы только одну грамотность, которая, вслѣдствіе малой примѣнимости ея въ сельскомъ быту, быстро забывается. Между взрослымъ населеніемъ деревень нашихъ много можно найти такихъ лицъ, которыя въ молодые годы свои ходили въ школу и «баловались грамотой», а теперь позабыли почти все, вынесенное изъ школы. Очевидно, что исключительно книжная сельская школа не гармонируетъ съ бытомъ нашихъ селъ и деревень,—понятно, что народъ не можетъ цѣнить ея дороже, чѣмъ цѣнитъ ее теперь. Другое было-бы дѣло, еслибы народная школа вмѣстѣ съ грамотностью давала такія знанія и умѣнія, которыя быстро могутъ пригодиться въ домашней трудовой жизни села и хозяйства. Это ничуть не противорѣчитъ общимъ цѣлямъ воспитанія и обученія, направляющимся къ всестороннему развитію человѣка». Далѣе г. Шаталовъ говоритъ, что «послѣ освободительной реформы народъ бросился въ школу, изыскивая выходъ изъ темноты и невѣжества, но школа не дала ему желаннаго облегченія. Она явилась дверью, пропустившею сквозь себя довольно многихъ изъ низшаго положенія въ высшее; народъ прежде всего понялъ ее именно какъ дверь, черезъ которую можно выйти на широкій просторъ, на легкую работу. Она собственно отняла отъ него лучшія силы. Учась, переходя изъ класса въ классъ, имѣя дѣло только съ книжкой да учебной тетрадкой, школьники наши привыкаютъ смотрѣть на себя, какъ на привилегированныхъ людей, которымъ будущее должно дать соотвѣтственное за учебные годы и успѣхи вознагражденіе. Часто они забываютъ въ себѣ дѣтей своихъ родителей и отношеніе ихъ къ извѣстному сословію, общественному положенію. Горько бываетъ разочарованіе, когда жизнь потребуетъ отъ нихъ настоящаго чернаго труда, къ которому они совсѣмъ не готовились». Въ концѣ-концовъ, г. Шаталовъ всю немощность современной школы приписываетъ отсутствію въ ея программѣ обязательнаго курса ручного труда и говоритъ: «въ двадцать пять лѣтъ народная школа проникла уже во всѣ захолустья, принося съ собою свѣтъ книжнаго ученія (грамоту), также скоро или даже быстрѣе она можетъ принести свѣтъ истиннаго разумѣнія дѣйствительности, распространить по всему широкому царству нашему признаніе великой силы—умѣлости».

Изъ всѣхъ этихъ выдержекъ изъ заявленій, сдѣланныхъ на съѣздѣ цѣлыми земствами, ихъ представителями и отдѣльными лицами, стоящими близко къ народному образованію, можно вывести только одно заключеніе, а именно, что общество недовольно существующей на-

родной школой и настаиваетъ на учрежденіи народныхъ училищъ съ реально-утилитарнымъ характеромъ, въ которыхъ подростающее сельское населеніе получало-бы извѣстное законченное образованіе, отвѣчающее требованіямъ раціональнаго сельскаго хозяйства.

Съѣздъ, выслушавъ всѣ эти заявленія, высказалъ слѣдующія пожеланія:

1) «Во всѣхъ народныхъ школахъ, гдѣ позволяютъ обстоятельства, долженъ быть введенъ обязательно ручной трудъ, какъ общеобразовательный предметъ, имѣющій громадное воспитательное значеніе и развивающій физическія силы учениковъ» *).

2) Призналъ полезнымъ участіе начальной народной школы въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній.

3) Призналъ желательнымъ, чтобы народныя школы приняли на себя обязанность распространенія элементарныхъ познаній по садоводству и огородничеству.

4) Высказался за необходимость придать учебникамъ и учебнымъ пособіямъ сельско-хозяйственный характеръ.

5) Призналъ необходимость устройства при нѣкоторыхъ двуклассныхъ училищахъ, или отдѣльно отъ нихъ, фермъ, въ которыхъ народные учителя и мѣстное населеніе могли-бы наглядно изучить ту или другую отрасль сельскаго хозяйства **).

Итакъ, по мнѣнію секцій съѣзда о ручномъ трудѣ и сельско-хозяйственной, непригодность нынѣшнихъ народныхъ школъ обусловливается тѣмъ, что въ нихъ не обучаютъ ручному труду въ смыслѣ шведскаго слойда, не обучаютъ полеводству, скотоводству, огородничеству, лѣсоводству и другимъ отраслямъ сельско-хозяйственныхъ знаній. Ко всему этому мы, съ своей стороны, могли-бы прибавить пожеланія, чтобы народная школа давала юридическія свѣдѣнія, необходимыя для огражденія народа отъ паразитовъ-адвокатовъ, для отправленія обязанностей волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, волостныхъ писарей; давала-бы также своему приходу хорошо организованный, стройный церковный хоръ, который, безъ сомнѣнія, способствуетъ торжественности церковнаго богослуженія, чѣмъ косвенно вліяетъ на религіозно-нравственное развитіе народа. Если суммировать всѣ эти требованія, предъявляемыя къ учителю народной школы, то окажется, что для выбора подходящаго для нея учителя пришлось-бы руководствоваться слѣдующими соображеніями:

*) Труды съѣзда V отд., стр. 60.

**) Труды III отд. съѣзда, стр. 26, 44.

1) Учитель долженъ имѣть призваніе быть воспитателемъ, т.-е. любить дѣтей, любить свое дѣло.

2) Долженъ обладать спеціальной дидактической подготовкой.

3) Долженъ имѣть природную склонность къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ и ремеслами и быть практически знакомъ съ ними.

4) Долженъ обладать хорошимъ слухомъ и голосомъ, умѣть управлять хоромъ.

5) Долженъ обладать нѣкоторымъ запасомъ юридическихъ знаній,— по крайней мѣрѣ, быть ознакомленнымъ съ земскимъ положеніемъ и судебными уставами 1864 года.

Откуда взять подобныхъ учителей—съѣздъ, однако, указаній не даетъ.

Изъ числа высказанныхъ на съѣздѣ мѣръ для поднятія посредствомъ народной школы хозяйства нашего крестьянства, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

Г. Шавровъ *) рекомендуетъ слѣдовать примѣру Франціи, въ элементарныхъ школахъ которой (при 7—9-лѣтнемъ курсѣ) обученіе ведется такъ: въ октябрѣ, когда начинается ученіе, идутъ разсказы и объясненія о сборѣ винограда, о виноградной лозѣ, о виноградѣ, винѣ, давильныхъ чанахъ, бочкахъ, бутылкахъ; о стаканѣ, литрѣ; о яблокѣ и сидрѣ; о хмелѣ и пивѣ; ученики рисуютъ виноградъ, бочки, листья и т. п., поютъ даже пѣсню «Осень». Въ ноябрѣ ведутся бесѣды о плугѣ и посѣвѣ; рисуются плуги, бороны и т. п., игры и пѣніе имѣютъ своимъ сюжетомъ — пахоту и посѣвъ. Въ апрѣлѣ разсматриваются растенія—сѣмена, корни, стебель, цвѣты, насѣкомыя—хрущи, гусеницы, шелковичные черви; услуги пернатыхъ; рисуютъ листья, цвѣты, фасоль, горохъ и пр. Все это выходитъ очень мило и сантиментально! Къ сожалѣнію, г. Шавровъ только не сообщаетъ о результатахъ такого преподаванія: достигается-ли имъ грамотность, успѣхи въ рисованіи, пѣніи, любовь къ природѣ, достигаются-ли, наконецъ, положительныя знанія по сельскому хозяйству...

Г. Максимовъ **), податной инспекторъ Тверской губерніи, рекомендуетъ организацію народныхъ училищъ на слѣдующихъ началахъ:

«1) Управленіе и завѣдываніе ими должно быть устроено такимъ образомъ, чтобы, кромѣ важнѣйшаго правительственнаго надзора, они находились въ тѣсной связи съ мѣстными хозяйственными учрежденіями, каковы земства и сельскія общества, чтобы устанавливалось постоянное единеніе между ними и мѣстными хозяевами, и чтобы, наконецъ, иниціативѣ отдѣльныхъ лицъ, какъ принадлежа-

*) Труды IV секціи, стр. 67.

**) Труды III отд. съѣзда, стр. 218.

щихъ, такъ и непринадлежащихъ къ училищному персоналу, предоставленъ былъ извѣстный просторъ.

«2) Учебный курсъ долженъ быть возможно несложнымъ—его необходимо строго ограничивать предѣлами тѣхъ улучшеній въ народномъ хозяйствѣ, которыя осуществимы при данныхъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства. Такъ, въ специально земледѣльческомъ курсѣ одноклассныхъ училищъ можетъ быть выясненъ возможный въ крестьянскомъ хозяйствѣ способъ подготовки земли подъ воздѣлываемыя растенія, различные сорты ихъ, несложныя улучшенныя орудія, примѣнимыя въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и т. п. Во избѣжаніе погони за всесторонностью сельско-хозяйственныхъ знаній, желательно, чтобы въ одноклассныхъ училищахъ вводилась преимущественно одна какая-либо отрасль сельскаго хозяйства, напр., только земледѣліе или садоводство и т. п. Въ двухклассныхъ-же народныхъ училищахъ, въ виду большей подготовки учениковъ и возможности сдѣлать полный курсъ двухлѣтнимъ, возможно введеніе преподаванія и двухъ сельско-хозяйственныхъ предметовъ, и притомъ по болѣе расширенной программѣ.

«3) При организаціи практическихъ работъ необходимо помнить, что дѣйствительной работѣ научитъ жизнь, что поэтому отрывать дѣтей отъ крестьянской работы въ семьѣ не только безполезно, но и прямо вредно. Въ школѣ они должны научиться лишь пріемамъ улучшенной сельско-хозяйственной техники. Для этого необходимо, чтобы ученики одноклассной народной школы, съ какимъ-либо сельско-хозяйственнымъ курсомъ, работали двѣ весны и два лѣта. Тогда возможно раздѣлить сельско-хозяйственный періодъ на четыре части: весенній посѣвъ, сѣнокосъ, уборка злаковъ и осенній посѣвъ съ уборкой корнеплодовъ, а учениковъ, для практическихъ работъ, распредѣлить на двѣ группы. Первая одинъ годъ будетъ работать на школьномъ надѣлѣ первую и четвертую часть сельско-хозяйственнаго періода, а въ слѣдующій годъ она попытается усвоенные ею улучшенные пріемы техники примѣнить на своемъ хозяйствѣ и, сообразивъ условія, мѣшающія или способствующія примѣненію этихъ пріемовъ, подѣлиться своими наблюденіями съ учителемъ и товарищами. Вторая группа будетъ чередоваться съ первой, т.-е. первый годъ работать во 2-й и 3-й сельско-хозяйственные періоды, а второй годъ въ 1-й и 4-й. Такимъ путемъ создается постоянное общеніе между школой и жизнью. Въ связи съ практическими занятіями должны идти и теоретическія

«4) Воспитательное значеніе обученія должно быть направлено къ единенію съ жизнью, къ ускоренію и поддержанію въ ученикахъ та-

кихъ устоевъ народнаго хозяйства, какъ сельско-хозяйственная община, неотчуждаемость земельнаго надѣла» и т. п.

Въ настоящей статьѣ мы не имѣемъ возможности войти въ подробный разборъ отдѣльныхъ рефератовъ и частныхъ мнѣній, высказанныхъ на съѣздѣ, и позволимъ себѣ отвѣтить по существу только на вопросъ о возможности профессіонализировать начальное образованіе въ смыслѣ утилизаціи его въ крестьянской обыденной жизни.

Что касается приводимаго г. Шавровымъ указанія относительно введенія въ курсъ французской начальной народной школы сельско-хозяйственнаго элемента, то оно имѣетъ значеніе скорѣе отрицательное, нежели положительное. Извѣстно, что этотъ вопросъ былъ поднятъ еще конвентомъ, когда политико-экономъ Ришаръ дю-Канталь громилъ правительство за его малое участіе къ бѣдствіямъ народа, доказывалъ, что невѣжество его есть главный врагъ земледѣлія и требовалъ введенія преподаванія агрономіи во всѣ народныя училища. Въ этомъ-же смыслѣ былъ изданъ законъ 1848 г., который, путемъ учрежденія агрономическаго института, окружныхъ сельско-хозяйственныхъ училищъ, департаментскихъ курсовъ агрономіи, учебныхъ сельскихъ фермъ, обязательныхъ бесѣдъ народныхъ учителей съ учениками по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, давалъ всѣ средства для поднятія хозяйства простаго народа. Декретомъ 18-го февраля 1856 г. было постановлено имѣть въ каждой учительской школѣ особаго учителя, обязаннаго преподавать земледѣліе *). Но, какъ оказалось на практикѣ, всѣ эти усилія правительства и громадныя матеріальныя затраты ни къ чему не привели. Французскія народныя училища, въ которыхъ правительство видѣло средство сдѣлать весь народъ образованнымъ и счастливымъ на жизненномъ поприщѣ, оказались вполнѣ несостоятельными и представляли собой примѣръ полнаго разочарованія правительства въ дѣлѣ искусственнаго поднятія путемъ начальной школы сельско-хозяйственнаго быта народа. По поводу этого увлеченія французскаго правительства Мюллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ: «Если бросаютъ сумасшедшія деньги на энциклопедическое воспитаніе, то не резонъ, чтобы съ такою-же легкостью онѣ тратились на обученіе агрономіи лицъ, которыя ею не могутъ воспользоваться. Учить агрономіи къ тому-же вовсе не такъ просто. Есть сотни популярныхъ руководствъ, написанныхъ знаменитостями, но никогда крестьянинъ не узнаетъ изъ этихъ книгъ того,

*) См. труды съѣзда VI секціи стр. 66, и «Современная Россія», т. 2. Спб. 1891 г.

что легко дается ему наглядно на фермѣ его отца, ибо сельское хозяйство прежде всего искусство». Того-же мнѣнія и Бераръ Вараньякъ *).

Одинаково неудачно было предложеніе французскаго министра земледѣлія и торговли Бегика, который въ 1863 г. настоятельно требовалъ принятія мѣръ для распространенія путемъ народной школы художественно-промышленнаго образованія. По этому поводу, какъ говоритъ Н. Вессель въ своей статьѣ «Начальное образованіе въ Зап. Евр. и Россіи» **), была назначена особая коммиссія, которой было поручено изслѣдовать устройство профессіональныхъ школъ въ Германіи, Австріи, Пруссіи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Великобританіи и у себя дома. Эта коммиссія въ 1864 г. представила обстоятельный отчетъ, въ которомъ высказала слѣдующія соображенія: «Техническое и профессіональное обученіе столь разнообразно, что представляется крайне труднымъ, если не совершенно невозможнымъ, дать ему одну общую организанію для всей страны, привести его къ однообразному единству. Тѣмъ не менѣе, однако, для всѣхъ своихъ различныхъ отраслей оно должно имѣть одно общеисходное основаніе—*общее начальное обученіе, которое подлежитъ вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Отсутствіе этого общаго основанія*, *или весьма ограниченное распространеніе общаго начальнаго образованія въ странѣ составляетъ главное препятствіе и для распространенія профессіональнаго обученія*. Собранныя коммиссіей свѣдѣнія о попыткахъ насиловать начальное образованіе введеніемъ въ него професссіональнаго элемента указали на то, что въ этихъ случаяхъ большинство земледѣльческаго населенія, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ оставалось совершенно безграмотнымъ и не имѣло никакихъ понятій объ исповѣдуемой имъ религіи. Исходя изъ этого, названная коммиссія категорически высказалась противъ предложеній г. Бегика и настояла на организаціи народнаго образованія только на начальныхъ познаніяхъ Закона Божія и основательномъ усвоеніи общей грамотности въ смыслѣ чтенія, письма и счета.

Съ иллюзіями г. Шаврова о возможности путемъ чтенія въ народныхъ школахъ легкихъ статеекъ о сельскомъ хозяйствѣ, рисованія орудій производствъ, воспѣваніемъ стишковъ о благости природы достигнуть поднятія какой-либо производительности государства, можно сопоставить такія-же увлеченія Британскаго школьнаго общества, которое имѣло въ началѣ текущаго столѣтія громадное вліяніе въ дѣлѣ управленія народными училищами въ Англіи и которое въ 1803 г.

*) См. «Современная Россія», т. 2.

**) См. «Русская Школа», № 6, 1891 г.

возымѣло намѣреніе ввести во всѣ свои училища обязательное обученіе ремесламъ, садоводству и земледѣлію. Мысль эта встрѣтила полное сочувствіе: газеты и журналы возвѣстили, что найдено вѣрное средство для распространенія благосостоянія въ бѣдномъ рабочемъ населеніи и для прекращенія безобразнаго обученія ремесламъ у хозяевъ мастерскихъ. Городскіе магистраты Лондона, Ливерпуля, Манчестера, Бристоля, Эдинбурга, Глазго и многихъ другихъ городовъ назначили для этой цѣли ежегодныя денежныя пособія въ распоряженіе Британскаго общества, вслѣдствіе чего ежегодный бюджетъ Общества достигъ 167.850 фунт. стерл. Такое увлеченіе продолжалось 15 лѣтъ, и парламентъ былъ уже готовъ назначить ежегодную государственную субсидію тѣмъ начальнымъ сельскимъ школамъ, въ которыхъ было введено обученіе ремесламъ. Но оказалось, что родители дѣтей, посѣщавшихъ эти школы, остались недовольны такой формой благотворительности и отъ нихъ начали поступать жалобы, что при новыхъ порядкахъ дѣти не только не выучиваются хорошо ремеслу, но привыкаютъ къ баловству и порчѣ матеріала (то-же явленіе повторяется и у насъ относительно ручного труда). По этому поводу собраны были самыя подробныя свѣдѣнія отъ мѣстныхъ школьныхъ патронатствъ, родителей и учителей, и оказалось, что изъ ста учащихся не болѣе 4—5 выучивались ремеслу порядочно, что обученіе ремесламъ сильно разсѣявало дѣтей и мѣшало успѣшному преподаванію другихъ предметовъ, такъ что дѣти, пробывъ три-четыре года въ школѣ, выходили изъ нея, не умѣя даже связно читать, не зная простаго счета и не имѣя никакихъ твердыхъ свѣдѣній изъ св. Писанія. Тогда центральный комитетъ общества призналъ, что введеніе въ курсъ начальной школы изученія какихъ-либо прикладныхъ знаній неосуществимо *).

Еще нагляднѣе безполезность обязательнаго введенія въ курсъ элементарныхъ народныхъ училищъ практическихъ знаній видна изъ опыта устройства Министерствомъ Госуд. Имущ. при всѣхъ его училищахъ образцовыхъ садовъ и огородовъ и даже цѣлыхъ фермъ, которые должны были распространять въ крестьянской средѣ лучшіе

*) Говорятъ, что въ послѣднее время французское министерство народнаго просв. снова сильно заинтересовано вопросомъ о введеніи въ курсъ народныхъ училищъ обязательнаго преподаванія ручнаго труда и агрономіи, но положительныхъ свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ. Желательно было-бы скорѣйшее обнародованіе подробныхъ данныхъ, собранныхъ по этому вопросу г. Ковалевскимъ, командированнымъ прошлымъ лѣтомъ заграницу съ спеціальною цѣлью ознакомленія съ народными училищами.

сорты сѣмянъ, земледѣльческихъ орудій, племеннаго скота. Опытъ продолжался не годъ и не два и не надъ нѣсколькими единичными школами, а слишкомъ двадцать лѣтъ (1842—1867 г.) и надъ 5.492 училищами съ 177.394 учащимися. Въ результатѣ оказалось, что пока господствовали сельскіе приказы удѣльнаго вѣдомства и чиновники министерства имѣли право тѣлеснаго наказанія ослушниковъ его приказаній, эти сады, огороды и фермы щеголяли своею роскошью и благоустройствомъ, но лишь только настало 19-е февраля 1861 г., они съ неимовѣрной быстротой начали не только глохнуть, но и совершенно исчезать; теперь-же отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Могутъ сказать, что подневольный трудъ ни для кого не сладокъ и никакое ученіе изъ-подъ палки не прививается прочно. Но что можно отвѣтить на указаніе такого факта: по свидѣтельству г. Загорскаго, завѣдывавшаго школами удѣльнаго вѣдомства въ Вологодской губерніи, всѣмъ оканчивающимъ въ нихъ курсъ въ 50-хъ годахъ давалось безплатно по 12-ти дес. земли, орудія, лѣсъ для хозяйственныхъ построекъ, съ цѣлью хоть нѣсколько улучшить допотопные пріемы земледѣлія. Между тѣмъ у питомцевъ этихъ училищъ, при достиженіи вполнѣ зрѣлаго возраста, не смотря на всѣ льготы, хозяйство нисколько не улучшилось; они забыли всѣ наставленія, повидимому, воспринятыя на школьной скамьѣ, и всецѣло возвратились къ прежнимъ, прадѣдовскимъ способамъ хозяйства *).

Наконецъ, зачѣмъ далеко ходить: всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ съѣздомъ къ народнымъ училищамъ, вполнѣ отвѣчаютъ открываемыя нынѣ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ низшія сельско-хозяйственныя училища, съ дѣятельностью которыхъ съѣздъ имѣлъ возможность обстоятельно познакомиться по докладамъ гг. Губина и Соколова **). По нормальному положенію, учебный планъ и устройство ихъ состоятъ въ слѣдующемъ:

Въ училищахъ перваго разряда повторяются всѣ общеобразовательные предметы въ объемѣ программъ начальныхъ народныхъ школъ и, кромѣ того, преподаются: 1) объясненіе простѣйшихъ способовъ измѣренія земли; 2) необходимыя для земледѣльца основныя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ; 3) практическое изученіе тѣхъ отраслей хозяйства, для которыхъ школа учреждена; 4) скотоводство и простѣйшіе способы скотоврачеванія; 5) главнѣйшіе законы, относящіеся до крестьянскаго быта; 6) церковное пѣніе.

Въ училищахъ 2-го разряда также полагается повтореніе курса

*) Труды III отд. съѣзда, стр. 64.

**) «Труды» IV секціи, стр. 79—100.

общей грамотности и преподаются: 1) объясненіе важнѣйшихъ для земледѣльца и садовника явленій природы; 2) ученіе о полезныхъ и вредныхъ для хозяйства растеніяхъ и животныхъ; 3) основныя понятія о правильныхъ способахъ воздѣлыванія земли; 4) церковное пѣніе.

Курсъ ученія въ тѣхъ и другихъ училищахъ продолжается три полныхъ года; въ зимнее время ученики послѣ уроковъ еще практикуются въ мастерскихъ въ изготовленіи предметовъ, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ; съ весны-же до осени все время посвящается исключительно работамъ въ полѣ и на фермѣ.

Училища эти учреждаются въ частныхъ имѣніяхъ и на частныя средства, съ пособіемъ отъ казны въ размѣрѣ 1.500 — 3.500 рублей въ годъ, смотря по разряду училища и смотря по тому, имѣется-ли при немъ приготовительный классъ. Сверхъ того, Министерство Госуд. Имуществъ часто оказываетъ имъ пособіе отводомъ въ безплатное пользованіе, пока они существуютъ, участковъ казенной земли до 500 десятинъ. За эту поддержку со стороны казны учредители училищъ обязаны содержать на свой счетъ нѣсколько учениковъ, не связывая ихъ контрактными условіями по окончаніи курса.

Правда, этихъ школъ у насъ еще немного: въ 1889 г. ихъ было только 19; но и этого опыта достаточно. Изъ него мы видимъ, что содержаніе каждой такой школы перваго разряда обходится правительству отъ 3.000—3.500 р., а учредителямъ отъ 2.000—10.000 р.; втораго разряда — правительству отъ 1.000—2.000 р., учредителямъ отъ 1.000—3.000 р. Въ среднемъ, расходъ на каждую школу перваго разряда въ 1889 г. составлялъ 7.110 р., а втораго разряда 3.945 р. въ годъ; каждый изъ окончившихъ курсъ въ училищѣ втораго разряда обошелся въ среднемъ въ 1.158 рублей, за вычетомъ отработанныхъ имъ у учредителей денегъ *). По этому разсчету не трудно вычислить, во что обойдется государству начальное образованіе, если всѣ теперешнія народныя училища, содержаніе которыхъ обходится теперь отъ 300—600 рублей въ годъ, будутъ обращены въ сельско-хозяйственныя, какъ того пожелали нѣкоторые члены съѣзда...

Но оставимъ въ сторонѣ матеріальный разсчетъ; посмотримъ, насколько названныя сельско-хозяйственныя училища оправдываютъ свое существованіе, насколько они содѣйствуютъ улучшенію крестьянскаго быта.

---

*) Эти выводы сдѣланы изъ подробныхъ свѣдѣній о содержаніи каждой сельско-хозяйств. школы, учрежденной по нормальному положенію 27 декабря 1883 г., приложенныхъ въ видѣ отдѣльной таблицы къ докладу И. Соколова.

По свидѣтельству лицъ, стоящихъ близко къ этимъ училищамъ, оказывается, что большинство изъ оканчивающихъ въ нихъ курсъ не возвращаются въ свои семьи, а пріискиваютъ себѣ мѣста старостъ, приказчиковъ, надсмотрщиковъ надъ рабочими, ключниковъ и т. п. въ частныхъ имѣніяхъ. По указанію г. Губина, завѣдывавшаго лучшимъ изъ этихъ училищъ—Успенскимъ, послѣднее не оказало рѣшительно никакого вліянія на улучшеніе мѣстнаго хозяйства *).

Виновата въ этомъ отнюдь не школа, а то, что у насъ пока бѣдность рождаетъ невѣжество, а невѣжество—бѣдность. Дѣйствительно, представьте себѣ, что вполнѣ развившійся въ низшей сельско-хозяйственной школѣ парень, усвоившій премудрость, какъ нужно обращаться съ землей, чтобы она дала возможно большій доходъ, возвращается домой, полный розовыхъ надеждъ, основанныхъ на произведенныхъ имъ вполнѣ точныхъ исчисленіяхъ, сколько можетъ дать прибыли семейный надѣлъ, если за него взяться такъ, какъ учили въ школѣ. Дома онъ находитъ стариковъ - родителей, которымъ не посмѣетъ и заикнуться о необходимости обзавестись лишней скотинкой для должнаго удобренія поля, видя, что тѣ сами питаются часто хуже, чѣмъ скотъ на образцовой фермѣ. Ясно, что эта голая дѣйствительность заставитъ его опустить руки и что онъ поведетъ дѣло такъ, какъ велъ его отецъ, или начнетъ искать заработка на сторонѣ. Съ послѣднимъ еще можно было-бы помириться, потому что и для помѣщичьихъ хозяйствъ нужны хорошіе, знающіе свое дѣло рабочіе. Но бѣда въ томъ, что молодежь, кончающая курсъ въ земледѣльческихъ училищахъ, уже черезчуръ поднимаетъ себѣ цѣну, считаетъ положеніе простого работника для себя слишкомъ унизительнымъ и ищетъ сразу начальническихъ мѣстъ. Между тѣмъ, недостатокъ житейской опытности для внушенія должнаго уваженія къ себѣ со стороны простыхъ рабочихъ удерживаетъ хозяевъ отъ предоставленія такимъ юношамъ мѣстъ управляющаго или даже старосты. Вслѣдствіе этого-то большинство учениковъ названныхъ училищъ и остается между небомъ и землей, или-же занимаетъ мѣста въ родѣ волостныхъ писарей, конторщиковъ и т. п., совершенно не соотвѣтствующія цѣлямъ произведенныхъ государствомъ затратъ на ихъ спеціальное образованіе.

А. Ильинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Труды IV секціи съѣзда, стр. 91.

ЯКУТСКІЯ НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ.

(по личнымъ наблюденіямъ).

(Окончаніе).

VI.

Беру изъ своего дневника описаніе народной школы.

«Чтобы добраться до мѣста своего назначенія, мнѣ пришлось перевалить черезъ хребетъ, проѣхать два скопческихъ поселенія, нѣсколько наслеговъ, колонію бывшихъ каторжниковъ и, наконецъ, послѣ ста верстъ дороги, я увидѣлъ передъ собой три зданія: одно изъ нихъ было мѣстной «управой», другое—школой, третье, самое маленькое и несчастное, пансіономъ для малолѣтнихъ якутятъ.

«Школа находится на берегу Лены, на очень красивомъ мѣстѣ и окружена непролазной тайгой и болотами. Весною и осенью, благодаря разливу рѣки, пробраться къ ней очень трудно. До ближайшаго поселенія считается десять верстъ. Вокругъ школы виднѣются разбросанныя юрты якутовъ, занимающихся рыболовствомъ. Отъ вилюйскаго тракта школа находится нѣсколько въ сторонѣ, и потому проходятъ иногда цѣлые мѣсяцы, а ее никто не посѣщаетъ, кромѣ засѣдателя. Здѣсь царитъ глушь въ полномъ смыслѣ этого слова и вчужѣ становится страшно отъ этой заброшенной жизни. Въ зданіи управы, рядомъ со школой, живетъ писарь, и живетъ очень богато. Это единственное общество учительницы, если не считать батюшки, который постоянно въ разъѣздахъ.

«Школа въ это время была въ рукахъ учительницы С—ой, подъ вѣдѣніемъ которой находилось 12 человѣкъ дѣтей различнаго возраста: старшему было 14 лѣтъ, младшему семь. Всѣ ученики—пансіонеры, т.-е. всю зиму, а нѣкоторые даже и лѣто живутъ при школѣ. Хозяйствомъ, кромѣ учительницы, завѣдуетъ еще почетный попечитель, че-

ловѣкъ очень милый, но, къ сожалѣнію, ни слова не понимающій по русски. За свое попечительство онъ вноситъ 25 рублей въ годъ, но этимъ далеко не ограничиваются его расходы: рублей 50 или 60 въ годъ онъ тратитъ на одежду ребятишекъ; кромѣ того, онъ задумалъ увеличить помѣщеніе пансіонеровъ и съ этою цѣлью началъ постройки. Ко мнѣ онъ относится очень вѣжливо, зоветъ «улоханъ тойонъ», т.-е. важный господинъ,—обстоятельство, которое я приписываю исключительно магическому дѣйствію своей кокарды,—и даже настолько проникся моимъ важнымъ положеніемъ, какъ ревизора, что просилъ другихъ передать мнѣ свое затаеннѣйшее желаніе получить медаль, хоть самую маленькую. Чтобы не уронить своего достоинства, я обѣщалъ «посодѣйствовать».

«Учительница—существо очень милое, скромное и тихое, но обремененное многочисленнымъ семействомъ, которое ей приходится содержать на 300 рублей въ годъ, и вслѣдствіе этого нѣсколько робкое и трусливое. Мнѣ неловко даже присутствовать на ея урокахъ, такъ какъ она краснѣетъ и блѣднѣетъ при каждомъ неудовлетворительномъ отвѣтѣ ученика, и я начинаю опасаться, что на экзаменѣ ариѳметики она, чего добраго, упадетъ въ обморокъ, такъ какъ и сама не особенно сильна въ «цыфири». Кромѣ нея, въ школѣ занимается священникъ, но онъ бываетъ на урокахъ очень рѣдко, вслѣдствіе многочисленныхъ и постоянныхъ разъѣздовъ. Особенную слабость этотъ законоучитель чувствуетъ, повидимому, къ самымъ длиннымъ псалмамъ и съ торжествомъ заставляетъ своихъ учениковъ отвѣчать псаломъ 50-й, хотя тѣ не понимаютъ изъ него ни слова и вмѣсто «ѵсопомъ» говорятъ «ипосомъ», не находя въ этомъ рѣшительно ничего страннаго.

«На полный курсъ наукъ полагается собственно три года, но онъ растягивается обыкновенно на четыре, такъ какъ первый годъ употребляется на то, чтобы обучить русскому языку поступающихъ якутятъ: пріѣзжая изъ своихъ улусовъ, они ни одного слова не знаютъ по-русски. За исключеніемъ этого, программа такая-же, какъ и въ обыкновенныхъ народныхъ школахъ, и не только программа, даже учебники тѣ-же самые. На урокахъ читаютъ Ушинскаго или Водовозова, хотя въ якутскомъ улусѣ эти книги рѣшительно никуда не годятся. Ушинскій говоритъ о вещахъ самыхъ простыхъ, но эти простыя вещи представляются маленькому якуту тарабарской грамотой, въ полномъ смыслѣ этого слова. Извольте, напр., каждую минуту объяснять ему такія слова, какъ «баранъ», «соха», «кошечка» и проч., такъ какъ ни кошечки, ни барана, ни сохи онъ

никогда не видѣлъ. Между русскимъ крестьянскимъ мальчикомъ и якутскимъ большая разница. Послѣдній не знаетъ дома, а знаетъ юрту, никогда не видѣлъ ни свиньи, ни барана, ни кошечки, ни пѣтушка; о хлѣбѣ онъ получилъ первое ясное понятіе только въ школѣ. На каждой строчкѣ книги Ушинскаго онъ встрѣчаетъ какой-нибудь иксъ. Самыя слова, поговорки и прибаутки подобраны какъ-бы нарочно для того, чтобы привести его въ ужасъ и недоразумѣніе: онъ, плохо владѣющій языкомъ, сразу попадаетъ въ кругъ понятій, ничего не говорящихъ его уму, и слышитъ рѣчь, простую для мужика, но совершенно искусственную для него. Поэтому онъ долбитъ и, видя его долбленіе, приходится пожалѣть, что, пока, все еще не нашлось человѣка, достаточно знакомаго съ якутскимъ бытомъ и якутскимъ языкомъ, который, проникшись мыслью о необходимости облегчить якутятамъ первые трудные шаги образованія, взялся-бы за составленіе хотя-бы самой тоненькой книги для первоначальнаго чтенія,— книги, приспособленной къ мѣстнымъ понятіямъ и обстановкѣ. Составить такую книгу было-бы, кажется, не особенно труднымъ дѣломъ, такъ какъ богатѣйшій якутскій эпосъ, который, кстати сказать, до страсти любимъ самими якутами, какъ большими, такъ и маленькими, можетъ доставить великолѣпный матеріалъ для цѣлаго десятка хрестоматій. Но, очевидно, что пока да и на долго еще это есть и будетъ однимъ изъ безчисленныхъ pium desiderium, возбуждаемыхъ инородческими школами.

«Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что даже немногое, даваемое якутенку, не совсѣмъ пропадаетъ даромъ. Какъ ребенокъ, вообще говоря очень способный, онъ успѣваетъ выхватывать не мало полезнаго даже изъ плохаго преподаванія. Въ этомъ мнѣ приходилось убѣждаться много и много разъ. Особенную наклонность маленькіе якуты выказываютъ къ математикѣ, рисованію, черченію, чистописанію и проч. Но древніе языки, которымъ ихъ такъ долго обучали въ классической прогимназіи, положительно не давались имъ, и не по неспособности, а отчасти по лѣности, отчасти потому, что ребенку, плохо знакомому съ русскимъ языкомъ, латинскій и греческій являются предметами, уже не въ мѣру трудными.

«Пробывъ четыре года въ школѣ, якутенокъ оказывается грамотнымъ человѣкомъ, но, вообще говоря, полученныя имъ свѣдѣнія очень поверхностны. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что онъ возвращается въ улусъ, зная русскій языкъ и получивъ кое-какія свѣдѣнія о своемъ обширномъ отечествѣ. Приходится только пожалѣть, что упражненія на букву «ѣ», на числа свыше 1.000.000 и проч. отнимаютъ такъ

много времени, что на вещи дѣйствительно полезныя его остается совсѣмъ мало. Рѣдко кто изъ маленькихъ якутовъ, кончивъ курсъ народной школы, идетъ далѣе, въ прогимназію: на обученіе тамъ нужны порядочныя средства, рублей 200 въ годъ minimum, такъ что подобная роскошь доступна лишь очень и очень немногимъ. Возвратясь въ улусъ, онъ или принимается за свою прежнюю жизнь и забываетъ то, чему его обучали, или-же поступаетъ въ помощники къ мѣстному писарю, и тутъ, конечно, практикуется уже не только въ грамотности, но и во многомъ другомъ. Во всякомъ случаѣ очевидно, что пригодныхъ для жизни свѣдѣній школа якуту не даетъ; между прочимъ, это сознается самими инородцами. Знаніе русскаго языка полезно, но въ улусахъ можно обходиться и безъ него, и это тѣмъ легче, что всѣ русскіе жители великолѣпно объясняются по-якутски. Грамотность— дѣло хорошее, но ее надо поддерживать; а какую книгу можно найти въ юртахъ? Даже при народной школѣ вся «библіотека» состоитъ изъ 12 книжекъ, изъ которыхъ 5—изданія «Посредника».

«Преподаваніе въ школѣ убогое, успѣхи также не блестящіе. Я не виню въ этомъ никого, но я спрашиваю: можетъ-ли быть иное при полномъ невниманіи къ инородческому обученію? Если приходится дорожить каждымъ клочкомъ бумаги, если случается по цѣлымъ мѣсяцамъ сидѣть безъ карандашей и перьевъ, если нѣтъ никакихъ наглядныхъ пособій, если не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на особенности быта и племени, то на какіе результаты можемъ мы разсчитывать, прибавивъ ко всему этому, что и самъ учитель, въ большинствѣ случаевъ, человѣкъ малограмотный и побуждается къ занятіямъ лишь страхомъ ревизіи.

«Мнѣ все-же думается, что въ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, первоначальнаго обученія необходимо принимать во вниманіе всю совокупность «мѣстнаго» матеріала, который создаетъ первыя понятія и представленія ребенка. Идти дальше можно лишь въ томъ случаѣ, когда въ достаточной степени выяснены первоначальныя данныя. Нельзя также забывать, что якутъ во всякомъ случаѣ человѣкъ нѣсколько другой, чѣмъ мы, русскіе, что у него существуютъ особенности въ характерѣ, въ способностяхъ, въ направленіи умственной дѣятельности вообще. Если кто не вѣруетъ въ расу и отрицаетъ ея вліяніе, тотъ не можетъ не вѣрить въ зависимость человѣка отъ историческихъ условій, а эти условія были совершенно иными въ жизни якутовъ, чѣмъ въ нашей. Передъ нами помѣсь тюрка и монгола, сынъ дикаря, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ не знавшій ничего, кромѣ охоты и рыбной ловли, продуктъ замкнутой родовой жизни и во всякомъ

случаѣ фетишистъ самаго низшаго разряда. Педагогика, какъ искусство, должна-бы приспособиться ко всему этому, но, конечно, смѣшно даже и намекать ей о такой задачѣ. Я не говорю, что образованіе должно быть построено на принципѣ различія расъ, но для меня несомнѣнно, что первоначальное обученіе никоимъ образомъ не можетъ игнорировать всей совокупности мѣстныхъ условій, выработавшихъ дѣтскія понятія и представленія.

«Въ высшей степени трудно дать характеристику маленькаго якута съ точки зрѣнія нужнаго и возможнаго для него образованія. Я даже не возьмусь за эту задачу и ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями. Но во всякомъ случаѣ не мнѣ, такъ другому, не теперь, такъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ придется разрѣшить этотъ вопросъ, такъ какъ надежда, что 250.000 якутовъ обрусѣютъ и станутъ совсѣмъ русскими въ «будущій вторникъ» во всякомъ случаѣ мечтательна: процентъ русскихъ людей слишкомъ незначителенъ и процессъ сліянія народностей происходитъ гораздо медленнѣе, чѣмъ-бы слѣдовало. Но дать характеристику умственнаго строя якута пока слишкомъ трудно: этнографическій матеріалъ слишкомъ для этого незначителенъ и во многихъ случаяхъ противорѣчивъ. Пользуясь наиболѣе цѣнными изслѣдованіями Кибера, Уварова, Миддендорфа и др., можно сказать, что всѣ они сходятся въ томъ, что якуты народъ очень способный и, во всякомъ случаѣ, имѣющій право на дальнѣйшее существованіе. «Общія черты тюрко-монголовъ, говоритъ далѣе Миддендорфъ,—ихъ способность ко всякаго рода ремесламъ, настойчивость и упорство, которое они влагаютъ въ каждую работу, отражается и на характерѣ якута. При помощи только ножа онъ выдѣлываетъ изъ мамонтовой кости замѣчательно красивыя вещицы, при чемъ нисколько не жалѣетъ времени. Въ немъ есть врожденное стремленіе къ изящному, онъ любитъ красиво одѣваться, выказывая при этомъ большое пристрастіе къ яркимъ цвѣтамъ. Свои вкусы, свое упорство, зоркость своего взгляда, осторожность и даже недовѣрчивость къ каждому новому шагу, ко всякому нововведенію онъ выказываетъ въ каждомъ своемъ дѣлѣ. Онъ настойчивъ, и эта настойчивость позволяетъ ему быть господиномъ своего дѣла».

«Я уже говорилъ, что всѣ маленькіе якуты особенно любятъ черченіе, рисованіе, ариѳметику. Но, къ сожалѣнію, опытъ, доставляемый прогимназіей и народными школами, слишкомъ малъ, чтобы можно было перейти отъ него къ обобщеніямъ. Примиримся, поэтому, съ тою неполною характеристикою, что якуты способные люди, что у нихъ есть вкусъ къ изящному, что они настойчивы и терпѣливы, что въ

занятіяхъ практически полезныхъ, требующихъ зоркости, вниманія, настойчивости и сообразительности, они во всякомъ случаѣ не ударятъ лицомъ въ грязь. На первый разъ достаточно и этого. Кругъ образованія, къ счастью, очень обширенъ; въ немъ есть не мало предметовъ (напр., опытная физика, химія, механика и проч.), которые могутъ дать полный просторъ указаннымъ способностямъ якута, есть предметы и болѣе элементарные, т.-е. такіе, которые, войдя въ програму народной школы, очень мало нарушатъ ея общеобразовательный характеръ.

«Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о пансіонѣ для маленькихъ якутовъ, въ которомъ проявляется тотъ-же, присущій школамъ, характеръ убожества.

«Весь пансіонъ состоитъ изъ одной небольшой комнатки съ двумя окнами, отдѣленной перегородкой отъ кухни. По стѣнамъ идутъ низкія нары, а среди комнаты стоитъ большой столъ, за которымъ дѣти готовятъ свои уроки. Воздухъ въ пансіонѣ, благодаря сосѣдству съ кухней, гдѣ полновластно распоряжается одноглазая и непостижимо грязная кухарка, а также и тому, что на маленькомъ пространствѣ скучено 12 человѣкъ дѣтей,—отвратителенъ и заставляетъ съ непривычки чихать и кашлять. Пансіонъ часто посѣщаютъ всякія болѣзни: корь, дифтеритъ, оспа. Въ такомъ случаѣ бѣдные больные якутята лежатъ въ повалку, пользуясь услугами сторожа. О медицинской помощи нечего, конечно, и думать; нѣтъ даже фельдшера, и большинство захворавшихъ умираютъ. За недостаткомъ помѣщенія, больные и здоровые всегда остаются вмѣстѣ и, благодаря привычкѣ, это обстоятельство не представляется никому страннымъ. Но оно позволяетъ дифтериту и оспѣ разгуливаться во всю ширь, и въ тотъ, напр., годъ, когда я посѣтилъ школу, двое мальчиковъ умерли отъ дифтерита и трое отъ оспы. Это изъ 15-ти человѣкъ. Случается, что большая половина дѣтей лежитъ въ повалку, и въ такомъ случаѣ приходится прекращать занятія въ школѣ. Представьте себѣ положеніе здоровыхъ товарищей въ этомъ ужасномъ лазаретѣ!.. Смертность громадна, и это производитъ очень нехорошее впечатлѣніе на якутовъ: они боятся отдавать дѣтей въ школу.

«Отъ скверной обстановки своего пансіона, впрочемъ, не худшей, чѣмъ обстановка бѣдной юрты, маленькіе якуты спасаются на свѣжій воздухъ. Лѣтомъ, нечего и говорить, они почти не заглядываютъ въ комнату, зимой также, несмотря на 40° морозы, проводятъ цѣлые часы на берегу Лены. Послѣ утреннихъ занятій имъ предоставляется полная свобода, и никто, кромѣ сторожа, не вмѣшивается въ ихъ игры

и времяпрепровожденіе. Несмотря на это отсутствіе надзора, они очень послушны и никакихъ «штукъ» не выкидываютъ. Говорятъ, что большинство изъ нихъ сильно скучаетъ по своимъ семьямъ, съ которыми имъ приходится разставаться на 8 или 9 мѣсяцевъ въ году:— въ якутѣ, богатомъ и бѣдномъ, большомъ и маленькомъ, всегда сильна привязанность къ родной юртѣ и родному очагу.

«Кормятъ пансіонеровъ ни хорошо и ни плохо: имъ даютъ мясо и хлѣбъ не порціями, а кому сколько надо. Чай еще не вошелъ въ употребленіе. Къ обѣду готовятся щи, по праздникамъ каша. Но одежда очень плоха. Большинство учениковъ носитъ то, что принесло съ собой изъ дому, т.-е. какія-то отрепья. Теплаго платья нѣтъ почти ни у кого и даже зимой мальчики бѣгаютъ въ своихъ ровдуженыхъ кафтанахъ. Бѣлья не полагается. Та-же рубашка служитъ круглый годъ; ее иногда стираютъ, но въ большинствѣ случаевъ дѣло обходится и безъ этого. Спятъ прямо на нарахъ, подложивъ подъ себя кафтанъ».

Такъ живетъ якутская школа.

VII.

Что якутская школа бѣдствуетъ, что она въ настоящемъ своемъ видѣ не можетъ осуществлять своей великой цѣли—сближать якута съ русскимъ человѣкомъ—это очевидно для каждаго. Поэтому существуютъ различные проекты, которые хотятъ придти на помощь школѣ и поставить ее на обѣ ноги. Изложеніемъ самыхъ главныхъ изъ нихъ я и займусь въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Прежде всего, надо упомянуть о желаніи всѣ улусныя школы уничтожить и вмѣсто нихъ основать одно общее центральное народное училище для всей Якутской области. Это училище будетъ находиться въ самомъ городѣ Якутскѣ и въ его распоряженіе предоставятъ всѣ тѣ средства, которыми теперь пользуются народныя школы, т.-е. 30 или 35 тысячъ рублей.

Этотъ проектъ имѣетъ многихъ сторонниковъ. На сколько я знаю, на его сторонѣ былъ и К. Н. Свѣтлицкій—одинъ изъ лучшихъ губернаторовъ области. Мнѣ говорили даже, что К. Н. дѣлалъ представленіе по начальству о такомъ именно преобразованіи, но какова судьба этого представленія—мнѣ неизвѣстно.

Упомянутый проектъ отвѣчаетъ, повидимому, многимъ насущнымъ потребностямъ школы. Во-первыхъ, онъ облегчаетъ инспекцію; во-вторыхъ, онъ обезпечиваетъ возможность хорошаго подбора учителей

и учительницъ, такъ какъ въ Якутскѣ ихъ все-же легче достать, чѣмъ въ улусѣ; въ-третьихъ, онъ, повидимому, удешевляетъ стоимость народнаго образованія.

Эти стороны проекта симпатичны, но противъ него дѣлаются слѣдующія серьезныя возраженія: Осуществленіе проекта объ открытіи центральнаго училища потребуетъ сразу большихъ затратъ. Въ Якутскѣ нѣтъ дома, въ которомъ можно было-бы помѣстить 325 человѣкъ пансіонеровъ. Такой домъ, очевидно, надо выстроить, а гдѣ взять нужныя для того средства? Мало того, для содержанія, тѣмъ болѣе приличнаго содержанія, трехъ или четырехсотъ учениковъ 36-ти тысячъ во всякомъ случаѣ недостаточно. Нельзя въ городѣ одѣвать и кормить ихъ такъ, какъ это дѣлается въ улусѣ; къ тому-же въ улусѣ подобныя вещи, какъ дрова, молоко, масло—ничего ни стоятъ, въ городѣ-же на нихъ существуютъ высокія цѣны. Но мало и этого. Въ настоящее время народная школа, хотя-бы и плохенькая, существуетъ на глазахъ якутовъ. Волей-неволей они принимаютъ въ ней участіе. Есть не мало почетныхъ попечителей, которые, хотя-бы изъ-за медали, но все-же усердно занимаются школою. Самимъ ученикамъ пріятнѣе жить въ улусѣ, недалеко отъ родныхъ юртъ; если они скучаютъ даже тамъ, то что-же будетъ въ городѣ? И наконецъ: такое громадное скопленіе нечистоплотныхъ якутятъ, легко дѣлающихся жертвой всякой эпидеміи, не повлечетъ-ли за собою слишкомъ большой смертности ихъ?

Возраженія серьезны и во многихъ случаяхъ непреодолимы. Гдѣ найти средства для школы? На какія деньги выстроить зданіе, кормить, поить, одѣвать учениковъ и содержать приличный штатъ учителей? У школы нѣтъ денегъ, школа нищенствуетъ, и эта бѣдность запутаетъ ее еще болѣе, если она будетъ переведена въ городъ.

Передаю свой разговоръ со старшиной Николаевымъ о народныхъ школахъ,—разговоръ, который съ полною основательностью можно выдать за проектъ преобразованія.

— Меня нисколько не удивляетъ, говорилъ Николаевъ,—что якуты въ настоящее время не долюбливаютъ школы. Она стоитъ имъ порядочныхъ средствъ, а даетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало. Если вамъ приходилось бывать въ улусахъ, вы знаете, какая тамъ царитъ нищета. Даже подобія ея вы не найдете въ русской деревнѣ, такъ какъ русскіе все-же питаются хлѣбомъ, а мы, якуты, кислымъ молокомъ и сосновой корой. И это круглый годъ.. Я знаю цѣлыя семьи,

которыя содержатся двумя или даже одной коровой. Откуда въ улусѣ взять деньги? Охота становится съ каждымъ днемъ занятіемъ все болѣе невѣрнымъ, сказочное богатство рыбой давно исчезло. Поэтому, многіе положительно затрудняются внести 60—80 к., которыя по раскладкѣ приходятся на юрту. Денегъ достать неоткуда, а деньги нужны постоянно: безъ нихъ нельзя ни родиться, ни умереть. Примите еще во вниманіе, какъ часто посѣщаютъ насъ всякаго рода эпизоотіи и эпидеміи, и вы поймете, почему мы такъ жмемся и высчитываемъ каждый грошъ. Не вѣрьте тому, кто говоритъ, что мы богаты. Между нами дѣйствительно есть очень богатые люди, но масса нищенствуетъ. Еще недавно одинъ священникъ жаловался мнѣ на продѣлку троихъ якутовъ, и я разскажу ее для характеристики. Эти трое—вѣрующіе люди, и когда священникъ пріѣхалъ въ улусъ, они непремѣнно хотѣли исповѣдаться. Но за «запись» и исповѣдь нужно заплатить 30 коп. Для каждаго въ отдѣльности эта сумма оказалась слишкомъ большой, и вотъ мои остроумные сограждане выдумали сложиться по гривеннику, передать одному депутату всѣ свои грѣхи и черезъ него получить очищеніе. Батюшка говоритъ, что это—продѣлка; я знаю этихъ троихъ и утверждаю, что это—нищета.

Что даетъ намъ школа? Она учитъ насъ грамотѣ и русскому языку. За это великое спасибо. Но много-ли такихъ, которыхъ она можетъ научить даже этому? Вы сами знаете, какихъ учителей присылаютъ намъ въ большинствѣ, и очевидно, что лучшихъ учителей не могутъ и присылать намъ, такъ какъ мы платимъ гроши. Если изъ десяти, получившихъ свидѣтельство, двое дѣйствительно умѣютъ порядочно читать и писать то это слава Богу. А эти десять лишь десятая часть поступившихъ. Поэтому мы, пожалуй, и правы, говоря, что грамотный человѣкъ обходится намъ слишкомъ дорого...

За грамоту—большое спасибо, но намъ мало ея. Вы знаете, конечно, какъ живемъ мы въ настоящее время. Нашъ скотъ или вымеръ отъ постоянныхъ эпизоотій, или распроданъ на пріиски. Звѣрь разбѣжался, и даже бродячій тунгузъ не всегда можетъ догнать его. Обиліе рыбы также исчезло. Намъ надо пахать землю, если мы желаемъ жить. А какъ взяться за это, мы не знаемъ. Меня постоянно спрашиваютъ, какъ посадить картофель, гдѣ достать сѣмена, какія лучше, какъ развести капусту, горохъ... Мы не знаемъ ничего и, что еще хуже, мы не имѣемъ никакой возможности узнать это. Кто-же изъ насъ можетъ ѣздить за всякой справкой въ городъ? да и тамъ онъ ничего не узнаетъ, такъ какъ нѣтъ образцовой фермы, нѣтъ человѣческаго отношенія къ нашему брату, якуту.

Вотъ эти-то, хотя-бы самыя элементарныя, свѣдѣнія по земледѣлію намъ нужны, и нужны безусловно. Но, конечно, одного земледѣлія мало: намъ нужно все, а у насъ нѣтъ ничего, и именно благодаря тому, что у насъ ничего нѣтъ, грамота представляется намъ подчасъ просто излишнею роскошью. Кто умѣетъ сажать картофель — тотъ всегда найдетъ дѣло въ нашемъ улусѣ, кто умѣетъ читать книгу, хотя также нуженъ намъ, но не въ такой степени.

Я люблю школы и очень сочувствую имъ. Но я вижу, что школа пока слишкомъ далека отъ элементарныхъ и насущныхъ потребностей жизни якута. Мы хотимъ какъ-нибудь бороться съ этимъ кризисомъ нашего хозяйства, съ этой грозящей намъ полной нищетой, и неужели школа ни въ чемъ не поможетъ намъ? Я не вѣрю этому уже потому, что слишкомъ люблю ее!

Е. Соловьевъ.

---

*

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Недавно вышедшій отчетъ директора народныхъ училищъ Херсонской губерніи даетъ обстоятельную картину положенія народнаго образованія въ губерніи вообще и въ различныхъ ея уѣздахъ въ частности. Отчетъ указываетъ не только на то, что сдѣлано въ губерніи въ области народнаго образованія, но и на то, что нужно еще сдѣлать для того, чтобы это образованіе сдѣлалось доступнымъ всей той части населенія, которая въ немъ нуждается.

Къ 1-му января 1891 года въ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ состояло всего 1.010 училищъ, въ которыхъ обучалось 62.507 учащихся обоего пола (44.121 мальчикъ и 18.386 дѣвочекъ), т.-е. отношеніе между учащимися мальчиками и дѣвочками выражалось отношеніемъ чиселъ 2,4 : 1. Упомянутое число учащихся приходится на все населеніе губерніи, исчисленное въ 2.174.660 жит.

Цыфры о числѣ училищъ обнимаютъ собою, кромѣ тѣхъ, которыя удовлетворяютъ спросу на начальное русское образованіе, еще и среднія спеціальныя, какъ-то: 3 мореходныхъ училища со 129 учащимися мальчиками, а также не имѣющія прямого отношенія къ начальному русскому образованію—нѣмецкія церковно-приходскія школы, числомъ 124 съ 12.283 учащимися, 265 еврейскихъ хедеровъ съ 2.650 учащимися и 11 частныхъ училищъ 1-го разряда.

Съ другой стороны, по включеніи въ число школъ для начальнаго русскаго образованія тѣхъ, которыя не состоятъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, а именно: 483 церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, имѣющихъ 15.568 учащихся, 6-и училищъ, находящихся въ вѣдѣніи учрежденій Императрицы Маріи, 2-хъ начальныхъ училищъ при учительскихъ семинаріяхъ и одного женскаго училища Импер. человѣколюбиваго общества, получимъ цыфру 1.099, выражающую число школъ въ губерніи для начальнаго русскаго обра-

зованія, или одно училище на 1.978 д. и 1 учащійся на 34 д. общаго населенія губерніи.

Эти послѣднія цыфры нѣсколько измѣняются при вычисленіяхъ примѣнительно къ отдѣльнымъ составнымъ частямъ губерніи; такъ, въ Одесскомъ градоначальствѣ (140 училищъ) одно училище приходится на 2.034 д. и одинъ учащійся на 24 жителя. Въ Николаевскомъ губернаторствѣ (49 училищъ) одно училище приходится на 1.934 жителя и одинъ учащійся на 33. По исключеніи училищъ Одесскаго градоначальства и Николаевскаго губернаторства, получаемъ въ губерніи 919 училищъ съ 48.529 учащимися, изъ которыхъ 39.055 мальчиковъ и 9.494 дѣвочекъ. Такимъ образомъ, одинъ учащійся мальчикъ приходится на 23 д. мужского населенія и одна учащаяся дѣвочка на 95 д. женскаго населенія.

Принимая западно-европейскую норму отношенія числа школъ и числа учащихся къ общему числу населенія, отчетъ приходитъ къ слѣдующему выводу: для того, чтобы приблизиться къ этой нормѣ, выражаемой цыфрами — 1 школа на 500 душъ и одинъ учащійся на 7 душъ, число училищъ Херсонской губерніи должно быть доведено до 2.174, а число учащихся до 139.826, или, при сопоставленіи этого желаннаго отношенія съ наличнымъ и принимая, что у насъ курсъ начальной школы трехъ-лѣтній, оказывается, что школъ въ Херсонской губерніи на 49% менѣе, чѣмъ должно-бы быть, а число учащихся менѣе на 55%. Въ отдѣльныхъ уѣздахъ губерніи это недостающее до нормы число училищъ и учащихся выражается слѣдующими цыфрами:

	Одно училище на	Училищъ должно быть.	Состоитъ.	Недостаетъ.	
Одесское градоначальство	2.034 д.	285	140	145	или 50%
Николаевское губернаторство	1.934 »	77	40	37	» 48%
Городъ Херсонъ	1.932 »	62	32	30	» 48%
Александрійскій уѣздъ	2.209 »	353	160	193	» 54%
Ананьевскій уѣздъ	1.636 »	189	116	73	» 38%
Тираспольскій уѣздъ	1.996 »	201	101	100	» 50%
Елисаветградскій уѣздъ	2.245 »	489	218	271	» 55%
Херсонскій уѣздъ	1.848 »	340	184	156	» 46%

Изъ приведенныхъ цыфръ обнаруживается, что наличный составъ образовательныхъ средствъ почти во всѣхъ уѣздахъ на половину меньше естественнаго на нихъ спроса. Параллельно съ этимъ, число и отношеніе учащихся къ общему числу населенія также оставляетъ желать очень многаго. Приведемъ цыфры:

	Одинъ уча-щійся на	Должно обу-чаться.	Обу-чается.	Остается безъ обученія.
Одесское градоначальство	24	18.312	11.551	6.761 или 31%
Николаевское губернаторство	33	4.975	2.340	2.635 » 53%
Городъ Херсонъ	29	3.957	2.115	1.842 » 47%
Александрійскій уѣздъ	41	22.730	8.573	14.157 » 26%
Ананьевскій уѣздъ	36	12.204	5.174	7.030 » 57%
Тираспольскій уѣздъ	42	12.962	4.703	8.259 » 63%
Елисаветградскій уѣздъ	40	31.474	12.117	19.357 » 61%
Херсонскій уѣздъ	30	21.766	11.254	10.512 » 50%

Такимъ образомъ, во всѣхъ территоріальныхъ участкахъ губерніи болѣе половины дѣтей школьнаго возраста остается безъ обученія. Въ лучшихъ условіяхъ сравнительно находятся лишь Одесское градоначальство (31% остающихся безъ обученія дѣтей) и городъ Херсонъ (47%). Въ нѣмецкихъ колоніяхъ Херсонскаго у. одинъ учащійся приходится менѣе, чѣмъ на 7 душъ и одна школа на 298 душъ населенія. Повсемѣстно въ губерніи замѣчается, такъ-же какъ и вездѣ въ Россіи, что число дѣвочекъ, остающихся безъ обученія, значительно превышаетъ число таковыхъ-же мальчиковъ. Приведемъ данныя о нѣкоторыхъ уѣздахъ: въ Александрійскомъ уѣздѣ мальчиковъ остается безъ обученія 32% по отношенію къ общему числу мужского населенія, а дѣвочекъ 92%; въ Тираспольскомъ—мальчиковъ 42%, а дѣвочекъ 85%. Это-же явленіе остается постояннымъ и въ тѣхъ районахъ губерніи, гдѣ народное образованіе сравнительно находится въ лучшихъ условіяхъ, напримѣръ, въ Одесскомъ градоначальствѣ и въ городѣ Херсонѣ; въ 1-мъ мальчики, остающіеся безъ обученія, составляютъ 28%, дѣвочки-же 47%, во 2-мъ—мальчики 35%, дѣвочки 63%.

Сравнивая данныя о числѣ школъ и числѣ учащихся за прошлый 1889 и отчетный 1890 годъ, находимъ, что все-же дѣло народнаго образованія въ губерніи значительно прогрессируетъ. Въ теченіе года въ губерніи прибавились 87 школъ, или послѣдовало увеличеніе на 8% (въ 1889 году ихъ было всего 1.012); число-же учащихся возрасло на 10%, съ 56.489 до 62.420, при чемъ число учащихся дѣвочекъ оказалось больше на 2% числа поступившихъ въ школу мальчиковъ.

Школьныя помѣщенія, улучшеніе которыхъ составляетъ особый предметъ заботъ уѣздныхъ земствъ, въ большинствѣ имѣютъ удовлетворительный видъ, неудовлетворительныхъ насчитывается 30%, и притомъ наибольшее число этихъ послѣднихъ приходится на еврейскія школы—хедеры; такъ, изъ общаго числа 300 неудовлетворительныхъ помѣщеній 255 составляютъ именно хедеры. Антисанитарное

устройство школъ этого рода извѣстно всякому; обыкновенно помѣщеніемъ для нихъ служитъ тѣсная жилая комната съ непровѣтриваемымъ воздухомъ и затхлой, грязной обстановкой, гдѣ цѣлые дни бываютъ скучены десятки ребятишекъ.

Обращаясь къ свѣдѣніямъ о степени подготовленности учительскаго персонала, находимъ, что онъ почти вполнѣ удовлетворителенъ, такъ какъ изъ 714 свѣтскихъ преподавателей только 3 принадлежатъ къ числу не державшихъ экзамена на званіе учителя.

Изъ числа 714 лицъ учительскаго персонала — 341 учитель и 373 учительницы. Изъ 341 учителей—241, или 70%, по своему образованію могутъ считаться получившими вполнѣ удовлетворительную подготовку. Наибольшее число ихъ (200 человѣкъ, или 59% всѣхъ учителей) окончили курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ и на педагогическихъ курсахъ. Есть окончившіе и въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, и въ духовныхъ семинаріяхъ, но этихъ послѣднихъ очень немного, всего 4 человѣка или 1,2%.

Изъ общаго числа 373 учительницъ, только 175, или менѣе 47%, обладаютъ достаточной подготовкой; это именно тѣ, которыя окончили курсъ въ 8-ми и 7-ми-классныхъ гимназіяхъ, въ институтахъ и епархіальныхъ училищахъ.

Изъ получившихъ достаточную подготовку 112 учительницъ или 30% приходится на долю окончившихъ курсъ въ женскихъ гимназіяхъ, 16,2% окончили курсъ въ епархіальныхъ училищахъ и институтахъ и 0,8% (3) на высшихъ педагогическихъ курсахъ, остальные-же 33% окончили курсъ въ прогимназіяхъ или получили право учительствовать по особому экзамену.

Вообще-же говоря, между учителями замѣчается большее число (70%) удовлетворительно подготовленныхъ, нежели между учительницами (47%). На пониженіе уровня педагогической подготовки женскаго персонала оказываютъ, по мнѣнію дирекціи, весьма замѣтное вліяніе существующія въ губерніи женскія прогимназіи, воспитанницы которыхъ являются всегда сильными конкурентками на открывающіяся учительскія вакансіи.

Что касается вознагражденія, то изъ 714 учителей и учительницъ—676 или болѣе 94% получали таковое въ достаточныхъ размѣрахъ, т.-е. отъ 200 и болѣе рублей, и только 38 человѣкъ (нѣсколько болѣе 5%) получали менѣе 200 руб. Изъ 429 законоучителей—131 или 30% получали 100 руб. и болѣе и 292 или 70% имѣли менѣе этого размѣра, признаваемаго Мин. Нар. Просв. наименьшимъ нормальнымъ.

Изъ отдѣльныхъ отзывовъ инспекторовъ народныхъ училищъ узнаемъ, что отношеніе оканчивающихъ курсъ и выбывающихъ до окончанія курса въ различнаго рода учебныхъ заведеніяхъ—различно. Для сельскихъ начальныхъ школъ процентъ оканчивающихъ къ общему числу учащихся колеблется въ различныхъ уѣздахъ между 3 и 7%; процентъ-же выбывающихъ до окончанія курса по отношенію къ тому-же общему числу учащихся между 10—27.

Инспекторъ народныхъ училищъ Херсонскаго уѣзда констатируетъ тотъ фактъ, что % выбывающихъ до окончанія курса въ сельскихъ училищахъ, какъ министерскихъ, такъ и вообще начальныхъ, значительно ниже, чѣмъ въ училищахъ всѣхъ прочихъ разрядовъ, а то обстоятельство, что % оканчивающихъ невысокъ, объясняется тѣмъ, что многіе не являются въ испытательныя коммиссіи. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что большинство учится не ради свидѣтельства, а ради пріобрѣтенія знаній. Фактъ, что въ сельскихъ училищахъ % выбывающихъ меньше, чѣмъ въ училищахъ другихъ разрядовъ, остается таковымъ-же и для прочихъ уѣздовъ; такъ, въ Тираспольскомъ, напр., уѣздѣ процентъ выбывающихъ до окончанія курса изъ городскихъ училищъ 16, а въ сельскихъ всего 10%.

Отзывъ инспектора Херсонскаго уѣзда указываетъ еще на то, что двухкласныя сельскія школы Министерства Народнаго Просвѣщенія пользуются особымъ довѣріемъ и почетомъ населенія. Въ курсъ ихъ введены естествовѣдѣніе и начатки геометріи съ землемѣріемъ. Оставалось-бы, заключаетъ отзывъ, дать опредѣленную постановку естествовѣдѣнію, выдѣливъ, по мѣстнымъ условіямъ, болѣе подробное знакомство какъ теоретическое, такъ и практическое съ той или другой отраслью сельскаго хозяйства, и тогда эти школы могли-бы служить разсадникомъ сельско-хозяйственныхъ знаній въ населеніи, а окончившія въ нихъ примѣняли-бы эти знанія на своемъ-же хозяйствѣ.

Для распространенія практическихъ знаній въ губерніи существовало одно ремесленное училище въ Одесскомъ градоначальствѣ и 32 ремесленныхъ отдѣленій при училищахъ, а для дѣвочекъ 68 рукодѣльныхъ классовъ. Въ ремесленныхъ отдѣленіяхъ обучали сапожному, столярному, переплетному, токарному мастерству, а въ нѣкоторыхъ—садоводству и огородничеству; въ рукодѣльныхъ-же классахъ—шитью, кройкѣ и вязанью. Въ отчетномъ году въ губерніи прибавилось 9 ремесленныхъ отдѣленій, и число ихъ съ 23 возрасло къ 1-му января 1891 года до 32.

Въ видахъ физическаго развитія юношества, въ 124 училищахъ района дирекціи введены упражненія въ военной гимнастикѣ. Въ

Одесскомъ градоначальствѣ военная гимнастика введена во всѣхъ начальныхъ школахъ; для этой цѣли городской управой устроены 4 арены, гдѣ дѣти и обучаются гимнастикѣ подъ руководствомъ преподавателей-спеціалистовъ.

Число учениковъ, приходящихъ въ школу изъ другихъ селеній, въ районѣ дирекціи очень незначительно. Въ Одесскомъ уѣздѣ ихъ вовсе нѣтъ, въ Ананьевскомъ и Тираспольскомъ уѣздахъ лишь единицы; самое большее число приходящихъ учениковъ въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ насчитывается въ Ново-Николаевской двухклассной министерской школѣ; бѣднѣйшіе изъ приходящихъ учениковъ этой школы получаютъ ежемѣсячное пособіе до 5 руб. изъ суммы, ежегодно назначаемой тираспольской уѣздной управой (400 р.) на квартирную стипендію ученикамъ, живущимъ далѣе 2 верстъ отъ школы. Значительно большее число приходящихъ учениковъ въ Херсонскомъ у., гдѣ въ иныхъ училищахъ ихъ бываетъ до 35; но такъ какъ всѣ они приходятъ лишь за 2—3 версты, то для нихъ не устроено здѣсь ни ночлежныхъ пріютовъ, ни другихъ подобныхъ учрежденій.

До сихъ поръ мы говорили объ образовательныхъ средствахъ губерніи для подростающаго молодого поколѣнія. Кромѣ этого, въ районѣ дирекціи имѣются также учрежденія для образованія населенія взрослаго. Такъ, для этой цѣли существовало къ 1-му января 1891 года 15 воскресныхъ школъ. Изъ нихъ 6 сосредоточены въ городахъ: въ Одессѣ двѣ для русскаго населенія, гдѣ обучалось 96 мужчинъ и 177 женщинъ, и тамъ-же еще одна субботняя для еврейскихъ женщинъ, въ которой постоянныхъ посѣтительницъ было 30, въ Тираспол㕗2 (13 мужчинъ и 25 женщинъ), Елисаветградѣ 1—122 учащихся обоего пола, остальныя 9 въ Херсонскомъ уѣздѣ.

Преимущественно для взрослаго-же населенія губерніи устраивались вечернія занятія и народныя чтенія. Въ отчетномъ 1890 году насчитывалось 68 пунктовъ, гдѣ происходили таковыя чтенія; изъ этихъ 68 пунктовъ, 50 приходилось на долю Александрійскаго уѣзда, гдѣ народныя чтенія впервые были устроены въ 1889 году и привлекали всегда массу слушателей. Возрастанію интереса къ народнымъ чтеніямъ не мало содѣйствовали туманныя картины. Изъ городовъ, народныя чтенія происходили въ Елисаветградѣ, Николаевѣ и Одессѣ.

Изъ отчета правленія Одесскаго славянскаго общества о ходѣ дѣла народныхъ чтеній въ Одессѣ узнаемъ, что въ 1890 г. на 37 народныхъ чтеніяхъ перебывало до 27 тыс. человѣкъ, на каждое чтеніе приходилось, среднимъ числомъ, болѣе 500 человѣкъ. Прогрессивное изъ года въ годъ увеличеніе числа посѣтителей указываетъ на

возрастаніе въ населеніи интереса къ народнымъ чтеніямъ. За девять лѣтъ на этихъ чтеніяхъ перебывало около 200 тыс. душъ, искавшихъ въ нихъ отвѣта на свои умственные запросы. При аудиторіи народныхъ чтеній имѣется также книжный складъ для продажи дешевыхъ народныхъ изданій; въ 1890 году оттуда было продано болѣе 100.000 экземпляровъ, а всего изъ склада продано за 5-ти-лѣтній періодъ его существованія 464.826 экземпляровъ. Есть еще при аудиторіи безплатная библіотека, выдающая книги для чтенія на дому.

Библіотеки существуютъ и при школахъ Херсонской губерніи; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ, напримѣръ, Херсонскомъ, всѣ школы снабжены библіотеками, и спросъ на книги въ нихъ такъ великъ, что библіотеки не въ состояніи удовлетворять ему.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о средствахъ содержанія училищъ Херсонской губерніи. Впереди всѣхъ вкладчиковъ на дѣло народнаго образованія въ губерніи состоятъ городскія общества, затраты которыхъ на это дѣло составляютъ 38% всѣхъ издержекъ, затѣмъ слѣдуютъ земства—25%, сельскія общества 21%, казна 8% и прочіе источники 8%. Такимъ образомъ, городскія общества даютъ на народное образованіе почти въ 5 разъ, а земства въ 3 раза больше, чѣмъ казна. Городскія общества Херсонской губ. оказываются въ ряду городскихъ обществъ Россіи, наиболѣе чуткихъ къ дѣлу народнаго образованія, такъ какъ, въ среднемъ, по Имперіи городскія общества покрываютъ лишь 17,9% расходовъ на нужды народнаго образованія.

Средняя стоимость начальнаго училища въ губерніи для уѣздовъ выражалась цыфрой 628 руб. 45 к. На одного оканчивающаго курсъ причиталось расходовъ, въ среднемъ, 126 руб., а одинъ учащійся обходился въ 8 руб. 54 коп.

Расходовалось на каждое училище на покупку книгъ и учебныхъ пособій въ селахъ (среднее)—47 руб. 38 коп., при чемъ на одного учащагося приходилось расхода на книги всего 64 коп. въ годъ! Изъ этого видно, какъ признаетъ это и сама дирекція, что начальныя училища дирекціи весьма недостаточно снабжены книгами, тогда какъ книги служатъ залогомъ упроченія грамотности въ населеніи и самое дѣло насажденія грамотности путемъ устройства школъ можетъ имѣть значеніе и достигать цѣли только при условіи возможности поддерживать пріобрѣтенныя знанія посредствомъ обращенія къ книгамъ.

В. Каменская.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новые труды, появившіеся на русскомъ языкѣ по вопросу о физическомъ образованіи въ школѣ *).

1) **Ф. Лагранжъ**, Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей, переводъ д-ра Е. М. Дементьева. Москва. 1890 г. 2) **П. Ивановъ**, Теоретическія основанія тѣлесныхъ упражненій. Спб. 1891 г. 3) **А. Д. Бутовскій**, полковникъ, Наставленіе для производства гимнастическихъ упражненій въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1890 г.

Вопросъ о физическомъ развитіи ребенка всюду очень занимаетъ воспитателей, но съ нимъ, очевидно, не такъ-то легко справиться, въ особенности, если идти къ разрѣшенію его путемъ эмпирическимъ, основываясь лишь на однихъ наблюденіяхъ надъ ребенкомъ и ограничиваясь опытомъ, накопленнымъ только такимъ путемъ. Въ этомъ вопросѣ двѣ стороны, которыя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не раздѣлялись другъ отъ друга: во-первыхъ, этотъ вопросъ можно разбирать съ точки зрѣнія санитарной, т.-е. выяснять вліяніе и значеніе физическихъ занятій для здоровья ребенка, во-вторыхъ, разсматривать вопросъ съ педагогической его стороны, т.-е. выяснять значеніе этихъ

*) Одному изъ поименованныхъ здѣсь трудовъ, а именно сочиненію Лагранжа о «гигіенѣ физическихъ упражненій», на страницахъ «Русской Школы» уже была посвящена особая статья д-ра Гориневскаго («Рус. Шк.» 1891 г. № 4 апрѣль). Тѣмъ не менѣе, однакожъ, редакція съ удовольствіемъ помѣщаетъ настоящую статью нашего извѣстнаго ученаго, въ которой, въ связи съ другими сочиненіями по физическому воспитанію, разсматривается также и названное сочиненіе Лагранжа, такъ какъ, главнымъ образомъ, именно оно подало автору поводъ поставить на видъ вопросъ относительно надлежащаго разграниченія сферы вліянія и дѣятельности въ области воспитанія между врачами-гигіенистами и педагогами. *Ред.*

занятій при примѣненіи ихъ съ образовательною цѣлью. Эти двѣ стороны необходимо различать, потому что здѣсь различны какъ цѣли, такъ и способы къ ихъ достиженію. Конечно, тутъ найдется также много и общихъ точекъ соприкосновенія, но все-же по существу своему эти двѣ стороны рѣзко отличаются одна отъ другой, и на это нельзя не обратить вниманія. Въ послѣднее время врачи взялись руководить физическими упражненіями, но не въ семьѣ и не въ случаяхъ ненормальныхъ или болѣзненныхъ, а въ школѣ, гдѣ господствующее значеніе должны имѣть цѣли педагогическія. Понятно, что врачи могли говорить тутъ только съ точки зрѣнія санитарной, гигіенической, оставаясь, все-таки, чуждыми педагогическимъ задачамъ. Сохранять здоровье и предупреждать заболѣваніе ребенка, безъ сомнѣнія, задача важная, требующая возможно большаго вниманія къ росту и развитію молодого организма. Но этою задачею не охватывается еще все, относящееся къ ребенку; такъ, ему необходимо еще образованіе, дабы онъ изъ животнаго и эгоистическо-тѣлеснаго своего состоянія возвысился до человѣческаго образа, что и достигается именно *только* образованіемъ. Врачи *не изучаютъ значенія* физическаго развитія—они прямо берутся руководить физическими упражненіями, предполагая, что вполнѣ компетентны устанавливать это дѣло даже въ школѣ и наблюдать за нимъ. Все это указываетъ только на излишнюю самоувѣреность врачей, съ одной стороны, и на несостоятельность педаговъ при выясненіи и установкѣ дѣла физическаго образованія въ школѣ — съ другой. Врачи основываются, въ лучшемъ случаѣ, на изучаемыхъ ими физіологическихъ данныхъ; педагоги-же, предполагая, что для нихъ обязательно воздѣйствіе только на умственное развитіе учащихся, ограничиваются, опять-же въ лучшемъ случаѣ, только психологическими основаніями, добытыми описательнымъ путемъ, совершенно упуская изъ виду, а часто даже и не подозрѣвая объ истинной связи, существующей между тѣлесными (физическими) и душевными (умственными и нравственными) проявленіями человѣка. Въ результатѣ получаются тѣ крупные недостатки, которыми изобилуетъ наша школа и отъ которыхъ дѣйствительно страдаетъ молодое поколѣніе. Такимъ образомъ, очевидно, что при рѣшеніи вопросовъ, касающихся воспитанія, послѣдніе отнюдь не слѣдуетъ разсматривать исключительно съ какой-либо лишь одной стороны—физіологической или психологической, но необходимо принимать во вниманіе цѣлостность и общность жизненныхъ проявленій, т.-е. непремѣнно должно опираться на знаніе какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ проявленій человѣка. Врачъ—не педагогъ, точно такъ-же, какъ и пе-

дагогъ не въ состояніи замѣнить врача; у нихъ только общій объектъ изученія—человѣкъ. Но какъ образованный врачъ не можетъ ограничиваться пониманіемъ однихъ только физіологическихъ проявленій человѣка, такъ и дѣйствительно образованный педагогъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ ограничиваться однимъ знакомствомъ съ эмпирической психологіей; ему необходимо имѣть въ виду и, на сколько возможно, выяснить себѣ какъ физическія, такъ и психическія проявленія и понять связь между физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ учащагося. Такимъ образомъ, исходя изъ изученія человѣка, какъ изъ общаго основанія, спеціальности врача и педагога, однакожъ, очень рѣзко отличаются другъ отъ друга: первый пріучается предупреждать болѣзни и содѣйствовать возстановленію уже болѣзненно измѣненнаго организма; второй занятъ исключительно послѣдовательнымъ образованіемъ подростающаго поколѣнія, содѣйствуя сознательному отношенію къ личности человѣка, ограниченію произвола въ его разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ и возвышенію его производительности въ сферѣ какъ умственныхъ, такъ и физическихъ его проявленій. Больница и школа—учрежденія, разнящіяся одно отъ другого своими задачами и методами, поэтому и въ теоретической и въ практической ихъ дѣятельности у тѣхъ и другихъ дѣятелей имѣются свои оттѣнки.

Обращаясь отъ этихъ общихъ разсужденій первоначально къ книгѣ Ф. Лагранжа, мы должны прежде всего признать, что онъ дѣйствительно совершенно вѣрно назвалъ ее «Гигіеною физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей». Она представляетъ собою разборъ значенія физическихъ упражненій съ санитарной и гигіенической точекъ зрѣнія, написанный врачемъ. «Чтобы гимнастика ребенка,—говорится въ этой книгѣ (стр. 251),—согласовалась съ требованіями гигіены, она должна отвѣчать требованіямъ нравственнаго и физическаго свойства .Она должна быть увеселительная; она должна дѣлаться на открытомъ воздухѣ; она должна, наконецъ, въ значительной степени усиливать дѣятельность дыханія. Таковы требованія положительныя. Но есть и другія, которыя можно назвать отрицательными; гимнастика ребенка должна избѣгать всѣхъ упражненій, способныхъ препятствовать его росту или вредить правильности его формы». Въ этомъ положеніи заключаются главныя требованія Лагранжа, на выполненіи которыхъ онъ наиболѣе настаиваетъ.

При этомъ онъ совершенно справедливо замѣчаетъ (стр. 228), что: «не всѣ вопросы, возбуждаемые примѣненіемъ гигіены, находятся въ компетенціи гигіениста; она не можетъ вмѣшиваться, напримѣръ,

въ обсужденіе вопросовъ бюджета, еще менѣе она можетъ вмѣшиваться въ обсужденія чисто педагогическія. Но если врачъ не можетъ имѣть притязаній на разрѣшеніе задачи, то онъ именно долженъ ясно поставить положенія. Онъ долженъ указать цѣль—другіе найти средства ея достиженія». Въ приведенныхъ выпискахъ очень точно высказаны направленіе и цѣли автора: онъ желаетъ выяснить тѣ гигіеническія условія, на которыя слѣдуетъ обращать вниманіе при физическомъ воспитаніи. Болѣе всего Лагранжъ желаетъ усиленія дыхательной дѣятельности и путемъ естественныхъ легкихъ упражненій доставить ребенку развлеченіе отъ чрезмѣрныхъ умственныхъ занятій и такимъ образомъ придать ему больше бодрости, возвысить его духъ. Затѣмъ, особенное значеніе онъ придаетъ бѣгу, полагая, что это упражненіе по преимуществу естественное: «бѣгунъ, говоритъ онъ (стр. 10), особенно стремится найти такой способъ, который далъ-бы ему возможность достигнуть цѣли наивозможно быстрѣе съ возможно меньшей затратой силъ. Въ этомъ цѣль всѣхъ естественныхъ способовъ». Кромѣ бѣга, Лагранжъ признаетъ еще игры. По его мнѣнію (стр. 24), «игры составляютъ видъ гимнастики, наиболѣе пригодный къ потребностямъ школьной жизни. Онѣ примѣнимы къ физическимъ способностямъ дѣтей настолько-же хорошо, какъ и къ нравственнымъ ихъ потребностямъ. Онѣ и гигіеничны и вмѣстѣ съ тѣмъ—средства развлеченія». Вообще онъ всѣ физическія упражненія раздѣляетъ: на *естественныя* и *легкія* и на *искусственныя* и *трудныя*. Къ естественнымъ упражненіямъ Лагранжъ причисляетъ: ходьбу, бѣгъ, плаваніе, игры на открытомъ воздухѣ, тогда какъ гимнастику на аппаратахъ и фехтованіе онъ считаетъ за искусственныя, трудныя. «Боксъ и гребня составляютъ, по его мнѣнію, упражненія смѣшанныя, но приближающіяся скорѣе къ естественнымъ». «Всякій, говоритъ онъ (стр. 11), можетъ бѣгать, прыгать, метать мячъ, и эти движенія дѣлаются трудными только тогда, когда требуется бѣгать очень быстро, прыгать очень высоко или метать мячъ съ большою точностью». Относительно упражненій на аппаратахъ онъ приводитъ очень интересныя наблюденія, доказывающія полную несостоятельность этихъ упражненій для дѣтей и молодыхъ людей. «Эти наблюденія принадлежатъ,— говоритъ Лагранжъ (стр. 14),—одному изъ лучшихъ учителей, преданному своему дѣлу; такъ что если результаты этого маленькаго изслѣдованія не очень блестящи, то вина въ нихъ падаетъ отнюдь не на учителя, а на методъ, котораго онъ долженъ придерживаться». «Чтобы опредѣлить, сколько учениковъ было способно выполнять не съ полнымъ совершенствомъ, но правильно, гимнастическія движенія

средней силы, были выбраны упражненія, состоящія въ *поднятіи на рукахъ на неподвижныхъ брусьяхъ.* Поднятіе,—прибавляетъ Лагранжъ,— требуется на всякомъ урокѣ отъ всѣхъ учениковъ, и на него можно смотрѣть нѣкоторымъ образомъ, какъ на критерій средняго уровня силы, которой долженъ достичь ребенокъ, если уроки послужили ему въ пользу». Въ отдѣленіи изъ *ста* дѣтей, въ возрастѣ отъ одиннадцати до двѣнадцати лѣтъ, оказалось только тридцать, которыя были въ состояніи подыматься на брусьяхъ, слѣдовательно, семьдесятъ этого не могли сдѣлать. Другими словами, говоритъ г. Ланграпжъ (стр. 15), «семьдесятъ дѣтей изъ ста не стоятъ на уровнѣ тѣхъ требованій, которыя имъ ставятъ И замѣтьте, что эти дѣти, въ возрастѣ отъ одиннадцати до двѣнадцати лѣтъ, должны были пройти подготовку въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, потому что до введенія новыхъ программъ дѣти упражнялись на аппаратахъ съ *семи* лѣтъ. Относительно взрослыхъ учениковъ, въ возрастѣ отъ шестнадцати и семнадцати лѣтъ, готовыхъ къ выпуску изъ коллегіи, только девяносто могутъ подыматься на брусьяхъ, а сто десять, т.-е. болѣе половины, къ этому неспособны». Эти данныя очень поучительны и имѣютъ, кромѣ гигіеническаго значенія, еще, безъ сомнѣнія, и педагогическое, какъ это мы увидимъ ниже. Наблюденія въ Бельгіи также показали, какъ невыгодны упражненія на аппаратахъ въ школѣ. По словамъ полковника Докса, главнаго инспектора школьной гимнастики въ Бельгіи, приводимымъ г. Лагранжемъ (стр. 28), оказывается, что тамъ уничтожены почти всѣ снаряды. «Вы не увидите въ нашихъ школахъ,— говоритъ Доксъ,—ни колецъ, ни трапецій, ни неподвижныхъ брусьевъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ упражненія на аппаратахъ замѣнены играми, и съ этого времени наши дѣти стройны, сильны и веселы». То же самое оказывается въ Англіи, гдѣ аппараты замѣнены играми на площадкахъ. Слѣдовательно, опытъ англійскихъ, бельгійскихъ и французскихъ школъ показываетъ, какъ вредны, съ гигіенической точки зрѣнія, упражненія на аппаратахъ; онѣ на самомъ дѣлѣ не соотвѣтствуютъ строенію молодаго организма, и поэтому должны быть совершенно исключены изъ числа упражненій дѣтскаго и даже юношескаго возраста.

На игры Лагранжъ смотритъ прежде всего, какъ на урокъ удовольствія, «учитель,—говоритъ онъ (стр. 242),—долженъ умѣть кстати усилить привлекательность игры, возбуждая соревнованіе школьника, выискивая случаи, могущіе возбудить интересъ, или, при надобности, замѣняя неправящуюся игру другою, болѣе любимою. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ очень остерегаться подавлять выраженія удо-

вольствія, какъ-бы шумны они ни были. Если ребенокъ веселится, онъ долженъ имѣть возможность кричать. Къ тому-же, крикъ не есть лишь выраженіе радости, но это самый дѣйствительный актъ дыхательной гимнастики. Нѣкоторые педагоги, въ цѣляхъ развитія груди ребенка, рекомендуютъ начинать его уроки пѣніемъ, и это тѣ самые педагоги, которые хотятъ задушить шумный взрывъ радости! Какъ будто ихъ монотонное пѣснопѣніе можетъ быть, съ точки зрѣнія работы груди, сравниваемо съ криками, представляющими для легкихъ такое-же энергичное упражненіе, какъ прыжокъ для ногъ. Наконецъ, крикъ есть естественное средство для возбужденія, лишать котораго нашихъ дѣтей, считающихся слишкомъ холодными, слишкомъ мало пылкими въ играхъ, было-бы просто прискорбно. Никто не отрицаетъ вліянія криковъ, какъ средства къ возбужденію дѣйствія, къ возбужденію энтузіазма. Во всѣ времена всѣ первобытные народы, бросаясь на непріятеля, имѣли обычай издавать воинственные крики. Предоставимъ-же нашимъ дѣтямъ свободно издавать свои «крики игръ». Когда рекреація не шумна, можно быть увѣреннымъ, что упражненіе вяло. Движеніе, радость и шумъ—вотъ формула упражненія ребенка, не достигшаго двѣнадцати лѣтъ».

Высказанное здѣсь мнѣніе навѣрно встрѣтитъ очень много сторонниковъ, между тѣмъ какъ, даже оставляя совершенно въ сторонѣ требованія педагогическія, съ нимъ нельзя согласиться и съ гигіенической точки зрѣнія. Крикъ является у дѣтей подъ вліяніемъ возбужденія, или-же какъ явленіе повторительное (имитаціонное); его нельзя сравнивать съ какимъ-либо правильнымъ, цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, какъ, напр., прыжокъ; напротивъ, это—отраженное (рефлекторное) явленіе, которое наблюдается при всякомъ возбужденіи, неожиданно дѣйствующемъ на ребенка, и при болѣе продолжительномъ вліяніи на него суммированнаго возбудителя, вслѣдствіе взаимодѣйствія нѣсколькихъ дѣтей, причемъ крикомъ заявитъ о себѣ скорѣе ребенокъ живаго темперамента, остальные-же будутъ только слѣдовать за нимъ. Степень крика будетъ указывать лишь на степень возбужденія ребенка, на его темпераментъ и на его привычку стадно повторять дѣйствія окружающихъ. Крикъ, какъ очень рѣзкое и произвольное дѣйствіе, связанъ обыкновенно съ сильнымъ напряженіемъ тѣхъ мышечныхъ группъ, которыя участвуютъ въ его проявленіи, и можетъ только вызвать измѣненіе въ органѣ рѣчи и въ такомъ нѣжномъ органѣ, какъ органъ слуха. Даже пѣніе съ напряженіемъ или крикливое портитъ голосъ, разрушаетъ слухъ и поэтому никогда не можетъ быть выгоднымъ для ребенка. Развитіе правильной рѣчи, а

также такого важнаго и существеннаго для человѣка органа, какъ органъ слуха, возможно только при постепенномъ и послѣдовательномъ возбужденіи ихъ дѣятельности; всякія рѣзкія и грубыя дѣйствія легко доводятъ эти органы до предѣла ихъ дѣятельности и этимъ нарушаютъ правильность ихъ строенія: хрящи органа рѣчи въ такомъ случаѣ раньше окостенѣваютъ, ткани становятся болѣе плотными, теряютъ свою упругость; въ слуховомъ аппаратѣ можетъ нарушаться цѣлость тѣхъ хрупкихъ, нѣжныхъ и тонкихъ частей, изъ которыхъ онъ состоитъ. Эти органы, отличающіеся большою тонкостью и изяществомъ своей постройки, только при правильномъ развитіи допускаютъ очень тщательное разъединеніе (дифференцировку) производимыхъ ими дѣйствій или воспринимаемыхъ ими раздраженій, но легко теряютъ эту способность при грубыхъ и рѣзкихъ дѣйствіяхъ. Крикъ можно сравнивать не съ прыжкомъ, а только съ тѣмъ ломаніемъ и угловатыми отраженными дѣйствіями, которыя наблюдаются у ребенка, не владѣющаго собой и подвергающагося непривычнымъ или неожиданнымъ возбужденіямъ. У малыхъ и слабыхъ дѣтей крикъ можетъ содѣйствовать появленію грыжъ, охриплости, страданія легкихъ (эмфизема), глухоты и тому подобныхъ явленій, не говоря уже о вялости и апатіи, слѣдующихъ за непосильнымъ напряженіемъ.

Точно также нельзя согласиться съ авторомъ, когда онъ полагаетъ (стр. 219), что должно считать скорѣе преимуществомъ игры, нежели ея недостаткомъ, различныя столкновенія, свалки, сумятицу, вынуждающія дѣтей толкаться, опрокидывать другъ друга и при этомъ награждать другъ друга всевозможными тумаками. Ни съ физіологической, ни съ психической точки зрѣнія нельзя согласиться съ авторомъ, увѣряющимъ (стр. 222), что «у ребенка воспитаніе мужества прежде всего требуетъ ослабленія чувствительности. И для притупленія чувствительныхъ нервовъ не слѣдуетъ бояться позволять дѣтямъ играть сообразно своему инстинкту, толкающему ихъ немножко подраться». «Если ребенокъ,—говоритъ дальше авторъ (стр. 223), — слишкомъ заботливо охранялся отъ всѣхъ сколько-нибудь грубыхъ матеріальныхъ прикосновеній, онъ на всю жизнь сохранитъ чрезмѣрную впечатлительность, которая можетъ стать непреодолимымъ препятствіемъ извѣстныхъ мужественныхъ качествъ». Отстранять ребенка отъ работъ, при которыхъ онъ можетъ ушибиться, даже поранить себя, — нельзя; онъ долженъ пріучаться къ активной дѣятельности, ибо безъ работы онъ не проживетъ. Но вѣдь необходимо допускать ребенка лишь къ посильной работѣ и къ постепенно осложняющейся, какъ относительно примѣняемыхъ снарядовъ

и инструментовъ, такъ и относительно преодолѣваемыхъ имъ при этомъ препятствій: допускать-же, въ видахъ развитія мужества, драки и свалки въ играхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ—ни съ точки зрѣнія санитарной или гигіенической, ни со стороны психологической. При дракахъ и свалкахъ силы дѣтей могутъ проявляться въ нанесеніи молодому организму такихъ толчковъ, которые послужатъ причиною даже серьезнаго заболѣванія, искалѣченія и изуродованія тѣла ребенка. Драки и свалки составляютъ такія-же отраженныя (рефлекторныя) и повторительныя (имитаціонныя) дѣйствія, какъ и крики, зависящія также отъ темперамента ребенка и неумѣнья владѣть собой. Пониженіе-же чувствительности и впечатлительности ребенка очень невыгодно и нежелательно, ибо чувствительность есть одно изъ кардинальныхъ проявленій жизни и съ пониженіемъ ея понижается и самая жизнь и дѣятельность ребенка, такъ какъ чувствительность есть способность живой ткани воспринимать вліяющія на нее возбужденія и раздраженія. То-же самое приходится утверждать и относительно впечатлительности или вліянія раздраженія или возбужденія на наше сознаніе. Развѣ возможно образованіе безъ впечатлительности? Насколько понижена впечатлительность, настолько-же уменьшена у ребенка и способность его къ образованію. Занятія или упражненія, влекущія за собою такія послѣдствія, понятно, не могутъ быть допущены. Пониженіе чувствительности и впечатлительности должно привести къ апатіи, а никакъ не къ мужеству,—качеству, связанному съ возвышеніемъ энергіи въ своихъ проявленіяхъ, а не съ пониженіемъ способности ребенка къ работѣ и дѣятельности. Пѣснопѣніе не должно быть непремѣнно монотоннымъ; напротивъ того, оно можетъ быть оживленнымъ и непремѣнно, при правильномъ преподаваніи, будетъ благопріятно вліять на развитіе дыхательныхъ органовъ молодаго человѣка. Примѣръ первобытныхъ народовъ наврядъ-ли имѣетъ какое-либо значеніе, онъ можетъ послужить примѣромъ развѣ только въ противоположномъ смыслѣ.

Совершенно непонятно и несогласно съ санитарными и гигіеническими требованіями мнѣніе г. Лагранжа о физическомъ развитіи женщинъ. По его мнѣнію (стр. 124), «танцы, прыганье черезъ веревочку, игры и прогулки на чистомъ воздухѣ — вотъ вся гимнастика женщинъ, не считая нѣкоторыхъ спеціальныхъ показаній» и т. д.

Спеціальныя эти показанія касаются положенія спины и появляющихся здѣсь искривленій, которыя особенно часто встрѣчаются у дѣвочекъ. Предполагая (стр. 117), что «женщина не создана для работы и усилій», г. Лагранжъ считаетъ, что изъ особенностей

строенія женскаго организма вытекаетъ первое показаніе къ примѣненію упражненій, а именно то, что не должно стараться развивать мышцы у женщины, точно такъ же какъ не слѣдуетъ заботиться объ увеличеніи объема ихъ у ребенка; оба они неспособны къ атлетической гимнастикѣ». «Активная дѣятельность,—полагаетъ Лагранжъ,—не есть назначеніе женщины въ жизни; ей предстоятъ сидячія занятія, въ которыхъ мышечная сила совсѣмъ не найдетъ себѣ примѣненія». Это—вполнѣ субъективное мнѣніе автора, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя оправдать ни особенностью строенія женскаго организма, ни со стороны санитарныхъ требованій. Какъ со стороны строенія организма, такъ и съ гигіенической точки зрѣнія при развитіи тѣла требуется возможно большее соотношеніе въ дѣятельности всѣхъ его частей; всякое нарушеніе въ соотношеніи (гармоніи), въ свою очередь, непремѣнно нарушаетъ правильность въ развитіи и степень производительности организма. Болѣзнь есть нарушеніе соотношеній въ дѣятельности различныхъ частей организма, а сильное нарушеніе этого соотношенія приводитъ къ смерти. Наврядъ-ли можно придать какое-либо значеніе доказательствамъ въ родѣ того, что (стр. 117): «изслѣдователи дикихъ странъ рисуютъ намъ весьма мрачными красками женщину, которая «трудится» на самыхъ тяжелыхъ работахъ: она не только быстро теряетъ всю свою свѣжесть и грацію, но и округлость формъ и крѣпость своего тѣлосложенія. Во Франціи, во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ женщина занимается тяжелыми земледѣльческими работами, она очень скоро увядаетъ и преждевременно старѣется. Состояніе «вьючнаго животнаго» для женщины есть не только нравственное униженіе, но и разрушеніе ея здоровья». Состояніе женщины дикихъ странъ, обремененной самыми тяжелыми работами, состояніе «вьючнаго животнаго» для женщины—все это крайнія проявленія, которыя не отрицаютъ необходимости соотвѣтственнаго развитія у каждаго человѣческаго существа всѣхъ активныхъ его органовъ, къ которымъ принадлежитъ и мышечная система, составляющая около 45% всего вѣса человѣка. Изслѣдованія показываютъ, что у новорожденнаго эта система относительно очень мало развита и составляетъ около 20—22% вѣса всего тѣла, а коэффиціентъ роста этой системы очень великъ (32,8) сравнительно съ коэффиціентомъ роста всего тѣла (20), развивается-же эта система, какъ извѣстно, только при постепенно и послѣдовательно увеличивающихся упражненіяхъ. Предполагать, что Лагранжъ приходитъ къ высказанному имъ мнѣнію, руководствуясь эстетическими основаніями, наврядъ-ли будетъ вѣрно, ибо онъ спрашиваетъ (стр. 119): «не ука-

*

зываетъ-ли намъ анатомія и эстетика на широкія бедра и широкій тазъ, какъ на идеалъ женскихъ формъ?» Далѣе онъ говоритъ: «даже внѣ беременности матка, составляющая всю женщину, боится толчковъ и сотрясеній» и т. д. Такой цинизмъ никакъ не вяжется съ эстетическими основаніями. Толчки и сотрясенія, о которыхъ упоминаетъ здѣсь авторъ, всего сильнѣе вліяютъ на всѣ растительные органы (на внутренности), а также и на плодохранилище, именно при слабомъ развитіи мышечнаго аппарата, когда онъ недостаточно плотно удерживаетъ ихъ въ надлежащемъ положеніи. Всѣ такъ называемые подвижные органы, «гистерическіе припадки» и вообще многія изъ нервныхъ страданій зависятъ большею частью отъ недостаточнаго развитія мышечныхъ аппаратовъ. Актъ родовъ требуетъ большаго мышечнаго напряженія, въ немъ участвуетъ почти вся мышечная система тѣла, и онъ протекаетъ тѣмъ неблагопріятнѣе, чѣмъ слабѣе развиты мышцы. При воспитаніи въ Англіи не страшатся примѣра «дикихъ странъ», т. е. много занимаются физическимъ развитіемъ женщинъ: онѣ бѣгаютъ, прыгаютъ, ѣздятъ верхомъ, занимаются греблей, метаніемъ, не опасаются физической работы, и этимъ только возвышаются ихъ производительность и здоровье. Самъ авторъ приводитъ (стр. 116) примѣръ, что кобыла относительно способности къ работѣ, требующей быстроты и силы, не представляетъ значительнаго отличія отъ жеребца, и что вообще у животныхъ разница въ силѣ и способности къ работѣ между самцомъ и самкой ничтожна, а между тѣмъ совершенно произвольно полагаетъ, что не должно стараться развивать мышцы у женщинъ. «На каждомъ шагу,—говоритъ Лагранжъ (стр. 125),—мы видимъ, что искривленія у ребенка исправляются гимнастикой, вовсе не заставляющей работать непосредственно тѣ мышцы, которыя слѣдовало укрѣпить. И это объясняется общимъ дѣйствіемъ упражненія, охватывающаго всѣ мышцы, не исключая и тѣхъ, которыя не принимаютъ участія въ работѣ». «Если упражненіе улучшаетъ организмъ, то именно тѣмъ, что вызываетъ усиленіе дыханія». Оказывается (стр. 125—126), что главный дѣятель въ гимнастикѣ есть легкія, ибо онѣ доставляютъ мышцамъ необходимый имъ возбудитель, въ видѣ кислорода. Какъ-же не хлопотать о развитіи мышцъ у женщинъ, если только при посредствѣ ихъ и добывается такой возбудитель, какъ кислородъ?

Всѣ эти несообразности происходятъ отъ того, что въ книгѣ Лагранжа недостаточно выяснено значеніе упражненій, а также общее вліяніе дѣятельности мышечной системы на организмъ. Лагранжъ полагаетъ (стр. 51), что «здоровье есть результатъ, въ которомъ

мышечная сила только одна изъ производныхъ и притомъ далеко не изъ важныхъ». Энергія тканей, несомнѣнно, прямо зависитъ отъ дѣятельности активныхъ органовъ, между которыми мышцы являются преобладающими по своему вѣсу и объему; если тѣлосложеніе слабо и мало улучшено упражненіями, то причину этого надо искать въ томъ большомъ вліяніи на ребенка, которое имѣютъ первые годы его жизни, а также активныя проявленія производителей и энергія тканей ихъ. Активная дѣятельность и ея развитіе вездѣ связаны только съ упражненіемъ и имъ обусловливается. Въ одномъ мѣстѣ Лагранжъ говоритъ (стр. 95): «Требовать отъ упражненія возможности измѣнить основныя пропорціи тѣла было-бы мечтой. Упражненіе не имѣетъ никакого вліянія на общія очертанія тѣла, но на гармонію его пропорцій: это качества прирожденныя, зависящія, главнымъ образомъ, отъ расы и семейства, качества которыхъ упражненіе дать не въ состояніи». Черезъ нѣсколько строкъ, однакожъ, тотъ-же авторъ утверждаетъ (стр. 96): «Рабочій, однако, носитъ на себѣ печать профессіи, но измѣненія, которыя производитъ работа во внѣшнемъ его видѣ, всегда противоположны эстетическому виду, онѣ всегда «уродства», нарушеніе гармоніи первоначальнаго типа. Упражненіе можетъ измѣнить первоначальный типъ индивида не больше, чѣмъ профессія, и т. д.». Дальше Лагранжъ полагаетъ (стр. 97): «Упражненіе, примѣненное съ эстетическою цѣлью, не можетъ имѣть иного положительнаго дѣйствія, какъ измѣненіе мягкихъ тканей, массу которыхъ оно приводитъ въ болѣе уравновѣшенныя отношенія путемъ-ли увеличенія объема мышцъ, или путемъ уменьшеннаго количества жира. Всѣ эти измѣненія объема непремѣнно связаны съ измѣненіемъ общихъ очертаній тѣла, а также съ измѣненіемъ гармоніи его пропорціи, но только тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ раньше части упражнялись». Еще раньше (стр. 12) Лагранжъ говоритъ относительно упражненій на аппаратахъ, что «они дѣлаютъ человѣка болѣе сильнымъ и болѣе ловкимъ, чѣмъ онъ могъ-бы быть по своей природѣ. Это методы усовершенствованія. Они наиболѣе способны выработывать, такъ сказать, отборныхъ людей. Мы можемъ указать, какъ на примѣръ результатовъ этихъ методовъ, на прекрасныхъ молодыхъ людей, выходящихъ изъ нашей гимнастической Жуанвильской школы, людей, несомнѣнно отборныхъ по силѣ, ловкости, подвижности—по всѣмъ тѣмъ качествамъ, которыя можно назвать атлетическими». Все приведенное указываетъ, какъ уже сказано, на недостаточное выясненіе значенія дѣятельности мышечной системы въ живомъ организмѣ, а также и значенія упражненій. Самъ Лагранжъ приводитъ слѣдующее наблю-

деніе (стр. 4): «Если заключить ногу человѣка въ аппаратъ, лишающій ее движеній, то при снятіи его черезъ четыре недѣли въ органѣ, бывшемъ въ неподвижности, оказались-бы слѣдующія рѣзкія измѣненія: объемъ его будетъ меньше, мышцы вялыми, кожа дряблою, сочлененія мало-подвижны». Наблюденія надъ дѣтьми съ такъ-называемыми дѣтскими параличами показываютъ, что на больной сторонѣ, гдѣ дѣятельность мышцъ понижена, нога, не переставая совсѣмъ расти, укорачивается въ сравненіи со здоровой на 10 — 12 и болѣе центиметровъ. Вслѣдствіе пониженія дѣятельности активнаго органа (и именно мышцъ) всѣ остальныя части и въ особенности части опоры и основы останавливаются въ своемъ развитіи и своими размѣрами могутъ рѣзко отличаться отъ упражняющихся органовъ, постепенно усиливающихъ свою работу. Опыты надъ животными, наблюденія надъ человѣкомъ вполнѣ подтверждаютъ все это, такъ что, разбирая основные вопросы физическихъ занятій, мы должны признать мнѣнія Лагранжа субъективными и недостаточно послѣдовательными.

Такимъ образомъ, въ качествѣ «гигіены физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей», трудъ Лагранжа имѣетъ, безъ сомнѣнія, серьезное значеніе, ибо этотъ вопросъ еще очень мало и недостаточно изученъ и провѣренъ врачами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сочиненіе это имѣетъ и свои серьезные недостатки, на которые нельзя не обратить вниманія. Для школы многія указанія автора, безъ сомнѣнія, цѣнны, въ особенности его взглядъ на гимнастическіе аппараты и ихъ примѣненіе при упражненіи дѣтей и молодыхъ людей, а также его требованія возможно большаго упрощенія примѣняемыхъ упражненій и ихъ физіологической оцѣнки. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, «гигіена» Лагранжа не имѣетъ отношенія къ рѣшенію вопроса о физическомъ образованіи въ школахъ. Самъ авторъ совершенно справедливо отдѣляетъ гигіеническій разборъ вопроса отъ педагогическаго, но, заявляя себя некомпетентнымъ относительно послѣдняго, онъ все-таки часто касается его, высказывая, напримѣръ, свое сочувствіе примѣненію метода соревнованія въ школѣ, высказывая также предположеніе, что мышечная работа должна быть въ обратномъ отношеніи къ работѣ мозга, касаясь, далѣе, школьной дисциплины и даже методовъ занятія физическимъ развитіемъ въ школѣ. Но всѣ эти и имъ подобныя замѣчанія не имѣютъ серьезнаго значенія, они вполнѣ субъективны или являются выраженіемъ господствующихъ шаблонныхъ положеній, не провѣренныхъ и не обоснованныхъ изслѣдованіями и серьезнымъ изученіемъ вопроса.

О книгѣ Лагранжа много говорилось въ нашей литературѣ; предполагали, что именно въ ней даны тѣ рецепты, въ которыхъ такъ

всѣ нуждаются для замазыванія недостатковъ и недуговъ, существующихъ въ нашихъ школахъ и теперь почти всѣми признанныхъ и чувствуемыхъ. Молодые люди, оканчивая свое общее образованіе, признаются зрѣлыми, но эта зрѣлость не яркая и не сочная, отъ нея не дышетъ жизнью; напротивъ того, вялость, апатія, полная неудовлетворенность и разочарованность, полная неподготовленность къ жизни и неумѣнье справляться съ жизненными вопросами — вотъ характерныя черты «зрѣлаго» молодаго человѣка въ настоящее время. Память его несоразмѣрно развита, отвлеченное-же мышленіе его развито очень слабо; у него нѣтъ ясныхъ представленій; къ провѣркѣ своихъ мыслей онъ совершенно не привыкъ; точно также ему чужда, по его собственной неумѣлости, всякая физическая дѣятельность, и онъ старается понизить въ своихъ глазахъ значеніе физическаго труда; самыя незначительныя препятствія его затрудняютъ, онъ не въ состояніи съ ними справиться, и поэтому стремится ихъ обойти; большое самомнѣніе въ немъ уживается съ преклоненіемъ передъ авторитетомъ книги. Всѣ эти явленія легко себѣ выяснить односторонностью занятій въ современной школѣ, въ которой все направлено, главнымъ образомъ, на развитіе памяти и на книжное знаніе. Между тѣмъ истинное образованіе человѣка основано на его впечатлительности и ясности представленій или воспріятій. Впечатлительность лица находится въ прямой зависимости отъ способности его къ работѣ, отъ энергіи его тканей; она сохраняется только при полномъ соотвѣтствіи между тратою и возстановленіемъ, происходящемъ при дѣятельности умственныхъ его о́рганов и при постепенно и послѣдовательно усиливающемся раздражителѣ, возвышающемъ эту способность къ работѣ. Однообразіе и односторонность въ дѣятельности непремѣнно утомляютъ человѣка, точно такъ-же утомляетъ и всякое рѣзкое вліяніе раздражителя, въ какомъ-бы видѣ оно ни проявилось; является апатія, вялость и скука, а затѣмъ погоня за перемѣною впечатлѣній. Подъ представленіемъ разумѣется явившійся въ сознаніи человѣка образъ предмета. Ясность представленія или воспріятія находится въ прямой зависимости отъ усвоенія предмета сознаніемъ, при реальномъ знакомствѣ съ послѣднимъ. Если-же усвоеніе происходитъ только по слову, безъ провѣрки и наблюденія предмета, такъ сказать, субъективно, т.-е. когда предметъ представленія для даннаго лица мнимый, то это будетъ только представленіемъ воображенія или фантазіи. Но мнимое представленіе не можетъ служить основаніемъ для вырабатываемыхъ лицомъ общихъ положеній, о́бразовъ, а также ясныхъ понятій, и не будетъ содѣйствовать творческому видоизмѣненію своихъ дѣйствій,

которое возможно только при выработанныхъ ясныхъ понятіяхъ. Всѣ понятія о количественныхъ и пространственныхъ отношеніяхъ слагаются у ребенка только послѣ реальной провѣрки представленія о количественной единицѣ и пространственномъ протяженіи. Наблюденія показали, что слѣпой отъ рожденія не имѣетъ яснаго представленія о пространственныхъ отношеніяхъ, что подтверждается въ случаяхъ возстановленія ихъ зрѣнія въ болѣе зрѣломъ возрастѣ; онъ не въ состояніи опредѣлить свои отношенія къ окружающимъ предметамъ, не можетъ отличить по величинѣ апельсина отъ головы человѣка и впервые видитъ сны. Несмотря на знаніе математическихъ формулъ и геометрическихъ формъ, молодые люди часто совершенно не умѣютъ примѣнять ихъ при выясненіи количественныхъ отношеній, а также не въ состояніи справляться съ работами надъ геометрическими формами, а равно и съ ихъ анализомъ, что достигается обыкновенно только при достаточномъ наличномъ матеріалѣ ясныхъ реальныхъ представленій. Все книжно-изученное и безъ провѣрки усвоенное можетъ быть только повторяемо (имитировано) и ни въ какомъ случаѣ не будетъ содѣйствовать самостоятельному видоизмѣненію воспринятаго или проявленію творчества. Развитіе самостоятельности у человѣка, проявляемой его характеромъ, находится въ прямой зависимости отъ степени развитія у него отвлеченнаго мышленія, отъ выработанныхъ имъ самимъ общихъ образовъ и общихъ понятій, ибо, только руководясь общимъ взглядомъ, онъ можетъ видоизмѣнить свои размышленія и дѣйствія, между тѣмъ какъ все частное или воспринятое памятью можетъ быть проявляемо лишь въ такомъ-же видѣ, какъ получено, развѣ только еще съ меньшею точностью и съ меньшею опредѣленностью, что, понятно, будетъ зависѣть отъ степени впечатлительности лица. Значеніе всего сказаннаго рѣзко выступаетъ при наблюденіи замѣчательно сильно проявляющейся типичности дѣтскаго возраста, гдѣ данный типъ ребенка, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ всѣ условія, при которыхъ онъ росъ и развивался, особенно относительно разсужденій и дѣйствій окружавшихъ его лицъ. Этимъ и опредѣляется прямая задача общаго образованія:—содѣйствовать развитію общихъ способовъ и пріемовъ размышленія и дѣйствія, а также умѣнья составлять, на основаніи ясно усвоенныхъ представленій, общія идеи и истины. Истины, какъ положенія, труднѣе всего вырабатываемыя, должны поэтому оставлять самый сильный слѣдъ и обращаться уже въ тормазъ всѣхъ остальныхъ, менѣе трудныхъ и менѣе распредѣленныхъ по времени положеній и дѣйствій, должны явиться условіемъ уже нравственныхъ проявленій человѣка. Изъ этого прямо слѣдуетъ, что физическое,

умственное и нравственное образованіе находятся въ такой тѣсной и неразрывной связи между собой, что заниматься однимъ, оставляя безъ вниманія другое, совершенно невозможно. Результатомъ общаго образованія должна быть, поэтому, *непремѣнно* ясность мысли, умѣнье сознательно дѣйствовать и проявлять себя, умѣнье владѣть собой, ограничивать произволъ своихъ дѣйствій и выяснять значеніе личности.

Такимъ образомъ, основаніемъ для всей этой умственной и физической работы долженъ явиться матеріалъ, накопленный при посредствѣ чутко сохраняемой впечатлительности, въ видѣ ясныхъ представленій. Но ясныя представленія составляются только при развитіи путей, посредствомъ которыхъ внѣшній міръ дѣйствуетъ на ребенка, возбуждая, въ свою очередь, и его къ дѣятельности; чѣмъ точнѣе онъ пріучается отдавать себѣ отчетъ объ этомъ вліяніи и чѣмъ больше онъ будетъ понимать различіе этого вліянія, тѣмъ яснѣе и вѣрнѣе будутъ его сужденія и дѣйствія. Пути-же эти образуются органами высшихъ чувствъ и ихъ взаимодѣйствіемъ съ органами движеній. Ощущенія, связанныя съ дѣятельностію всѣхъ этихъ органовъ, и являются главнымъ условіемъ ясныхъ представленій: незнакомство съ ними и неумѣніе различать ихъ силу и качество не допускаютъ появленія у ребенка ясныхъ представленій и всего, съ ними связаннаго. Задача физическаго образованія только и состоитъ въ развитіи этихъ путей и въ знакомствѣ ребенка съ различными ощущеніями, связанными съ его дѣятельностью; безъ серьезнаго, систематическаго образованія такое знакомство, составляющее общее образованіе человѣка, не получается. Какъ всякое ремесло и всякое художество требуютъ при своемъ изученіи упражненія, при чемъ занимающійся знакомится съ соотвѣтствующими данной работѣ ощущеніями, такъ то-же самое требуется и при умственномъ образованіи, для провѣрокъ получаемыхъ впечатлѣній и для ясности нашихъ представленій. Усвоеніе пріемовъ дѣятельности во всѣхъ подобныхъ случаяхъ можетъ быть двоякимъ: во-первыхъ, могутъ усваиваться частные пріемы производимой работы, посредствомъ повторенія (имитаціи) показаннаго, или, во-вторыхъ, требуемыя дѣйствія постепенно и послѣдовательно выясняются, въ видѣ общихъ пріемовъ, встрѣчающихся при производствѣ самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Можно, напримѣръ, 1) изучать столярное искусство по приготовляемымъ моделямъ различныхъ ложекъ, ручекъ для пера, скамеекъ и станковъ для ручной пилы, и т. д., при чемъ занимающемуся постоянно показываютъ, что дѣлать и какъ дѣлать; этотъ способъ можно сравнить съ изученіемъ различныхъ пріемовъ приличія по показанному при-

мѣру, или писанія поздравительныхъ и родственныхъ писемъ по сборникамъ таковыхъ, или изученіемъ выражать свои чувствованія имитаціонными характерными движеніями и позами; во всѣхъ такихъ случаяхъ общаго образованія нѣтъ,—это будетъ лишь самый грубый практическій способъ, требующій всего болѣе времени и никогда не пріучающій дѣйствовать самостоятельно, смотря по условіямъ жизни, въ которыхъ человѣкъ находится; этимъ способомъ мастеромъ не сдѣлаешься, а пріучишься только исполнять показанное и указанное; 2) можно изученіе столярнаго дѣла начать съ общихъ пріемовъ, научиться измѣрять, стругать, пилить прямолинейно, криволинейно, сверлить дыры, соединять доски шпунтами и т. д., т. е. пріучиться ко всѣмъ общимъ пріемамъ даннаго дѣла, чтобы потомъ примѣнять изученіе и приготовленіе различныхъ предметовъ по составленному чертежу или плану, при чемъ и всѣ общіе пріемы усваиваются не повтореніемъ показаннаго, а только по слову; этому будетъ соотвѣтствовать изученіе общихъ формъ и правилъ краснорѣчія и драматическаго искусства, мимики и танцевъ—для пользованія ими въ жизни во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда желаешь выразить свои мнѣнія, чувствованіе и отношеніе къ другимъ лицамъ; въ такомъ случаѣ можно уже говорить объ общемъ знакомствѣ съ какимъ-либо ремесломъ или дѣломъ и объ искусствѣ проявляться и выражаться. Но и въ этомъ случаѣ нѣтъ общаго образованія; это будетъ только изученіе общихъ пріемовъ, примѣняемыхъ въ столярномъ искусствѣ, а также будутъ лишь общіе пріемы драматическаго, балетнаго и тому подобнаго искусствъ. Всѣ обычаи, привычки, моды, всѣ шаблонныя формы, этикеты и т. д. относятся къ этой-же категоріи и имѣютъ значеніе, одинаковое съ указаннымъ. Отъ всего этого необходимо отличать, однакожъ, еще общія человѣческія, лежащія въ основаніи всѣхъ дѣйствій и размышленій человѣка, проявленія, развитіемъ которыхъ только и обусловливается нравственная жизнь его. Тутъ нѣтъ пріемовъ какого-либо искусства или ремесла, а существуютъ только элементы рѣчи и движеній (азбука проявленій мысли и дѣйствій), общія грамматическія формы и правила, элементы количественныхъ и пространственныхъ отношеній и дѣйствія надъ ними, работа съ возрастающимъ напряженіемъ и продолжительностью, опредѣленіе пространственныхъ отношеній и распредѣленіе своихъ работъ по времени. Общій методъ при умственномъ и физическомъ образованіи будетъ состоять въ умѣніи *разлагать* явленія и дѣйствія на элементы, *соединять* элементы въ сложныя формы размышленій и дѣйствій, *сравнивать* умственно воспринятое и физически воспроизведенное, дабы

сдѣлать оцѣнку ихъ значенія. Систематически усвоенное примѣняется въ видѣ самостоятельныхъ работъ, при чемъ самою выгодною формою физической работы будутъ игры, послѣдовательно осложняемыя и стройно проведенныя, такъ что выработанныя и провѣренныя общія положенія или истины должны являться главнымъ основаніемъ самостоятельно проведенныхъ дѣйствій. Слѣдовательно, какъ мы уже сказали выше, игра въ школѣ не должна являться въ видѣ развлеченія, допускающаго ребенка распускаться и произвольно дѣйствовать, чего съ педагогической точки зрѣнія никакъ и ни въ какомъ случаѣ допустить нельзя.

Весьма часто приходится видѣть громадный вредъ, приносимый ученикамъ преподавателями, которые незнакомы съ своимъ дѣломъ и не понимаютъ значенія игръ въ школѣ; послѣ его урока дѣти такъ взволнованы и распущены, что совершенно неспособны къ какимъ-либо серьезнымъ занятіямъ. Дѣтей наказываютъ, а толку все не выходитъ... Причину этого слѣдуетъ искать въ неумѣлыхъ преподавателяхъ, распускающихъ дѣтей во время игръ, или воспитателяхъ, допускающихъ распущенныя ихъ дѣйствія во время перемѣны. Все это подтверждается наблюденіемъ въ школѣ, и въ особенности въ тѣхъ школахъ, гдѣ ученики дисциплинируются и пріучаются къ законности и хорошему товариществу, главнымъ образомъ, играми, какъ это доказываютъ, напримѣръ, англійскія школы. Ничего произвольнаго и распущеннаго во время игръ тамъ не допускается, играми руководятъ сами занимающіеся; въ нихъ дѣйствительно есть благопріятныя условія для развитія физическаго и нравственнаго характера лицъ, ими не подавляется воля, а напротивъ, дѣти пріучаются къ волевымъ проявленіямъ. «Для дѣтей,—говоритъ англійскій педагогъ Альфредъ Карверъ,—играетъ весьма важную роль ихъ взаимное воспитаніе. Я полагаю, что настоящій, мужественный и сильный запасъ характера пріобрѣтается гораздо болѣе на лужайкѣ игръ, чѣмъ въ классной комнатѣ». При этомъ игры примѣняются въ смыслѣ дисциплинированія ученика, а отнюдь не ради криковъ, драки и тому подобныхъ грубыхъ и распущенныхъ дѣйствій. Хорошая школа должна научить умѣнью заниматься, умѣнью понимать человѣка и окружающія его условія и умѣнью работать. Упражненія на гимнастическихъ аппаратахъ вредны не только потому, что этими упражненіями можно легко дойти до предѣла дѣятельности и этимъ разрушить свое здоровье: они вредны еще потому, что, будучи связаны съ сильными мышечными ощущеніями, они пріучаютъ ученика къ сильнымъ ощущеніямъ вообще, и этимъ развращаютъ его. Это та-же водка, махорка, перецъ,

горчица, карты и т. п. прибавочные раздражители, которые понижаютъ впечатлительность и требуютъ, по извѣстному психо-физическому закону (чтобы ощущеніе расло въ ариѳметической прогрессіи, необходимо, чтобы раздраженіе расло въ геометрической прогрессіи), постояннаго усиленія этого раздраженія для того, чтобы поддержать ощущеніе на одинаковой степени силы.

На это намъ, можетъ быть, скажутъ, что наши дѣти и такъ уже утомлены въ школѣ; что-же будетъ, если мы къ умственному образованію прибавимъ еще и физическое? Это только усилитъ ихъ трудъ, который и такъ не рѣдко непомѣренъ... Но утомляетъ, даже гипнотизируетъ только однообразный трудъ, однообразная дѣятельность. Одностороннее развитіе памяти исключаетъ образованіе; молодой человѣкъ можетъ научиться быть внимательнымъ, точнымъ, инертнымъ въ своей дѣятельности, но это еще не будетъ образованіе, онъ все-же останется ребенкомъ въ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ. Чѣмъ разнообразнѣе его дѣятельность, чѣмъ болѣе у него развивается дѣятельность всѣхъ активныхъ его органовъ, тѣмъ проще и изящнѣе становятся его движенія и тѣмъ менѣе онъ утомляется и истощается *). Если встрѣчаются педагоги, которые полагаютъ, что разсужденіе о возможно большемъ соотвѣтствіи (гармоніи) въ развитіи есть только пустая фраза, безъ субстрата и мысли, то это только показываетъ, какъ мало такіе педагоги знакомы съ природою человѣка, съ взаимною связью происходящей въ немъ дѣятельности, какъ мало понимаютъ они, что образованіе возможно только при полномъ соотвѣтствіи въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ развитіи молодаго человѣка и что всякое другое обученіе, въ особенности всякое однообразное заучиваніе и долбня, исключаетъ образованіе. Какъ не можетъ быть умственнаго образованія безъ физическаго, точно также немыслимо нравственное образованіе, не истекающее изъ умственнаго и физическаго. Ни тотъ или другой языкъ не должны въ школѣ изучаться ради знанія языка, ни географія, исторія или математика не должны изучаться только для усвоенія фактовъ и пріемовъ, излагаемыхъ въ этихъ предметахъ:—все это изучается только въ цѣляхъ пріобрѣтенія умѣнья изъ ряда фактовъ вырабатывать общія положенія, истины, которыми мы должны руководствоваться въ жизни. Точно

*) Наблюдая ребенка во время дошкольнаго періода его жизни, мы видимъ, что онъ можетъ быть весь день занятъ и, несмотря на это, не утомляется и не истощается. Понятно, что это зависитъ отъ того, что онъ часто мѣняетъ свою дѣятельность, имитируя въ видѣ игры то, что видитъ кругомъ, а потомъ разсуждая о значеніи имъ видѣннаго и произведеннаго.

также необходимо изучать метаніе, бѣгъ, прыжки и т. д. — не для самаго этого дѣйствія, но чтобы при посредствѣ упражненій пріучиться владѣть собой, дѣйствовать съ различной продолжительностью, настойчивостью и умѣньемъ провѣрять умственно-усвоенное физической работой. Все должно быть направлено къ выясненію человѣку его личныхъ проявленій и ограниченію произвола въ его размышленіяхъ и дѣйствіяхъ.

Ко всѣмъ указаннымъ здѣсь вопросамъ физическаго образованія книга Лагранжа не имѣетъ никакого отношенія; въ ней разбираются физическія упражненія только съ гигіенической точки зрѣнія. Но и тутъ существенный вопросъ—о значеніи упражненій и вліяніи ихъ на измѣняемость формы—не ясенъ для автора, а поэтому и его выводы недостаточно основательны. Во всякомъ случаѣ, однако, это дѣльная книга, въ которой много полезныхъ указаній, имѣющихъ значеніе при воспитаніи и въ школѣ, но необходимо относиться къ нимъ критически и отличать научно-провѣренное отъ спорныхъ и часто даже очевидно ошибочныхъ субъективныхъ воззрѣній самого автора.

П. Лесгафтъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Графъ Павелъ Капнистъ. Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія. Выпускъ I. Москва. 1891 г. 203 стр. Ц. 75 коп.

На страницахъ журнала «Русское Обозрѣніе» за 1891 годъ, графъ Капнистъ, попечитель Московскаго учебнаго округа, выступилъ съ рядомъ статей въ защиту классицизма въ системѣ средняго образованія. Въ настоящее время статьи эти вышли въ свѣтъ отдѣльной книгой подъ тѣмъ-же самымъ заглавіемъ, подъ какимъ являлся этотъ трудъ въ частяхъ на страницахъ журнала. По самому своему положенію, авторъ является свидѣтелемъ, вполнѣ компетентнымъ въ данномъ вопросѣ и притомъ такимъ, который имѣетъ полную возможность обосновывать свои доводы и заключенія данными непосредственнаго, и уже довольно продолжительнаго, личнаго наблюденія надъ школьной практикой въ цѣломъ учебномъ округѣ. Уже это одно должно привлечь полное вниманіе къ его книгѣ всѣхъ интересующихся школьнымъ дѣломъ и вызвать къ его сужденіямъ довѣріе и уваженіе. Нельзя не порадоваться, что лицо, стоящее во главѣ управленія однимъ изъ учебныхъ округовъ, въ такой непосредственной формѣ выказало предъ всѣми свой живой интересъ къ дѣлу, которое оно,

по своему оффиціальному положенію, призвано блюсти и направлять. Гр. Капнистъ совершенно убѣжденъ въ правильности нашего современнаго строя системы средняго образованія, и его участіе въ текущей литературѣ по этому вопросу вызвано искреннимъ желаніемъ защитить установившійся и дѣйствующій нынѣ порядокъ отъ нападокъ, которыя время отъ времени раздаются противъ него въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати и въ спеціальныхъ брошюрахъ.

Ближайшимъ поводомъ стать въ ряды поборниковъ нашего классицизма было для гр. Капниста появленіе брошюры г. Еленева, вышедшей въ свѣтъ въ самомъ концѣ 1889 года, подъ заглавіемъ: «О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи». Эта брошюра, искренняя и простая по своему общему тону, написанная лицомъ, стоящимъ далеко отъ самаго вопроса, пріобрѣла въ свое время извѣстность, далеко не заслуженную ея внутренними качествами. Въ майской книжкѣ «Русской Школы» за 1890 годъ мы имѣли случай представить о ней краткій отчетъ, указавъ въ немъ на самыя существенныя недоразумѣнія между ея авторомъ и вопросомъ о системѣ средняго образованія. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, мы считали тогда излишнимъ вступать въ споръ съ авторомъ по существу дѣла и даже невозможнымъ, такъ какъ при подобныхъ условіяхъ не можетъ быть достигнуто взаимное пониманіе. Во всѣхъ своихъ чисто практическихъ соображеніяхъ касательно необходимости со стороны педагогическихъ корпорацій вниманія и заботы къ своему дѣлу и разумнаго осуществленія возложенныхъ нынѣ дѣйствующимъ порядкомъ обязанностей какъ на нихъ, такъ и на высшее начальство (вопросы о соразмѣрности задаваемыхъ уроковъ, ихъ распредѣленіи, недостаткахъ учебниковъ, требованіяхъ педагогической подготовки и хорошаго выбора преподавателей и т. под.), г. Еленевъ совершенно правъ, и говорилъ онъ о вещахъ безспорныхъ. При всякой системѣ и во всякое время недочеты въ этихъ отношеніяхъ неизбѣжны, но никогда и нигдѣ не бываютъ они общими характерными чертами цѣлаго ряда учрежденій. Въ какой степени справедливы или несправедливы сѣтованія г. Еленева на счетъ недочетовъ въ нашихъ гимназіяхъ съ этой стороны,—судить объ этомъ компетентны гг. попечители и инспекторы округовъ. Но г. Еленевъ выходилъ за предѣлы своей компетенціи, когда онъ предлагалъ, чтобы ради возстановленія общеобразовательнаго характера гимназическаго ученія устранено было изъ гимназическаго курса преобладаніе классическихъ языковъ, когда онъ предлагалъ устранить обязательность изученія греческаго языка и другое подобное. Обличая самымъ своимъ изложеніемъ полную не-

компетентность въ подобнаго рода серьезныхъ вопросахъ, г. Еленевъ освобождалъ, какъ намъ казалось, друзей классицизма даже отъ обязанности вступать съ нимъ въ споръ по этимъ вопросамъ.

Но случилось такъ, что брошюра г. Еленева вызвала къ себѣ самое живое сочувствіе именно за сужденія по общимъ вопросамъ въ одномъ изъ нашихъ вліятельныхъ періодическихъ изданій. «Вѣстникъ Европы» помѣстилъ въ мартовской книжкѣ 1890 года статью, подписанную инициалами А. В. *), въ которой сужденіямъ г. Еленева придано было значеніе авторитетнаго голоса, раздавшагося кстати и во время противъ нашего школьнаго классицизма. На эту статью не послѣдовало отзывовъ въ печати, такъ какъ въ ту пору обсужденіе вопроса о системѣ средняго образованія въ прессѣ было по разнымъ соображеніямъ задержано.

Около того же времени «Вѣстникъ Европы» сталъ помѣщать на своихъ страницахъ статьи проф. Окольскаго по исторіи среднеучебныхъ заведеній въ разныхъ странахъ Европы. Какъ спеціалистъ по полицейскому праву, г. Окольскій разсматривалъ судьбу завѣщанной прошлымъ классической школы съ точки зрѣнія общаго духа, вызывавшаго ея реформы въ разныхъ государствахъ. Мы-бы затруднились признать въ статьяхъ почтеннаго спеціалиста по полицейскому праву опредѣленную тенденцію, а именно вражду къ классицизму и желаніе доказать, что его полное устраненіе изъ среднеобразовательной школы есть лишь дѣло времени, что къ этому именно идетъ непрерывно и постепенно развитіе этого школьнаго типа. Но редакція «Вѣстника Европы» стоитъ на такой именно точкѣ зрѣнія, и она сама, по мнѣнію гр. Капниста (стр. 7), придала тенденціозность статьямъ г. Окольскаго. Прибавимъ, что такое воззрѣніе на общій ходъ развитія среднеобразовательной школы имѣетъ видныхъ представителей среди европейскихъ ученыхъ, писавшихъ по вопросу о школѣ. Такъ, его высказалъ вполнѣ опредѣленно и старательно обосновалъ берлинскій профессоръ Паульсенъ въ своемъ обширномъ сочиненіи: *Geschichte des gelehrten Unterrichts* (Leipzig. 1885). Но такое именно воззрѣніе нисколько не препятствуетъ Паульсену ревностно отстаивать принципъ гуманитарнаго образованія; его перу принадлежатъ брошюры, на которыя не разъ ссылается и гр. Капнистъ въ своемъ изложеніи. У насъ-же, къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, вопросъ сводятъ къ «ненужности классической системы» (стр. 12).

Брошюра г. Еленева, сочувствіе къ ней «Вѣстника Европы» и

*) Древніе языки въ ряду общеобразовательныхъ предметовъ.

статьи профессора Окольскаго побудили гр. Капниста дать нашей читающей публикѣ противовѣсъ тому теченію общественной мысли, которое поддерживаетъ «Вѣстникъ Европы». Трудъ гр. Капниста задуманъ широко: въ немъ должны найти мѣсто какъ теорія классической школы, такъ равно и отчетъ о современномъ положеніи школьнаго вопроса на Западѣ (стр. 199).

Законченная нынѣ первая часть работы раздѣлена на пять главъ. Авторъ не далъ имъ общихъ обозначеній, но приложилъ довольно подробный перечень пунктовъ, которыхъ касается его изложеніе. Двѣ первыя главы имѣютъ общій характеръ, три дальнѣйшія—спеціальный. Въ первыхъ онъ уясняетъ прежде всего «необходимость принципіальнаго рѣшенія вопроса о системѣ образованія», разсматриваетъ «вопросъ о переутомленіи» (стр. 12—42) и въ обширной второй главѣ (стр. 43—90) выясняетъ характеръ гимназическаго ученія и отстаиваетъ необходимость принципа концентраціи. Въ трехъ дальнѣйшихъ главахъ авторъ послѣдовательно обозрѣваетъ предметы гимназическаго ученія: Законъ Божій, родной языкъ, естественныя науки, математику и физику (стр. 90—122), исторію (стр. 123—145), древніе языки (стр. 146—198). Заключительныя страницы посвящены общей формулировкѣ тѣхъ положеній, разъясненіе которыхъ дано въ предшествующемъ изложеніи.

Какъ видно изъ представленной схемы, полемическія цѣли повліяли на самое распредѣленіе матеріала въ изложеніи автора. Вопросъ о переутомленіи, съ котораго начинаетъ свою брошюру г. Еленевъ, появляется и здѣсь въ началѣ. Эта зависимость указана на стр. 19 самимъ авторомъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мотивы послѣдовательности уже иные, но самую полемику съ г. Еленевымъ авторъ проводитъ черезъ все свое сочиненіе. Намъ кажется, что это условіе въ значительной степени вредитъ впечатлѣнію цѣлаго и развлекаетъ вниманіе читателя. Распространивъ полемику съ г. Еленевымъ на все свое изложеніе, авторъ дѣлалъ слишкомъ много чести «одному изъ отцовъ», какъ называетъ себя г. Еленевъ, и человѣку стороннему въ столь важномъ и серьезномъ вопросѣ, какъ основные принципы школьнаго распорядка и общей организаціи школы, какимъ онъ, конечно, не можетъ себя не признать. Много разъ въ своемъ изложеніи авторъ имѣетъ случай высказать свое мнѣніе о малой компетентности г. Еленева. Укажемъ для примѣра хотя-бы на стр. 36, 45, 76, 107. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ авторъ выражается такъ: «г. Еленевъ и въ данномъ случаѣ скользитъ лишь по поверхности вопроса и, не углуб-

ляясь въ его сущность, обращаетъ вниманіе только на внѣшніе признаки, причемъ принимаетъ послѣдствія за причины». Если такъ понимаетъ дѣло г. Еленевъ (а въ этомъ мы согласны съ авторомъ), то позволительно спросить: для чего-же собирать всѣ европейскіе и русскіе авторитеты и формировать изъ нихъ противъ него одного дружную рать? Но авторъ поступаетъ именно такъ. Укажемъ хотя-бы на одно мѣсто 194 стр. Приведя здѣсь одно изъ многихъ вполнѣ неправильныхъ утвержденій г. Еленева, а именно: будто у насъ стоятъ за необходимость греческаго языка «просто изъ подражанія», авторъ продолжаетъ такъ: «позволимъ себѣ скромно возразить, что едва-ли люди, какъ Муравьевъ, митрополитъ Евгеній, Гнѣдичъ, гр. Уваровъ, гр. Сперанскій, гр. Перовскій, гр. Строгановъ, Грановскій, Пироговъ, Аксаковъ, Буслаевъ и многіе другіе обладали меньшею, чѣмъ г. Еленевъ, способностью вдумываться въ сущность своихъ собственныхъ мыслей, когда они...» Сопоставленіе всѣхъ этихъ внушительныхъ именъ для возраженія противъ очевиднаго и довольно наивнаго заблужденія г. Еленева должно, по мысли автора, уничижить; и уничтожить его; но общее впечатлѣніе получается иное и, полагаемъ, вовсе нежелательное для самого автора.

Постоянная полемика именно противъ одного г. Еленева, съ обращеніемъ ко всѣмъ авторитетамъ и въ союзѣ съ цѣлой плеядой ученыхъ, возводитъ г. Еленева на совершенно неподобающій ему и ничѣмъ имъ не заслуженный пьедесталъ, на которомъ онъ и красуется какъ грозный и мощный представитель и вождь—если не партіи, то, по крайней мѣрѣ, цѣлаго разрушительнаго направленія въ дѣлѣ организаціи нашей школы. На такую высоту вовсе не претендовалъ г. Еленевъ и не могъ-бы на ней очутиться безъ помощи своего противника, непосредственно и близко знакомаго съ дѣломъ и вполнѣ въ немъ компетентнаго, обсуждающаго школьный вопросъ не какъ «одинъ изъ отцовъ», а какъ опытный руководитель цѣлаго учебнаго округа, имѣвшій возможность за 12 лѣтъ управленія имъ основательно изучить вопросъ во всѣхъ его самыхъ мелкихъ сторонахъ и деталяхъ...

Но, и помимо этой неудобной помощи авторитетовъ въ полемикѣ, они оказываютъ вообще нехорошую службу автору и въ общемъ его изложеніи. Авторъ хорошо знакомъ съ современной литературой по вопросу о классицизмѣ, и особенно новѣйшей германской, гдѣ недавно данъ былъ поводъ къ оживленной полемикѣ противъ нападокъ на классицизмъ со стороны разныхъ обновителей старой и испытанной школьной системы. Для поясненія и подтвержденія своихъ собственныхъ мыслей авторъ очень охотно прибѣгаетъ къ цитатамъ изъ этой ли-

тературы. Хотя онъ приводитъ мысли и соображенія, вполнѣ заслуживающія всякаго вниманія, но самое обиліе этого чужого матеріала ослабляетъ впечатлѣніе и затемняетъ подчасъ нить собственнаго изложенія автора. Свою любовь и даже пристрастіе къ цитатамъ авторъ выразилъ и тѣмъ, что снабдилъ свое сочиненіе цѣлой страницей эпиграфовъ. Здѣсь дано 8 цитатъ, по одной изъ Гётё, Грановскаго, Пирогова, Тиндаля, Трейчке, Ж. Симона и двѣ изъ Э. Лависса. Позволимъ себѣ замѣтить, что краткая цитата изъ Гётё, стоящая на послѣднемъ мѣстѣ, какъ по славѣ имени, такъ и по своей выразительности, могла-бы съ удобствомъ вытѣснить всѣ остальныя, поставленныя выше ея, и остаться одна вполнѣ удачнымъ эпиграфомъ къ сочиненію, въ которомъ съ такимъ искреннимъ участіемъ отстаивается классицизмъ средней школы. Она гласитъ такъ: «Möge das Studium der griechischen und römischen Litteratur immerfort die Basis der höheren Bildung bleiben».

Полемическій характеръ, который придалъ авторъ своему произведенію, лишаетъ насъ возможности представить въ краткихъ чертахъ послѣдовательное развитіе мыслей автора, какъ онѣ изложены въ его книгѣ. Но онъ облегчилъ эту задачу, представивъ въ заключеніе формулировку своихъ основныхъ положеній въ видѣ тезисовъ. Позволимъ себѣ воспроизвести ихъ здѣсь въ подлинномъ видѣ.

«Во-первыхъ, мы признаемъ необходимымъ условіемъ благоустройства всякой школы: ясное и твердое опредѣленіе сущности той системы, на которой она должна быть основана.

«Во-вторыхъ, мы полагаемъ, что въ школѣ не только нельзя учить *всему*, но даже *учить многому* въ ней невозможно и не слѣдуетъ. Поэтому мы желаемъ, чтобы въ школѣ учили немногимъ предметамъ, но основательно, въ виду чего мы признаемъ многопредметность вредною.

«Въ-третьихъ мы думаемъ, что серьезный трудъ, имѣющій научный характеръ, примѣнимъ въ молодые годы только къ очень небольшому числу предметовъ, тѣмъ болѣе, что всякая серьезная работа поглощаетъ много времени, а потому мы считаемъ концентрацію преподаванія на двухъ-трехъ предметахъ необходимымъ условіемъ благоустройства всякой школы, а классической—въ особенности, какъ школы, имѣющей преимущественно научный характеръ.

«Въ-четвертыхъ, мы считаемъ утилитарное направленіе несовмѣстнымъ съ общимъ образованіемъ, ибо практическія потребности безконечно разнообразны и *одна* школа удовлетворить ихъ не можетъ.

«Въ-пятыхъ, по нашему убѣжденію, методическое объединеніе преподаванія всѣхъ предметовъ, согласованное съ основными принципами, на которыхъ школа основана, составляетъ главную силу и достоинство школы.

«Въ-шестыхъ, мы признаемъ необходимымъ условіемъ существованія классической школы тщательное, систематическое изученіе самихъ древ-

нихъ языковъ, проходящее, какъ руководящая нить, черезъ весь курсъ ученія, а затѣмъ не менѣе внимательное изученіе литературы.

«Въ-седьмыхъ, съ нашей точки зрѣнія школа, въ которой преподавался-бы одинъ только древній языкъ, была-бы школой не классическою, такъ какъ эта послѣдняя безусловно признаетъ необходимость изученія обоихъ древнихъ языковъ, естественно другъ друга пополняющихъ.

«Въ-восьмыхъ, мы желаемъ, чтобы изученіе древнихъ языковъ (сперва латинскаго, а затѣмъ греческаго) начиналось возможно раньше, то-есть, съ 10—11 лѣтъ, ибо мы думаемъ, что правильность ученія зависитъ прежде всего отъ того, чтобъ учебный матеріалъ былъ распредѣленъ сообразно возрасту, причемъ полагаемъ, что изученіе этимологіи составляетъ занятіе, болѣе свойственное младшему, чѣмъ старшему возрасту, и находимъ не соотвѣтствующимъ общимъ интересамъ ученія, чтобы подобное занятіе переносилось въ старшіе классы.

«Въ-девятыхъ, наконецъ, мы утверждаемъ, что серьезное изученіе древнихъ языковъ, будучи труднымъ, требуетъ значительнаго времени. ибо въ младшихъ классахъ необходимо большое число уроковъ, дабы, не слишкомъ обременяя учениковъ, пройти основательно, но безъ излишняго замедленія, первоначальные элементы языка и грамматику. Въ старшихъже классахъ, если признавать необходимость сколько-нибудь обширнаго чтенія, дающаго учащимся какое-либо цѣльное понятіе о литературѣ древнихъ языковъ (чего не отвергаютъ наши противники), необходимо не меньшее число уроковъ, ибо, по отношенію къ древней литературѣ, нельзя требовать и нельзя ожидать, чтобъ учащіеся знакомились съ нею безъ помощи преподавателя, удѣляя на то часть своего досуга, — что вполнѣ желательно и возможно по отношенію къ литературѣ отечественной и новыхъ языковъ».

Приведенныя основныя положенія автора таковы, что съ ними, думается намъ, долженъ согласиться всякій, кто понимаетъ и цѣнитъ значеніе просвѣщенія. Наше настоящее не внушаетъ опасенія относительно того, чтобы эти здравые принципы, лежащіе въ основѣ нынѣ дѣйствующаго распорядка, пошатнулись или стали затемняться въ сознаніи тѣхъ, отъ кого зависитъ дѣло организаціи нашей системы средняго образованія, и книга гр. Капниста есть сама живое тому свидѣтельство. Пожелать можно одного, чтобы и въ нашемъ обществѣ шире и прочнѣе утвердилось представленіе о правильности этихъ принциповъ и сознаніе того, что съ ними находимся мы въ истинѣ и можемъ достигнуть прочныхъ и вѣрныхъ результатовъ.

Разъясненію приведенныхъ положеній посвящено главное содержаніе книги гр. Капниста; но, приведя ихъ, мы никоимъ образомъ не резюмировали всего того разнообразнаго и обильнаго матеріала, какой въ ней заключенъ. Авторъ, по пути доказательства главныхъ своихъ мыслей, дѣлаетъ много весьма важныхъ частныхъ указаній относительно хода, цѣли и задачъ преподаванія отдѣльныхъ предме-

товъ (особенно математики, стр. 109 и слѣд., русскаго языка, *passim*), и замѣчанія эти, въ виду положенія автора, имѣютъ существенную важность и непосредственный интересъ. Не захватываются также въ приведенныхъ положеніяхъ и нѣкоторые обширные полемическіе экскурсы, которыхъ не мало въ книгѣ гр. Капниста. Объ одномъ изъ нихъ мы уже упомянули, къ нему вернемся и въ заключеніе этой замѣтки.

Разумѣемъ полемику съ г. Еленевымъ по вопросу о переутомленіи (стр. 19—42). Здѣсь авторъ опровергаетъ подробной и весьма содержательной аргументаціей доводы и соображенія своего противника, изобличаетъ ихъ неосновательность и рѣшительно возстаетъ противъ представленія, будто нашъ школьный классицизмъ не въ мѣру обременяетъ учащихся. По существу разсмотрѣнія авторомъ даннаго вопроса мы, конечно, не имѣемъ никакихъ возраженій и совершенно принимаемъ все, имъ высказанное. Но намъ-бы казалось, что весь этотъ вопросъ вовсе не стоитъ въ органической связи съ тѣмъ, что поставилъ себѣ задачей авторъ. Мы-бы думали, что въ данномъ разсмотрѣніи вопросъ этотъ *долженъ* подлежать исключенію. Говоримъ *долженъ*, потому что совершенно раздѣляемъ воззрѣнія автора, высказанныя въ слѣдующихъ словахъ: «Вопросъ этотъ... выходитъ за предѣлы нашего изслѣдованія, такъ какъ степень обремененія учащихся, по нашему глубокому убѣжденію, является въ тѣхъ случаяхъ, когда она дѣйствительно существуетъ, не послѣдствіемъ того, на какой системѣ образованія построена школа, а гораздо болѣе зависитъ отъ того, какъ школа съумѣла воспользоваться учебнымъ матеріаломъ, положеннымъ въ ея основу» (стр. 19). Итакъ, авторъ полагаетъ, и мы съ нимъ въ этомъ вполнѣ согласны, что весь этотъ вопросъ относится къ сферѣ дидактическихъ недочетовъ, всегда и вездѣ возможныхъ, ничего общаго съ *системой* неимѣющихъ. А если это такъ, то разсмотрѣніе его подлежало принципіальному устраненію въ книгѣ, посвященной выясненію общихъ принциповъ и сущности даннаго типа среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

Ю. Кулаковскій.

Жизнь Гарріетъ Бичеръ-Стоу. Составила Е. Сысоева. Съ 2-мя портретами и 6-ю рисунками. 151 стр. Петербургъ. 1892 года. Цѣна 75 коп.

Біографія Бичеръ-Стоу написана ея сыномъ, Чарльзомъ Стоу, и теперь является въ прекрасной обработкѣ г-жи Сысоевой. Гарріетъ Бичеръ-Стоу родилась 14 іюня 1811 года, въ штатѣ Конектикутъ, въ

городѣ Личфильдѣ, въ высокообразованной, благочестивой семьѣ. Отецъ, а впослѣдствіи и четыре брата ея были пасторами, замѣчательными проповѣдниками, горячими защитниками всѣхъ угнетенныхъ вообще и негровъ въ особенности. Родная мать ея, бабушка, мачиха были истинными христіанками, глубоко вліяли на дѣтей и съумѣли зажечь въ нихъ горячій пламень любви къ ближнему. Старшая сестра, Кэтъ, дѣвушка необыкновеннаго ума и характера, блестящаго образованія, устроила школу для дѣвочекъ въ Гартфордѣ, а впослѣдствіи основала въ Цинцинати «Женскій институтъ на западѣ» по программѣ мужскихъ коллегій. Пяти лѣтъ Гарріетъ поступила въ школу; 19 лѣтъ она написала замѣчательное сочиненіе на тему: «Можетъ-ли безсмертіе души быть доказано силою свѣта въ природѣ?» Оно было прочитано на публичномъ актѣ въ Личфильдской семинаріи, гдѣ Гарріетъ была одною изъ самыхъ блестящихъ ученицъ. Подъ руководствомъ сестры Кэтъ, Гарріетъ окончила свое образованіе и начала, въ качествѣ ея главной помощницы, занятія съ дѣтьми—сначала въ Гартфордѣ, а затѣмъ въ Цинцинати. Семьѣ Бичеровъ приходилось переселяться изъ одного города въ другой, и въ письмахъ Гарріетъ живо переданы впечатлѣнія путешествій и жизни въ новыхъ мѣстностяхъ. Въ Цинцинати сестры Бичеръ сдѣлались членами литературнаго клуба, и здѣсь Гарріетъ начала пріобрѣтать извѣстность своими первыми произведеніями—сатирическими очерками. Путешествіе изъ Цинцинати въ Кентукки дало ей богатый матеріалъ для описанія жизни негровъ; картины, видѣнныя ею въ пути,—богатое помѣстье одного землевладѣльца, сцены изъ быта невольниковъ,—все это вошло потомъ въ ея знаменитую книгу. На 25-мъ году Гарріетъ вышла замужъ за профессора Стоу. Тутъ начинается ея тяжкая трудовая жизнь, полная лишеній. Мужъ ея получалъ скудное содержаніе, семья увеличивалась, здоровье разстраивалось. Высокоодаренная, впечатлительная, горячая натура Гарріетъ не выдерживала крайняго напряженія; уже съ пятнадцати лѣтъ она не разъ подвергалась серьезному нервному разстройству; но замужняя жизнь особенно надрывала ея силы. Чтобы поддерживать семью, она была вынуждена принимать на себя срочныя литературныя работы—писать повѣсти, сотрудничать въ газетахъ. Въ письмахъ Гарріетъ и ея пріятельницы въ живыхъ сценкахъ разсказано, какъ проводитъ она день съ утра до вечера, переходя отъ колыбели младенца къ кухонному столу, отъ игрушекъ маленькихъ дѣвочекъ къ нянѣ и прачкѣ; какъ она пишетъ повѣсти въ кухнѣ, диктуя своей подругѣ, каждую минуту отрываясь—то для того, чтобы дать указанія кухаркѣ, то для того, чтобы утѣшить ребенка. Чрезмѣрныя занятія до-

вели Гарріетъ до такого состоянія, что она цѣлые два года должна была пробыть въ водолечебницѣ, а за нею туда-же былъ отправленъ и мужъ ея. Семнадцать лѣтъ борьбы съ физическими недугами, съ неудачами матеріальными не ослабили, однако, душевной энергіи этой женщины; ея главная заслуга, ея подвиги были еще впереди. На сѣверѣ Америки началось движеніе за освобожденіе негровъ, поднялся вопросъ объ отдѣленіи южныхъ штатовъ. Въ это-же время устанавливался законъ, дававшій право рабовладѣльцамъ разыскивать и возвращать бѣжавшихъ невольниковъ,—законъ, вызвавшій самыя ужасныя послѣдствія. Бичеръ-Стоу была возмущена, какъ и всѣ ея братья; сердце ея наболѣло. Въ одну изъ минутъ тяжкаго раздумья о судьбѣ несчастныхъ негровъ, матерей, отрываемыхъ отъ ребенка, она получаетъ такое письмо отъ невѣстки: «Если-бы я владѣла перомъ, какъ ты, я написала-бы книгу, гдѣ яркими красками описала-бы все, что здѣсь происходитъ; заставила-бы жителей американскихъ штатовъ понять, какая проклятая вещь рабство негровъ!» «Напишу, напишу непремѣнно!—съ одушевленіемъ воскликнула Гарріетъ.—Не умру до тѣхъ поръ!» Ровно черезъ мѣсяцъ м-съ Стоу причащалась въ церкви; предъ ея мысленными очами вдругъ предстала картина — смерть дяди Тома. Придя домой, она схватила перо, записала видѣніе и прочитала семьѣ. Дѣвочки 10 и 12 лѣтъ разрыдались, повторяя: «Мама! мама! Рабство—ужасная вещь!» Такъ зародилась «Хижина дяди Тома» въ воображеніи этой замѣчательной писательницы.

Это былъ вопль наболѣвшей души, измученной всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. «Сердце мое изныло отъ горя, слыша ежедневныя описанія жестокаго обращенія съ невольниками, и я горячо молила Бога, чтобы онъ помогъ мнѣ сдѣлать что-нибудь для несчастной меньшей братіи». И вотъ, началось печатаніе первой главы въ газетѣ «Національная эра», въ 1851 году. Повѣсть не была еще кончена, а имя ея автора уже заняло самое почетное мѣсто среди американскихъ писателей. Отдѣльной книгой произведеніе выдержало три изданія съ 13 марта до 1 апрѣля. Какъ дождь, полились поздравительныя, благодарственныя письма, посыпались и деньги.

Бичеръ-Стоу перестала нуждаться; ей платили за сочиненія, ей приносили пожертвованія на невольниковъ, и всю послѣдующую жизнь она посвятила неграмъ: она выкупала изъ рабства цѣлыя семьи, устраивала школы, помогала всѣми силами подняться неграмъ изъ тьмы невѣжества, нищеты и презрѣнія... Знаменитая писательница два раза побывала въ Европѣ, гдѣ ее восторженно встрѣчали и осыпали пожертвованіями въ пользу негровъ. Когда разгорѣлась междо-

усобная война, она одна изъ первыхъ матерей послала своего втораго сына на войну (старшій утонулъ вскорѣ по возвращеніи ея изъ Европы) и—потеряла его. Фредъ былъ раненъ въ голову, долго хворалъ и пропалъ безъ вѣсти. Послѣдніе годы жизни Бичеръ-Стоу провела во Флоридѣ, въ купленномъ ей помѣстьѣ; но умерла въ лечебницѣ душевнобольныхъ, глубоко потрясенная смертью мужа, брата и другихъ близкихъ.

Въ 1882 году друзья и почитатели Бичеръ-Стоу торжественно праздновали 70-лѣтній день ея рожденія. Старушка отблагодарила горячей рѣчью, въ которой сравнивала нынѣшнее положеніе негровъ съ прежнимъ ихъ состояніемъ въ рабствѣ. «Если кто изъ васъ будетъ въ горѣ, въ несчастіи, или усомнится въ значеніи жизни, пусть онъ только вспомнитъ, что̀ Господь сдѣлалъ для нашей страны. Рабство на вѣки искоренено! Это совершилось на нашихъ глазахъ!» Послѣ этихъ словъ престарѣлой, угасающей женщины, до конца работавшей на помощь ближнему, до конца вѣровавшей въ торжество добра и правды, нужно-ли говорить о значеніи ея біографіи? Бичеръ-Стоу въ своихъ письмахъ (а письма приводятся постоянно) какъ живая встаетъ передъ читателемъ. Можетъ-ли быть для юношества чтеніе желательнѣе, примѣръ возвышеннѣе этой свѣтлой, самоотверженной личности?

«Синее знамя». Историческій разсказъ изъ временъ Чингисхана. Заимствовано съ французскаго. М. Гранстремъ. Съ 65 рисунками и картой походовъ Чингисхана. Ц.?

Разсказъ «Синее знамя» написанъ севершенно въ духѣ разсказовъ Майна Рида, въ которыхъ герой выходитъ цѣлымъ и невредимымъ изъ огня и воды, а самыя невѣроятныя происшествія слѣдуютъ цѣлымъ рядомъ одно за другимъ.

Героемъ разсказа является молодой Джани. Четырнадцати лѣтъ, этотъ Джани попадаетъ въ плѣнъ и уводится далеко отъ своей родины, на берега Иртыша, къ «великому святому» шаману Гекчи. Послѣдній является таинственнымъ и величественнымъ лицомъ повѣсти: онъ беретъ Джани, какъ грамотнаго и правовѣрнаго мусульманина, къ себѣ и предсказываетъ ему славу героя, которой онъ можетъ достигнуть, однако, лишь путемъ многихъ испытаній. Передъ началомъ этихъ испытаній Гекчи даритъ Джани коня, пышную одежду и какой-то таинственный лукъ, котораго юноша не можетъ даже и натянуть, пока Темучинъ силой своего слова и взгляда не заставляетъ

его сдѣлать этого, и тогда у него мгновенно является и богатырская сила, и львиная отвага.

Джани, на общей сходкѣ монгольскихъ вождей, при рѣкѣ Ононѣ, присоединяется къ предводителю племени бесседовъ — неукротимому Чжебе-Волку и, сдѣлавшись его оруженосцемъ и знаменоносцемъ, успѣшно сражается противъ таджиковъ, джураитовъ и кераитовъ. Во время стоянки на границѣ, онъ дружится съ однимъ изъ кераитовъ—Маргузомъ и туркестанскимъ рыцаремъ—Тимуръ-Мелекомъ, который спасаетъ Джани отъ смерти и является непобѣдимымъ воителемъ.

Послѣ похода на кераитовъ Темучинъ посылаетъ Джани для дипломатическихъ переговоровъ въ Бухару. Цѣлые годы герой повѣсти проводитъ въ странствованіяхъ, пока, волею судебъ, не соединяется снова съ Чжебе-Волкомъ и Темучиномъ. И какихъ только приключеній ни случается съ Джани во время его странствованій! Онъ и на турнирѣ сражается съ своимъ побратимомъ — непобѣдимымъ Тимуръ Мелекомъ, и сидитъ въ плѣну на островѣ Суматрѣ; благодаря покровительству «Старца горы» (Шейхъ ель Джебель), онъ спасается отъ вѣрной смерти, и отъ того-же жестокаго «Старца горы» освобождаетъ христіанку, красавицу Раймунду Шатильонскую, которую черезъ дебри и пустыни, среди всякихъ опасностей привозитъ въ Іерусалимъ и сдаетъ съ рукъ на руки ордену Тампліеровъ. Всюду Джани оказываетъ чудеса храбрости и ловкости, является образцомъ благородства и отличается такимъ знаніемъ корана, что «Старецъ горы» называетъ его «свѣточемъ своего вѣка», «чудомъ своего времени». Конечно, красавица Раймунда влюбляется въ него и почти признается ему въ любви, но онъ, хотя и самъ въ нее влюбленный, все-таки отвергаетъ ее, какъ женщину чуждой ему вѣры, и спѣшитъ вернуться къ своему «великому» хану, на великіе подвиги всеобщаго истребленія. По пути Джани встрѣчаетъ множество новыхъ препятствій, такъ что попадаетъ къ своимъ только послѣ многихъ лѣтъ странствованія, въ день взятія города Гангъ-чеу. Послѣ этого онъ участвуетъ въ походахъ противъ Кара-Китая, Бухары, Кавказа, Россіи, Польши и Венгріи и вмѣстѣ съ другими безпощадно истребляетъ и правыхъ, и виноватыхъ, но въ глазахъ автора все-же остается героемъ. Въ награду за это авторъ соединяетъ его бракомъ съ красавицей Раймундой въ самый день ея смерти. Такимъ образомъ, Джани является образцомъ рыцаря и совершаетъ всяческіе подвиги, да и всѣ монголы идеализированы авторомъ до невѣроятной степени, такъ что всѣ ихъ жестокости и всесокрушающіе набѣги являются, въ глазахъ его, какъ-бы подвигами съ ихъ стороны. Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ авторъ

говоритъ (стр. 25): «Джани почувствовалъ себя достойнымъ примкнуть къ героямъ, которые соберутся на совѣтъ къ берегамъ Онона. Онъ чувствовалъ, что съ этой минуты онъ то-же былъ воинъ, дос ный принять участіе въ борьбѣ, которую бездомныя дѣти степей гто товились начать съ изнѣженными жителями городовъ».

Идеализація войны и восхваленіе военныхъ подвиговъ, сопровождаемыхъ даже коварствомъ и жестокостью, является вообще отличительною чертою г. Гранстрема въ его историческихъ повѣстяхъ. Но въ такихъ разсказахъ, какъ «Снѣжный король», это еще возможно, а въ разсказѣ «Синее знамя» стремленіе опоэтизировать татаръ, сдѣлать ихъ изъ варваровъ рыцарями и героями—является чѣмъ-то неестественнымъ и до крайности страннымъ.

Въ разсказѣ множество этнографическихъ и историческихъ описаній и указаній, которыя очень интересны, но за достовѣрность которыхъ ручаться нельзя; такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ вкралась такая историческая ошибка: на стр. 258 сказано: «въ числѣ безчисленныхъ походовъ своихъ Джани участвовалъ такъ-же во взятіи Москвы, Польши и Венгріи и при сраженіи подъ Лигницомъ, гдѣ Чжебе на голову разбилъ нѣмцевъ». Между тѣмъ татары во время Батыя не брали Москвы и даже не доходили до нея, да и Польшу оставили въ покоѣ, если не считать раззоренія области Сандомирской и Нижней Силезіи.

Написана книга далеко не художественнымъ языкомъ, переполнена до излишества ничего и никому неговорящими собственными именами, но несомнѣнно будетъ нравиться и найдетъ множество читателей, такъ какъ проникнута такимъ именно духомъ, который особенно нравится неразборчивымъ подросткамъ, увлекая ихъ на подвиги въ родѣ бѣгства въ Америку съ двумя рублями въ карманѣ. Въ виду всего этого, нельзя не пожалѣть, что и заглавіе, и внѣшность разсказа г. Гранстрема настолько заманчивы, что книга можетъ быстро раскупаться.

Абрамовъ, Я. В. Сельскій календарь на 1892 годъ. Пятый годъ изданія. 140 столбцовъ (болѣе пяти печатныхъ листовъ въ два столбца). Спб. 1892 г. Ц. 20 к. При требованіяхъ не меньше 100 книгъ, можно обращаться письменно къ составителю, Якову Васильевичу Абрамову, въ г. Ставрополь-Кавказскій. Выписывающіе не менѣе 100 книгъ платятъ 15 р за сотню; пересылка по разстоянію (3 книжки вѣсятъ 1 фунтъ).

Сельскій календарь на нынѣшній годъ составленъ такъ-же тща-

тельно, какъ и за предыдущіе годы. Въ календарѣ 12 отдѣловъ и статейка «Мѣщанинъ и поэтъ И. С. Никитинъ» (страничка біографіи и 9 стихотвореній). Отдѣлы имѣютъ слѣдующее содержаніе: I. святцы, II. Россійскій императорскій домъ, III. почтовыя и телеграфныя правила, IV. свѣдѣнія о законахъ (положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ (гражданскихъ и уголовныхъ), подвѣдомственнымъ имъ и городскимъ судьямъ), V. полезныя общественныя учрежденія (1. народныя библіотеки и читальни, 2. общественный капиталъ для покупки земли, 3. общинное хозяйство, 4. общественныя работы), VI. списокъ книгъ, полезныхъ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, строительному дѣлу, землемѣрію, ремесламъ, медицинѣ, гигіенѣ и законамъ, VII. свѣдѣнія по ремесламъ и промысламъ (производство картофельнаго крахмала), VIII. строительный отдѣлъ (1. несгораемыя постройки изъ землянаго кирпича, 2. несгораемый потолокъ, 3. дешевыя несгораемыя крыши, 4. мелкія свѣдѣнія), IX. свѣдѣнія по сельскому хозяйству (1. о хлѣбныхъ сѣменахъ, 2. клеверъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, 3. сельское огородничество), X. свѣдѣнія по скотоводству (1. ковка лошадей, 2. о ящурѣ, 3. о глистахъ у овецъ), XI. лечебные совѣты (1. помощь въ несчастныхъ случаяхъ—какъ останавливать кровь и лечить раны, ушибы, ожогъ, обмороженіе, утопленіе, задушеніе отъ повѣшенія, угаръ, солнечный ударъ, ударъ молніи или грома, 2. о водкѣ, 3. какъ очистить хлѣбъ отъ спорыньи, 4. простое средство отъ лихорадки, 5. ядовитыя растенія), XII. разныя разности—рядъ различнаго рода практичеекихъ совѣтовъ.

Изъ этого краткаго перечня Сельскаго календаря г. Абрамова видно все богатство его содержанія, видно, какъ много пользы можетъ онъ принести въ сельскомъ быту. Направленіе календаря, такимъ образомъ, строго утилитарное. Конечно, календарь представляетъ собою хорошее средство для распространенія утилитарныхъ свѣдѣній, но для этого необходимо, чтобы пользованіе самимъ даннымъ календаремъ было распространено въ народѣ. То обстоятельство, что календарь г. Абрамова издается уже пятый годъ, можетъ до нѣкоторой степени свидѣтельствовать о его внѣшнемъ успѣхѣ. Тѣмъ не менѣе, однако, въ видахъ наиболѣе широкаго успѣха Сельскаго календаря, чего онъ вполнѣ заслуживаетъ, намъ кажется, было-бы желательно, чтобы изданіе имѣло не столь утилитарный характеръ, такъ какъ нашъ народъ вовсе не такой крайній утилитаристъ и охотно ищетъ въ книгѣ содержанія духовнаго, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Это, между прочимъ, можно видѣть уже изъ того, что книги утилитарнаго характера принадлежатъ къ числу наименѣе читаемыхъ въ обществен-

ныхъ народныхъ библіотекахъ, и съ такимъ направленіемъ вкуса читателей волей-неволей необходимо считаться составителямъ книгъ, подобныхъ настоящему календарю. Можетъ быть, принявъ во вниманіе требованія народа, составитель Сельскаго календаря тѣмъ доставитъ своему изданію еще большій доступъ въ народную среду. Странички біографіи третьестепеннаго поэта Никитина, написанной къ тому-же довольно небрежно и языкомъ, для простолюдина не вполнѣ понятнымъ, и девяти его стихотвореній однообразнаго ноющаго характера слишкомъ недостаточно для того, чтобы служить противовѣсомъ преобладающему утилитаризму изданія. Кромѣ того, предназначенный для читателей, не привыкшихъ къ чтенію книгъ, Сельскій календарь слѣдовало-бы печатать болѣе крупнымъ шрифтомъ, на нѣсколько лучшей бумагѣ, съ рисунками въ текстѣ. Правда, это удорожило-бы стоимость изданія, но за-то и степень распространенности книги могла-бы возрасти, а это, въ свою очередь, дало-бы почтенному составителю возможность болѣе широко воспользоваться своимъ знаніемъ экономическихъ потребностей Россіи и издавать, съ цѣлесообразными измѣненіями, сельскіе календари, особые для каждаго района, съ болѣе или менѣе ярко выразившимся экономическимъ характеромъ. Если, примѣрно, предположить, что Россія имѣетъ пять такихъ районовъ (центральный, сѣверо-западный, юго-западный, Новороссія, Кавказъ), то для каждаго изъ нихъ нуженъ календарь, въ которомъ были-бы приняты во вниманіе порайонныя особенности,—для жителя центральнаго района, напр., излишни свѣдѣнія хотя-бы по шелководству, винодѣлію, мѣры противъ саранчи и т. п., для южанина—имѣютъ малый интересъ совѣты по многимъ отраслямъ ремесленности; самая постройка домовъ и вообще весь строй веденія хозяйства въ каждомъ районѣ на столько различны, что давать тутъ совѣты и указанія нужно спеціально по районамъ-же. Даже при господствѣ нивеллирующей тенденціи въ нашемъ законодательствѣ, узаконенія его, относящіяся къ сферѣ экономической, все-таки не могутъ не принимать во вниманіе мѣстныхъ особенностей,—тѣмъ болѣе слѣдуетъ имѣть ихъ въ виду въ изданіи, посвященномъ главнымъ образомъ экономическимъ интересамъ народа.

Высказывая наши пожеланія, мы, какъ уже сказали, признаемъ Сельскій календарь г. Абрамова и въ настоящемъ видѣ изданіемъ въ высшей степени полезнымъ, и всѣ лица, которыя имѣютъ непосредственныя сношенія съ народомъ, въ особенности гг. народные учителя и лица духовныя, должны съ своей стороны, ради интересовъ народа, содѣйствовать успѣху книги. Каждый годъ Сельскій

календарь, въ своей прикладной части, даетъ свѣдѣнія совершенно новыя, такъ что въ общемъ, за нѣсколько лѣтъ, получается цѣлая энциклопедія полезнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, имѣющихъ не преходящій, а постоянный интересъ для сельскаго населенія Россіи. Экземпляры календаря за 1889, 1890 и 1891 годы имѣются у автора, и надо воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и пріобрѣтать ихъ, пока еще можно. Цѣна календаря за каждый изъ означенныхъ годовъ—по 15 к. съ пересылкою. **К. М.**

Голяшкинъ, А. Географія Россіи. Подробный конспектъ-атласъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ 10-ти картъ. Изданіе второе, исправленное по новѣйшимъ свѣдѣніямъ и значительно дополненное. С.-Петербургъ. 1891 г.

Самое названіе книги указываетъ на ея особенности. Конспектъ-атласъ имѣетъ двоякую цѣль: 1) дать учащимся краткій повторительный курсъ и 2) служить имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и атласомъ. Мы уже имѣли случай указать на трудность задачи соединить руководства съ атласомъ *). Главнымъ образомъ эта трудность заключается въ томъ, что карты, годныя для учебнаго курса, стоютъ дорого, и, конечно, должны поднимать цѣну учебника, но въ то-же время не могутъ достигнуть той степени совершенства, какую представляютъ карты хорошаго учебнаго атласа. Если-же издатель, подобно г. Голяшкину, не желаетъ увеличивать цѣну учебника, то по необходимости долженъ удовольствоваться плохими картами, какъ это мы видимъ въ данномъ случаѣ. Разсмотримъ поближе эти карты. Одна изъ этихъ картъ представляетъ всю Европейскую Россію, другія—части Россіи по пространствамъ и, наконецъ, есть одна карта искусственныхъ водныхъ сообщеній. Сѣтка у всѣхъ картъ—неправильная, обыкновенная школьная проэкція, употребляющаяся для класснаго черченія; она состоитъ изъ прямыхъ меридіановъ и параллелей, что ведетъ за собой искаженіе контуровъ у краевъ карты. Контуры береговъ очень упрощены, такъ что теряютъ свои отличія. Такъ, напр., у береговъ Финляндіи не обозначено шхеръ. Горы Россіи начерчены штрихами очень неудачно, такъ что онѣ по способу изображенія не отличаются отъ грядъ. Карты не окрашены, отчего невозможно опредѣлить распространеніе низменныхъ равнинъ, а также относительную высоту горъ.

---

*) Картины, какъ пособіе при преподаваніи географіи. «Журналъ Минист. Народ. Прос.». Ноябрь 1891 г.

Такая малая наглядность картъ г. Голяшкина и недостаточность ихъ географическаго матеріала низводитъ ихъ на степень классныхъ эскизовъ и дѣлаетъ совершенно непримѣнимыми къ цѣлямъ преподаванія. Въ настоящее время существуютъ учебники съ картами, далеко превосходщими карты Голяшкина, какъ, напр., учебникъ г. Раевскаго. Что касается до текста, то намъ кажется, что его объемъ слишкомъ великъ для конспекта, какъ назвалъ авторъ свою книгу. Въ ней заключается 56 двойныхъ страницъ текста, т.-е. болѣе ста обыкновенныхъ страницъ учебника. Распредѣленіе учебнаго матеріала сильно напоминаетъ учебникъ Россійской Имперіи Лебедева. Послѣ границъ и ихъ значенія слѣдуетъ пространство, устройство поверхности, рѣки, искусственныя водныя сообщенія и климатъ Европейской Россіи, почва (на 20-ти строкахъ), растенія, животныя и народонаселеніе. За тѣмъ слѣдуетъ спеціальная часть, т.-е. обозрѣніе губерній Европейской Россіи по пространствамъ, а Азіатской Россіи по отдѣламъ: Кавказъ, Сибирь и среднеазіатскія владѣнія. Въ заключеніе помѣщены краткія свѣдѣнія о промышленности и торговлѣ Россіи. Раздѣленіе Европейской Россіи на пространства взято цѣликомъ изъ учебника Лебедева съ тѣми-же ошибками, которыя держатся въ этомъ учебникѣ около четверти вѣка. Такъ, Олонецкая губернія отнесена къ сѣвернымъ губерніямъ, тогда какъ ее слѣдуетъ относить къ озерной равнинѣ, какъ это общепринято въ остальныхъ учебникахъ; Смоленская губернія отнесена къ губерніямъ мануфактурнымъ также безъ достаточнаго основанія, такъ какъ мануфактурная промышленность въ ней не развита. Чтобы покончить со спеціальною частью конспекта, замѣтимъ, что всѣ города и населенные пункты, находящіеся въ учебникѣ Лебедева, помѣщены и здѣсь. Замѣченныя нами дополненія не всегда удачны. Напр., въ польскихъ губерніяхъ помѣщенъ городъ Озорковъ (Озўрковъ?), какъ промышленный пунктъ въ Калишской губерніи, между тѣмъ какъ не упомянутъ Згержъ, гдѣ промышленность развита во много разъ болѣе. Перейдемъ теперь къ общей части. Здѣсь, съ первыхъ-же страницъ, въ отдѣлѣ о границахъ поражаетъ насъ большое количество милліонныхъ числъ, относящихся къ промышленности и торговлѣ. Подобныя цифры находятся и у Лебедева, но тамъ онѣ спрятаны въ выноски. Мы полагаемъ, что въ учебникѣ или конспектѣ, предназначенномъ для общеобразовательныхъ школъ, не слѣдуетъ приводить много статистическихъ данныхъ и во всякомъ случаѣ нужно помѣщать ихъ въ соотвѣтствующемъ имъ отдѣлѣ. Факты, приведенные въ главѣ объ устройствѣ поверхности, не соотвѣтствуютъ тому, что

говорится объ этомъ въ предисловіи. Здѣсь авторъ прямо указываетъ на то, что устройство поверхности въ новомъ изданіи измѣнено на основаніи гипсометрической карты Европейской Россіи Тилло, но въ то-же время оставляетъ названіе «алаунской» возвышенности. Сверхъ того, въ выноскѣ онъ замѣчаетъ, что алаунская возвышенность названа Тилло средне-русскою. Мы полагаемъ, что понятія «алаунской» и «средне-русской» возвышенности не тождественны. Алаунская возвышенность на югѣ оканчивается водораздѣломъ Днѣпра и Оки, такъ, по крайней мѣрѣ, нужно ограничивать ее на основаніи существующихъ описаній (напр. Геогр.-стат. словарь Росс. Имперіи Семенова), всѣ-же возвышенности Южной Россіи до появленія карты Тилло причислялись къ такъ-называемой урало-карпатской грядѣ. Только въ учебникѣ Пуликовскаго совершенно раціонально выдѣлена орловско-курская возвышенность, которую давно нужно было-бы присоединить къ средне-русской. Кто внимательно изучалъ карты Россіи Ильина, тотъ давно уже не признавалъ существованія пресловутыхъ грядъ: урало-балтійской и урало-карпатской. Къ сожалѣнію, гипсометрическая стѣнная карта Ильина, давно уже изданная, не отличается достаточною наглядностью, подобно картѣ Линберга, вышедшей въ 1889 году, и еще ранѣе появившейся за-границей учебной карты Россіи Рихардта Киперта. Научная гипсометрическая карта Тилло отличается, конечно, большею подробностію и точностію нанесеннаго на ней рельефа, но въ общихъ чертахъ представляетъ то-же самое, что и двѣ вышеупомянутыя карты. Появленіе научной карты, изданной членомъ географическаго общества, было необходимо и для того, чтобы санкціонировать введеніе въ учебную литературу новыхъ свѣдѣній о поверхности Европейской Россіи и разрушить рутинныя представленія объ этомъ предметѣ, которыя мы находимъ въ учебникахъ Бѣлохи и Лебедева даже въ изданіи 1890 года. Вмѣсто двухъ грядъ, прорѣзывающихъ Европейскую Россію съ востока на западъ, появились двѣ возвышенности, наибольшее протяженіе которыхъ имѣетъ сѣверо-южное направленіе. Поэтому намъ кажется вполнѣ естественнымъ и раціональнымъ, что г. Тилло не удержалъ стараго названія «Алаунской» возвышенности, а тѣмъ болѣе названій грядъ: «урало-балтійской» и «урало-карпатской». Намъ скажутъ, вѣроятно, что дѣло не въ названіи, а въ сущности вещей, и это, конечно, справедливо, если мы имѣемъ дѣло съ простыми синонимами, причемъ новое названіе не измѣняетъ смысла и содержанія понятія. Совершенно иное въ данномъ случаѣ, имѣющемъ сходство съ тѣми измѣненіями, которыя мы наблюдаемъ въ систематикѣ естественныхъ наукъ. Отецъ

системы естественныхъ наукъ, Линней, еще въ прошломъ столѣтiи придумалъ множество названiй для обозначенiя родовъ и видовъ, но съ тѣхъ поръ, вслѣдствiе накопленiя естественно-научнаго матерiала, сильно измѣнился объемъ многихъ родовъ и самое понятiе о нихъ, такъ-что понадобились новыя названiя, замѣнившiя прежнiя. Подобныя-же основанiя заставили придумать для новыхъ фактовъ, касающихся поверхности Россiи, новыя названiя. Итакъ, по нашему мнѣнiю, слѣдуетъ совершенно изъять изъ употребленiя въ учебникахъ названiе «Алаунская возвышенность», чтобы не оставлять старыхъ понятiй въ новыхъ рамкахъ и не вносить путаницу въ представленiяхъ о поверхности нашего отечества у дѣтей. Кромѣ указаннаго нами крупнаго недосмотра въ главѣ о рельефѣ Европейской Россiи, заключаются и другiя ошибки. Авторъ считаетъ Валдайскiя горы за сѣверную оконечность средне-русской возвышенности, что невѣрно, такъ какъ она простирается и къ сѣверу отъ помянутыхъ горъ, на правомъ берегу р. Мсты. Также невѣрно описанiе и Приволжской возвышенности, южное продолженiе которой не *соединяется* съ возвышенностью сѣвернаго Кавказа, какъ сказано у г. Голяшкина. Между этими двумя повышенiями лежитъ низменность р. Маныча, рѣзко отличающаяся отъ сосѣднихъ мѣстностей—какъ въ орографическомъ, такъ и въ геологическомъ отношенiи. Положенiе долины р. Маныча обозначено вполнѣ ясно нетолько на стѣнной учебной картѣ Линберга, но и въ атласѣ этого послѣдняго, а также на картахъ Ильина, такъ что приведенная ошибка указываетъ на небрежность автора. Въ описанiи Уральскихъ горъ указано на Иремель, какъ на самую высокую гору южнаго Урала, между тѣмъ какъ давно извѣстно, что первенство въ этомъ отношенiи принадлежитъ Яманъ-тау, которая только немного уступаетъ по высотѣ горѣ Тельпосъ, считающейся высочайшей вершиной Урала. Описанiе климата очень коротко и болѣе конспективно, чѣмъ, напр., глава о поверхности. Краткость изложенiя повлекла за собою неясность и сбивчивость. Сказавъ, что восточная Россiя имѣетъ болѣе суровую зиму и жаркое лѣто, авторъ продолжаетъ такъ: «Это наглядно доказывается средней годовой температурою мѣстности (изотермою)». Средняя годовая температура никакимъ образомъ, а тѣмъ болѣе наглядно, не можетъ доказать различiе между континентальнымъ и морскимъ климатомъ, такъ какъ она указываетъ на среднее годовое количество тепла, а не на температуру зимы и лѣта. Въ той-же, приведенной нами фразѣ, средняя температура въ скобкахъ названа изотермою, что далеко не одно и то-же. Затѣмъ, положенiе изотермы Петербурга показано невѣрно,

также какъ и въ учебникѣ Лебедева; также недостаточно и сбивчиво описаніе растительности Европейской Россіи. Авторъ распредѣляетъ растительность по климатическимъ поясамъ, которые имѣютъ у него правильныя границы, именно 48 и 60 параллели. Хвойные лѣса помѣщены только въ холодной полосѣ, а въ умѣренной только лиственные. Тундры описаны въ области хвойныхъ лѣсовъ, а степи пропадаютъ въ области кукурузы и винограда. Такимъ образомъ, тундра, степь и лѣсъ, три характерныхъ растительныхъ области Россіи, выясняются очень плохо.

Что касается до послѣдняго отдѣла конспекта-атласа, заключающаго свѣдѣнія о торговлѣ и промышленности, то, по добросовѣстному сознанію автора, онѣ взяты изъ книги Морева: «Очерки коммерческой географіи и сельско-хозяйственной статистики Россіи». Мы полагаемъ, что для учебника, предназначеннаго, по словамъ самого автора въ предисловіи къ его книгѣ, для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, не можетъ служить образцомъ спеціальный курсъ коммерческой географіи, такъ какъ этотъ курсъ имѣетъ совсѣмъ другую цѣль. Пускаясь въ погоню за цыфрами и систематикой различныхъ отраслей фабричнаго производства, авторъ совсѣмъ упустилъ изъ виду кустарную промышленность, которая представляетъ коренное явленіе русской крестьянской жизни, подвергшееся въ послѣднее время тщательному изслѣдованію. Изъ сказаннаго выше ясно, что конспектъ-атласъ Голяшкина представляетъ плохо составленную компиляцію изъ двухъ учебниковъ: Лебедева и Морева, что свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи самостоятельности и оригинальности. Подобныя изданія, вообще говоря, явленія нежелательныя, тѣмъ болѣе, если они предназначаются для употребленія въ школахъ.

А. Соколовъ.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Школьное обозрѣніе. Редакторъ П. Гусаренко, издательница М. Гонзаль. Подписная цѣна въ Россіи: съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р., на 9 мѣсяцевъ 4 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. Для начальныхъ школъ и учителей на годъ 4 р. III томъ съ 1-го января по 1-е іюля 1891 г. 2 р. №№ 1—14 и №№ отъ 4, 11, 18 и 28 декабря 1891 г.; выходитъ...?

Да, въ самомъ дѣлѣ, въ какіе сроки выходитъ въ свѣтъ «Школьное обозрѣніе»? Въ заголовкѣ его стоитъ «общепедагогическяя *еженедѣльная* газета», но за весь 1891 годъ мы получили всего 14 нумеровъ, съ января по 1-е іюня, а затѣмъ четыре тетрадки, вышедшія въ декабрѣ 1891 г., безъ обозначенія нумеровъ. Далѣе, подписка принимается на годъ, по мѣсяцамъ, даже на 1 мѣсяцъ (60 коп.), какъ обозначено на тетрадкахъ, вышедшихъ въ декабрѣ 1891 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ принимается подписка какъ-то и *по томамъ:* «III-й томъ съ 1-го января по 1-е іюля 1891 г. 2 р.» (см. № 1 и слѣд. до 14-го включительно), а между тѣмъ 14-й нумеръ помѣченъ 31 мая 1891 г., т.-е. никакого тома, слѣдовательно, нѣтъ. Наконецъ, въ какомъ городѣ находится редакція «Школьнаго обозрѣнія»? На первыхъ четырнадцати нумерахъ мѣстомъ пребыванія редакціи показана *Одесса*, а на декабрьскихъ тетрадкахъ, безъ обозначенія нумеровъ, такимъ мѣстомъ показана уже *Москва*, ибо напечатано въ заголовкѣ тетрадокъ слѣдующее: «условія пріема рукописей: Всѣ рукописи и письма *поступаются* (такъ именно и напечатано на трехъ тетрадкахъ, на послѣдней лишь тетрадкѣ, отъ 28 декабря, стоитъ *поступаютъ*) въ г. Москву (Тверской бульваръ, д. быв. Шеппингъ, редакт.-издат. П. И. Гусаренко), или непосредственно или (строго соблюдаемъ пунктуацію подлинника) черезъ одесскую контору Редакціи». Прервавъ изданіе газеты на 14 нумерѣ, редакція никакихъ объясненій не дала;

въ редактированныхъ изъ Москвы четырехъ ненумерованныхъ тетрадкахъ то-же никакихъ редакціонныхъ объясненій не имѣется: тетрадка первая, отъ 4-го декабря, начинается статьею по поводу постигшаго нѣкоторыя мѣстности Россіи неурожая, въ тетрадкѣ помѣщено окончаніе одной статьи («объ отношеніи классной дамы къ классу») изъ № 14-го, но нѣтъ продолженія или окончанія статьи «Вокругъ да около,—популярныя бесѣды о математикѣ», изъ того-же 14-го нумера, въ которомъ продолженіе статьи обѣщано авторомъ («не лишнимъ считаемъ въ *дальнѣйшемъ* познакомить читателя» и т. д.). Признаемся, мы не могли понять, что это за общепедагогическая *еженедѣльная* газета, выходящая такимъ страннымъ образомъ? За разъясненіями мы обратились къ нумерамъ газеты за 1890 годъ. Вотъ что открыли мы въ этихъ нумерахъ: включительно до № 17-го, помѣченнаго 30-мъ апрѣля, газета выходила въ размѣрѣ *16 страницъ*, въ два столбца. Въ № 17-мъ помѣщено слѣдующее заявленіе редакціи «*въ виду скопившихся въ портфелѣ редакціи объемистыхъ и весьма цѣнныхъ* работъ, предназначенныхъ для 2-го тома, она находитъ болѣе удобнымъ не дробить ихъ, а помѣщать *большими частями*, *почему объемъ* газеты будетъ *двойной*», т.-е. редакція въ сущности, какъ видно изъ дальнѣйшаго, стала выпускать газету не *еженедѣльно*, а въ *двѣ недѣли* одинъ разъ, и притомъ не въ двойномъ объемѣ, какъ слѣдовало-бы уже потому, что она соединяла два нумера въ одинъ, *а въ томъ-же размѣрѣ, какъ и еженедѣльные нумера,* т.-е. по 16 страницъ. Такимъ именно образомъ (т.-е. по 16 стр., вмѣсто 32-хъ) и выданы ею №№ 18 и 19, 23 и 24, 25 и 26 и даже №№ 20—22, т.-е. выпускъ, долженствовавшій быть *тройнымъ*. №№ 23 и 24 выданы отъ 17 іюня (цензорская помѣтка 26 іюля), №№ 25—26 выданы опять-таки отъ того-же 17 іюня (цензорская помѣтка отъ 31 іюля), и въ этихъ двухъ послѣднихъ соединенныхъ нумерахъ помѣщено отъ редакціи заявленіе, прелесть котораго, послѣ вышеизложеннаго, читатели оцѣнятъ сами: «*Убѣдившись*,—говорится въ этомъ заявленіи,—въ теченіи перваго года, по окончаніи выпуска въ свѣтъ двухъ первыхъ томовъ «Школьнаго обозрѣнія», *въ томъ горячемъ участіи и интересѣ, съ которымъ относятся къ этому изданію не только педагоги различныхъ концовъ Россіи, но и интеллигентная часть русскаго общества* *), видя, на основаніи опыта неполноту про-

*) Тутъ «педагоги различныхъ концовъ Россіи» какъ-бы исключаются изъ «интеллигентной части русскаго общества»; но не будемъ придираться къ фразѣ,—сущность дѣла болѣе интересна для насъ.

граммы «Школьнаго обозрѣнія» и слабыя стороны въ организаціи его конторской части, *Редакція сочла необходимымъ, въ интересахъ дальнѣйшаго процвѣтанія «Школьнаго обозрѣнія» пріостановить выпускъ III-го тома до 1-го января 1891 года.* На устраненіе тормо(а)зовъ, могущихъ вредить правильному развитію изданія, Редакція предназначила весь періодъ времени съ 1-го іюля 1890 года по 1-е января 1891 года».

Съ 1-го января 1891 года, послѣ обѣщаннаго «устраненія тормазовъ», начинается снова сказка про бѣлаго бычка: газета выпускаетъ до мая мѣсяца 14 №№, причемъ, напр., №№ 6 и 7 соединены въ одинъ, но вмѣсто двухъ листовъ дано всего 1$^1/_2$ листа, газета затѣмъ пріостанавливается, наконецъ, выпускаются четыре тетради въ декабрѣ и т. п, какъ уже сказано въ началѣ нашей замѣтки; въ объявленіяхъ же, помѣщенныхъ во многихъ газетахъ и журлахъ, публика приглашается къ подпискѣ уже на 1892 годъ...

Есть еще одна сторона въ изданіи «Школьнаго обозрѣнія», которая то-же невольно, сама собою бросается въ глаза. Въ объявленіяхъ о подпискѣ на эту загадочную газету обыкновенно приводится длинный списокъ сотрудниковъ. Въ № 4-мъ, напр., поменовано счетомъ 64 *сотрудника*, а въ тетради отъ 28 декабря 1891 года, редакція, приведя списокъ своихъ сотрудниковъ, жирнымъ шрифтомъ прибавляетъ: «*вышеприведенныя имена гг. сотрудниковъ* (между ними помѣщено также и имя самого редактора «Школьнаго обозрѣнія» *П. И. Гусаренка*) *говорятъ сами за себя*». Мы согласны съ тѣмъ, что многія изъ этихъ именъ «говорятъ сами за себя», но говорятъ-ли лица, носящія эти имена, въ «Школьномъ обозрѣніи»—вотъ вопросъ? Внимательно перечитавъ всѣ вышеуказанные нумера этой педагогической газеты за 1891 годъ, мы не нашли подъ статьями ихъ ни одной подписи изъ перечисленныхъ въ объявленіи крупныхъ именъ педагогическаго міра...

Въ № 9-мъ «Школьнаго обозрѣнія» помѣщено заявленіе отъ редакціи объ открытіи отдѣла «вопросы и отвѣты». «Желая быть всесторонне полезной школѣ и обществу, редакція, пригласивъ въ свой составъ нѣсколько врачей, помимо вопросовъ педагогическихъ, въ этомъ отдѣлѣ будетъ отвѣчать на вопросы по гигіенѣ и домашней медицинѣ, въ которыхъ (въ вопросахъ?) нуждается большой контингентъ нашихъ читателей — сельскіе учителя и учительницы, о чемъ неоднократно намъ заявлялось». Дѣйствительно, въ № 12 помѣщено, за подписью *д-ръ Л. Ш.*, четыре отвѣта, въ числѣ которыхъ есть и такой: «г-жѣ П. Д. М. въ с. Дмитріевкѣ. Появленіе лихорадки у ва-

шего ребенка, послѣ удачно привитой оспы, не должно васъ особенно безпокоить. Прививка оспы сопровождается очень часто лихорадкой, появляющейся обыкновенно на 4-й или 5-й день послѣ вакцинаціи; температура въ этихъ случаяхъ повышается *умѣренно*, держится повышенною *2—4 дня* и постепенно падаетъ до нормы. Опасенія должна возбуждать только слишкомъ высокая температура, равно какъ лихорадка, затянувшаяся на болѣе продолжительное время». Если предположить, что между вопросомъ безпокоящейся о своемъ ребенкѣ матери и полученіемъ ею печатнаго отвѣта прошло только двѣ недѣли (а при неаккуратномъ выходѣ газеты, вѣроятно, гораздо болѣе), если, затѣмъ, принять во вниманіе, что тревожное состояніе матери можетъ или длиться всего 2—4 дня, или-же послѣ этого ея ребенку начинаетъ угрожать серьезная опасность, то, смотря по этому, и самый отвѣтъ врача изъ «Шк. о.» получаетъ или совершенно комичный видъ, или-же будетъ отзываться жестокою ироніею... Въ слѣдующихъ №№ отдѣла «вопросовъ и отвѣтовъ» уже нѣтъ; «нѣсколько врачей», повидимому, устали; впрочемъ, послѣ вышеприведеннаго отвѣта одного изъ нихъ редакція и выпустила всего-то лишь два нумера и, не объяснивъ причинъ, пріостановила выходъ газеты до декабря... Въ одной-же изъ четырехъ декабрскихъ тетрадей (отъ 18 числа) редакція помѣщаетъ уже другое заявленіе, въ которомъ приглашаетъ «всѣхъ интересующихся вопросами воспитанія и обученія *высказываться* по поводу помѣщаемыхъ въ «Школьномъ обозрѣніи» статей и вообще присылать хотя-бы самыя небольшія по объему замѣтки и наблюденія по вопросамъ воспитанія и образованія» и т. д., обѣщая, съ своей стороны, «если читатели отзовутся на это приглашеніе», «удѣлить на страницахъ «Школьнаго обозрѣнія» *особое мѣсто* для взаимнаго обмѣна мыслей читателей между собою (взаимнаго—между собою) по вопросамъ народнаго образованія и воспитанія(,) и такой отдѣлъ можетъ пріобрѣсти значительный интересъ и придать большее оживленіе дѣлу, которому служитъ редакція. Съ своей стороны(,) редакція приложитъ всѣ усилія, чтобы давать читателямъ отвѣты на возбуждаемые ими вопросы». Будутъ-ли результаты «приложенія всѣхъ усилій редакціи» таковы-же, какъ и по отношенію къ вышеприведенному обѣщанію имѣть отдѣлъ вопросовъ и отвѣтовъ по гигіенѣ и медицинѣ,—пока неизвѣстно, но сомнѣваться въ успѣхѣ «всѣхъ усилій» редакціи дозволительно, ибо если при участіи «нѣсколькихъ врачей» въ ея «составѣ» дѣло не пошло, то на лицъ совершенно постороннихъ разсчитывать еще труднѣе.

Прочтя написанное нами до сихъ поръ, нѣкоторые изъ читателей,

можетъ быть, скажутъ: къ чему все это? Мы желаемъ узнать—что это за педагогическая газета «Школьное обозрѣніе», а вы еще ничего не сказали о ея содержаніи... На такое предполагаемое возраженіе мы позволимъ себѣ отвѣтить слѣдующее. Цѣль обзора того или другого педагогическаго журнала состоитъ въ томъ, чтобы читатель, на основаніи приводимыхъ рецензентомъ фактовъ, могъ составить себѣ болѣе или менѣе ясное, правильное представленіе о журналѣ, сдѣлать себѣ характеристику его. Но развѣ приведенные нами факты не характерны? Развѣ по нимъ читателю нельзя, до извѣстной степени, уяснить себѣ характеръ названной «общепедагогической газеты», составить себѣ надлежащее представленіе о ней? Sapienti sat!.. Мы полагаемъ, что собрали для читателя матеріалъ, въ указанномъ отношеніи болѣе чѣмъ достаточный, такъ что можемъ избавить его отъ труда знакомиться съ тѣми прелестями, съ которыми намъ самимъ, по рецензентской обязанности, пришлось наслаждаться нумеръ за нумеромъ, на двадцати слишкомъ листахъ печатной бумаги... Впрочемъ, для очистки совѣсти, коснемся и внутренняго содержанія газеты.

Большая часть нумеровъ «Школьнаго обозрѣнія» имѣетъ слѣдующія рубрики: статьи по общимъ вопросамъ воспитанія и обученія, школьная практика, русская хроника, иностранная хроника, корреспонденціи, библіографія, фельетонъ.

Несмотря на пышныя иногда заглавія статей въ первой и второй рубрикахъ, огромное большинство ихъ поражаетъ скудостью своего содержанія. Есть, конечно, и недурныя статейки и таковыхъ наберется, пожалуй, штукъ пять-шесть. Полезна статейка г. *Ельницкаго* «о письменныхъ работахъ по педагогикѣ въ VIII классѣ женскихъ гимназій» (№№ 6—7), въ которой авторъ даетъ 189 темъ для такихъ работъ. Но между темами встрѣчаются и такія, какъ, напр., 186—«основы воспитанія»; вѣдь на такую тему потребуется написать цѣлый курсъ, или-же ограничиться общими фразами, что и будетъ развивать только фразерство. Въ статьѣ «Къ вопросу о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ» (№ 9 и сл.) авторъ, г. *Шпаковичъ*, справедливо возстаетъ противъ пресловутой методики покойнаго В. А. Евтушевскаго, говоря, что послѣдній «для рѣшенія задачъ ничѣмъ не вооружаетъ своихъ учениковъ, не даетъ имъ пріема для этого, не указываетъ метода. Рѣшаютъ ученики задачи только при помощи наводящихъ вопросовъ учителя» (стр. 268). Небезполезна для молодыхъ воспитательницъ (ибо ужь очень элементарна) статья, помѣщенная въ нѣсколькихъ нумерахъ, *А. Ч.* «объ отношеніяхъ классной дамы къ классу». Статья г. *Н. Чехова* «Къ вопросу о начальномъ

обученіи женщинъ» (№ 14) обращаетъ вниманіе на то, что къ обученію въ народной школѣ надо привлекать не столько мальчиковъ, сколько дѣвочекъ, тогда какъ въ настоящее время поступаютъ какъ разъ обратно: дѣвочекъ въ школу принимаютъ главнымъ образомъ лишь тогда, когда въ ней остается для нихъ мѣсто. «Молодой крестьянинъ,—говоритъ авторъ,—почти безсиленъ перенести все это (т.-е. все то хорошее, что дала ему школа) въ свою семью, привить въ ней хотя малую часть этихъ пріобрѣтеній, тамъ существуетъ такое серьезное препятствіе, какъ безграмотная, необразованная хозяйка (жена или мать), зараженная нетолько всѣмъ тѣмъ, противъ чего онъ собирается бороться, но и сознаніемъ, что она госпожа въ домашней жизни, хранительница домашнихъ обычаевъ и повѣрій и воспитательница молодаго поколѣнія. Да мужику и некогда заниматься реформами дома, когда у него по горло работы въ полѣ и на сторонѣ. Совершенно другой результатъ получился-бы, если вліяніе школы было-бы направлено на женскую половину крестьянства. Жизнь крестьянская измѣнилась-бы въ самомъ корнѣ: въ домашней семейной обстановкѣ и въ отношеніяхъ къ подростающему поколѣнію. Даже стремленіе къ грамотѣ сдѣлало-бы громадные успѣхи: ни одна грамотная мать не оставитъ своего сына безграмотнымъ; у нея есть и время, и возможность обучить его, а очень многіе мужики, случайно выучившись грамотѣ, почти не заботятся, чтобы ихъ дѣти не остались безграмотными, и уже совсѣмъ въ исключительныхъ случаяхъ сами принимаются за ихъ обученіе. Ввести улучшеніе въ домашнюю обстановку, въ воспитаніе дѣтей, наконецъ, даже въ семейное отношеніе можетъ только женщина. Черезъ нее школа могла-бы ввести въ крестьянскую жизнь массу полезныхъ въ домашнемъ быту свѣдѣній, гигіеническихъ привычекъ и раціональныхъ пріемовъ ухода за дѣтьми. Такимъ образомъ самое первоначальное обученіе грамотѣ могло бы перейти въ семью и народная школа безъ труда могла-бы расширить свою программу. Наконецъ, народная среда дастъ давно желаемыхъ и ожидаемыхъ учительницъ-крестьянокъ, крестьянокъ фельдшерицъ и акушерокъ. Словомъ, привлеченіе дѣвочекъ къ начальному образованію обѣщаетъ въ будущемъ такія измѣненія въ семейномъ и общественномъ быту нашего крестьянства, открываетъ такія перспективы будущей деревни, о которыхъ мы пока еще и мечтать не смѣемъ. Только дайте крестьянскимъ дѣвочкамъ возможность получить начальное образованіе и найдите средства привлечь ихъ къ нему» (стр. 224—225). Отмѣтимъ еще статью «Возможно-ли закрытіе хотя-бы одной учительской семинаріи въ Россіи» (№ 2), написанную по по-

воду статей въ №№ 39 и 46 «Церк. Вѣдомостей» за 1890 годъ. «Къ удивленію, замѣчаетъ авторъ, такіе голоса (т.-е. за закрытіе учительскихъ семинарій) раздаются даже въ оффиціальномъ органѣ Святѣйшаго Синода, «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» (стр. 171). Статьи г. А. Миткевича (въ тетрадяхъ отъ 4 и 14 декабря 1891 г.) «о воспитаніи въ Россіи въ XVIII в.» повторяютъ общеизвѣстные факты, но отъ времени до времени такія напоминанія не безполезны. Въ статьѣ «о домашнемъ обученіи» (въ тетради отъ 28 декабря) дается программа, но, къ сожалѣнію, ужь черезчуръ мелочная, а потому невыполнимая, для собиранія свѣдѣній по этому предмету. Вотъ и все, на что мы могли обратить вниманіе читателей въ двухъ вышеназванныхъ отдѣлахъ «Школьнаго обозрѣнія». Изъ корреспонденцій, своихъ и перепечатанныхъ, есть три-четыре недурныя, полезныя для тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ и о которыхъ онѣ написаны. Русская и иностранная хроники состоятъ большею частію изъ перепечатокъ, отрывочны, не систематичны, не отличаются даже новизною, не отвѣчаютъ интересамъ минуты, какъ этого слѣдовало-бы ожидать отъ газеты. Укажемъ, для примѣра, на иностранную хронику въ № 2-мъ. Здѣсь въ 60 полустрокахъ (т.-е. на одномъ столбцѣ), равныхъ строкамъ 20—25 настоящей статьи, приводятся свѣдѣнія изъ школьной хроники Англіи, Германіи, Франціи, Австро-Венгріи и Баваріи. Что вынесетъ читатель полезнаго изъ такихъ сообщеній, которыя короче воробьинаго клюва?.. Въ библіографіи даются отзывы въ нѣсколько строкъ, большею частію объ одной, много двухъ-трехъ книгахъ въ нумерѣ. Фельетоны состоятъ или изъ переводныхъ статеекъ, или изъ самой безшабашной болтовни. Послѣднее въ особенности можно сказать о фельетонахъ г. Каплана, занимающихъ въ пяти нумерахъ, относительно, довольно много мѣста (въ четыре тетради, изданныя въ декабрѣ, они, однако, не перенесены, т.-е. остались незаконченными). Фельетоны эти носятъ названія «Вокругъ да около», и дѣйствительно авторъ кружится, какъ мотылекъ. «Есть,—говоритъ онъ,—нѣкоторые предметы, которые при самой *отчаянной* популяризаціи требуютъ все-таки напряженнаго вниманія». Отчаянная популяризація автора нуждается въ напряженномъ вниманіи, но лишь потому, что авторъ не знаетъ русскаго языка. Вотъ образецъ этого ужаснаго жаргона: «Cogito, ergo sum», сказалъ Декартъ, этотъ великій ученый всѣхъ временъ. Мы переведемъ эти слова такимъ образомъ: «Поскольк*у* я мы*шлю*, по стольк*у* во всякомъ случаѣ существую» (стр. 375), «затѣмъ обучающій говоритъ ученику: «Вдумайся, *повороти мозгами* и пойми» (стр. 374) и т. п. А между тѣмъ ругаться и этотъ господинъ

гораздъ. Въ № 11 (стр. 342) имъ огуломъ обруганы *всѣ* составители нашихъ учебниковъ. «А почему,—строго спрашиваетъ онъ,—у насъ *нѣтъ хорошихъ учебниковъ?* Потому, отвѣтимъ мы, что *люди, составлявшіе ихъ, искали не пользы для общества, не славы даже, а только личной выгоды, денегъ, прибыли, грошей*... Они, фабрикуя свои убогія книжицы, не справлялись съ состояніемъ науки; имъ было безразлично, какъ *отнесутся объ нихъ* знающіе, опытные люди. *Библіографы* (? рецензенты, критики ?) могли ругаться, иронизировать, *кусать* (о, Господи!), надрываться, сколько душенькѣ угодно, а почтенные авторы и ухомъ не вели, — они положили денежки въ карманъ и сказали себѣ: «Мы большаго и не ищемъ» (стр. 342).

Кажется, и намъ, въ свою очередь, искать въ «Школьномъ обозрѣніи» бóльшаго нечего, а потому прекратимъ о немъ рѣчь...

К. М.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники школьной жизни Германіи и Австро-Венгріи.

Школьный вопросъ въ нѣмецко-чешскомъ соглашеніи *).—Единая средняя школа въ Венгріи и Германіи **).

Борьба чеховъ за свою «историко-политическую индивидуальность» представляетъ явленіе въ высокой степени интересное и поучительное. За послѣдніе два года эта борьба играетъ огромную роль въ политической жизни Австріи. Однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій ея является школа, а потому «школьный вопросъ» занимаетъ въ ней весьма важное мѣсто. Какъ извѣстно, въ январѣ 1890 г. представители австрійскаго правительства, нѣмецкой и старочешской партій въ чешскомъ сеймѣ подписали такъ-называемое нѣмецко-чешское соглашеніе, которое должно было установить національный миръ въ Чехіи. Въ этихъ «пунктуаціяхъ» былъ, между прочимъ, предусмотрѣнъ пересмотръ закона о составѣ и устройствѣ чешскаго земскаго совѣта по школьнымъ дѣламъ (Böhmischer Landesschulrat). Новый законъ въ этомъ смыслѣ былъ дѣйствительно вскорѣ внесенъ въ сеймъ, съ нѣкоторыми измѣненіями имъ принятъ и утвержденъ императоромъ. Этотъ законъ, быть можетъ, вмѣстѣ съ предложеннымъ сейму въ текущую сессію закономъ о такъ-называемыхъ «школахъ для меньшинства» (Minoritätsschulen), а, быть можетъ, и безъ него будетъ, вѣроятно, на долгое время однимъ изъ немногихъ осуществленныхъ пунктовъ январьскаго соглашенія, неудача котораго во всемъ его объемѣ представляетъ собою уже совершившійся фактъ.

Уже школьный законъ 1873 г. ввелъ довольно правильное и справедливое разграниченіе національностей. Онъ постановляетъ, что школьныя общины, т.-е. школьно-административныя единицы, должны быть образуемы, по возможности, на основѣ разграниченія національностей, такъ

*) Dr. Max Menger, Der böhmische Ausgleich. Stuttgart. 1891 (Cossa). Эта книга написана съ нѣмецкой точки зрѣнія, но чрезвычайно цѣнна тѣмъ, что въ ней перепечатаны всѣ документы и матеріалы, относящіеся къ нѣмецко-чешскому соглашенію.

**) Zeitschrift für die Reform der höheren Schulen. Organ des Vereins für Schulreform. Herausgegeben von Dr. Friedrich Lange № 1, 17 Februar 1892.

что изъ нѣмецкихъ общинъ должны быть составляемы нѣмецкія школьно-административныя единицы, изъ чешскихъ—чешскія. Законъ 1873 года регулируетъ также административное устройство школьнаго дѣла въ округахъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Въ смѣшанныхъ нѣмецко-чешскихъ поселеніяхъ, которыя не образуютъ особыхъ школьныхъ округовъ, но въ которыхъ есть школы обѣихъ національностей, причемъ, однако, территоріальное ихъ разграниченіе неисполнимо, школьными дѣлами завѣдуютъ два національные школьные совѣта. Въ составъ ихъ входятъ представители школы, церкви и мѣстнаго самоуправленія. Кажется, національные интересы обѣихъ сторонъ вполнѣ соблюдены въ тѣхъ правилахъ, которыя мы до сихъ поръ излагали. *Но такъ только кажется.* Дѣло въ томъ, что представители мѣстнаго самоуправленія въ національныхъ школьныхъ совѣтахъ выбираются всей общиной, т.-е. большинствомъ. Правда, они должны по закону принадлежать къ той національности, школьные интересы которой представляетъ данный школьный совѣтъ. Но это не мѣшаетъ тому, что тамъ, гдѣ чехи въ большинствѣ, они въ нѣмецкій школьный совѣтъ подъ видомъ нѣмцевъ посылаютъ людей, которые на самомъ дѣлѣ сочувствуютъ чехамъ и примыкаютъ къ нимъ; то-же самое дѣлаютъ нѣмцы тамъ, гдѣ въ большинствѣ они. Законъ не говоритъ—какъ установить фактъ принадлежности того или другого лица къ чешской или нѣмецкой національности. «Нѣмцы или чехи, справедливо замѣчаетъ Менгеръ (l. c. p. 63), которые не стоятъ за одно съ своимъ народомъ, не перестаютъ отъ этого быть нѣмцами или чехами. Но именно они *всего менѣе* годны для того, чтобы быть представителями школьныхъ интересовъ той націи, въ которой они родились, но отъ которой они отказались и которую, быть можетъ, они предали». Проектъ закона о «школахъ для меньшинства», на которомъ мы остановимся подробнѣе, отчасти устраняетъ возможность такой тиранніи большинства. Школьный законъ 1873 г. внесъ начало разграниченія національностей и во вторую инстанцію школьнаго управленія—школьный округъ. Почти всѣ города составляютъ отдѣльные школьные округа, и тутъ въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ сельскихъ общинахъ, обнаруживается только что указанное зло. Такъ, представители города въ пражскомъ *) нѣмецкомъ школьномъ совѣтѣ избираются исключительно чехами, такъ какъ въ пражской городской думѣ нѣтъ ни одного нѣмца.

Законъ 24-го іюня 1890 г. распространяетъ начало разграниченія національностей и на высшее центральное учрежденіе, вѣдающее народное образованіе, — на земскій школьный совѣтъ Чешскаго королевства. Широкая компетенція его оставлена закономъ безъ измѣненій: послѣднія касаются только состава и устройства земскаго школьнаго совѣта. Прежде въ немъ царило *внѣшнее единство*; теперь введенъ *дуализмъ*. Всѣ чешскія школы вѣдаются чешской секціей; нѣмецкія—нѣмецкой. Только общія и тѣмъ и другимъ дѣла подлежатъ обсужденію общаго собранія земскаго школьнаго совѣта. Въ компетенцію общаго собранія входитъ также основаніе «школъ для меньшинства» (Minoritätsschulen); только послѣ того, какъ такія школы уже основаны, онѣ переходятъ въ вѣдѣніе той

*) На 190 т. жителей Праги приходится около 30 т. нѣмцевъ.

или другой секціи. Земскій школьный совѣтъ состоитъ изъ 26 членовъ и предсѣдателя—намѣстника королевства или его замѣстителя; изъ 26 членовъ 6 выбираются исполнительнымъ органомъ сейма (пользуясь русской терминологіей, его можно назвать земской управой); 2 — пражской городской думой и 18 назначаются правительствомъ, причемъ только относительно представителей (4) учительскаго сословія правительство обязано закономъ соблюдать равноправность національностей и назначать 2 чеховъ и 2 нѣмцевъ. Въ число 18 назначаемыхъ правительствомъ членовъ, кромѣ представителей учительскаго сословія, входятъ 10 чиновниковъ (инспекторовъ народныхъ училищъ и т. наз. референтовъ), 2 представителя католическаго духовенства, 1—лютеранскаго и 1—еврейскаго вѣроисповѣданія. Послѣдніе 4 представителя конфессіональныхъ интересовъ, согласно измѣненію, внесенному чешскимъ большинствомъ сейма въ правительственный законопроектъ, обязаны знать оба языка—чешскій и нѣмецкій. Половина выборныхъ членовъ должна состоять изъ чеховъ, половина изъ нѣмцевъ, но въ избирательныхъ коллегіяхъ, которыя даютъ этимъ господамъ ихъ полномочія, большинство давно уже находится и всегда будетъ находиться на сторонѣ чеховъ. Въ виду всего этого нѣмцы и ихъ пресса *не безъ нѣкотораго основанія* указываютъ, что при враждебномъ нѣмцамъ правительствѣ, — а таковымъ было *до самаго послѣдняго времени* министерство графа Тааффе,—въ земскомъ школьномъ совѣтѣ и ergo также въ нѣмецкой его секціи можетъ не быть ни одного настоящаго нѣмца. Факты отчасти оправдали опасенія нѣмцевъ, такъ какъ пражская городская дума, въ качествѣ нѣмецкаго представителя, послала въ земскій школьный совѣтъ нѣкоего Гейнриха, котораго его соплеменники считаютъ за ренегата. Но дѣло разомъ измѣняется, если мы предположимъ, что во главѣ Австріи стоитъ настоящее нѣмецкое правительство, напр., теперешняя нѣмецко-либеральная оппозиція. Тогда чехи *могутъ* и въ общемъ собраніи, и въ своей собственной секціи оказаться въ меньшинствѣ, несмотря на то, что они составляютъ 63% населенія всей страны *). Между тѣмъ этотъ случай—возвращеніе нѣмецкой оппозиціи ко власти — за послѣднее время далеко уже не представляется невозможностью. Изъ всего сказаннаго съ полной ясностью вытекаетъ одно, что нѣмецко-чешское соглашеніе, поскольку оно касается школьнаго вопроса и осуществлено въ законѣ 24-го іюня 1890 г., не представляетъ настоящихъ прочныхъ гарантій для національнаго мира въ области народнаго образованія.

«Школами для меньшинства» (Minoritätsschulen) называются такія школы, которыя устраиваются *при наличности извѣстныхъ установленныхъ закономъ условій* для дѣтей національности, составляющей въ данной школьно-административной единицѣ меньшинство. Если въ теченіе 5 лѣтъ въ одномъ или нѣсколькихъ близко расположенныхъ другъ отъ друга поселеніяхъ находятся болѣе 40 дѣтей школьнаго возраста, которые должны посѣщать школу, отстоящую отъ ихъ мѣстожительствъ болѣе чѣмъ на 4 километра, то въ такомъ случаѣ законъ требуетъ основанія

*) По даннымъ 1883 г. въ Чехіи было 2.518 чешскихъ и 1.952 нѣмецкихъ народныхъ школъ.

новой школы. По новому законопроекту, для основанія «школы для меньшинства» при оффиціально заявленномъ желаніи заинтересованныхъ родителей достаточны тѣ-же самыя условія, кромѣ, конечно, разстоянія. Но новый законопроектъ требуетъ также основанія школы для меньшинства, если въ теченіе 3 лѣтъ въ данномъ школьномъ участкѣ находятся 80 дѣтей школьнаго возраста. Кромѣ того, онъ вводитъ важное финансовое измѣненіе: издержки на основаніе и содержаніе «школъ для меньшинства» будутъ впредь падать не на школьную общину, а на общеземскую казну Чешскаго королевства. Этимъ постановленіемъ, которое, весьма естественно, имѣетъ обратную силу, для многихъ общинъ устраняется основаніе сопротивляться устройству такихъ школъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что чехи въ своихъ требованіяхъ относительно разграниченія національностей идутъ гораздо дальше того, что сдѣлано въ этомъ отношеніи закономъ: такъ, профессоръ классической филологіи въ Чешскомъ университетѣ въ Прагѣ г. Квичала внесъ законопроектъ, по которому нѣмецкую школу имѣютъ право посѣщать только дѣти нѣмецкихъ родителей, чешскую—только дѣти чешскихъ. А пражская городская управа въ 1881 г. прямо запретила пріемъ чешскихъ дѣтей въ нѣмецкія школы, но земскій школьный совѣтъ призналъ это постановленіе незаконнымъ. Нѣмцы утверждаютъ, что законъ о «школахъ для меньшинства» имѣетъ больше значенія для чеховъ, чѣмъ для нѣмцевъ, такъ какъ именно первые заинтересованы въ томъ, чтобы предохранить свое подвижное рабочее населеніе отъ германизаціи въ нѣмецкихъ округахъ. Чехи-же продолжаютъ настаивать на lex Kviczala.

Въ текущую сессію чешскаго сейма чешскими депутатами уже внесено нѣсколько предложеній, такъ или иначе затрогивающихъ школьный вопросъ съ національной точки зрѣнія.

Въ Венгріи, гдѣ въ 1890 г. проведена важная реформа гимназій, съ которой мы уже познакомили читателей въ январьской книжкѣ «Русской Школы» за текущій годъ, теперь готовится новая реформа, еще болѣе глубокая. Министръ народнаго просвѣщенія графъ Альбинъ Чаки (Csaky) замыслилъ осуществленіе «единой средней школы». Для этой цѣли онъ созвалъ на 15-е февраля (н. с.) текущаго года совѣщаніе, участники котораго получили слѣдующую пригласительную бумагу:

«Тотчасъ по вступленіи въ силу закона XXX 1890 г. *) я подвергъ изученію вопросъ объ единой средней школѣ. Относительно этого предмета у меня находятся въ рукахъ нѣсколько проектовъ, но я желаю, прежде чѣмъ принять рѣшеніе въ столь важномъ дѣлѣ, познакомиться со взглядами возможно большаго числа спеціалистовъ. Съ этою цѣлью я рѣшилъ созвать совѣщаніе и прошу васъ, м. г., принять участіе въ этомъ совѣщаніи, которое состоится 15-го февраля с. г., въ залѣ засѣданій министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Хотя я и желаю дать полную свободу выраженія всякому взгляду и всякому предложенію, но все-таки для того, чтобы облегчить ходъ и направленіе совѣщаній, я счелъ необходимымъ составить вопросы, которые для предварительнаго изученія при семъ препровождаются».

Будапестъ, 25 января 1892. Подп. графъ Чаки.

(* О необязательности греческаго языка.

Вопросы, подлежащіе обсужденію на совѣщаніи объ единой средней школѣ:

1) Какая форма единой средней школы въ настоящее время всего лучше соотвѣтствуетъ нашимъ потребностямъ? Удобна-ли такая организація, при которой старшіе классы распадаются на отдѣленія съ сохраненіемъ общаго преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ?

2) Какія цѣли въ новой средней школѣ должно преслѣдовать преподаваніе латинскаго языка, который до сихъ поръ игралъ столь большую роль, и въ частности: что должно являться конечной цѣлью преподаванія латинскаго языка и съ какого класса оно должно начинаться?

3) Если средняя школа въ старшихъ классахъ будетъ распадаться на отдѣленія, то до какого класса она должна сохранять полное единство? На сколько отдѣленій, на два или на три, должны распадаться старшіе классы и какіе предметы должны быть общими для всѣхъ отдѣленій и какіе—спеціальными предметами различныхъ отдѣленій? Въ частности: необходимо-ли основать такое отдѣленіе, въ старшихъ классахъ котораго отсутствовалъ-бы латинскій языкъ и главнѣйшими предметами являлись реальныя науки (Realia) и новые языки?

4) Необходимо-ли раздѣленіе средней школы на старшее и младшее отдѣленія? Если это необходимо, то слѣдуетъ, принимая во вниманіе тѣхъ учениковъ, которые прежде оставляютъ школу, стремиться къ тому, чтобы младшее отдѣленіе давало извѣстное законченное образованіе. Не было-ли-бы цѣлесообразно это младшее отдѣленіе средней школы заканчивать экзаменомъ, который-бы стоялъ подъ контролемъ правительства?

5) Въ какомъ отношеніи будетъ находиться новая средняя школа къ народной школѣ (пріемный экзаменъ) *), къ другимъ среднимъ (практическимъ) учебнымъ заведеніямъ и къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ? Въ частности, всякое-ли отдѣленіе средней школы должно давать право поступленія во всѣ высшія учебныя заведенія, или-же каждое отдѣленіе будетъ давать въ этомъ отношеніи различныя права?

Въ Германіи успѣхи «единой средней школы» были скромные, но и тамъ эта идея, очевидно, завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе прочную почву. 7-го января с. г. прусскій министръ народнаго просвѣщенія графъ Цедлитцъ-Трюцшлеръ принималъ представителей «Verein für Schulreform», д-ра Фр. Ланге и директоровъ Петерса и Лауберта, причемъ выразилъ свое полное согласіе на производство опытовъ съ «единой средней школой» **). Министръ заявилъ, что онъ самъ сперва имѣлъ намѣреніе назначить въ каждой провинціи по одной государственной гимназіи для такихъ опытовъ, но потомъ отказался отъ этого плана. Но если города пожелаютъ въ своихъ гимназіяхъ устроить опыты съ единой средней школой, то министерство нетолько не будетъ препятствовать, но даже окажетъ содѣйствіе этому дѣлу. Какъ уже извѣстно читателямъ изъ нашей предыдущей хроники (Р. Шк., декабрь 1891 г.), первымъ изъ прусскихъ городовъ ходатайствовалъ объ устройствѣ «единой средней школы» Франкфуртъ-на-Майнѣ. Съ 1-го апрѣля

*) Его до сихъ поръ не было.

**) См. нашу хронику школьной жизни Германіи. Р. Шк., декабрь 1891 г.

тамъ начнетъ функціонировать такая школа съ нижеслѣдующимъ учебнымъ планомъ, который уже утвержденъ министерствомъ:

I. Общее основаніе для всѣхъ среднихъ школъ.

	I кл.	II кл.	III кл.
Законъ Божій	3	2	2
Нѣмецкій яз.	5	4	4
Французскій яз.	6	6	6
Географія	2	2	3
Исторія	—	2	2
Математика	5	5	5
Естествовѣдѣніе	2	2	2
Чистописаніе	2	2	—
Рисованіе	—	2	2
Итого	25	25	26

II. Общее основаніе для гимназій и реальныхъ гимназій.

	IV кл.	V кл.
Законъ Божій	2	2
Нѣмецкій яз.	3	3
Латинскій яз.	Г. [1]) 10 Р. [2]) 8	Г. [1]) 10 Р. [2]) 8
Французскій яз.	Г. [1]) 2 Р. [2]) 4	Г. [1]) 2 Р. [2]) 4
Географія	1	1
Исторія	2	2
Математика	4	4
Естествовѣдѣніе	2	2
Рисованіе	2	2
Итого	28	28

III. Гимназія.

	VI кл.	VII кл.	VIII кл.	IX кл.
Законъ Божій	2	2	2	2
Нѣмецкій яз.	3	3	3	3
Латинскій яз.	8	8	8	8
Греческій яз.	8	8	8	8
Французскій яз.	2	2	2	2
Географія	—	—	—	—
Исторія	2	2	2	2
Математика	3	4	4	3
Физика	2	2	2	2
Итого	30	31	31	31

IV. Реальная гимназія.

	VI кл.	VII кл.	VIII кл.	IX кл.
Законъ Божій	2	2	2	2
Нѣмецкій яз.	3	3	3	3

[1]) Г.=Гимназія. [2]) Р.=Реальная гимназія.

Латинскій яз.	6	6	6	6
Французскій яз.	3	3	3	3
Англійскій яз.	6	4	4	4
Географія	1	1	1	1
Исторія	2	2	2	2
Математика	4	5	5	5
Физика	3	2	2	2
Химія	—	2	2	2
Рисованіе	2	2	2	2
Итого	32	32	32	32

V. Высшее реальное училище.

	IV кл.	V кл.	VI кл.	VII кл.	VIII кл.	IX кл.
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2
Нѣмецкій яз.	3	3	3	4	4	4
Французскій яз.	6	6	5	4	4	4
Англійскій яз.	5	4	4	4	4	4
Исторія и географія	2 / 2	2 / 2	2 / 1	3	3	3
Математика	6	5	5	5	5	5
Естествовѣдѣніе	2	2	2	—	—	—
Физика	—	2	2	3	3	3
Химія и минералогія	—	—	2	3	3	3
Рисованіе	2	2	2	2	2	2
Итого	30	30	30	30	30	30

«Verein für Schulreform» чрезвычайно доволенъ этими успѣхами и его органъ «Zeitschrift für die Reform der höheren Schulen» говоритъ, что ближайшія задачи «Общества школьной реформы» теперь уже совершенно ясно обрисовываются. «Оно должно посильно стремиться къ тому, чтобы по возможности во всѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ требуемыя для этого условія (нѣсколько гимназій и реальныхъ гимназій и по меньшей мѣрѣ одна реальная школа безъ латыни), были-бы предприняты опыты созданія одного общаго основанія для всѣхъ среднихъ школъ. Для этой цѣли главный комитетъ общества разошлетъ городскимъ управленіямъ записку, лишь только теперешнее *возбужденіе по поводу законопроекта о народныхъ школахъ уступитъ мѣсто болѣе безпристрастному отношенію къ его автору»* *) (т.-е. министру графу Цедлитцу, благосклонность котораго къ идеямъ «Общества школьной реформы» возбудила у представителей послѣдняго самыя радужныя надежды).

Подчеркнутыя нами слова изъ статьи журнала названнаго Общества чрезвычайно характерны. Дѣйствительно, возбужденіе въ Пруссіи по поводу законопроекта о народныхъ школахъ приняло такіе размѣры, что министерство начинаетъ сильно задумываться. Всѣ профессорскія коллегіи Пруссіи одна за другой послали петиціи въ палату депутатовъ объ измѣненіи важнѣйшихъ пунктовъ законопроекта графа Цедлитца. За исключеніемъ упорныхъ консерваторовъ и католическаго центра, всѣ партіи, начиная съ такъ называемыхъ свободныхъ консерваторовъ и кончая со-

*) Z. für die Reform der höheren Schulen. № I. 1892, S. 15.

ціальдемократами, рѣшительно протестуютъ противъ этой новой уступки реакціоннымъ и клерикальнымъ требованіямъ *). Такъ какъ «Русская Школа» даетъ спеціальную статью по этому предмету, то мы и отсылаемъ къ ней читателей, интересующихся этимъ самымъ крупнымъ фактомъ школьной жизни Германіи за послѣдніе мѣсяцы.

Что касается до важнаго событія въ области средняго образованія— опубликованія новыхъ учебныхъ плановъ для прусскихъ гимназій, реальныхъ гимназій и реальныхъ училищъ, и новыхъ правилъ о выпускныхъ и др. экзаменахъ, то объ этой новости мы будемъ подробно говорить въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Русской Школы». **П. С.**

Хроника народнаго образованія.

Въ жизни нашего народа нерѣдко имѣются факты, по истинѣ приводящіе въ ужасъ и свидѣтельствующіе о чрезвычайно низкомъ уровнѣ культурнаго развитія значительной части населенія нашего отечества. Больно и стыдно бываетъ узнавать о возможности существованія подобныхъ фактовъ рядомъ съ аттрибутами самой заправской культуры — университетами, желѣзными дорогами, телеграфами, газетами и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не больно знать, что, отъѣхавъ 10—15 верстъ отъ города, въ которомъ имѣются всѣ упомянутыя послѣднія явленія культуры, или даже въ томъ-же самомъ городѣ можно натолкнуться на людей, культурное состояніе которыхъ рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ таковаго-же состоянія самыхъ заправскихъ дикарей, живущихъ гдѣ-нибудь въ Центральной Африкѣ? Развѣ не стыдно должно дѣлаться каждому, мало-мальски чуткому нравственно, представителю интеллигенціи при мысли о возможности фактовъ, о которыхъ мы сейчасъ разскажемъ? Не долженъ-ли каждый изъ насъ почувствовать свою долю вины въ томъ, что нашъ народъ остается въ состояніи того-же дикаго невѣжества, въ какомъ онъ находился тысячу лѣтъ тому назадъ?

Въ Казанскомъ окружномъ судѣ недавно судились двѣ группы крестьянъ, вырывшихъ мертвецовъ изъ суевѣрныхъ побужденій. По одному дѣлу судились пять крестьянъ Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, Марасинской волости, деревни Татарскій Муллинъ. Они разрыли одну изъ могилъ на своемъ кладбищѣ, вырыли оттуда трупъ схороненнаго еще четыре года тому назадъ одноообщественника, о которомъ ходили слухи, что онъ умеръ отъ пьянства, унесли его за селеніе и закопали въ болото. Обвиняемые не понимали, за что ихъ судятъ. «Онъ, вѣдь, мертвый, ничего все равно не

---

*) Изъ примѣчанія къ статьѣ объ этомъ законопроектѣ, помѣщенной въ настоящей книжкѣ «Р. Шк.» (стр. 90), нашимъ читателямъ уже извѣстно, что эти протесты имѣли успѣхъ. Графъ Цедлитцъ вышелъ въ отставку, и на мѣсто прусскаго министра нар. просвѣщенія, духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ назначенъ г. Боссе, бывшій до сего времени товарищемъ мин. н. пр. Въ телеграммѣ изъ Берлина отъ 16-го (28) марта (см. газ. «Новости» № 76-й, отъ 17-го (29) марта) сказано, что «графъ Эйленбургъ (новый прусскій министръ-президентъ) заявилъ въ палатѣ депутатовъ прусскаго сейма, что правительство отказывается отъ школьнаго законопроекта». *Ред.*

чуетъ,—говорили они,—а намъ на пользу вышло, потому на другой день, какъ выбросили его изъ могилы, дождикъ пошелъ». Слѣдствіе выяснило, что разрытіе могилы было совершено подсудимыми по постановленію цѣлаго сельскаго общества, которое собиралось на особый сходъ для обсужденія вопроса о причинахъ засухи и пришло къ заключенію, что причиною является погребеніе опоицы на общемъ кладбищѣ, почему и было рѣшено вынуть его изъ могилы и бросить въ болото.

По второму дѣлу обвинялись три брата изъ деревни Базарный Юткулъ, Спасскаго уѣзда, которые вырыли изъ могилы опойцу, вывезли его за селеніе, разложили костеръ и сожгли на немъ трупъ. Какъ далеки были подсудимые отъ пониманія всей гнусности своего поступка, ясно видно изъ того, что они, послѣ сожженія трупа, будучи испачканы сажею, спокойно отправились въ кабакъ и тамъ разсказали о совершенномъ ими мѣстному уряднику, а затѣмъ повторили то-же встрѣченной ими на улицѣ сестрѣ сожженнаго. На судѣ выяснилось, что обвиняемые, по вырытіи трупа, совершали надъ нимъ, прежде чѣмъ предать сожженію, цѣлый обрядъ, практикуемый въ подобныхъ случаяхъ суевѣрными крестьянами и состоящій, главнымъ образомъ, въ разнаго рода глумленіяхъ и надругательствахъ надъ трупомъ, во время которыхъ приговаривали: «Дай, Романъ, дождя! Ну что-жъ долго не даешь дождя?..» *).

Таковы леденящіе кровь факты. Ужасъ подобныхъ извѣстій дѣлается еще сильнѣе при мысли о томъ, что на одномъ уровнѣ съ подсудимыми по разсказаннымъ дѣламъ находится и еще долго, долго будетъ находиться большая часть нашего народа. Въ самомъ дѣлѣ, школа, это единственное средство борьбы съ первобытною дикостью, во мракѣ которой погрязаетъ нашъ народъ, до сихъ поръ оставляетъ внѣ своего благодѣтельнаго вліянія большую часть подростающаго поколѣнія. Возьмите любую мѣстность Россіи—и вездѣ окажется, что школу посѣщаютъ много-много $^2/_5$ или $^1/_3$ дѣтей школьнаго возраста, чаще-же $^1/_4$, $^1/_5$ и того меньше; большая-же часть дѣтей лишена возможности воспользоваться школьнымъ ученіемъ за недостаткомъ школъ. Печальнѣе всего, что, благодаря такому незначительному числу проходящихъ чрезъ школу и оставленію большинства внѣ ея вліянія, и бывшіе школьники, вращаясь въ дикой, невѣжественной средѣ, не могутъ не поддаваться вліянію этого суевѣрнаго и дикаго большинства, и такимъ образомъ школа далеко не даетъ всѣхъ тѣхъ результатовъ, которые она могла-бы дать, если-бы внѣ ея вліянія не оставалось большинства населенія. Но, увы! когда-то мы дождемся такого положенія вещей, при которомъ школа будетъ посѣщаться если не всѣми дѣтьми школьнаго возраста, то, по крайней мѣрѣ, огром-

*) Настоящая хроника была уже закончена, когда газеты принесли извѣстіе о еще болѣе ужасномъ проявленіи народнаго суевѣрія. Въ томъ-же Казанскомъ окружномъ судѣ судились крестьяне, отецъ и сынъ, обвинявшіеся въ убійствѣ 6-лѣтней дѣвочки съ цѣлію съѣденія ея сердца. Дѣло въ томъ, что обвиняемый-сынъ страдалъ какою-то неизлечимою болѣзнью; кто-то посовѣтывалъ ему для излеченія съѣсть человѣческое сердце. И вотъ, обвиняемый-отецъ убиваетъ сосѣдскаго ребенка, а сынъ вырѣзаетъ сердце и съѣдаетъ его. Оба подсудимые приговорены къ 12-лѣтней каторгѣ.

нѣйшимъ большинствомъ? Во всякомъ случаѣ такое блаженное время наступитъ еще очень и очень не скоро...

Утѣшеніемъ можетъ служить лишь то соображеніе, что если намъ предстоитъ еще много, слишкомъ даже много работы въ дѣлѣ просвѣщенія народной массы, то сдѣланное уже въ этомъ отношеніи, достигнутые на этомъ пути результаты отнюдь не обезнадеживаютъ относительно возможности достиженія желательнаго, а напротивъ, даютъ увѣренность, что это желательное будетъ достигнуто. Конечно, то, что сдѣлано, слишкомъ мало сравнительно съ тѣмъ, что должно быть, но если разсматривать достигнутое съ точки зрѣнія тѣхъ силъ и средствъ, которыя могли быть употреблены на данное дѣло, и тѣхъ условій, при которыхъ развивалось это дѣло, то сдѣланное въ области народнаго образованія окажется далеко уже не такъ ничтожнымъ.

Въ подтвержденіе высказаннаго, приводимъ нѣкоторыя новѣйшія данныя относительно положенія народнаго образованія въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ Саратовской губерніи къ 1-му января 1891 года въ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ состояла 541 школа, да въ вѣдѣніи духовнаго вѣдомства церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности—290, а всего въ губерніи было 831 училище, изъ которыхъ 107 въ городахъ и 724 въ селахъ. Одна сельская школа приходится на 3.000 человѣкъ жителей и на площадь въ 102 квадратныхъ версты. Учащихся въ 541 школахъ, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, было къ 1-му января 1890 года — 62.397 человѣкъ (мальчиковъ 42.856 и дѣвочекъ 19 541), т.-е. въ среднемъ—по 115 на каждую школу; въ церковно-приходскихъ и школахъ грамотности было 10.549 человѣкъ (9.135 мальчиковъ и 1.414 дѣвочекъ), т.-е. по 36 человѣкъ на среднюю школу—въ три слишкомъ раза менѣе, нежели въ средней школѣ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ школахъ этого послѣдняго вѣдомства дѣвочки составляютъ 31% общаго числа учащихся, а въ церковно-приходскихъ только—15%, или въ два слишкомъ раза менѣе. Всего въ 1890 году обучалось 72.946 человѣкъ или всего лишь 30% дѣтей школьнаго возраста, если даже принимать этотъ возрастъ всего въ 10% численности населенія. Любопытны данныя, касающіяся учительскаго персонала начальныхъ школъ губерніи. Всего учащихся было 1.142; изъ нихъ собственно учителей 989 и законоучителей 690. Среди учителей, лицъ женскаго пола 329 или 33%. По образовательному цензу учительскій персоналъ (безъ законоучителей) распадался на пять категорій: 1) съ высшимъ образованіемъ 4 лица или 0,4%; 2) съ спеціально-педагогическимъ образованіемъ—405 лицъ или 41%; 3) съ среднимъ образованіемъ—291 лицо или 29%; 4) съ низшимъ образованіемъ—234 или 24%, и 5) безъ права на преподаваніе (исключительно въ церковно-приходскихъ школахъ)—55 лицъ или 5,6% *).

*) Любопытно сопоставить эти данныя, касающіяся учительскаго персонала школъ Министерства Народнаго Просвѣшенія и духовнаго вѣдомства *вмѣстѣ* съ данными, касающимися учительскаго персонала *однѣхъ* школъ духовнаго вѣдомства. Данныя послѣдняго рода мы имѣемъ по Волынской губерніи. Здѣсь въ 1890—1891 учебномъ году было въ числѣ учащихъ въ церковно-приходскихъ

Саратовская губернія по развитію народнаго образованія занимаетъ среднее мѣсто между отдѣльными мѣстностями Россіи, и если есть не мало мѣстностей, гдѣ народное образованіе поставлено хуже, то есть и такія мѣстности, гдѣ дѣло стоитъ лучше. Среди послѣднихъ мѣстностей одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Московская губернія. Какъ видно изъ доклада московской губернской земской управы послѣднему очередному земскому собранію, въ Московской губерніи, не считая города Москвы, въ 1890—1891 учебномъ году было низшихъ учебныхъ заведеній 798, въ томъ числѣ городскихъ 46 и сельскихъ 752. Изъ послѣднихъ—земскихъ школъ было 501, частныхъ 37, фабричныхъ 29, церковно-приходскихъ 136, воспитательнаго дома 38 и Министерства Народнаго Просвѣщенія 11. Учащихся во всѣхъ 798 школахъ было 51.094 человѣка (74,3% мальчиковъ и 25,7% дѣвочекъ). Собственно въ сельскихъ школахъ училось 46.889 человѣкъ (34.852 мальчиковъ и 12.037 дѣвочекъ); изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста въ сельскомъ населеніи школу посѣщало 49,2%, т.-е. почти половина (изъ мальчиковъ школу посѣщало 75,5% дѣтей школьнаго возраста, а изъ дѣвочекъ—только 24,4%). Въ среднемъ на сельскую школу приходится 46 учащихся (а на земскую 48 чел.), т.-е. много меньше, чѣмъ въ Саратовской губерніи. При обсужденіи этихъ данныхъ на послѣднемъ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи выяснилось, что Московская губернія далеко опередила въ дѣлѣ народнаго образованія г. Москву, въ которой учится 12 тысячъ дѣтей въ городскихъ школахъ и 4 тысячи въ школахъ другихъ учрежденій и частныхъ, а всего едва 16 тысячъ, тогда какъ дѣтей школьнаго возраста болѣе 50 тысячъ, такъ что учащіеся составляютъ 30% послѣднихъ или почти вдвое менѣе, нежели въ селеніяхъ Московской губерніи.

Много хуже стоитъ дѣло въ Смоленской губерніи, которая занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди земскихъ губерній по постановкѣ народнаго образованія. Здѣсь въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ наименованій было къ 1-му января 1891 г. 36.957 учащихся, что составляетъ всего 18% къ общему числу дѣтей школьнаго возраста (въ томъ числѣ учащіеся мужскаго пола составляютъ 33% мальчиковъ школьнаго возраста и учащіяся женскаго пола — всего 3% дѣвочекъ того-же возраста). Хуже поставлено народное образованіе въ Смоленской губерніи, нежели въ Московской и Саратовской, какъ это наглядно видно изъ данныхъ объ образовательномъ цензѣ учащихъ въ школахъ Смоленской губерніи. Именно, распредѣляя учащихъ, какъ и по Саратовской губерніи, на пять группъ, получимъ слѣдующія процентныя отношенія: изъ учителей (которые составляютъ 2/3 учительскаго персонала) 1) лицъ съ высшимъ образованіемъ—0%, 2) съ спеціально-педагогическимъ—57,7%, 3) съ среднимъ—6,9%, 4) съ низшимъ—27,5% и 5) безъ права на преподаваніе 7,9%; изъ учительницъ 1) съ высшимъ образованіемъ — 0%, 2) съ среднимъ—59%, 3) съ педагогическимъ -- 2%, 4) съ низшимъ-- 33% и 5) безъ права на преподаваніе—7%. Любопытны данныя отно-

школахъ: священниковъ—29 или 3%, псаломщиковъ — 66 или 7%, учителей и учительницъ, окончившихъ курсъ учебныхъ заведеній, дающихъ право быть учителями, или получившихъ учительское званіе по спеціальному испытанію—113 или 12% и, наконецъ, лицъ, не имѣющихъ учительскихъ правъ 690 или 78%.

сительно вознагражденія, получаемаго смоленскими учителями: данныя эти наглядно обрисовываютъ безотрадное матеріальное положеніе нашего народнаго учителя. Именно, изъ общаго числа учителей только 9% получаетъ болѣе 300 р. въ годъ (въ министерскихъ школахъ), 25% получаютъ отъ 200 до 300 руб., 30%—отъ 150 до 200 руб., 18%—отъ 100 до 150 руб. и 18% — менѣе 50 руб. Еще хуже вознаграждается трудъ учительницъ. Изъ нихъ болѣе 300 руб. получаютъ всего 2%, отъ 200 до 300 руб.—10%, отъ 150 до 200 р.—60%, отъ 100 до 150 р.—19%, отъ 50 до 100 руб.—8 % и менѣе 50 руб.—1%. Такимъ образомъ, только 34% учителей и 12% учительницъ получаютъ болѣе 200 р. въ годъ; за-то получающихъ менѣе 100 руб. въ годъ среди учителей 18% и среди учительницъ 9%. Болѣе нищенское положеніе трудно и вообразить.

Какъ ни печально стоитъ дѣло народнаго образованія въ нѣкоторыхъ изъ земскихъ губерній, оно все-же поставлено здѣсь значительно выше, нежели въ мѣстностяхъ, лишенныхъ земскихъ учрежденій. Мы остановимся здѣсь на положеніи народнаго образованія въ одной изъ наиболѣе счастливыхъ въ данномъ отношеніи не-земскихъ мѣстностей — Кавказѣ, пользуясь недавно вышедшимъ отчетомъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1890 годъ. Какъ видно изъ этого отчета, къ 1-му января 1890 года въ 9 кавказскихъ губерніяхъ и областяхъ было 893 школы вѣдомства народнаго просвѣщенія, 369 церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности вѣдомства православнаго исповѣданія, 33 школы общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, армянскихъ-церковныхъ школъ—147, мусульманскихъ школъ 1.828 и еврейскихъ 38, а всего 3.308 начальныхъ школъ. При населеніи Кавказа въ 7.489.638 жителей оказывается, что 1 школа приходится на 2.250 человѣкъ—отношеніе довольно благопріятное, но оно не даетъ настоящаго понятія о положеніи народнаго образованія на Кавказѣ, такъ какъ огромнѣйшее большинство существующихъ здѣсь школъ имѣетъ слишкомъ призрачное значеніе. Собственно серьезно принимать во вниманіе при сужденіи о положеніи народнаго образованія на Кавказѣ можно только школы, состоящія въ вѣдѣніи дирекцій народныхъ училищъ, да армянскія церковныя, какъ это можно видѣть уже изъ данныхъ о средней численности учащихся въ школахъ каждаго разряда. Именно, въ школѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія въ среднемъ учится 63 человѣка и въ армянской школѣ 73, тогда какъ въ церковно-приходской только 41, въ мусульманской 12 и въ еврейской 22. Всего учащихся было: въ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 56.359, въ церковно-приходскихъ православнаго исповѣданія — 15.248, въ школахъ Общества возстановленія христіанства— 2.241, въ армянскихъ церковныхъ—10.733, въ мусульманскихъ—22.561 и въ еврейскихъ 834, а всего — 107.976 учащихся. Принимая число дѣтей школьнаго возраста въ 10% всего населенія (т.-е. въ 748.963 чел.), находимъ, что во всѣхъ начальныхъ школахъ учится всего 14,5%, т.-е. меньше, нежели даже въ несчастной Смоленской губерніи и вдвое меньше, нежели въ Саратовской, и болѣе чѣмъ втрое—чѣмъ въ Московской. Надо еще имѣть въ въ виду, что образованіе, получаемое въ конфессіональныхъ школахъ, которыхъ такъ много на Кавказѣ, имѣетъ лишь условное зна-

ченіе; если-же не принимать во вниманіе этихъ школъ, то положеніе образованія на Кавказѣ окажется въ еще менѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Чтобы сопоставленіе Кавказа съ внутренними земскими губерніями вышло доказательнѣе, мы остановимся здѣсь отдѣльно на Ставропольской губерніи, въ которой русское населеніе преобладаетъ надъ инородцами. Въ губерніи этой къ 1-му января 1891 года было 146 школъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, 3 армянскихъ церковныхъ школы, 56 церковно-приходскихъ школъ грамотности, 5 мусульманскихъ, 1 еврейская, — всего 211 школъ, что даетъ 1 школу на $4^1/_2$ тысячи жителей. Учащихся было въ школахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія — 7.460 (въ томъ числѣ дѣвочекъ 1.287), въ армянскихъ 78 (дѣвочекъ 18), въ церковно-приходскихъ 2.267 (дѣвочекъ 342), въ мусульманскихъ—89 и въ еврейской—32, а всего 9.896 (дѣвочекъ 1.647, т.-е. 16%). Изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста (около 90 тыс.) учится всего 11%. Такимъ образомъ, народное образованіе въ наиболѣе русской изъ областей Кавказа поставлено еще хуже, нежели оно стоитъ въ среднемъ по всему Кавказу.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что и на Кавказѣ народное образованіе растетъ довольно быстро, хотя не столь быстро, какъ во внутреннихъ губерніяхъ. Для характеристики этого явленія приводимъ слѣдующія данныя, касающіяся одной изъ мѣстностей Кавказа—Терской области. Здѣсь число всѣхъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, и число учащихся въ нихъ возростало въ теченіе второй половины прошлаго десятилѣтія слѣдующимъ образомъ:

Въ	1886	г. было	122	учебн.	завед.	съ	7.447	учащихся.
»	1887	»	132	»	»	»	8.280	»
»	1888	»	134	»	»	»	8.673	»
»	1889	»	137	»	»	»	9.263	»
»	1890	»	140	»	»	»	10.060	»

Такимъ образомъ, если число учебныхъ заведеній и не особенно увеличилось за 4 года (всего на 15%), за-то число учащихся возрасло весьма ощутительно (на 35%); ежегодный приростъ учащихся въ среднемъ составляетъ почти 9%.

Общій выводъ, какой слѣдуетъ изъ приведенныхъ выше данныхъ, тотъ, что для народнаго образованія у насъ сдѣлано еще слишкомъ мало сравнительно съ тѣмъ, что необходимо сдѣлать хотя-бы для того только, чтобы поднять культурное состояніе народной массы до уровня, при которомъ станутъ невозможными ужасающіе факты, подобные приведеннымъ въ началѣ хроники. Работы въ данномъ направленіи предстоитъ еще такъ много, что сравнительно съ нею все сдѣланное доселѣ кажется если не каплею въ морѣ, то только началомъ работы, первыми шагами на длинномъ предстоящемъ пути. Вотъ почему въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ либо, обязательно для каждаго интеллигентнаго лица принимать участіе въ дѣлѣ просвѣщенія народной массы и дѣлать въ этомъ направленіи все, что оно можетъ сдѣлать. По той-же причинѣ въ нашемъ отечествѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо цѣнить трудъ людей, работающихъ для просвѣщенія народной массы, и оказывать всяческую поддержку и поощреніе какъ дѣятелямъ народнаго просвѣщенія по профессіи, такъ и въ осо-

бенности людямъ, берущимъ на себя участіе въ этомъ дѣлѣ безкорыстно, единственно изъ идейныхъ побужденій. Вотъ почему мы придаемъ такое громадное значеніе частной инціативѣ въ дѣлѣ народнаго образованія и старательно отмѣчаемъ все, заслуживающее вниманія въ данной области и доходящее до нашего свѣдѣнія. Въ настоящей хроникѣ мы также остановимся на нѣкоторыхъ проявленіяхъ частной инціативы въ дѣлѣ народнаго образованія.

Мы нѣсколько разъ уже останавливали вниманіе читателей на разнообразной дѣятельности коммиссіи народныхъ чтеній, состоящей при Одесскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ. Изъ появившихся въ одесской печати свѣдѣній о дѣятельности коммиссіи въ теченіе прошлаго 1891 года видно, что дѣятельность эта все расширяется. Приводимъ здѣсь краткіе итоги дѣятельности коммиссіи. Всѣхъ народныхъ чтеній въ 1891 г. было 89; посѣщены они были 33.209 лицами (по 400 на среднемъ чтеніи), т.-е. на 6.628 лицъ болѣе, чѣмъ въ предъидущемъ году. Кромѣ чтеній, коммиссія устроила 10 общедоступныхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, которые посѣтили 5.035 чел., т.-е. по 500 чел. на каждый вечеръ. Всего за 10-лѣтнее существованіе коммиссіи ею было устроено 476 народныхъ чтеній, на которыхъ было 207.273 посѣтителя, и 55 общедоступныхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, посѣщенныхъ 29.743 лицами. Имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе 1.000 картинъ къ волшебному фонарю, коммиссія приходила съ ними на помощь разнымъ учрежденіямъ и лицамъ, устраивавшимъ народныя чтенія. Именно, въ 1891 г. коммиссія высылала свои картины народнымъ чтеніямъ въ городахъ Ставрополѣ-Кавказскомъ, Симферополѣ, Тифлисѣ, Владикавказѣ, Николаевѣ, м. Бѣлозерки и въ рядъ народныхъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, коммиссія дѣлилась своими картинами съ цѣлымъ рядомъ учрежденій—учебныхъ и благотворительныхъ—въ самой Одессѣ. Въ 1891 г. коммиссія для одной изъ своихъ аудиторій пріобрѣла собственный небольшой домъ на занятыя деньги, имѣя въ виду погасить долгъ ежегодными отчисленіями изъ доходовъ коммиссіи. Кромѣ того, городское управленіе Одессы въ 1891 г. заложило зданіе для другой аудиторіи. Книжный складъ коммиссіи въ 1891 г. продалъ 110.022 экз. книгъ. За время существованія склада (6 лѣтъ) имъ продано 574.048 экз. народныхъ изданій. Въ 1891 г. продажа книгъ производилась въ двухъ пунктахъ—при обоихъ аудиторіяхъ, которыми располагаетъ коммиссія. Книги не только продаются въ самой Одессѣ, но и выписываются изъ склада въ другія мѣстности, иногда въ очень отдаленные пункты. Заслуживаетъ упоминанія отправка складомъ книгъ по заказу правленія строющейся Уссурійской желѣзной дороги въ г. Владивостокѣ на 200 руб. (книги цѣною отъ $1^1/_2$ к.) и г. Зензинова, то-же изъ Владивостока и также на 200 р.; книги эти выписаны съ цѣлью распространенія ихъ среди населенія Восточной Сибири. Кромѣ продажи, складъ отпустилъ не мало книгъ безплатно. Именно, во время религіозно-нравственныхъ чтеній были раздаваемы посѣтителямъ книги какъ религіозно-нравственнаго, такъ и иного содержанія. Затѣмъ книги жертвовались въ одесскую городскую народную читальню (147 книгъ), священнику Камско-воткинскаго завода, Вятской губерніи, для раздачи мѣстнымъ рабочимъ (375 книгъ), воскрес-

нымъ школамъ Ставрополя-Кавказскаго (660 книгъ), нижнимъ чинамъ, посѣщавшимъ чтенія, одной изъ школъ Вятской губерніи и др. Въ 1891 г. коммиссія издала избранныя сочиненія Лермонтова для школъ и народа въ количествѣ 2.460 экз., цѣною въ 20 к. экз. Книга эта разошлась и нетолько окупилась, но и дала небольшую чистую прибыль (около 100 р.). Въ настоящее время коммиссія приступила къ работѣ по изданію сочиненій Кольцова, имѣющему выйти къ дню 50-лѣтія смерти нашего народнаго поэта (19 октября 1892 г.). Устроенная при главной аудиторіи народная безплатная библіотека къ 1-му января 1892 г. состояла изъ 1.956 названій. Число лицъ, пользовавшихся библіотекою въ 1891 г., достигало 305; книгъ было взято 3.708 названій.

Такова разнообразная и плодотворная дѣятельность Одесской коммиссіи народныхъ чтеній. Гораздо скромнѣе, но не менѣе почтенная дѣятельность коммиссіи народныхъ чтеній въ г. Твери. Здѣсь народныя чтенія ведутся также уже 10 лѣтъ. Какъ видно изъ послѣдняго отчета Тверской коммиссіи, со 2 декабря 1890 года по 1 декабря 1891 года поставлено было 28 чтеній, на которыхъ было около 8.000 посѣтителей. Чтенія содержатся на 300 р., отпускаемые ежегодно тверскимъ губернскимъ земствомъ.

Коммиссія народныхъ чтеній въ г. Кишиневѣ начала свою дѣятельность въ 1886 г. и по 1890 г. успѣла поставить 133 чтенія. Въ 1890 г. коммиссія, однако, потеряла аудиторію, которою ранѣе располагала, и должна была прекратить свою дѣятельность на цѣлый годъ. Только съ 10 марта 1891 года коммиссія получила возможность устраивать чтенія въ помѣщеніи театра и успѣла по 2 іюня поставить 11 чтеній, посѣщенныхъ 3.900 лицами (по 350 чел. на чтеніе). Затѣмъ коммиссія снова была устранена изъ театра и лишена мѣста, гдѣ-бы она могла устраивать чтенія. «Въ такомъ положеніи находится дѣло и теперь и на измѣненіе его къ лучшему очень мало надежды», говорится въ отчетѣ Кишиневской коммиссіи народныхъ чтеній за 1891 г. Такъ непрочно поставлено у насъ дѣло народныхъ чтеній и такъ мало сознается необходимость этого учрежденія городскими управленіями и вообще провинціальнымъ обществомъ, которое легко могло-бы обезпечить повсемѣстное существованіе чтеній. Въ заключеніе остановимся на очень оригинальномъ проявленіи частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія—сельской библіотекѣ, существующей уже 31-й годъ. Это, безъ сомнѣнія, древнѣйшая изъ нашихъ сельскихъ библіотекъ. Замѣчательно, что до настоящаго года въ печать совсѣмъ не проникало свѣдѣній объ этой библіотекѣ, такъ что когда въ 1890 г. была открыта сельская общественная библіотека въ с. Марковѣ, Харьковской губ., то она была привѣтствуема всѣми, какъ *первая сельская общественная библіотека*. Оказывается теперь, что первая сельская общественная библіотека была открыта еще 20 августа 1861 г. въ с. Вязовкѣ, Вольскаго уѣзда, Саратовской губ. Приводимыя здѣсь свѣдѣнія объ этой библіотекѣ заимствуются нами изъ «Саратовскаго Дневника» (1892 года, № 17). Библіотека въ с. Вязовѣ открыта по иниціативѣ тайнаго совѣтника Раева и священника Соринскаго. При молебствіи по случаю открытія библіотеки крестьяне пожертвовали 39 р., а Раевъ и Соринскій—книги. Попечителемъ библіотеки былъ избранъ Раевъ, завѣдующимъ—о. Соринскій, а библіотекаремъ крестьянинъ Грешанинъ, котораго въ 1862 г.

смѣнилъ крестьянинъ Лутогинъ, остающійся библіотекаремъ доселѣ. Библіотека пополняется книгами, жертвуемыми разными лицами (въ томъ числѣ и мѣстными крестьянами) и учрежденіями (Петербургскимъ комитетомъ грамотности). Текущіе расходы библіотеки покрываются изъ ежегодной ассигновки сельскаго общества (25—30 р. въ годъ) и частныхъ пожертвованій. Въ 1890 г. волостной сходъ, въ память событія 17 октября, ассигновалъ на покупку книгъ 100 р. Къ началу 1891 г. библіотека имѣла 1.201 экз. книгъ, на сумму 1.431 р. Кромѣ того, имѣется много непереплетенныхъ книгъ, которыя пока еще въ каталогъ не вошли. Отъ начала своего существованія библіотека выдавала книги 12.763 раза, причемъ было выдано 16.347 книгъ. Именно, было взято 9.261 книга религіозно-нравственнаго содержанія, 1.607 книгъ историческаго, 742 книги сельско-хозяйственнаго, 683 юридическаго, 2.930 книгъ беллетристическаго, 608 книгъ учебныхъ пособій и 516 книгъ медицинскихъ. Изъ общаго числа взятыхъ книгъ 4.497 взято дѣтьми до 14 лѣтъ, 4.684—подростками отъ 14 до 20 лѣтъ, 2.882—взрослыми отъ 20 до 30 лѣтъ и, наконецъ, 4.284—лицами старше 30 лѣтъ. Въ среднемъ за 30 лѣтъ—ежегодно было 425 обращеній въ библіотеку и разбиралось по 545 книгъ. Въ послѣдніе годы существованія библіотеки, книги читаются въ значительно большемъ количествѣ, нежели въ первые. Такъ, въ 1890 г. требованій на книги было 1.495, а книгъ взято 1.739, т. е. въ $3^1/_2$ раза болѣе средняго годоваго заказа. Въ 1891 году книгъ взято еще больше: именно, за первую половину года, за которую имѣются свѣдѣнія, было 835 требованій и взято 910 книгъ.

Въ виду интереса, который представляетъ это оригинальное явленіе—сельская общественная библіотека, существующая 31-й годъ, перепечатываемъ здѣсь главнѣйшіе параграфы устава этой библіотеки.

«§ 1. Вязовская библіотека учреждена съ цѣлью предоставить грамотнымъ жителямъ этого селенія средства къ чтенію книгъ, преимущественно религіозно-нравственнаго и сельско-хозяйственнаго содержанія.

§ 2. Хотя пользованіе этою библіотекою не воспрещается жителямъ и другихъ ближайшихъ къ Вязовкѣ поселеній, тѣмъ не менѣе Вязовская библіотека составляетъ неотчуждаемую собственность однихъ грамотныхъ жителей села Вязовки, безъ различія сословій и пола.

§ 3. На этомъ основаніи устройство библіотеки и попеченіе о ея благосостояніи принадлежитъ грамотнымъ жителямъ села Вязовки. Они управляютъ библіотекой съ общаго согласія, по большинству голосовъ, или-же избираютъ особаго попечителя, съ предоставленіемъ ему имѣть помощника.

§ 4. Во всякомъ случаѣ храненіе книгъ, составляющихъ библіотеку, и другого ея имущества ввѣряется особому книгохранителю, избираемому большинствомъ голосовъ, преимущественно изъ грамотныхъ крестьянъ, по ихъ желанію и по возможности съ согласія попечителя, если онъ есть.

§ 7. Книги, составляющія Вязовскую библіотеку, хранятся въ одномъ или нѣсколькихъ шкафахъ, помѣщаемыхъ въ церковной сторожкѣ или другомъ мѣстѣ, безопасномъ въ особенности отъ огня; ключи отъ шкафовъ—у книгохранителя.

§ 8. Книгохранитель выдаетъ книги изъ библіотеки, какъ и принимаетъ, въ праздничные дни передъ обѣдней или послѣ обѣдни,—какъ

окажется удобнѣе; книгохранителю содѣйствуютъ въ томъ избираемые имъ помощники, которые занимаются и чтеніемъ вслухъ желающимъ неграмотнымъ.

§ 13. Взявшій книгу обязанъ возвратить ее не позднѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, и требовать, чтобы книгохранитель немедленно отмѣтилъ полученіе книги. Книгохранитель непремѣнно отмѣчаетъ возвратъ книги въ библіотеку, кѣмъ-бы она принесена ни была.

§ 14. Невозвратившій въ установленное время взятую изъ библіотеки книгу обязанъ внести въ казну оной стоимость книги, значущуюся въ документахъ библіотеки.

§ 15. При уклоненіи отъ взноса денегъ за невозвращенную книгу, книгохранитель настаиваетъ на этомъ, прибѣгая въ крайнемъ случаѣ къ посредству ближайшей мѣстной власти, какъ по изысканію всякаго общественнаго имущества.

§ 16. Взявшій книгу обязанъ беречь ее, и при порчѣ книги въ такой степени, что она дѣлается негодною къ употребленію отъ потери листовъ и т. п., обязывается внести за нее причитающіяся деньги или представить другой экземпляръ книги, подвергнутой порчѣ.

§ 22. Документы библіотеки хранятся вмѣстѣ съ книгами. Къ этимъ документамъ принадлежатъ: 1) приходо-расходная книга, 2) переписка по устройству библіотеки и 3) разныя другія бумаги, къ тому относящіяся.

§ 23. Въ томъ-же шкафу хранятся, сшитыми особо, акты, относящіеся къ мѣстной исторіи, и другія подобныя бумаги.

§ 24. Книгохранитель отвѣтствуетъ какъ за цѣлость книги, документовъ и актовъ, такъ равно и библіотечной казны.

§ 25. Получая въ вознагражденіе за труды по библіотекѣ часть общественныхъ угодій, книгохранитель подвергается учету отъ грамотныхъ въ цѣлости библіотечнаго имущества, какъ сборщикъ податей.

§ 26. При совершенномъ неимѣніи требуемыхъ книгъ, книгохранитель рекомендуетъ подобныя или другія, соображаясь съ стремленіемъ приходящихъ за книгами.

§ 27. При выдачѣ изъ библіотеки книгъ книгохранитель обязывается терпѣливо и внимательно выслушивать приходящихъ за книгами и, при отсутствіи требуемыхъ изъ нихъ, означать время, когда книга ожидается къ возврату и послѣ этого выдавать ее первому требователю, ведя для того, если окажется нужнымъ, очередной списокъ.

§ 30. Попечитель имѣетъ главное наблюденіе за Вязовскою библіотекою, заботясь о возможно большемъ преуспѣяніи ея; онъ руководитъ библіотекою, сообразно съ ея назначеніемъ и требованіями самаго дѣла».

Таково это единственное въ своемъ родѣ у насъ учрежденіе.

Я. Абрамовъ.

Въ Московскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 11-го февраля.

Наибольшій интересъ въ этомъ засѣданіи вызвалъ докладъ о книгахъ юридическаго содержанія, пригодныхъ для чтенія и пользованія народу.

Какъ мы уже упоминали въ предыдущихъ отчетахъ, при Комитетѣ образована библіотечная коммиссія, которая трудится надъ составленіемъ двухъ каталоговъ: *основного*, въ который должны войти всѣ вообще книги, пригодныя для простого читателя, и *временнаго*, въ который должны быть внесены книги, особенно желательныя для распространенія въ народѣ и которымъ коммиссія могла-бы пользоваться при разсылкѣ безплатныхъ библіотекъ. Въ цѣляхъ успѣшности занятій, коммиссія раздѣляется на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая занята разсмотрѣніемъ книгъ по какому-либо одному изъ отдѣловъ; имѣется также и *юридическая* группа коммиссіи, о результатахъ занятій которой и былъ сдѣланъ докладъ въ засѣданіи 11-го февраля.

Подлежащія разсмотрѣнію по этому отдѣлу книги были распредѣлены на три части: 1) юридическія въ тѣсномъ смыслѣ слова; 2) книги, знакомящія съ общественными учрежденіями, и 3) книги экономическаго характера. Изъ юридическихъ книгъ перваго рода обращаютъ на себя вниманіе изданія государственной типографіи, которою по настоящее время выпущенъ въ свѣтъ цѣлый рядъ изданій отдѣльныхъ частей Свода Законовъ по крайне дешевымъ цѣнамъ — въ 5, 10, 15 коп. Не смотря на дешевизну этихъ изданій и полную гарантію относительно отсутствія ошибокъ въ нихъ, коммиссія можетъ остановиться только на очень немногихъ изданіяхъ и рекомендовать ихъ для внесенія въ каталогъ. Такое заключеніе она основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. Юридическіе вопросы, могущіе интересовать деревню, имѣютъ довольно спеціальный характеръ; сложныя юридическія отношенія, выработанныя городской жизнью, ей чужды, и если приходится встрѣчаться съ ними, то только при извѣстныхъ условіяхъ. Несомнѣнно, напр., что для крестьянина, въ видахъ огражденія его интересовъ, крайне важно знакомство хотя-бы съ главнѣйшими законоположеніями касательно земельной собственности, аренды, продажи земли, отношеній рабочаго къ землевладѣльцу и фабриканту и т. п. Незнаніе относящихся сюда законоположеній ставитъ крестьянина, при современномъ состязательномъ процессѣ, на каждомъ шагу въ беззащитное положеніе, тогда какъ для того-же крестьянина не только не важно, но даже совершенно излишне знаніе, напр., законоположеній относительно правъ наслѣдованія и т. п. Вотъ почему коммиссія находитъ, что большая часть матеріала, заключающагося въ указанныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ, является для народной библіотеки излишнимъ балластомъ. Давая народу юридическія свѣдѣнія, надо имѣть въ виду не развитіе среди него сутяжничества и не воспитаніе полуграмотныхъ адвокатовъ, а доставленіе возможности пріобрѣтать такія необходимыя для него свѣдѣнія, которыя помогли-бы оріентироваться среди окружающихъ его учрежденій и научить: гдѣ и какъ, въ случаѣ нужды, искать защиты, не дѣлая съ первыхъ-же шаговъ непоправимыхъ промаховъ. На основаніи этихъ соображеній, коммиссія находитъ возможнымъ рекомендовать для народной библіотеки лишь слѣдующія изданія государственной типографіи, какъ наиболѣе необходимыя въ деревенскомъ быту и свободныя отъ указанныхъ неудобствъ: 1) *Положеніе о наймѣ на сельскія работы. Цѣна 50 коп.* 2) *Узаконенія и распоряженія о крестьян-*

скомъ поземельномъ банкѣ. Ц. 20 коп. 3) *Уставъ о воинской повинности. Ц. 30 к.* 4) *Уставъ гражданскаго судопроизводства. Ц. 20 к.*

Съ отмѣною института мировыхъ судей и преобразованіемъ волостного суда, очень многія популярныя изданія юридическаго характера утратили свое значеніе. Хотя указанныя реформы и вызвали уже цѣлый рядъ другихъ подобныхъ-же изданій, но послѣднія по большей части недоступны по цѣнѣ и, предназначаясь исключительно для новыхъ должностныхъ лицъ, мало удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть предъявлены со стороны народа къ такого рода книгамъ. Изъ всѣхъ этихъ изданій коммиссія находитъ возможнымъ рекомендовать лишь книгу Альмедингена: «*Настольная книга для земскихъ участковыхъ начальниковъ, волостныхъ судей, городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ*». *Цѣна 1 руб. 60 коп.* Эта книга, являясь полнымъ, систематическимъ сборникомъ всѣхъ вышедшихъ до октября 1890 г. узаконеній, относящихся до новыхъ учрежденій, представляетъ, кромѣ своей сравнительной дешевизны, еще то удобство, что въ текстѣ ея приведены всѣ тѣ статьи, на которыя дѣлается ссылка въ положеніи о земскихъ начальникахъ. Кромѣ книги г. Альмедингена, заслуживаетъ еще вниманія книга Формаковскаго: «*Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ*». *Цѣна 1 р. 25 коп.* Общедоступный характеръ изложенія и удачная система расположенія авторомъ матеріала обусловливаютъ собою вполнѣ заслуженное широкое распространеніе этой книги. «Законъ, — говоритъ г. Формаковскій, — написанъ ученымъ языкомъ и представляетъ такое изобиліе мелочей, подробностей и отступленій, что въ этой массѣ матеріала теряется всякій, кто не привыкъ обращаться съ законами. Необходимо содержаніе закона передать по возможности языкомъ понятнымъ для всякаго, необходимо отдѣльныя узаконенія оттѣнить такъ, чтобы наиболѣе существенное не закрывалось правилами второстепенной важности, необходимо выяснить связь и внутреннее сродство законовъ». Задачи эти авторомъ выполнены блестящимъ образомъ: въ книгѣ разсмотрѣны всѣ виды договоровъ. Маленькое неудобство этой книги для народной библіотеки заключается отчасти въ томъ, что она, помимо разъясненій положительныхъ указаній закона, изобилуетъ ссылками на кассаціонную практику, знакомство съ которой, по мнѣнію самого автора, ничего не прибавитъ для читателя изъ народа. Но, не смотря на такой недостатокъ, книга эта необходима въ сельской библіотекѣ; будучи вполнѣ понятною всякому грамотному человѣку, она даетъ очень много полезныхъ свѣдѣній. Затѣмъ коммиссія останавливается на книгѣ: «*Какъ въ судѣ правое дѣло отстоять. Бесѣда ходока Василія съ крестьянами о русскихъ гражданскихъ законахъ и судахъ. Вып. 1-й — о правахъ на имущество. С. М. Архангельской. Цѣна 10 коп.*». Отмѣчая, съ одной стороны, нѣкоторые недостатки книги, заключающіеся, главнымъ образомъ, въ растянутости изложенія и, мѣстами, въ утрированной поддѣлкѣ подъ народную рѣчь, коммиссія, тѣмъ не менѣе, отводитъ ей видное мѣсто въ ряду книгъ для сельской библіотеки. Авторъ выбралъ наиболѣе насущные въ крестьянскомъ быту юридическіе вопросы. Обрядъ совершенія купчихъ крѣпостей, порядокъ укрѣпленія имущества по давностному владѣнію, основныя понятія о правахъ собственности, отвѣт-

ственность за убытки, опека надъ малолѣтними—вотъ сфера затрогиваемыхъ авторомъ, примѣнительно къ условіямъ крестьянской жизни, вопросовъ. При изложеніи статей гражданскихъ законовъ, авторъ дѣлаетъ попутно много полезныхъ указаній по судопроизводству и такимъ образомъ каждый данный вопросъ разрѣшается достаточно полно; встрѣчающіеся юридическіе термины также не оставлены безъ объясненія.

Перечисленными изданіями, по мнѣнію коммиссіи, исчерпывается все, что можно рекомендовать по юридическимъ вопросамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Что-же касается до лубочныхъ изданій, трактующихъ юридическіе вопросы, то коммиссія ни одного изъ нихъ рекомендовать не можетъ, въ виду того, что всѣ они, помимо часто нелѣпаго изложенія, страдаютъ грубѣйшими ошибками; особенно въ этомъ отношеніи приходится отмѣтить разные «Полнѣйшіе судебники», «Самоучители по веденію всѣхъ дѣлъ» и т. п. произведенія Никольскаго рынка.

Переходя къ изданіямъ второго рода, знакомящимъ народъ съ окружающими его общественными учрежденіями, коммиссія особенно подробно разсматриваетъ двѣ книги Н. Блинова: «*Земская служба*» и «*Сельская служба*». Полнота содержанія, ясность и общедоступность изложенія—все говоритъ за то, чтобы рекомендовать ихъ для внесенія въ каталогъ, но собраніе тѣмъ не менѣе не могло согласиться съ такимъ постановленіемъ коммиссіи. Причиною этого послужило то соображеніе, что послѣднія реформы, касающіяся земскихъ и сельскихъ учрежденій, дѣлаютъ нѣкоторыя законоположенія, изложенныя въ книгахъ Блинова, несоотвѣтствующими современнымъ условіямъ, и поэтому обращеніе этихъ книгъ въ народѣ можетъ вызвать въ немъ неправильныя представленія по вопросамъ, столь близко касающимся ихъ быта. Въ собраніи, кромѣ того, было выражено пожеланіе, чтобы самъ авторъ или кто-либо другой, съ его согласія, передѣлалъ тѣ главы, которыя касаются реформированныхъ учрежденій, согласно современнымъ условіямъ, и тогда книги Блинова, несомнѣнно, должны занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ народной библіотекѣ. Изданная г. Формаковскимъ «*Книжка для присяжныхъ засѣдателей*». *Ц. 10 к.* страдаетъ такъ же, какъ и книжки Блинова, устарѣлостью нѣкоторыхъ отдѣловъ, въ виду недавнихъ измѣненій въ порядкѣ выборовъ присяжныхъ засѣдателей, но отсутствіе другихъ изданій по этому вопросу заставляетъ мириться съ нею, тѣмъ болѣе, что исполненіе обязанностей присяжнаго засѣдателя является настолько важнымъ актомъ въ общественной дѣятельности крестьянина, что подробное ознакомленіе съ относящимися сюда законоположеніями должно составлять одну изъ задачъ юридическаго отдѣла народной библіотеки, и книга г. Формаковскаго наиболѣе удовлетворяетъ этой цѣли. Далѣе коммиссія останавливается на двухъ очеркахъ г. *Барышникова*: «*Уѣздный городъ*» и «*Губернскій городъ*», занимающихъ двѣ отдѣльныя книжки «*Читальни Народной Школы*» за 1889 годъ. Желая ознакомить читателя съ административными и судебными учрежденіями уѣзднаго и губернскаго городовъ, авторъ въ первомъ очеркѣ кратко излагаетъ устройство присутственныхъ мѣстъ и очерчиваетъ ихъ функціи въ уѣздномъ городѣ, а во второмъ — въ городѣ губернскомъ. Кромѣ этого, онъ знакомитъ также и съ бытовой жизнью городовъ, останавливаясь, между прочимъ, на особенностяхъ жизни большого города.

Обѣ книжки написаны легкимъ, живымъ языкомъ, даютъ много полезныхъ свѣдѣній и возбуждаютъ живой интересъ.

Наконецъ, что касается книгъ экономическаго характера, то изъ разсмотрѣнныхъ признаны заслуживающими внесенія въ каталогъ народной библіотеки слѣдующія: «*Сельскія ссудосберегательныя товарищества*». *Выпускъ I. Образцовый уставъ съ приложеніями и объясненіями. Составилъ В. Н. Хитрово. Изд. Спб. комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Ц. 25 к.*». Названная книжка и по содержанію, и по изложенію предназначается для грамотныхъ крестьянъ, нуждающихся не столько въ занимательномъ, сколько въ полезномъ чтеніи. Заключая въ себѣ уставъ ссудо-сберегательнаго товарищества съ подробными разъясненіями къ каждому пункту, книжка предлагаетъ нѣсколько практическихъ совѣтовъ для лицъ, желающихъ учредить товарищество. Съ содержаніемъ названной книжки полезно ознакомиться каждому грамотному крестьянину: она зародитъ мысль о полезномъ — конечно, по мнѣнію коммиссіи—учрежденіи, возбудитъ интересъ къ нему и поможетъ устроить его, если явится къ тому желаніе. Написана она точнымъ, общедоступнымъ языкомъ; общія положенія удачно разъясняются примѣрами и ссылками на случаи изъ крестьянской жизни. *А. Мудровъ*. «*Очерки мелкаго народнаго кредита. Вып. I. Сберегательныя кассы. Вып. II. Вспомогательныя кассы. Цѣна I вып. 40 коп., II—80 коп.*». Обѣ книги написаны простымъ, понятнымъ языкомъ, съ большимъ знаніемъ дѣла и съ горячимъ убѣжденіемъ. Въ первомъ выпускѣ доказывается значеніе сбереженій и сберегательныхъ учрежденій; кромѣ того, излагается организація существующихъ сберегательныхъ кассъ у насъ и за границей. Не смотря на то, что нѣкоторыя цыфровыя данныя, которыми пользуется авторъ, относясь къ 1880 году, въ настоящее время уже устарѣли, книжка, въ виду несомнѣннаго достоинства всего прочаго, вполнѣ заслуживаетъ быть внесенной въ число рекомендуемыхъ. Выпускъ II (о вспомогательныхъ кассахъ) начинается съ характеристики распространеннаго у насъ въ разныхъ формахъ ростовщичества и съ очерка мѣръ, принятыхъ для борьбы съ подобнымъ зломъ въ нѣкоторыхъ странахъ за границей. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе разныхъ видовъ вспомогательныхъ кассъ, существовавшихъ во время составленія книги въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Книга заключается проектомъ устава волостной вспомогательной кассы и объяснительными къ нему примѣчаніями. Нѣкоторыя несоотвѣтствія современному положенію дѣлъ, встрѣчающіяся въ книгѣ, не могутъ умалить ея общихъ достоинствъ, и потому она смѣло можетъ быть включена въ число книгъ для народныхъ библіотекъ. «*Что такое подати и для чего ихъ собираютъ. Изд.* «*Русской Мысли*». *Ц. 1 коп.* Эта книжка на 15 страницахъ небольшаго формата даетъ понятіе о главныхъ видахъ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Изложеніе ведется въ формѣ разговора образованнаго человѣка съ крестьяниномъ. Языкъ простой, вполнѣ доступный даже дѣтямъ. Если, кромѣ того, принять во вниманіе чрезвычайную дешевизну книги, то нельзя не пожелать ей широкаго распространенія среди народа.

Въ заключеніе своего доклада, юридическая группа библіотечной коммиссіи останавливается на «*Сельскомъ Календарѣ*» г. Абрамова. На-

ходя это изданіе крайне полезнымъ, она высказываетъ пожеланіе, чтобы оно нашло самое широкое распространеніе въ крестьянской средѣ.

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ принимали участіе гг. Чупровъ, Сахаровъ и князь Шаховской. Всѣ поименованныя выше книги, кромѣ двухъ книгъ Н. Блинова, собраніемъ Комитета постановлено включить въ каталогъ книгъ, предназначенныхъ для безплатной разсылки въ народныя библіотеки. **Н. Т—въ.**

Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 28-го января 1892 г.

1) Переизбраніе ревизіонной коммиссіи. 2) Докладъ В. И. Чернолузскаго: Историческій очеркъ начальнаго народнаго образованія въ Пронскомъ уѣздѣ, Рязанской губ.

Между прочими текущими дѣлами, предсѣдатель сообщилъ собранію о томъ, что «Ученый комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» не нашелъ возможнымъ одобрить для народнаго чтенія и школъ представленныя ему изданія Комитета «Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова» и «Купецъ Калашниковъ» того-же автора. Первое изданіе послѣдней книжки въ свое время получило одобреніе Ученаго комитета.

Затѣмъ предсѣдатель отъ лица совѣта предложилъ на обсужденіе собранія вопросъ о переизбраніи ревизіонной коммиссіи въ виду того обстоятельства, что изъ числа трехъ членовъ ея, избранныхъ въ прошломъ собраніи, одинъ за недосугомъ отказался (г. Смирновъ), а остальные двое, гг. Глаголевъ и Воленсъ, по мнѣнію совѣта комитета, не могутъ входить въ составъ ревизіонной коммиссіи въ виду того, что оба эти лица принимали дѣятельное участіе въ организаціи выставки лубочныхъ картинъ въ качествѣ: первый—предсѣдателя коммиссіи по изысканію денежныхъ средствъ, по иниціативѣ которой и возникла выставка, второй—какъ предсѣдатель распорядительнаго комитета выставки. Прошлою осенью оба эти учрежденія составляли одно цѣлое. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ денежный отчетъ по выставкѣ былъ сообщенъ для свѣдѣнія общему собранію Комитета, но еще до сихъ поръ не обревизованъ и не принятъ отъ этихъ лицъ совѣтомъ, такъ что гг. Глаголеву и Воленсу пришлось-бы ревизовать самихъ себя. По этому поводу возникли въ собраніи бурныя пренія, принявшія, къ сожалѣнію, личный характеръ препирательствъ между гг. Воленсомъ и Глаголевымъ съ одной стороны и предсѣдателемъ и нѣкоторыми членами—съ другой. Не смотря, однако, на протесты г. Воленса, былъ поставленъ на баллотировку общій вопросъ: могутъ-ли участвовать въ ревизіонной коммиссіи члены какихъ-бы то ни было коммиссій и комитетовъ, имѣвшихъ обращеніе съ деньгами? Изъ 43 членовъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи, 26 лицъ подали записки, а остальные отъ подачи воздержались. На всѣхъ поданныхъ запискахъ было: «нѣтъ, не могутъ». Переизбраніе ревизіонной коммиссіи отложено до слѣдующаго засѣданія. Остальная часть засѣданія была посвящена слушанію сообщенія В. И. Чернолузскаго—о школахъ Пронскаго уѣзда.

Въ 1866 г. въ Пронскомъ уѣздѣ было всего 14 школъ съ 440 чел. учащихся и дальнѣйшее развитіе народнаго образованія шло крайне медленно, такъ что въ 1876 г. была всего 21 школа съ 1.260 учащихся при 103-тысячномъ населеніи уѣзда. Предсѣдатель уѣздной земской управы того времени, Н. П. Ржавскій, исходя изъ того положенія, что народъ только тогда можетъ исполнить свое историческое призваніе и проявить свою самодѣятельность, когда будетъ обладать образованіемъ, вошелъ въ земское собраніе съ проектомъ организаціи народнаго образованія въ уѣздѣ. Опредѣляя общее число школъ, необходимыхъ для полнаго удовлетворенія потребности народа въ образованіи, онъ предлагалъ земству, открывая по 5 школъ ежегодно, довести число ихъ въ теченіе 8 лѣтъ до 70. За время очень краткой, къ сожалѣнію, дѣятельности этого выдающагося земскаго работника число школъ въ уѣздѣ доведено было къ 1879 г. до 30. Но наступили другія времена, а на аренѣ земской дѣятельности—другіе нравы и взгляды. Земскому собранію была поставлена на видъ та статья земскаго положенія, на основаніи которой земству предоставлено только право давать средства на народное образованіе. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уѣздный училищный совѣтъ, являющійся хозяиномъ и распорядителемъ этого дѣла, не считалъ даже нужнымъ представлять земству отчеты о своей дѣятельности, или. вѣрнѣе, бездѣятельности, такъ какъ въ 1882 г., когда совѣтъ, наконецъ, вынужденъ былъ обстоятельствами сообщить земскому собранію о положеніи народнаго образованія въ уѣздѣ, оказалось, что со времени смерти Н. П. Ржавскаго, за четыре года таинственной работы училищнаго совѣта, открыта послѣднимъ всего одна школа и положеніе дѣла нар. образованія, по сознанію единомыслящей съ совѣтомъ земской управы, «идетъ крайне неудовлетворительно». Печальное положеніе дѣла было констатировано въ томъ-же году на съѣздѣ народныхъ учителей Пронскаго уѣзда. Дальнѣйшая исторія народнаго образованія въ уѣздѣ есть, въ сущности, исторія борьбы земскихъ партій, и, какъ всегда, конечно, интересы народнаго образованія страдали болѣе всего отъ такого ненормальнаго положенія вещей. Горячіе дебаты о народномъ образованіи, происходившіе въ земскихъ собраніяхъ, не мѣшали существованію такихъ школъ въ уѣздѣ, въ которыхъ на каждаго ученика приходилось 4, 3 и даже $2^1/_2$ куб. аршина воздуха, а въ самомъ лучшемъ случаѣ доходило только до 6 куб. аршинъ. Въ 1887 г. земское собраніе, «сознавъ крайнюю недостаточность существующаго въ уѣздѣ числа школъ», рѣшило открывать школы грамотности, но законъ 4 мая 1891 г. прекратилъ существованіе земскихъ школъ этого типа, обративъ ихъ въ церковно-приходскія. Въ 1888 г., по иниціативѣ существовавшей тогда при земствѣ училищной коммиссіи, были произведены повѣрочныя испытанія бывшихъ учениковъ четырехъ школъ уѣзда. Испытанія эти еще лишній разъ подтвердили тотъ отрадный фактъ, что «рецидивизма безграмотности даже между учениками, проучившимися всего одну зиму, не оказалось». Явленіе тѣмъ болѣе утѣшительное, что положеніе народнаго образованія въ Пронскомъ уѣздѣ надо признать крайне печальнымъ, а избранныя школы были далеко не изъ числа лучшихъ школъ уѣзда. Въ среднемъ выводѣ баллы, полученные окончившими курсъ учениками,

равнялись—въ одной школѣ 3,72, въ другой—3,73, въ третьей—4,08, а неокончившіе бывшіе ученики получили 2,51, 3,42 и 3,71 балла.

По даннымъ послѣдняго учебнаго года, положеніе народнаго образованія въ Пронскомъ у. продолжаетъ пребывать въ томъ-же печальномъ положеніи. Школъ грамотности въ настоящее время въ уѣздѣ 19 съ 241 чел. учащихся. Учителя этого типа школъ въ большинствѣ крестьяне, получающіе за свой трудъ въ среднемъ 34 к. съ ученика въ зиму. По отдѣльнымъ школамъ плата эта колеблется между 20 и 50 к., кромѣ пищи и квартиры учителя. Земскихъ школъ въ уѣздѣ уже не 31, какъ было въ 1882 г., а всего 27 съ 1.891 чел. учащихся, т.-е. школа доступна только 17% дѣтей школьнаго возраста. Окончило курсъ школы 215 чел. или 12,92% всего числа учащихся. Снабженіе училищъ учебными пособіями и книгами почти нищенское, такъ какъ для пріобрѣтенія всего этого полагается на каждую школу въ среднемъ 22 р. 56 к., или 35 к. въ годъ на ученика, за которыя учитель имѣетъ возможность снабдить его слѣдующими учебными пособіями: 15 листовъ писчей бумаги, 3 пера, $2^1/_4$ грифеля и $^2/_5$ карандаша,—и это на цѣлый учебный годъ!

Такимъ образомъ, тотъ уголокъ Пронскаго уѣзда, въ которомъ работаетъ теперь Н. Ф. Ржавская *), является почти единственнымъ оазисомъ среди «мерзости запустѣнія», царящей въ остальной части уѣзда. Впрочемъ, есть еще одинъ пунктъ, который, по положенію народнаго образованія въ немъ, способенъ произвести отрадное впечатлѣніе въ общей печальной картинѣ, представляемой въ этомъ отношеніи Пронскимъ уѣздомъ. Это та небольшая округа, въ границахъ которой работаетъ извѣстная и въ обществѣ, и въ литературѣ Гулынковская школа и богатая народная библіотека, устроенныя на средства бывшаго министра народнаго просвѣщенія, покойнаго А. В. Головнина.

«Является вопросъ, откуда же школѣ и вообще дѣлу народнаго образованія въ Пронскомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ уѣздахъ, можно ждать просвѣта? Школа удовлетворяетъ собою такую важную и настоятельную потребность народа, что никогда не могутъ исчезнуть борцы за ея развитіе и процвѣтаніе. Умерли Н. П. Ржавскій и А. В. Головнинъ, начала работать Н. Ф. Ржавская, хотя вмѣсто сочувствія она встрѣчаетъ среди окружающей ее «интеллигенціи» порицаніе и препятствія. Земская школа, хотя и съ большими помѣхами, все-таки даетъ возможность дѣйствовать и работать лучшимъ нашимъ людямъ; она подвергается, конечно, вліянію общихъ вѣяній времени, но не представляетъ изъ себя стоячаго болота, способнаго неподвижно гнить цѣлыя столѣтія. Необходимо только прежде всего облегчить работу преданныхъ школѣ лицъ и дать имъ возможность вліять на самую организацію дѣла народнаго образованія»...

Къ чести нашего земства и къ счастію народнаго образованія, положеніе послѣдняго въ Пронскомъ уѣздѣ надо считать явленіемъ, не часто встрѣчающимся.

---

*) См. предъидущую хронику общаго собранія Комитета грамотности.

Засѣданіе 11-го февраля 1892 года.

1) Избраніе ревизіонной коммиссіи. 2) Отчетъ казначея коммиссіи по оказанію помощи учащимся въ сельскихъ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. 3) Предложеніе А. М. Калмыковой жертвовать ежегодно въ распоряженіе Комитета народную библіотеку на 50 р. 4) Чтеніе отрывка изъ завѣщанія покойнаго И. И. Маслова, отказавшаго въ пользу народнаго образованія капиталъ. 5) Докладъ А. Ѳ. Селиванова «о чешскихъ школахъ на Волыни». 6) Докладъ А. М. Калмыковой—«Начальное народное образованіе на Пражской выставкѣ 1891 г.».

На основаніи постановленія предшествующаго общаго собранія, было приступлено къ избранію ревизіонной коммиссіи. По большинству голосовъ избранными оказались гг. А. М. Тютрюмовъ, З. Б. Вулихъ и Д. Ѳ. Селивановъ.

И. Ц. Лашкевичъ, казначей коммиссіи по оказанію помощи учащимся въ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, сообщила собранію краткій отчетъ о поступившихъ въ распоряженіе коммиссіи пожертвованіяхъ. Дѣятельность коммиссіи по оказанію помощи учащимся, избранной въ засѣданіи 14-го января, успѣла уже за три недѣли своего существованія дать нѣкоторые результаты, стоящіе въ зависимости не только отъ ея состава, конечно, но и отъ степени того неплатоническаго только сочувствія, съ какимъ отнесется къ цѣлямъ коммиссіи русское общество. Коммиссія, въ составѣ предсѣдателя ея Я. Г. Гуревича, казначея И. Ц. Лашкевичъ, секретаря Л. К. Туганъ-Барановской и членовъ Б. Э. Кетрица, С. Ф. Ольденбурга, А. А. Кауфмана, Н. А. Рубакина, Г. А. Фальборна и В. В. Девеля, начала работать съ 19-го января. Съ этого времени по 10-е февраля общая сумма пожертвованій въ пользу фонда коммиссіи равняется 2.008 р. Сумма эта составилась какъ изъ единовременныхъ пожертвованій, такъ и изъ ежемѣсячныхъ поступленій отъ лицъ, взявшихъ на себя обязательство отчислять въ пользу фонда коммиссіи извѣстный процентъ своихъ ежемѣсячныхъ доходовъ. Въ видахъ обезпеченія существованія организуемыхъ коммиссіей школьныхъ столовыхъ до 1-го августа 1892 г. и боязни ослабленія прилива пожертвованій въ самое голодное весеннее и лѣтнее время, коммиссія рѣшила отчислять изъ всѣхъ единовременныхъ поступленій 25% въ запасный капиталъ, составляющій нынѣ 448 р. 75 к. Остальная сумма пожертвованій вся распредѣлена между 8 столовыми въ губерніяхъ Воронежской (3 столовыхъ), Саратовской (2), Пермской (2) и Симбирской (одна столовая на 100 чел. учащихся).—Существованіе каждой столовой обезпечивается до 1-го августа, въ размѣрѣ около 1 р. въ мѣсяцъ на человѣка. Все число дѣтей, которое кормится на собранныя пока средства, равняется, приблизительно, 450 чел. *). Коммиссія обратила самое серьезное вниманіе на то, чтобы

*) Къ этому мы имѣемъ возможность добавить, что за недѣлю, послѣдовавшую за общимъ собраніемъ Комитета, поступило въ фондъ коммиссіи еще болѣе 1.000 р., изъ которыхъ половина была собрана въ видѣ входной платы на литературно-музыкальное утро, устроенное коммиссіей. Увеличеніе средствъ дало возможность обезпечить существованіе еще двухъ столовыхъ въ губерніяхъ Казанской и Тамбовской.

лица, которымъ она поручаетъ организацію столовыхъ на мѣстахъ, представляли-бы всѣ гарантіи правильности и возможной экономіи въ расходованіи средствъ жертвователей. Со всѣхъ этихъ лицъ берется обязательство представлять ежемѣсячно подробные отчеты ихъ дѣятельности, которые будутъ тѣмъ или инымъ путемъ доводиться до свѣдѣнія общества. Въ виду болѣе чѣмъ скромныхъ средствъ, которыми можетъ располагать коммиссія, она рѣшила направлять свою помощь преимущественно въ самыя гнѣзда нужды и голода, собирая предварительно разными путями справки въ подтвержденіе тѣхъ свѣдѣній, какія могутъ дать коммиссіи лица, обращающіяся за помощію. Въ Шадринскій уѣздъ, Пермской губ., одинъ изъ наиболѣе пострадавшихъ уѣздовъ, коммиссія имѣла возможность послать для устройства столовыхъ своего уполномоченнаго, въ лицѣ члена Комитета грамотности г-жи Самуйленко. Словомъ, коммиссія принимаетъ съ своей стороны всѣ мѣры для обезпеченія себя и общества увѣренностію, что средства, жертвуемыя на помощь голодающимъ, достигнутъ дѣйствительно этой цѣли. Полную гласность своей дѣятельности коммиссія вмѣнила себѣ въ прямую обязанность, сознавая вполнѣ свой долгъ передъ обществомъ отдать отчетъ въ каждой жертвуемой имъ копейкѣ. Надо надѣяться, что тѣ условія, въ которыя поставила свою дѣятельность коммиссія, не дадутъ оскудѣть рукѣ дающей и не поставятъ ее въ необходимость отказывать въ помощи хотя-бы въ самыхъ вопіющихъ случаяхъ *). Затѣмъ предсѣдателемъ было доложено собранію заявленіе А. М. Калмыковой, предлагающей ежегодно въ распоряженіе комитета народную библіотеку стоимостію въ 50 р., съ тѣмъ, чтобы жертвуемая библіотека была посылаема въ село или деревню, гдѣ состоится приговоръ о желательности общественной библіотеки и готовности сельскаго общества поддерживать ее на будущее время на основаніяхъ, указанныхъ въ правилахъ о безплатныхъ народныхъ читальняхъ, утвержденныхъ 15-го мая 1890 г. Книги жертвуемой А. М. Калмыковой библіотеки будутъ представляться ею собранію Комитета грамотности съ тою цѣлію, чтобы члены его могли ознакомиться съ составомъ библіотеки не только по однимъ заглавіямъ библіотеки такого типа. Каталоги составляемыхъ такимъ путемъ библіотекъ будутъ ежегодно заноситься въ особую книгу, которая должна храниться въ библіотекѣ Комитета, такъ какъ ежегодныя измѣненія этого каталога могутъ представлять большой интересъ, указывая, въ какой мѣрѣ и въ чемъ измѣнились за истекшій годъ наши народныя изданія. Предложеніе А. М. Калмыковой было встрѣчено собраніемъ съ полнымъ одобреніемъ, выразившимся горячими апплодисментами по адресу жертвовательницы.

Затѣмъ предсѣдатель предложилъ собранію обратить вниманіе на выдержку изъ духовнаго завѣщанія Ивана Ильича Маслова, помѣщенную въ объявленіи **) душеприкащика покойнаго завѣщателя, С. М. Третьякова (жительствующаго въ Москвѣ, на Пречистенскомъ бульварѣ, въ собственномъ домѣ). Въ одномъ изъ пунктовъ духовнаго завѣщанія тайнаго

---

*) Пожертвованія принимаются всѣми членами коммиссіи, главнымъ-же образомъ ея предсѣдателемъ (Спб., гимназія Гуревича) и казначеемъ И. Ц. Лашкевичъ (Спб., Ивановская ул., д. 17).

**) «Новое Время» 12-го января 1892 года № 5.701.

сов. И. И. Маслова, утвержденнаго къ исполненію московскимъ окружнымъ судомъ 5-го декабря 1891 г., изложено слѣдующее:

«Желая засвидѣтельствовать глубокое сочувствіе великимъ реформамъ, совершеннымъ въ незабвенное и славное царствованіе покойнаго Государя Императора Александра Николаевича, я нахожу наилучшій для сего способъ въ содѣйствіи народному образованію въ землѣ русской, а потому предоставляю на этотъ предметъ имѣющую остаться за всѣми сдѣланными мною назначеніями и издержками на мое погребеніе сумму съ тѣмъ, чтобы она была раздѣлена на равныя части, по десяти тысячъ рублей въ каждой, для *учрежденія* на проценты съ нихъ столькихъ *сельскихъ училищъ*, на сколько достанетъ таковыхъ частей, которыя въ виду этого навсегда должны оставаться неприкосновенными и, кромѣ спеціальнаго ихъ назначенія, ни на что другое употребляемы быть не могутъ; причемъ имѣющія основаться на таковой источникъ сельскія училища должны быть учреждаемы безъ различія народности и вѣроисповѣданія на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, но только въ такихъ мѣстностяхъ, которыя по густотѣ населенія и бѣдности онаго преимущественно нуждаются въ подобныхъ учрежденіяхъ, что и должно будеть зависѣть отъ усмотрѣнія моихъ душеприкащиковъ».

«Объявляя о вышеизложенномъ, покорнѣйше прошу учрежденія и лицъ, могущихъ указать мѣстности, которыя по густотѣ населенія и бѣдности онаго преимущественно нуждаются въ *сельскихъ училищахъ*, прислать о такихъ мѣстностяхъ заявленія на мое имя по вышеизложенному адресу *до 1-го іюля 1892 года* съ указаніемъ губерніи, уѣзда, стана или волости, селеній и по возможности числа жителей или дворовъ въ селеніяхъ, нуждающихся въ училищахъ, и адресы заявителей. По приблизительному исчисленію капитала, долженствующаго поступить на сельскія училища, число таковыхъ можетъ быть опредѣлено отъ сорока до пятидесяти».

Остальная часть засѣданія была посвящена слушанію сообщеній А. Ѳ. Селиванова и А. М. Калмыковой. Докладъ А. Ѳ. Селиванова «о чешскихъ школахъ на Волыни», пользовавшагося, повидимому, для своего сообщенія исключительно казенными донесеніями директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, представляетъ мало интереса. Докладъ А. М. Калмыковой, сообщившей очень много интереснаго изъ вынесенныхъ ею впечатлѣній при посѣщеніи Пражской выставки, появится вскорѣ на страницахъ «Русской Школы». В. Д.

Засѣданіе общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея.

22-го февраля 1892 года.

Предсѣдательствовалъ генералъ-маіоръ А. Н. Макаровъ.

Занятія состояли въ слѣдующемъ:

1) Прочтенъ протоколъ предыдущаго засѣданія. Г. Гольдштейнъ просилъ сдѣлать поправки въ тѣхъ мѣстахъ протокола, гдѣ слово *интересъ* употреблялось въ его докладѣ въ ограниченномъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ

*

искусственно-возбуждаемаго интереса, такъ какъ г. докладчикъ не имѣлъ въ виду требовать, чтобы въ преподаваніи вовсе не было интереса.

2) Г. *Каптеревъ* сообщилъ собранію, что въ «родительскомъ кружкѣ» возникла мысль объ устройствѣ торжества въ память одного изъ величайшихъ педагогическихъ дѣятелей, Яна Амоса Коменскаго, со дня рожденія котораго минетъ 300 лѣтъ въ нынѣшнемъ 1892 году 16-го марта (по нашему стилю). Коммиссія, образовавшаяся въ «родительскомъ кружкѣ», пожелала передать этотъ вопросъ въ общепедагогическій отдѣлъ, предоставляя ему рѣшить, принимаетъ-ли собраніе на себя устройство такого торжества, если оно желательно, или-же признаетъ это излишнимъ.

Г. *предсѣдатель* заявилъ, что уже приняты нѣкоторыя мѣры для устройства торжественнаго собранія въ память Коменскаго: такъ, профессоръ *В. И. Ламанскій*, черезъ посредство г. *Карцева*, выразилъ согласіе сказать рѣчь объ идеалахъ Коменскаго; *С. И. Миропольскій* обѣщалъ г. предсѣдателю прочесть о значеніи Коменскаго для школы; къ г. *Каптереву* рѣшено обратиться съ просьбою обрисовать Коменскаго, какъ воспитателя дѣтей до-школьнаго возраста. Предполагается, что чтенія займутъ часа два; большая аудиторія Соляного городка, вѣроятно, будетъ свободна въ этотъ день; по вопросу о входной платѣ—рѣшено устроить тарелочный сборъ, и сумму, которая соберется съ доброхотныхъ дателей, пожертвовать въ пользу бѣдныхъ учащихся въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

3) Было приступлено къ обсужденію доклада г. Гольдштейна (См. отчетъ въ «Русской Школѣ» за февраль 1892 г.).

Г. *Воленсъ*, отдавая полную справедливость остроумному построенію доклада, признавая вѣрность приводимыхъ въ немъ фактовъ и соглашаясь со всѣми тезисами, кромѣ двухъ, возсталъ противъ выводовъ, сдѣланныхъ г. докладчикомъ. Такъ, въ первомъ тезисѣ говорится, что при домашнемъ воспитаніи и обученіи не слѣдуетъ обращать предметъ во что-бы то ни стало въ предметъ интересный; только послѣ сдѣланной г. докладчикомъ поправки становится понятнымъ, что въ данномъ случаѣ онъ разумѣлъ возбужденіе искусственнаго интереса въ дѣтяхъ. Дѣйствительно, нѣкоторые преподаватели прибѣгаютъ къ такому возбужденію; но вѣдь общее правило состоитъ въ томъ, чтобы ребенокъ *охотно* учился и чтобы преподаваніе было ему по силамъ. Въ періодъ до-школьнаго образованія, по мнѣнію г. Гольдштейна, очень усиленно работаетъ мозгъ ребенка; но вѣдь нельзя-же пожелать, чтобъ онъ не работалъ въ часы, свободные отъ чтенія, письма и счета. Г. докладчикъ считаетъ главнѣйшею причиною школьнаго переутомленія—до-школьное воспитаніе. Конечно, всѣ достоинства и недостатки человѣка можно привести къ до-школьному возрасту; но развѣ позднѣйшее воспитаніе не можетъ ослабить вредъ, причиненный до-школьнымъ періодомъ? Развѣ оно такъ безсильно? Неужели до-школьное воспитаніе и существовать не должно? А между тѣмъ по второму тезису слѣдуетъ начинать *школьное* воспитаніе, приблизительно, съ 3-хъ лѣтъ. Въ нашей старой школѣ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, не замѣчалось переутомленія; тупые ученики и нынче не переутомляются; но слѣдуетъ-ли вернуться къ старой школѣ, къ механическому обученію, и желать дѣ-

тямъ тупости? Неправильность выводовъ г. докладчика г. Воленсъ объясняетъ торопливостью его обобщеній.

Слово было предоставлено г. докладчику; но онъ заявилъ, что намѣренъ сразу отвѣтить на всѣ возраженія, которыя ему будутъ сдѣланы.

Г-жа *Шаффе* объяснила отсутствіе переутомленія въ старой школѣ тѣмъ, что въ ней иначе распредѣлялось время занятій: приходили въ 8 часовъ утра, занимались до 11, а затѣмъ наступалъ перерывъ до 2-хъ часовъ; въ два часа снова собирались въ школу и занимались до пяти; на домъ уроковъ задавалось мало: слѣдовательно, въ прежнее время дѣти успѣвали отдохнуть, чего нельзя сдѣлать теперь, при скученности занятій. По мнѣнію г-жи Шаффе, не всѣ дѣти могутъ рано начинать учебныя занятія: это зависитъ отъ индивидуальности ребенка. Выводъ свой г-жа Шаффе подтвердила автобіографическимъ указаніемъ: ея сестра уже читала на пятомъ году своей жизни, а она сама научилась читать, когда ей минуло 12 лѣтъ.

Г. *Каптеревъ* замѣтилъ, что сдѣланною въ началѣ засѣданія прибавкою къ слову *интересъ* г. докладчикъ устраняетъ многія, но не всѣ недоразумѣнія. Наблюденія референта разнообразны и богаты; замѣчаніе объ искусственномъ возбужденіи интереса очень важно; но дальнѣйшія разсужденія страдаютъ отсутствіемъ связи и фактической вѣрности. Въ томъ выводѣ, что для развитія и поддержки вниманія въ ребенкѣ надо начинать школьное обученіе съ трехлѣтняго возраста, сквозитъ тенденція подчиненія семьи школѣ. Семья не можетъ стать къ школѣ въ рабскія отношенія, не можетъ допустить, чтобы школа начала свое господство съ такого ранняго возраста, не можетъ уступить школѣ цѣлыя пять лѣтъ дѣтской жизни. Идя въ этомъ направленіи, нѣтъ причины останавливаться на трехъ годахъ, и можно придвинуть таблицу умноженія поближе къ колыбели. Г. референтъ говоритъ, что семейныя вліянія очень сложны, что они возбуждаютъ усиленную работу мозга, что отъ нихъ нужно оградить дѣтей школьною работою. Но вѣдь жизненныя вліянія,—религія, языкъ, бытъ, политическія условія,—такъ сильны, что отъ нихъ не защититься такими слабыми средствами, какъ не защититься отъ теченія Невы, противопоставивши ему собственную ладонь. Да и нужно-ли парализовать жизненныя вліянія? Если обстановка городской жизни слишкомъ сложна для дѣтей, то слѣдуетъ заботиться объ упрощеніи этой обстановки, а не о томъ, чтобы раньше начинать школьное обученіе. Между ученикомъ и жизнью съ ранняго дѣтства ставится книга, когда мы и безъ того слишкомъ сильно страдаемъ книжничествомъ и буквоѣдствомъ. Выводъ о необходимости противодѣйствовать жизненнымъ вліяніямъ не связывается въ рефератѣ съ вопросомъ объ искусственномъ интересѣ и весьма недостаточно обусловленъ съ фактической стороны.

Г. *Острогорскій* указалъ на два недоумѣнія, вызванныя въ немъ рефератомъ: 1) г. референтъ заявляетъ, что шестидесятые годы оставили намъ дурное наслѣдство; но вѣдь это наслѣдство ужъ давно растрачено: внесенное шестидесятыми годами хорошее давно исчезло или существуетъ, какъ исключеніе; 2) г. докладчикъ возстаетъ противъ того, что въ семьяхъ дѣлаются физическіе опыты, и видитъ въ этомъ явленіи причину того, что преподаватель въ школѣ уже не въ состояніи будетъ за-

интересовать дѣтей *своими* опытами. Но вѣдь опыты, производимые въ семьѣ, имѣютъ мало общаго съ тѣми, которые производятся въ учебныхъ заведеніяхъ: домашніе опыты совершаются безъ физическихъ приборовъ, безъ тѣхъ условій, которыми обставляются опыты и наблюденія въ школѣ. Вѣдь ребенокъ имѣетъ право интересоваться явленіями природы, и родители, съ своей стороны, то-же имѣютъ право посильно удовлетворять его любознательность. На внѣшней сторонѣ стакана съ холодной водой появились капли воды. Отецъ дастъ маленькое объясненіе, можетъ быть, произведетъ и опытъ надъ образованіемъ изъ пара водяныхъ капелекъ, подышетъ на холодное стекло; но развѣ такой опытъ можетъ уменьшить интересъ класснаго преподаванія и научнаго опыта?

Докторъ *Виреніусъ*. Рефератъ связываетъ домашнее воспитаніе съ переутомленіемъ въ школѣ. Причины переутомленія сложны: это явленіе зависитъ отъ тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго режима учащагося. Г. Гольдштейнъ коснулся только одной умственной стороны, и предлагаемый имъ способъ не въ состояніи устранить переутомленія вообще. Въ обученіи труденъ переходъ отъ нагляднаго къ отвлеченному. Наглядность необходима не только въ дѣтствѣ, но и въ отрочествѣ; у насъ, къ сожалѣнію, наглядность стоитъ на послѣднемъ планѣ: у насъ много книжной науки и мало знакомства съ естественными явленіями. Указаннымъ теоретическимъ и практическимъ условіямъ и требованіямъ противорѣчатъ всѣ выставленные г. докладчикомъ тезисы.

Г. *Хорзеевъ*. Если предлагаемое двухчасовое обученіе раздѣлить даже на восемь пріемовъ, по четверти часа каждый, то и этого будетъ много для трехлѣтняго ребенка. Во всякомъ случаѣ при нынѣшнихъ программахъ нельзя избѣгнуть переутомленія въ школѣ, если учащійся занимается добросовѣстно, стараясь удовлетворить всѣмъ требованіямъ школы. Иногда приходится пожелать, чтобы ребенокъ залѣнился: въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ надорвать свои силы. И, можетъ быть, часто лѣнь объясняется безсознательнымъ чувствомъ самосохраненія учащихся. Если-же мы начнемъ обученіе раньше, чѣмъ его начинаютъ теперь, то еще болѣе переутомимъ и ослабимъ дѣтей.

Г. *предсѣдатель*, замѣтивъ, что причину переутомленія, конечно, нельзя усматривать только въ способѣ и характерѣ домашняго обученія, что на одиннадцатомъ году въ жизни ребенка совершается рѣзкій переходъ отъ одиночнаго къ массовому обученію и воспитанію, вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ еще на одну существенную, по его мнѣнію, причину переутомленія въ младшихъ классахъ: до 60% дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ являются нечистыми въ нравственномъ отношеніи. Упрекать ихъ за это, конечно, нельзя; надобно стараться помочь имъ. Эта испорченность не такъ рѣзко проявляется при семейномъ воспитаніи; но въ массѣ, въ средѣ товарищей, она принимаетъ очень большіе размѣры и сильно вліяетъ на ослабленіе вниманія: голова ребенка занята не тѣмъ, чѣмъ она должна быть занята въ школѣ. Вопросъ этотъ щекотливаго свойства, но онъ долженъ имѣть мѣсто въ серьезномъ обществѣ; врачи и родители могутъ помочь его разрѣшенію.

Г. *Карасевичъ* указалъ на другую щекотливую причину переутомленія учениковъ: очень часто преподаватели сами виноваты. Ученикъ утра-

чиваетъ интересъ къ занятіямъ потому, что самъ преподаватель отбилъ у него охоту: скороговорка учителя и слишкомъ поспѣшное стираніе написаннаго на доскѣ не даютъ возможности ребенку основательно прослѣдить за развитіемъ мысли; въ классѣ онъ не дописалъ, не дослушалъ объясняемаго; дома помощи не находитъ, самъ справиться не можетъ— и интересъ къ занятіямъ утраченъ.

Г. *Гольдштейнъ* замѣтилъ, что всѣ возраженія основываются на неподходящемъ названіи реферата. Собственно, цѣль реферата заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать намекъ только на одинъ изъ моментовъ переутомленія; референтъ не имѣлъ въ виду рѣшать вопросъ о переутомленіи во всемъ его объемѣ.

Докторъ *Дегтяревъ* высказалъ, что между современною школою, съ ея огромными программами, и домашнимъ образованіемъ лежитъ пропасть, трудно переходимая для дѣтей: до десяти лѣтъ ведутъ игры, а потомъ вдругъ бросаютъ въ школу, въ область отвлеченія, не обращая вниманія и на ломку характера, неизбѣжную при такомъ рѣзкомъ переходѣ. Въ видахъ облегченія этого перехода семья и должна повысить свои требованія въ до-школьномъ періодѣ хотя-бы въ умственной области. Школа требуетъ вниманія, вниманія и наблюдательности. При искусственномъ заинтересованіи вниманіе не развивается, а недостатокъ такого развитія можетъ послужить почвой для переутомленія и нервныхъ заболѣваній. Чтобы развить вниманіе, нужно дома, въ до-школьный періодъ, серьезнѣе заниматься съ дѣтьми не на букварѣ, не по книгѣ, а какъ-нибудь иначе. Примѣръ Милля показываетъ, какъ много можно сдѣлать изъ ребенка при серьезныхъ занятіяхъ; конечно, не всѣ дѣти обладаютъ силами Милля; но если мы сбавимъ и 60% съ результатовъ, которыхъ онъ достигъ, все-таки останется много на рѣшеніе нашей семьи.

Г. *Гольдштейнъ* объяснилъ недоразумѣнія, вызванныя его рефератомъ, спѣшностью своей работы и неприготовленностью къ серьезному докладу. Сдѣланныя до сихъ поръ замѣчанія можно свести къ нѣкоторымъ группамъ: 1) всѣ соглашаются съ тѣмъ, что возбужденіе искусственнаго интереса къ предмету вредно. Каждый предметъ представляетъ для изучающаго интересные элементы, и по мѣрѣ изученія предмета интересъ къ нему растетъ: чѣмъ шире кругъ знакомства съ предметомъ, тѣмъ предметъ естественнымъ путемъ становится интереснѣе. При возбужденіи искусственнаго интереса надо имѣть въ виду тотъ психо-физическій законъ, по которому если возбужденіе возрастаетъ въ геометрической, то ощущеніе усиливается только въ ариѳметической професcіи, и, слѣдовательно, для поддержанія интереса придется увеличивать дозы нравственныхъ наркотиковъ, такъ что въ школѣ у преподавателя не хватитъ средствъ для дальнѣйшаго возбужденія интереса къ предмету. 2) По вопросу о времени, съ котораго можно начать обученіе, никто не согласился съ трехлѣтнимъ возрастомъ. Но референтъ не имѣлъ въ виду съ точностью опредѣлять возрастъ; онъ хотѣлъ только сказать, что домашнее обученіе должно начинаться раньше 7—8-лѣтняго возраста. Съ 3-хъ до 8 лѣтъ ребенокъ живетъ среди сложныхъ впечатлѣній; если въ его жизнь путемъ обученія вводятся новыя сложныя впечатлѣнія, то результатомъ является утомленіе; прибавка простыхъ впечатлѣній отчасти противодѣйствуетъ этой

сложности; обученіе письму, чтенію, первымъ двумъ дѣйствіямъ относятся къ области болѣе простыхъ впечатлѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаютъ ребенка въ теченіе двухъ и болѣе часовъ въ день. Если ребенку приказываютъ совершить извѣстныя дѣйствія, то кровь перемѣщается къ извѣстной части мозга и извѣстное время удерживается при ней; при множествѣ и разнообразіи впечатлѣній, этому процессу нельзя придать опредѣленнаго направленія: неразрѣшенные вопросы быстро смѣняютъ другъ друга въ умѣ ребенка. Потому-то родители, чтобы остановить вниманіе, создаютъ искусственный интересъ; въ школѣ, гдѣ этого интереса нѣтъ, въ младшихъ классахъ мы замѣчаемъ, какъ ребенокъ, при рѣшеніи необычной задачи, закрываетъ глаза, третъ себѣ лобъ и т. д., и какъ эти усилія ни къ чему не приводятъ. Въ семьѣ съ самаго ранняго возраста надо пріучать ребенка думатъ надъ неподслащенными вопросами: пусть онъ, когда ему сказано: «думай!», *думаетъ* такъ-же, какъ онъ бросаетъ мячъ при словѣ: «брось!», подымаетъ ногу при словѣ: «подыми!» и т. д.; въ школѣ приходится злоупотреблять этимъ процессомъ принужденія поневолѣ, за отсутствіемъ возбуждающихъ средствъ. Если ребенка пріучать совершать извѣстные процессы по указанію учащаго, то этимъ еще не сдѣлаютъ изъ него книжника, буквоѣда; если вниманіе ребенка будетъ останавливаться по требованію учащаго, то этимъ, можетъ быть, ослабится переутомленіе въ будущемъ. Это маленькое обстоятельство, но и оно имѣетъ значеніе при вопросѣ о переутомленіи.

Г. *предсѣдатель* замѣтилъ, что г. докладчикъ имѣетъ въ виду замѣнить сложныя впечатлѣнія болѣе простыми; но вѣдь ребенокъ не все время занятъ наблюденіемъ сложныхъ явленій, а замѣняя игры двухчасовою работою, мы замѣнимъ легкое гораздо болѣе труднымъ. Если, по наблюденію г. докладчика, ученики, при рѣшеніи необычной задачи, прибѣгали къ внѣшнимъ средствамъ, возбуждающимъ вниманіе, то это могло происходить и оттого, что задача была не по силамъ.

Г. *Гольдштейнъ* отвѣтилъ, что данная задача рѣшалась и прежде дома, но въ наглядной формѣ, а въ школѣ она была предложена въ формѣ отвлеченной. По мнѣнію г. докладчика, ребенокъ постоянно наблюдаетъ, постоянно находится подъ вліяніемъ сложныхъ внѣшнихъ впечатлѣній и старается дать въ нихъ отчетъ самому себѣ; въ бодрственномъ состояніи онъ никогда не отдыхаетъ вполнѣ. Предлагаемыя въ настоящее время дѣтямъ занятія то-же отличаются большою сложностью: чтеніе дѣтскихъ разсказовъ, вносящихъ массу новыхъ впечатлѣній, изученіе иностранныхъ языковъ, требующее удержанія въ памяти различныхъ группъ звуковъ, означающихъ одно и то-же понятіе, самое плетеніе, наконецъ,— развѣ все это просто для ребенка?

Г. *Воленсъ* замѣтилъ, что въ психо-физикѣ еще не рѣшенъ вопросъ о томъ, что полезнѣе: постоянный-ли приливъ и отливъ крови, или ея остановка, и по поводу замѣчанія доктора Дегтярева, что необходимо упражнять задерживательную силу, прибавилъ, что если пріостановка будетъ совершаться по произволу учащаго, то мы иногда рискуемъ образовать урода. Чтеніе, письмо и ариѳметика усваиваются труднѣе жизненныхъ впечатлѣній потому, что послѣднія реальны, конкретны, а первыя отвлеченны. Ссылались на примѣръ Милля, но Милль—англичанинъ, а

въ Англіи улица сильнѣе школы въ воспитательномъ отношеніи. Механическое обученіе, предлагаемое г. докладчикомъ, требуетъ гораздо большихъ усилій со стороны учащагося и рѣдко оказывается производительнымъ.

Г. *Гольденбергъ* спросилъ референта, какъ онъ думаетъ обучать *численію* дѣтей съ трехлѣтняго возраста.

Г. *Гольдштейнъ* оговорился, что онъ, не занимаясь преподаваніемъ ариѳметики, можетъ быть, представляетъ себѣ обученіе счисленію въ неправильномъ видѣ, и выразилъ мнѣніе, что ребенокъ въ счетѣ до десяти будетъ дѣйствовать сознательно, такъ какъ онъ въ состояніи представить себѣ 10 предметовъ, но что дальнѣйшій счетъ явится для него только звуковымъ представленіемъ: вѣдь и мы, взрослые, не представляемъ себѣ мильона.

На замѣчаніе г. *Гольденберга*, что такое обученіе отличается ремесленнымъ характеромъ и не будетъ имѣть воспитательнаго вліянія, г. докладчикъ отвѣтилъ, что онъ имѣетъ въ виду цѣли умственной гимнастики и недоумѣваетъ, почему дѣти не могутъ писать и считать механически, а мы, взрослые, имѣемъ право на это и совершаемъ такія дѣйствія чисто механическимъ путемъ.

Со стороны большинства присутствующихъ послышались замѣчанія, что референтъ смѣшиваетъ вторичную безсознательность, рефлексію, съ безсознательностью вообще.

Г. *Гольденбергъ* прибавилъ, что понятіе о *двухъ*, какъ о *числѣ*, усваивается ребенкомъ не раньше двухлѣтняго возраста, а понятіе о *трехъ*— въ 6—7 лѣтъ отъ роду. Обученіе ариѳметикѣ надо начинать съ развитія этихъ понятій, а не съ механизма. При обученіи ариѳметикѣ, какъ и при обученіи чтенію, надо только направлять самодѣятельность ребенка; интересъ обученія заключается для дѣтей въ плодахъ ихъ труда, какъ-бы малы они ни были.

Докторъ *Дегтяревъ* высказалъ мнѣніе, что теоретически, конечно, нельзя доказать невозможности начинать обученіе съ трехъ лѣтъ отъ роду, а для практическаго доказательства не существуетъ данныхъ; но тѣмъ не менѣе гораздо осторожнѣе будетъ отнести начало систематическихъ занятій къ четырехъ или пятилѣтнему возрасту: трудъ надъ чтеніемъ и счисленіемъ тяжелѣе; жизненныя явленія ребенокъ наблюдаетъ мимоходомъ, и при этомъ у него образуется зрительное, рефлекторное мышленіе; вниманіе предполагаетъ усиліе, усиліе-же, въ свою очередь, предполагаетъ разрушеніе нервнаго вещества, а къ такому усилію еще не готовъ мозгъ трехлѣтняго ребенка. Научаются читать и въ четыре года отъ роду, но ставить это идеаломъ опасно.

Г. *Вулихъ* призналъ цѣннымъ указаніе г. докладчика на то, что семилѣтній возрастъ слишкомъ дальняя грань для начала обученія: въ англійскихъ школахъ обученіе начинается съ 4-хъ лѣтъ; у насъ, сколько помнится, Пироговъ считаетъ возможнымъ начинать обученіе дѣтей среднихъ способностей то-же съ 4-хъ лѣтъ. Понизить семилѣтній срокъ полезно; но надобно имѣть въ виду, что меньшій возрастъ не обусловливаетъ необходимости *механическаго* обученія.

Резюмируя все, высказанное въ настоящемъ засѣданіи, г. предсѣдатель выразилъ это въ такой формулѣ: «большинство раздѣляетъ то мнѣ-

ніе, что въ домашнемъ обученіи существуютъ недостатки, обусловливаемые возбужденіемъ искусственнаго интереса, что въ семьѣ мало развиваютъ вниманіе дѣтей и что дѣти, воспитанныя *при такихъ условіяхъ*, могутъ утомляться въ школѣ». **В. П. Г.**

Общество для содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію.

Подъ такимъ названіемъ, въ Москвѣ, по иниціативѣ профессора И. А. Стебута, образуется новое Общество. По сообщенію «Русскихъ Вѣдомостей» (№ 67), проектъ устава общества въ настоящее время уже составленъ и находится на разсмотрѣніи высшаго правительства. Вновь возникающее Общество задается цѣлью дать возможность лицамъ женскаго пола пріобрѣтать теоретическія и практическія свѣдѣнія по сельскому хозяйству или отдѣльнымъ его отраслямъ. По мнѣнію учредителей Общества, одну изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго положенія нашего сельскаго хозяйства, играющаго первенствующую роль въ нашей народной промышленности, составляетъ недостатокъ въ деревнѣ образованныхъ сельскихъ хозяевъ. Но дать деревнѣ спеціально образованнаго сельскаго хозяина, преданнаго своему дѣлу, можетъ только семья, которая съ малыхъ лѣтъ воспитывала-бы въ дѣтяхъ любовь къ сельскому хозяйству, деревнѣ, народу, труду и т. д. Способная-же воспитать такого сельскаго хозяина семья немыслима безъ матери, преданной сельскому хозяйству, деревенской жизни, мѣстнымъ интересамъ и обладающей спеціальными сельскохозяйственными свѣдѣніями. Образованная женщина, получившая основательныя сельско-хозяйственныя познанія, можетъ быть также помощницей своего мужа или отца въ дѣлѣ веденія хозяйства, можетъ найти занятія на частной службѣ по сельскому хозяйству, вліять на распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній въ качествѣ учительницы и т. п. Такимъ образомъ, по мнѣнію учредителей Общества, сельско-хозяйственное образованіе, дополнивъ общее образованіе, сдѣлаетъ женщину, получившую это послѣднее, болѣе обезпеченной въ отношеніи заработка, освободитъ большіе города отъ большаго числа женщинъ, не находящихъ себѣ здѣсь заработка, и возвратитъ русской деревнѣ ея исконныхъ обитателей, покинувшихъ ее въ значительной части вслѣдъ за образованной женщиной, которая, съ измѣнившимися условіями нашего хозяйства, не находила себѣ тамъ больше дѣла безъ обладанія спеціальными сельско-хозяйственными свѣдѣніями, и, брошенныя своими владѣльцами, частно-владѣльческія хозяйства превратились изъ источниковъ дохода въ источники разоренія для ихъ владѣльцевъ. Для достиженія цѣлей Общества учредители его предполагаютъ: 1) устраивать чтенія для распространенія въ публикѣ правильныхъ понятій о сельскомъ хозяйствѣ и о той роли, которую должна играть въ немъ женщина; 2) открывать для женщинъ какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ сельско-хозяйственнаго знанія или систематическіе курсы сельскаго хозяйства и основныхъ и вспомогательныхъ для него наукъ, съ устройствомъ соотвѣтствующихъ для того практическихъ занятій; 3) устраивать женскія сельско-хозяйственныя учебныя заведенія различнаго типа—по уставамъ, утверждаемымъ подлежащей властью въ каждомъ отдѣль-

номъ случаѣ; 4) содѣйствовать поступленію женщинъ въ благоустроенныя хозяйства для практическаго ознакомленія съ сельскимъ хозяйствомъ или его отраслями; 5) производить испытанія и выдавать выдержавшимъ ихъ лицамъ аттестаты о теоретическомъ и практическомъ знаніи сельскаго хозяйства или отдѣльныхъ его отраслей; 6) доставлять по мѣрѣ возможности женщинамъ, желающимъ изучать сельское хозяйство, матеріальныя къ тому средства; 7) содѣйствовать женщинамъ, получившимъ сельско-хозяйственную подготовку, къ поступленію на мѣста въ хозяйства и для этого устроить посредническое бюро. Членами Общества, по проекту устава, могутъ быть лица обоего пола. Членскій взносъ 5 р. въ годъ. Дѣлами Общества, по проекту, завѣдуютъ: общія собранія членовъ, совѣтъ общества и учебный комитетъ, учреждаемый для ближайшаго наблюденія за ходомъ учебнаго дѣла въ учрежденіяхъ Общества, для разработки проектовъ публичныхъ чтеній и курсовъ, производства испытаній и выдачи аттестатовъ.

Призрѣніе дѣтей-калѣкъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1890 года, предсѣдателемъ василеостровскаго отдѣла Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, М. М. Семеновымъ, былъ возбужденъ вопросъ о необходимости устройства особаго пріюта для дѣтей-калѣкъ и паралитиковъ. Не прошло и полугода, какъ эта мысль осуществилась. 2 декабря 1891 года пріютъ былъ открытъ на 20 безплатныхъ питомцевъ въ возрастѣ отъ 3 до 12 лѣтъ. Насколько устройство пріюта было необходимо и какъ симпатична была идея помощи этимъ, истинно несчастнымъ, обиженнымъ судьбою дѣтямъ—видно изъ того, съ какою готовностью не только петербургское населеніе, но и нѣкоторыя провинціи отозвались на это благое дѣло: лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, пожертвовало капиталъ въ 43.000 рублей, вещевыя и другія денежныя пожертвованія не заставили себя ждать. Для пріюта купленъ, за сравнительно дешевую цѣну, домъ на Петербургской сторонѣ, по Лахтинской улицѣ, № 12, который, разумѣется, тотчасъ-же наполнился питомцами съ чердаковъ и подваловъ нашей столицы. Была выработана программа для этого своеобразнаго пріюта, гдѣ каждый питомецъ требовалъ отдѣльнаго самостоятельнаго леченія и воспитанія.

Сущность программы заключается въ слѣдующемъ: 1) Хорошею гигіеническою обстановкою и питаніемъ укрѣпить силы этихъ, по преимуществу болѣзненныхъ дѣтей, раціональнымъ же леченіемъ стараться исправить физическіе недуги этихъ, еще юныхъ, поддающихся леченію калѣкъ и паралитиковъ и тѣмъ по возможности сдѣлать ихъ способными въ будущемъ къ физическому труду. 2) Воспитать сердце, характеръ ребенка-калѣки, устраняя въ немъ зависть, озлобленіе, которыя неминуемо являются въ несчастномъ при видѣ своихъ здоровыхъ сверстниковъ. 3) Обучать дѣтей въ объемѣ программъ городскихъ училищъ, но непремѣнно съ ручными работами, причемъ, подмѣтивъ выдающуюся способность, стараться развить ее, чтобы въ будущемъ она послужила питомцу для заработка насущнаго хлѣба.

Благодаря беззавѣтной преданности дѣлу коммиссіи, завѣдующей пріютомъ, и лицамъ, изъявившимъ желаніе безвозмездно приносить свой трудъ на пользу несчастныхъ дѣтей (священнослужители, доктора, ортопедистъ, учителя и учительницы), пріютъ въ короткій періодъ своего существованія (1 годъ и 2 мѣсяца) достигъ хорошихъ результатовъ. Изъ 18 бывшихъ въ немъ питомцевъ, 7 получили настолько видимыя исправленія физическихъ недуговъ, что смѣло можно надѣяться на полное ихъ исцѣленіе, а двое изъ нихъ, не владѣвшія ногами въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, свободно и правильно ходятъ безъ помощи костылей и готовятся быть переведенными въ обыкновенные пріюты для здоровыхъ дѣтей. Поступившія въ пріютъ дѣти были сумрачными, забитыми, едва принимали пищу, а теперь такъ-же рѣзвы, веселы и привѣтливы, какъ и здоровые ихъ сверстники.

Зерно, посаженное годъ съ небольшимъ тому назадъ на Петербургской сторонѣ, выростаетъ теперь въ большое дерево: въ Петербургѣ образовалось недавно особое Общество для призрѣнія калѣкъ несовершеннолѣтняго возраста, имѣвшее 19 февраля въ С.-Петербургской городской думѣ свое первое общее собраніе. Это новое общество имѣетъ цѣлью поставить дѣло помощи на широкую ногу. Общество владѣетъ неприкосновеннымъ капиталомъ въ 40.000 рублей, пожертвованныхъ лицомъ, пожелавшимъ быть неизвѣстнымъ, и большимъ домомъ, то-же пожертвованнымъ, на Удѣльной станціи Финляндской желѣзной дороги. Въ этомъ общемъ собраніи членовъ новаго Общества основатель 1-го частнаго пріюта дѣтей-калѣкъ, М. М. Семеновъ, сдѣлалъ предложеніе войти въ тѣсную связь и взаимодѣйствіе существующему пріюту съ вновь открываемымъ на Удѣльной, причемъ первый изъ нихъ служилъ-бы убѣжищемъ для малолѣтнихъ (до 12 лѣтъ), а въ новый переводились-бы изъ него дѣти, достигшія предѣльнаго возраста. Въ новомъ пріютѣ предположенъ возрастъ до 18 лѣтъ. Такимъ образомъ дисциплинированныя, окрѣпшія и подъученныя дѣти поступали-бы во вновь открываемый пріютъ для дальнѣйшаго существованія. Въ новомъ пріютѣ предполагается обучать различнымъ ремесламъ. Для тѣхъ, физическіе недуги которыхъ не удастся исправить до 18-лѣтняго возраста, предполагается устроить современемъ колонію, гдѣ-бы они безъ лишеній могли дожить до конца жизни. Остается пожелать, говоритъ газета («Новое Время», № 5742), изъ которой мы заимствовали вышеприведенныя свѣдѣнія, чтобы предположенія новаго Общества поскорѣе сбылись и чтобы дѣло призрѣнія калѣкъ стало на твердую и раціональную почву.

Пожертвованія отъ служащихъ С.-Петербургскаго учебнаго округа на содержаніе столовыхъ при сельскихъ школахъ въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ.

Въ февральскомъ нумерѣ «Русской Школы» за текущій годъ (стр. 4—6) уже были приведены свѣдѣнія относительно пожертвованій служащихъ въ округѣ, а равно и относительно употребленія собранныхъ такимъ путемъ суммъ. Въ № 2-мъ циркуляра по С.-Петербургскому учебному округу

сообщаются дальнѣйшія по сему предмету свѣдѣнія, изъ которыхъ оказывается слѣдующее:

Въ теченіе января мѣсяца 1892 г. получена отъ директора училищъ Самарской губ. просьба объ оказаніи вспомоществованія школамъ Бузулукскаго и Новоузенскаго уѣздовъ, а попечитель Казанскаго учебнаго округа обратился также съ просьбою о высылкѣ хотя по 100 руб. въ губерніи Симбирскую и Саратовскую.

Для школъ Бузулукскаго уѣзда директоромъ училищъ выдѣлена была часть денегъ, высланныхъ въ началѣ января на содержаніе столовыхъ въ Николаевскомъ уѣздѣ, и устроена столовая въ Съѣзженской школѣ на 70 учащихся: дѣти получаютъ на завтракъ 3/4 фунта хлѣба и на обѣдъ горячіе щи съ говядиною (1/4 ф. на мальчика), а въ постные дни щи и кашу съ масломъ. Такъ какъ, кромѣ Съѣзженской столовой, крайне необходимо было открыть таковыя еще при шести школахъ Бузулукскаго уѣзда съ 300 учащихся, а, съ другой стороны, нежелательно останавливать развитіе столовыхъ въ Николаевскомъ уѣздѣ, то директору народныхъ училищъ Самарской губерніи выслано въ январѣ 400 руб. особо для школъ Бузулукскаго и Новоузенскаго уѣздовъ. Можно надѣяться, что на эту сумму будутъ устроены столовыя на 250 учащихся.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ инспектора народныхъ училищъ Николаевскаго уѣзда, на пожертвованія служащихъ въ С.-Петерб. учебномъ округѣ устроены въ означенномъ уѣздѣ столовыя въ семи училищахъ: Вязовогайскомъ (53 уч.), Левенскомъ (53 уч.), Раевскомъ (34 уч.), Новопавловскомъ (40 уч.), Новотульскомъ мужскомъ (44 уч.) и женскомъ (40) и въ Каменносаржинскомъ (34 уч.). Всего получаютъ пищу 298 учащихся; но уже въ январѣ открыта новая столовая, такъ что число всѣхъ учащихся, которые кормятся въ настоящее время въ Николаевскомъ уѣздѣ на счетъ означенныхъ пожертвованій, простирается до 460.

На прокормленіе этого количества учащихся выслано было въ январѣ директору училищъ Самарской губ. сначала 300, затѣмъ 600 руб. и, наконецъ, инспектору училищъ Николаевскаго уѣзда 1.200 руб. Значительный размѣръ этой послѣдней суммы объясняется тѣмъ, что она назначена на содержаніе столовыхъ въ теченіе февраля и марта; заблаговременная высылка даетъ возможность инспектору закупить хлѣбъ по болѣе выгодной цѣнѣ и озаботиться доставкою его на мѣста до наступленія распутицы.

Въ Казанской губерніи директоръ народныхъ училищъ распредѣлилъ полученные имъ въ декабрѣ прошлаго года 350 руб. такимъ образомъ: на столовую въ Бичуринскомъ училищѣ Чебоксарскаго уѣзда съ 145-ю учащимися выслалъ 250 руб.; въ Тюрлемское училище на выдачу ржаного хлѣба по одному фунту 30 руб.; въ двѣ школы Свіяжскаго уѣзда на тотъ-же предметъ по 25 руб. въ каждую и одному многосемейному учителю (Новосергіевской школы) въ пособіе 20 руб., между тѣмъ учащіе въ Бичуринскомъ училищѣ заявили, что на 145 учащихся необходимо въ мѣсяцъ 351 рубль, полагая на каждаго въ день по 2 фунта хлѣба, мяса на обѣдъ и ужинъ для всѣхъ 1 1/2 пуда, картофеля или крупы на 35 коп.; соли и другихъ приправъ на 5 коп.; сверхъ того, расходъ на дрова, прислугу и освѣщеніе исчислены въ 13 руб. 50 коп. ежемѣсячно. Такимъ

образомъ, въ Казанской губерніи собственно въ столовой кормятся 145 учащихся, не считая получающихъ одинъ хлѣбъ (приблизительно, 80 дѣтей). На содержаніе столовой въ Бичуринской школѣ выслано директору училищъ Казанской губерніи въ началѣ января 350 руб. и въ концѣ мѣсяца также 350 руб., а всего 700 руб.

Изъ сказаннаго видно, что всего въ четырехъ уѣздахъ Казанскаго учебнаго округа получаютъ пищу въ школьныхъ столовыхъ 755 учащихся и на содержаніе ихъ необходимо высылать ежемѣсячно 1.350 руб. Увеличеніе этой суммы пока еще невозможно; но при возрастаніи пожертвованій получатъ удовлетвореніе и другія просьбы о помощи.

Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ наименьшая сумма высылается на одну школу Камышловскаго уѣзда. Въ Каменскомъ заводѣ устроена столовая на 24 дѣвочки, которыя сверхъ того снабжены теплою обувью. Въ январѣ выслано на указанныя надобности 100 рублей.

По свѣдѣніямъ отъ инспектора Шадринскаго уѣзда, прокормленіе каждаго учащагося обходится въ 1 р. 80 к., а учащаго отъ 4 до 5 руб. въ мѣсяцъ. Соображая первое полученіе въ 250 руб., инспекторъ устроилъ столовыя въ училищахъ: Верхъ-Тегенскомъ, Ключевскомъ, Осиновскомъ, Першинскомъ, Тегенскомъ и Галкинскомъ съ 110-ю учащимися и 12-ю учащими (четыре учителя и восемь учительницъ).

Въ виду возможнаго вздорожанія хлѣба въ зимніе и весенніе мѣсяцы, а также для увеличенія числа пользующихся столовыми, съ февраля мѣсяца назначено для Шадринскаго уѣзда 350 руб. вмѣсто прежнихъ 250, и выслано за два мѣсяца впередъ 700 руб.

Инспекторъ народныхъ училищъ Челябинскаго уѣзда, М. М. Даниловъ, доставилъ свѣдѣнія о числѣ нуждающихся учениковъ уѣзда и объ устроенныхъ имъ столовыхъ. Изъ общаго числа 590 нуждающихся, въ этихъ столовыхъ получаютъ пищу 250 учениковъ, изъ которыхъ 40 воспитанниковъ церковно-приходскихъ школъ. Какъ инспекторъ, такъ законоучители и учителя отнеслись сердечно къ дѣлу устройства столовыхъ; въ одной взяла на себя трудъ приготовленія пищи жена законоучителя, въ другой учительница, въ прочихъ—родственницы учащихся, подъ надзоромъ всѣхъ учащихъ. Благодаря этому, ежемѣсячный расходъ на прокормленіе каждаго учащагося не превышаетъ 1 руб. При этомъ русскимъ дается пища безъ мяса, а магометанамъ преимущественно мясо.

Для учащихся 210 (исключая 40 ч. учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ) устроены столовыя въ шести школахъ: Купайской, въ Окуневскихъ мужской и женской, Птиченской, Сухоборской и Таловской (послѣдняя на восточной окраинѣ уѣзда по границѣ Тобольской губерніи). Означенныя столовыя устроены по разсчету на 250 руб. Но уже на декабрь и январь выслано было въ Челябинскій уѣздъ по 300 руб., а на февраль эта сумма увеличена до 350 и выслано за два мѣсяца 700 руб.

Такимъ образомъ, въ трехъ мѣстностяхъ Оренбургскаго учебнаго округа кормятся въ столовыхъ болѣе 450 учащихся и ежемѣсячный расходъ на столовыя опредѣляется въ 800 руб.

Въ обоихъ округахъ въ школьныхъ столовыхъ отъ С.-Петербургскаго учебнаго округа получаютъ пищу 1.200 учащихся.

Къ 1-му января 1892 г. оставалось		4.522 р. 71 к.
Поступило		3.121 » 38 »
Всего съ остаткомъ къ 1-му января 1892 года . . .		7.644 » 09 »
	Отправлено:	
Января 2-го.	Директору нар. училищъ Самарской губ. для школъ дирекціи	300 р. — к.
» 8-го.	Ему же для школъ Николаевскаго уѣзда	600 » — »
» »	Завѣдывающей школою на Каменскомъ заводѣ, Камышловскаго уѣзда	100 » — »
» »	Директору нар. училищъ Казанской губ. для школъ Чебоксарскаго уѣзда . .	350 » — »
» »	Директорамъ нар. училищъ губерній: Пермской (250 р.) и Оренбургской (300 р.) для школъ Шадринскаго и Челябинскаго уѣздовъ	550 » — »
» 23-го.	Директору нар. училищъ Самарской губ. для школъ Бузулукскаго уѣзда . . .	400 » — »
» »	Инспектору нар. училищъ Самарской губ. г. Беневоленскому для школъ, состоящихъ въ его завѣдываніи	1.200 » — »
» »	Инспектору нар. училищъ Оренбургской губ. г. Данилову для школъ Челябинскаго уѣзда	700 » — »
» »	Директору нар. училищъ Казанской губ. для школъ дирекціи	350 » — »
» 24-го.	Директору нар. училищъ Пермской губ. для школъ Шадринскаго уѣзда . . .	700 » — »
Почтовый расходъ		7 » 78 »
	Итого . .	5.257 р. 78 к.
Къ 1-му февраля 1892 года остается		2.386 » 31 »

Пожертвованія, поступившія съ 14-го января по 20-е марта 1892 г. въ коммиссію Спб. Комитета грамотности по оказанію помощи народнымъ школамъ мѣстностей, постигнутыхъ неурожаемъ.

350 р. отъ столичныхъ мировыхъ судей.

240 р. отъ Новозыбковскаго общественнаго собранія.

227 р. собрано по подписному листу въ засѣданіи Комитета грамотности 14-го января.

200 р. отъ А. М. Сибиряковой.

190 р. черезъ С. Ф. Ольденбурга.

150 р. отъ С. П. Максимовича.

По 100 р. отъ г-жи Л. Д. Шварсалонъ, И. В. Рукавишникова, г-жи Х. Д.

Алчевской, В. А. Чацкина, В. Ф. Каменскаго, Е. Н. Водовозовой-Семевской, А. Ѳ. Кони (часть сбора съ лекціи о д-рѣ Гаазѣ).

91 р. собрано въ собраніи Комитета грамотности 10-го марта.

75 р. отъ воспитанниковъ Учительскаго института.

60 р. черезъ С. Ф. Ольденбурга.

По 50 р. отъ кн. А. Д. Тенишевой и черезъ И. Ц. Лашкевичъ.

По 25 р. отъ М. Д. Путиловой, г. Полежаева, Е. Ц. Кавосъ, Е. П. Веселовской, Р. И. Кауфманъ, О. А. Старицкой, А. Н. Тицъ, С. Г. Бередникова, А. Я. Смирновой, М. И. Соколова, г. Разумовскаго.

По 20 р. отъ г. Медвѣдева, Я. Г. Алексѣева, С. и В. Евдокимовыхъ, А. Н. Зака, Б. С. Шершевскаго, г. Дмитріева.

16 р. 5 к. отъ г. Прокофьева, собранные имъ по подписному листу.

15 р. отъ М. А. Эрнъ.

14 р. 28 к. отъ С. Ф. Горянской.

14 р. отъ Ф. А. Броуна.

12 р. 68 к. вынуто изъ кружки.

12 р. отъ М. А. Пряслова.

По 10 р. отъ г-жи Горянской, г. Кузина, г. Небольсина, М. И. Семевскаго, Л. И. Лаврентьева, К. Глазунова, К. Соколова, отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, А. Ф. Петрушевскаго, Д. П. Соколова, Ѳ. Н. фанъ-деръ-Флитъ, А. С. Туганъ-Барановской, Н. П. Иванова, М. Т. Соловьевой.

По 6 р. отъ г-жи Леонтьевой, о. Чельцова и черезъ И. Ц. Лашкевичъ.

По 5 р. отъ Н. О. Богатко, В. Е. Введенскаго, И. И. Белярминова, Л. Браудо, В. А. Барминскаго, г-жи Пушкиной, С. А. Усовой, С. С. Старынкевичъ, Н. Н. Хмѣлева, С. С. Старынкевичъ, Г. Солодцовскаго.

По 4 р. 50 к. отъ NN и А. В. Михайлова.

По 4 р. отъ Н. И. Карѣева, черезъ Г. А. Фальборка и отъ Я. Г. Гуревича.

По 3 р. отъ г-жи Нечаевой, фонъ-Фохта, Левинсонъ-Лессингъ, NN, 3-хъ неизвѣстныхъ лицъ, г. Симонова, В. П. Острогорскаго, В. Д. Сиповскаго, NN, Г. Афанасьева, д-ра Анкиндинова, А. В. Михайлова, М. В. Григорьевой, П. Э. Гронскаго, Н. Ст. Зацимовскаго, М. М. Лыткина, В. Е. де-Моръ, В. А. Латышева, Г. Раппопорта, К. А. Гусаковскаго, г-жи Л., А. В. Васильева.

2 р. 50 к. черезъ г-жу Барановскую.

По 2 р. отъ Г. Милюкова, г-жи Пановой, г-жи Барановской, г-жи Чебышевой-Дмитріевой, г-жи Банкъ.

1 р. 15 к. отъ Г. Гекинга.

По 1 р. отъ Е. П. Богдановой, неизвѣстнаго, А. Я. Острогорскаго, И. Н. Лещина, Е. Е. Панкратьевой, Е. С. Блуменфельдъ, М. И. Девель, г-жи Рубакиной,

3 р. 15 к. мелкихъ пожертвованій.

1.036 р. 31 к. собрано по книжкамъ.

Сверхъ того, получено 553 р. чистой прибыли отъ устроеннаго коммиссіею литературно-музыкальнаго утра.

Ежемѣсячные взносы обязались дѣлать слѣдующія лица:

1. С.-Петербургскіе столичные мировые судьи по 75 р. въ мѣсяцъ, получено за февраль и мартъ 150 р.

2. Е. П. Свѣшникова по 40 р. въ мѣсяцъ, получено за февраль, мартъ, апрѣль, май и іюнь 200 р.

3. М. М. Ледерле по 10 р. въ мѣсяцъ, получено за февраль 10 р.

4. Я. Г. Гуревича по 10 р. въ мѣсяцъ, получено за январь и февраль 20 р.

5. В. Г. Котельниковъ по 10 р. въ мѣсяцъ, получено за январь, февраль и мартъ 30 р.

6. Г-жа Тимофѣева по 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ, получено за январь, февраль, мартъ и 22 р. 50 к.

7. Черезъ г. Кауфмана по 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ, получено за январь и февраль 15 р.

8. Я. Т. Михайловскій по 5 р. въ мѣсяцъ, получено за январь, февраль и мартъ, апрѣль 20 р.

9. Г-жи Соловьева и фонъ-Фохтъ по 5 р. въ мѣсяцъ, получено за февраль 5 р.

10. Н. И. Карѣевъ по 4 р. въ мѣсяцъ, получено за мартъ 4 р.

11. М. И. Свѣшникова по 3 р 50 к. въ мѣсяцъ, получено за январь, февраль и мартъ 10 р. 50 к.

12. М. И. Девель по 3 р. въ мѣсяцъ, получено за январь и февраль 6 р.

13. В. В. Девель по 3 р. въ мѣсяцъ, получено за январь и февраль 6 р.

14. И. Ц. Лашкевичъ по 3 р. въ мѣсяцъ, получено за январь, февраль и мартъ 9 р.

15. Б. Э. Кетрицъ по 3 р. въ мѣсяцъ, получено за февраль и мартъ 6 р.

16. В. Д. Сиповскій по 3 р. въ мѣсяцъ, получено за февраль 3 р.

17. В. А. Девель по 3 р. въ мѣсяцъ, получено за февраль, мартъ и апрѣль 9 р.

18. Г. Бильбасовъ по 3 р. въ мѣсяцъ, получено за январь, февраль и мартъ 9 р.

19. Г-жа Фохтъ по 3 р. въ мѣсяцъ, получено за февраль 3 р.

20. Г-жа Яроцкая по 3 р. въ мѣсяцъ, получено за мартъ 3 р.

Итого добровольные ежемѣсячные взносы составляютъ 256 р. въ мѣсяцъ.

Всего поступило денегъ въ кассу 5.439 р. 50 к.

М. Н. Стоюнина пожертвовала сто экземпляровъ изданнаго ею сборника педагогическихъ сочиненій покойнаго мужа ея, В. Я. Стоюнина.

Н. В. Верещагинъ пожертвовалъ 100 п. муки, бочку капусты и 100 п. картофелю, когда поспѣетъ.

На собранныя коммиссіею деньги ею открытыбезплатныя столовыя при 22-хъ школахъ и оказано пособіе четыремъ школамъ въ различныхъ мѣстностяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая.

Предсѣдатель коммиссіи **Я. Г. Гуревичъ.**
Казначей **И. Ц. Лашкевичъ.**

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

Открыта подписка на 1892 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.		По полугодіямъ.				По четвертямъ года.						
			Январь.		Іюль.		Январь.		Апрѣль.		Іюль.		Окт.
Безъ доставки въ конторѣ	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.
журнала............	12	—	6	—	6	—	3	—	3	—	3	—	3
Съ доставк. въ Спб.....	12	50	6	50	6	—	3	50	3	—	3	—	3
Съ пересылкой въ предѣлахъ имперіи........	13	50	7	—	6	50	3	50	3	50	3	50	3
За границей............	15	—	8	—	7	—	4	—	4	—	4	—	3

Вмѣсто разсрочки годовой цѣны на журналъ подписка по полугодіямъ и по четверт. года принимается безъ повышенія годовой цѣны подписки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: *Въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая ул., д. 9,* и въ отдѣленіяхъ Конторы—въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга**, бывш. Мелье, Невскій пр., 20, и въ книжныхъ магазинахъ **Н. П. Карбасникова**: въ С.-Петербургѣ—Литейная, д. 46; Москва — Моховая, д. Кохъ, Варшава—Новый свѣтъ, д. 67, а также въ книжн. магаз. **И. А. Розова** въ Кіевѣ—Крещатикъ, д. Марръ; въ Одессѣ—Дерибасовская ул.; въ Казани въ книжномъ магазинѣ **А. А. Дубровина**—Гостиный дворъ, № 1.—Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Въ теченіи 1891 года въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» были напечатаны, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

«Въ отъѣздъ», пов. **П. Боборыкина**; «Деревенская идиллія», пов. **К. Баранцевича**; «Передъ потухшимъ камелькомъ», разск. **П. Засодимскаго**; «Крылатое слово», очеркъ, «Не герой», романъ **И. Потапенко**; «Вѣчная загадка», **С. Терпигорева**; «Police verso», **А. Луговаго**; «Въ тихихъ водахъ», **М. Альбова**; «Вѣрный рабъ», пов.. и «Платина», очеркъ **Д. Мамина-Сибиряка**; «Бѣдный Іорикъ», пов. **В. Михѣева**; «Переписка и замѣтки», **Ѳ. М. Достоевскаго**; «Хуторки», поэма **Я. Полонскаго**; «Новыя вѣянія», ром. **Бьернстьерна Бьернсона**, перев. съ норвежск. **М. Лучицкой**; «Гедда Габлеръ», драма **Ибсена**, перев. съ датскаго **П. Ганзена**. СТАТЬИ: «Въ трущобахъ Англіи», проф. **И. Янжула**; «Земледѣліе и физіологія растеній», проф. **К. Тимирязева**; «Что могутъ сдѣлать въ пользу сельскаго хозяйства наши ежемѣсячные журналы», «Нуждается-ли русская женщина въ спеціальн. сельско-хозяйст. образованіи», проф. **И. Стебута**; «Техника переписей населенія», проф. **Ю. Янсона**; «Рембрандтъ, какъ воспитатель», «Москва и ея двѣ выставки» и др. **В. Стасова**; «Царство двухъ монаховъ», истор. очерки **А. Михайлова (Шеллера)**; «Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи», проф. **И. Лучицкаго**; «Школы грамотности и вольные учителя», **А. Пругавина**; «Пушкинъ въ польской новѣйшей литературной критикѣ», **В. Спасовича**; «Нравственная философія гр. Льва Толстого», **А. Волынскаго**; статьи проф. **Иванюкова**, проф. **Скворцова**, проф. **Холодковскаго**, проф. **Анучина**, **Владиміра Соловьева**, ежемѣсячныя «Литературныя замѣтки», **А. Волынскаго**, и «Письма изъ Америки» **Макъ-Гаханъ**.

Издательница **Л. Я. Гуревичъ**. Редакторъ **М. Н. Альбовъ**.